

ПЕСНИ НАРОДОВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

Составитель
И. И. Мещеряков

©

БИБЛИОТЕКА ПОЭТА

ОСНОВАНА М. ГОРЬКИМ

Редакционная коллегия

*Ф. Я. Прийма (главный редактор),
И. В. Абашидзе, Н. П. Бажан, В. Г. Базанов,
А. Н. Болдырев, П. У. Бровка, А. С. Бушмин,
Н. М. Грибачев, А. В. Западов, К. Ш. Кулиев,
М. К. Луконин | , Э. Б. Межелайтис, В. О. Перцов,
В. А. Рождественский, С. А. Рустам, А. А. Сурков,
Н. С. Тихонов, М. Т. Турсун-заде*

*Большая серия
Второе издание*

С О В Е Т С К И Й П И С А Т Е Л Ъ

ПЕСНИ НАРОДОВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

*Вступительная статья,
составление и примечания
К. Кулиева и Н. Джусойты*

*Редакция поэтических переводов
Г. Регистана*

В сборнике представлены в переводе на русский язык лучшие образцы песенного творчества народов Северного Кавказа: абазинские, адыгские (адыгейские, кабардинские, черкесские), балкар-карачаевские, ингушские, калмыцкие, ногойские, осетинские, чеченские песни. В них запечатлены исторические судьбы народов Северного Кавказа, лучшие черты национального характера горцев.

В сборник включены трудовые, героические, любовные, свадебные, шуточные и колыбельные песни. Значительное место занимают в книге песни революционных лет. Многие песни, включенные в сборник, переведены на русский язык впервые.

© Издательство «Советский писатель», 1976 г.

ПЕСНИ НАРОДОВ ГОР И СТЕПЕЙ КАВКАЗА

1

В этой книге объединены песни народов гор и степей Кавказа — песни абазинцев, адыгейцев, балкарцев, ингушей, кабардинцев, калмыков, ногайцев, осетин, черкесов и чеченцев. Эти народы населяют один географический район — горы и степи Северного Кавказа. Жили они в соседстве не одно столетие и, разумеется, так или иначе влияли друг на друга, общались между собой не только в сфере материальной культуры (это было неизбежно), но и в быту, и в области духовного производства.

Особенно тесное духовное общение было, конечно, между народами, близкими по языку: таковы адыги (адыгейцы, кабардинцы и черкесы), вайнахи (ингуши и чеченцы), балкарцы и карачаевцы. Много общего в культуре абазинцев и адыгов, оказавших на абазинцев большое влияние особенно в последние три столетия.

Народы, близкие по языку, не могли не сближаться друг с другом, и прежде всего в области словесного искусства. Здесь все зависело от силы и красоты ими созданного. Все лучшее, идущее навстречу духовным запросам народа, перенималось незамедлительно. И первыми были песни — наиболее подвижный жанр в фольклоре любого народа. Песня крылата, стих, окрыленный мелодией, легко преодолевает любые расстояния. И верно говорится в балкарской пословице: песня складывается в Карачае, а поется в Балкарии. Так было и в Кабарде и Адыгее, в Чечне и Ингушетии.

Разумеется, сложнее обстоит дело с культурным общением народов разных языков, вероисповеданий и художественных традиций. В этом смысле среди перечисленных народов особое место принад-

лежит калмыкам и осетинам. Все остальные народы в прошлом мусульмане, а калмыки — буддисты, осетины — христиане.

Правда, осетины — древние обитатели Кавказа. Более двух тысяч лет оседлой жизни в горах и на предгорной равнине Кавказа давали возможность войти в тесный и постоянный контакт с соседними народами, ставший традиционным. Так было и у других народов, пожалуй за исключением калмыков. Дело в том, что они на свою современную родину перекочевали из Джунгарии лишь в первой половине XVII века и, кочуя в степях нижнего Поволжья и Северного Кавказа, с исконным кавказским миром общались редко, контакты в сфере духовной культуры носили спорадический характер.

Исконно горские народы Северного Кавказа в разное время общались также по-разному. Диалектика исторических взаимоотношений этих соседствующих друг с другом народов такова, что о постоянном дружеском общении в патриархально-феодальном и патриархально-родовом мире, раздираемом внутренними противоречиями, нельзя было и думать. Все обстояло гораздо сложнее. История этих народов знает не только дружественные контакты. Пожалуй, с большим основанием можно говорить об отношениях немирного и даже агрессивного характера. Видимо, иначе и не могло быть в пестром, разноязычном, разобщенном мире. С уверенностью можно сказать, что после монгольского нашествия и вплоть до присоединения к России отношения между народами Северного Кавказа носили преимущественно негативный характер. Исключительно точно и верно об этом сказал Коста Хетагуров в поэме «Кому живется весело»:

Живя в стране неведомой,
Народы разнородные
И речь вели по-своему
На разных языках,
И меж собой исконную
Вели вражду. Как водится,
Пред сильными бессильные
Клонили выю ниц.

Вражда и рознь происходили, конечно, не на почве этнической несовместимости и даже не как результат разобщенности, а прежде всего из-за сословных притязаний социальных верхов. Знать всех народов пыталась силой утвердить свои привилегии, распространить свое влияние и на соседние народы. В среде горской знати культи-

вировались традиции насилия, набегов, наездничества и удализма. Угон чужого скота, насильственный захват чужих территорий, людей и добра, нажитого мучительным трудом, считались проявлением мужества и героизма, в то время как физический труд, простые крестьянские заботы — уход за скотом, возделывание земли, садов — рассматривались как презренное занятие, удел низших сословий. Такой нравственно-психологический климат, определявший жизнь горской знати, способствовал распространению недрязни и укоренению враждебных настроений в разных этнических обществах: всякий акт насилия вызывал месть и ответные враждебные акции, что в конечном счете окончательно подрывало добрососедские отношения и заставляло людей обращаться к силе как к единственному способу защиты в обществе, не знающем государственности.

Разобщенность в феодальном и патриархально-родовом мире, паразитическая жизнь феодальной знати, построенная не только на эксплуатации зависимых крестьян, но и на грабеже соседей, и близких и дальних, и своих и чужих, да еще, пожалуй, узость самого родового нравственного сознания, ограничивающего понятия справедливости и гуманности лишь пределами данной этнической общности или зачастую только пределами своего рода, — вот объективная почва для «исконной вражды».

Кстати, об этом красноречиво говорят сами исторические и героические песни, лишь выборочно представленные в данной книге. Здесь и убийство кабардинского князя, приехавшего в горную Осетию грабить простых крестьян, и набеги ногайцев на Кабарду, и наезды ингушских удальцов за Терек, то есть в Осетию, и т. д.

Из сказанного ясно, что характер взаимоотношений соседних горских народов определялся не их доброй волей, не их субъективными пристрастиями, а историческими условиями их конкретного бытия, системой общественных отношений, наконец, уровнем развития их социального и нравственного сознания. О характере же экономического и исторического бытия горцев Кавказа до их присоединения к российскому государству с гениальной точностью и определенностью сказал Ленин, отметив, что горцы даже в начале пореформенного времени стояли «в стороне от мирового хозяйства и даже в стороне от истории».¹

С вхождением в состав российской империи, с принятием российского правопорядка горцы были вовлечены в активные позитивные отношения не только с метрополией, но и друг с другом. Прежней патриархально-феодальной разобщенности, самоволю и ничем

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 3, с. 594.

не ограниченному произволу горской знати пришел на смену государственный правопорядок. Горцы были втянуты в «мировое хозяйство» и вступили в новую фазу своего исторического развития. Это, естественно, сближало людей, уничтожало былую раздробленность, экономические, бытовые, культурные взаимосвязи становились оживленной и тесней. Появились возможности для более широкого обмена культурными ценностями, духовное творчество народов отныне не могло уже быть изолированным процессом, замкнутым в границах одной этнической общности. Оживленные связи в сфере хозяйства и быта привели к активным контактам и в области духовного творчества.

Устойчивые и интенсивные взаимоотношения во всех сферах жизнедеятельности народов постепенно создали возможность преодолевать даже языковой барьер. Обмен в тех сферах духовной культуры, которые не связаны непосредственно с национальным языком, проходил, конечно, более активно — нетрудно заметить общность, скажем, в области хореографической культуры у всех горских народов. Однако со временем складывались общие черты и в песенном репертуаре различных народов.

Фактов можно назвать множество. Известно, например, что карачаево-балкарские песни о Таукане, об Али перешли в кабардинский песенный репертуар. Осетины, балкарцы и кабардинцы поют одну общую песню — юмористический диалог между девушкой и юношей («Что ты, парень, будешь делать?..»), — национальное происхождение которой ныне невозможно уже установить. Известно также, что замечательная балкарская песня об охотнике Бий-Негере перешла за перевал к соседним осетинам из Дигории и бытует здесь как своя национальная песня. Читатель этой книги заметит, что в числе балкарских и осетинских песен есть одна с общим названием «Песня об Абсаты (Афсати)». И этот факт нетрудно понять, если иметь в виду, что в этногенезе балкарцев известную роль сыграли ассимилированные кипчаками отдельные аланские племена — предки осетин. Старый аланский покровитель нехищных зверей вошел в сонм языческих богов тюркоязычных балкарцев со своей ролью и традиционным культом.

Можно привести немало и других фактов, но все они говорят о том, что когда горцы вошли в состав одного государства, когда их исторические судьбы стали определяться едиными для всех народов обширной империи социально-историческими условиями, то и в их духовной культуре, и в частности в их песенном творчестве, появились общие тенденции, духовный процесс у всех народов обна-

ружил много точек соприкосновения и пересечения, преодолевалась былая изолированность и локальность. Отныне как основа исторического развития горских народов закономерно выступала глубинная всечеловеческая нравственная и психологическая общность, а не различия внутри национального бытия.

Известно, что у всех народов во все времена было гораздо больше общего, нежели различий. Ведь все жили и живут на земле и под небом, все люди — труженики и творцы. Человеческая радость и горе сходны повсюду независимо от различия облика родной земли и языков. Люди повсюду трудятся, борются, терпят поражения и испытывают блаженство победы, радуются и страдают, стареют и умирают одинаково. Одинаковыми в своей основе были не только стадии социально-исторического развития, но и противоречия между бедными и богатыми, угнетенными и угнетателями.

Ныне известно, что даже народы, не знавшие о существовании друг друга, порой рассказывали на разных языках одни и те же сказки, создавали пословицы сходного или поразительно совпадающего содержания. Крестьянин, пахавший свой клочок земли в Чегемском ущелье, верил в те же идеалы добра и справедливости, что и сосед-землепашец из Чечни, что и скотовод-калмык приволжских степей и даже пахарь, живший где-нибудь у Средиземного моря. И прав был, конечно, великий балкарец Кязым Мечиев, который после долгих скитаний по белу свету заключил, что радость и горе повсюду на земле имеют один цвет: горе везде пахнет пеплом, радость — плодами, согретыми солнцем и омытыми дождем. И неудивительно, что горские народы Кавказа, будучи соседями, в течение многих столетий так или иначе влияли друг на друга и в их фольклоре много родственного, сходного и аналогичного, а порой в нем встречаются не только одинаковые мотивы и образы, но даже одни и те же произведения как творческое достояние разных по языку народов.

2

У горцев Кавказа всегда было в большой цене мудрое слово, когда же мудрое слово выходило из уст поэта, оно становилось высшим авторитетом.

«Хорошее слово стоит скакуна» — гласит горская поговорка. Словом в горах не только дорожили, как хлебом и солью, им никогда не злоупотребляли. Кязым Мечиев — ученик народа, последователь его безымянных поэтов — точно выразил отношение горцев к художественному слову, емкому по содержанию, мудрому по сути:

Хорошее слово с отвагою слито,
Блестит, как дамасская сталь;
Для нищих — богатство, для слабых — защита,
Утешит, прогонит печаль.

Хорошее слово — твой разум, и голос,
И солнце твое, и луга,
Души твоей сказка, земли твоей колос,
Огонь твоего очага.

Хорошее слово — твой праздник, и горе,
И горский тяжелый твой хлеб,
И меч, и кольчуга, и воздух нагорий,
Где ты возмужал и окреп.

Хорошее слово с тобою смеется,
С тобою грустит в трудный час,
Мы жизнь покидаем, — оно остается
И служит живым после нас.

Авторитет песни был непререкаем не только для рядового горца, но и для представителей высшей знати. Похвалы поэта, песенной славы добивались и спесивые князья, и простые пахари, пастухи и охотники. Осуждения в песне страшились как горские крестьяне, носители нравственных идеалов народов гор, так и горская знать.

Об этом свидетельствует, например, такой факт. В начале XX века к известному народному певцу Кабарды Бекмурзе Пачеву пришел крестьянин Карашай Тхакуахов и попросил заступничества — князь Мисостов отказался отдать ему ягненка, обещанного ему за многодневный труд на полях князя. Бекмурзе трудно было чем-либо пронять неуступчивого князя, и он решил обратиться к авторитету песни — ведь все начальство было на стороне князя! Он объявил Мисостову: или отдашь этому бедняку украденное тобой, или «сложу песню... и не будет в Кабарде такого уголка, где бы о тебе не сказали словами моей песни: „Мерзавец князь Мисостов, чья совесть подобна собачьей...“»¹ Князю пришлось смириться и отдать Карашаю ягненка.

Всесильную власть авторитета песни в среде горцев впервые отметил еще в начале XIX века А. С. Грибоедов. Наблюдая геройскую

¹ Х а ч и м Т е у н о в, Литература и писатели Кабарды, М., 1958, с. 249.

гибель молодого горского князя, он с горечью и восхищением писал В. К. Кюхельбекеру 27 ноября 1825 года: «храбрый из молодых князей, первый стрелок и наездник и на все готовый, лишь бы кабардинские девушки воспевали его подвиги по аулам».¹

Естественно, что всеобщий авторитет песенного слова вынуждал князей даже в пору своего безраздельного господства подкупать певцов, окружать себя «придворными» поэтами, с тем чтобы в песне восхвалялись княжеские кровавые набеги и насилия, прославлялись их несуществующие достоинства, воинские доблести и геройство. Однако лживый голос продажного певца не мог никого обмануть, народное мнение о сильных мира сего всегда находило свое выражение в словах правдивой песни. Истинно народные певцы преданно служили народным идеалам добра и справедливости, героем их песен оставался простой горец, противостоявший насилию князей и наездников, удальцов и любых других любителей легкой наживы.

Чрезвычайно щепетильный в вопросах чести, горец, независимо от того, князь он или простой табунщик, больше всего дорожил песенным признанием своего мужества. И тщетно пытались представители знати воинскую доблесть объявить качеством, лишь исключительно им присущим. Каждый раз, когда бедным и безоружным пахарям приходилось сталкиваться с княжеским своеволием, они превосходили их мужеством и стойкостью в схватках, хотя и уступали в оружии и организованности. Труд простых людей, их нелегкая судьба, порой трагическая, их повседневные мирные заботы, их тяжкая доля зависимых и угнетенных, их простые человеческие радости и горести оставались не переменным содержанием песенного искусства народных певцов. И в данной книге представлены именно те песни, в которых громко звучит голос самого народа, в которых выражены его чаяния и ожидания, его горести и радости, его вековая трудная судьба труженика и созидателя.

3

Одной из характернейших особенностей народной поэзии гор является незримое присутствие в ней облика родной и прекрасной земли, как это всегда бывает в большой поэзии.

Песня горцев естественно и незаметно вобрала в себя белизну вечных снегов на вершинах гор и простую ограду картофельного поля, суровые скалы, взметнувшиеся к небесам, и обыкновенный плетень у сакли, каменистую дорогу, о которой еще Лермонтов заме-

¹ А. С. Грибоедов, Сочинения, М., 1956, с. 595.

тил — «сквозь туман кремнистый путь блестит», и тихо звенящий родник, мятежные реки ущелий и замершие в знойном мареве деревья, снежные пятна на склоне и засохшую ольху у реки, дождь над пашней и звезды над белыми хребтами, луну над долиной и маленькие дворики в ауле. Все это создает нравственную и эмоциональную атмосферу в песне, участвует в людских судьбах, радостях и горестях, любви и страданиях, редких победах и частых поражениях.

В своих песнях горцы и в час блаженства, и в день беды обращаются к горам и звездам, к камню и дереву, к реке и дороге, ища у них участия, как бы считая их своей опорой и утешением. Влюбленный поет о возлюбленной, глядя на горы и веря, что они понимают и разделяют его чувства. Герой, сраженный пулей или пронзенный кинжалом, в предсмертных муках обнимает камень или прижимает рану к траве и шепчет им последние свои слова, веря, что они запомнят их навеки.

В карачаево-балкарской песне снегопад сопровождает все драматические события, происходящие в этой небольшой трагической миниатюре:

Снег идет, всё снег и снег...
Спит богатый человек,
Спит богач, не спит жена,
Всё глядит: полна ль мошна.
Дочь у зеркала сидит,
Сын поет: он пьян и сыт.

Снег идет, всё снег и снег...
Плачет бедный человек.
Снег идет, в пути занос,
Погибает водонос.
Снег идет, в горах туман,
Спотыкается чабан,
Замерзает дровосек.
Снег идет, всё снег и снег...

В изустной поэзии горцев естественно присутствует их родная земля, которую они пахали, поливали своим потом и кровью, на которой строили свои жилища, тесали камень и дерево, пасли скот; земля, дававшая им хлеб, воду и последний приют. Горцы не только трудились на этой земле, ходили по ней босыми ногами в детстве, отдавали свои силы в пору возмужания и находили в ней последнее пристанище в свой смертный час, но и восхищались ее красотой, и с тоскующей завистью думали о том, что человек смертен, а земля

пребудет вечно, жизнь на земле и красота земли непреходящи. Человеческая жизнь в горах была трагически трудной, но сама по себе жизнь прекрасна, и прекрасен труд на земле. Великолепие природы гор оставалось мерой прекрасного для горца. Горец не мог отделить природу от своей судьбы и назвать ее, подобно Пушкину, «равнодушной», но, как и великий поэт, горец сознавал, что его пребывание в этом прекрасном мире скоротечно, тогда как природа, земля и небеса будут всегда «красою вечною сиять». Скорбно и восхищенно сказано об этом в ингушской песне:

Это синее небо, что, очи воздев,
Над собою мы видим сейчас,
Словно старую бурку, на плечи надев,
Кто до дыр износит из нас?

Эту черную землю, где нам умирать,
Где немало могил и дорог,
Разве кто-нибудь может из смертных стоптать,
Как подошвы своих сапог?

В горах земля, особенно клочки пахотной земли и луга, ставилась выше всяких материальных ценностей. Горец мог продать все, только не землю. Землей он мог поступиться только в тех случаях, когда речь шла о примирении с кровником, землю он мог отдать лишь как плату за пролитую кровь. И это понятно в условиях крайнего малоземелья. Не зря существует у всех горских народов притча о том, как горец, придя на свой клочок земли и скинув бурку с плеч, вдруг потерял его. В недоумении он решил вернуться домой и, подняв бурку, горестно улыбнулся — возделанный клочок земли оказался под буркой.

В горах каждый такой клочок пригодной для пахоты земли приходилось буквально завоевывать каждый год сызнова, очищая его от камней, удобряя навозом, орошая, — по склонам тянулись арыки, похожие на заброшенные арканы. Не менее ценными были луга. Их также очищали от камней, от кустарников и пуще ока берегли от потравы. Долгая зима требовала большого запаса сена, которое приходилось порой косить на такой крутизне, что косари привязывали себя к скальным выступам или деревьям, чтобы не сорваться в бездну. Все это было бы невозможно не только без умения, но и без большого терпения, мужества и любви к жизни. И к такому образу жизни горца готовили с малых лет. Горский мальчик в восемь — десять лет уже бывал работником, помощником родителей.

Это закреплено и в пословице: «Теленок бедняка за вола идет под ярмо».

Жизнь на каждом шагу требовала от жителей гор мужества и трудолюбия, твердости и мудрости. И они высоко ценили эти человеческие качества, упорно прививали их своим детям сызмальства. Горец, если он хотел выжить, должен был быть пахарем и пастухом, каменотесом и воином одновременно. И все же горцы любили и жизнь, и свой край, суровый и прекрасный, ибо на родной земле качали они колыбели своих детей, с ней были неразрывно связаны с рождения до смертного часа. И они умели не только пахать эту землю, но и отдавать за нее жизнь.

Упорство и трудолюбие горцев проявилось не только в скотоводстве и хлебопашестве. Еще более удивительно горское садоводство. Крестьяне на воловьих арбах, на мулах и осликах привозили с равнин саженцы и разбивали сады в теплых впадинах долин и на горных склонах. Дороги пробивались по отвесным скалам. В Черекском ущелье почти сто лет назад была проведена дорога по таким скалам, что и поныне вызывает восхищение мужество и упорство строителей.

Горская земля всегда знала замечательных мастеров камня и дерева. Об их таланте и трудолюбии свидетельствуют сакли, старинные башни и склепы, выдержавшие все бури, снегопады и дожди столетий, разрушительную силу времени. Башни, воздвигнутые далекими предками, стоят незыблемо, свидетельствуя о том, как прекрасны труд и талант, воображение и упорство мастеров и умельцев.

Давно забыты имена творцов этих замечательных сооружений, но созданное силой их фантазии, таланта, умения, трудолюбия осталось с живущими. Это замечательное свойство творящего ума и таланта. Зная, что созданное им переживет его, что плодами его творчества и труда воспользуются другие, мастер отдает созиданию всю свою энергию, волю, жизнь. Открытое, сотворенное им он оставляет тем, кто будет жить после него. И в этом — великодушие, благородство и мудрость мастера, изначальное гуманистическое свойство, присущее человеку вообще.

Жизнь горца, равно как и труженика-степняка, проходила в непрестанном труде. Труд был таким же непременным атрибутом жизни, как дыхание, движение, речь. И труд этот повсюду сопровождала песня. В балкарской пословице говорится: «Быть без песни — бездомным быть». Горцы слагали и пели песни всюду: в поле за плугом, на настбищах, в дороге, в лесу, за дружеским застольем, на свадьбах, в минуты счастья и в час беды. Девушки пели за рукодельем, на общих празднествах, на свадьбах подруг, женщины — у колыбели

детей и на похоронах дорогих им людей; женские плачи, пожалуй, самые трагические песни в горском репертуаре. Ни в одном песенном жанре нет такого напряженного драматизма и такой неотразимой искренности человеческих чувств, как в женской песне-плаче. Словом, песня была вечной спутницей каждого жителя гор и раздольных степей. Непоющий человек здесь был такой же редкостью, как глухонемой.

И удивительно: создания мастеров слова, безымянных поэтов и сказочников оказались долговечнее произведений мастеров дерева и даже камня! Многие произведения горской архитектуры разрушены неумолимым временем, грозной силой стихий и навсегда потеряны для нас, а песни и сказки живут в памяти народа, не потеряв свежести и силы. Слово оказалось прочнее гранита! Видимо, душевная щедрость, прозорливая мудрость создателей народной поэзии, их верность народной жизни, неподкупная их правдивость и высокое профессиональное мастерство сделали песенное искусство столь долговечным. Безвестные поэты незаметно уходили в ту землю, на которой слагали свои правдивые песни, а искусство их пережило творцов и осталось жить с новыми поколениями как нетленное наследство предков.

Мы сказали, что жители гор и степей Кавказа никогда не оставались без песни, труд и песня были неразлучны с ними. И это не противоречит тому обстоятельству, что в данной книге так мало количество собственно трудовых песен. Дело в том, что труд, как и окружающая человека природная среда, входил в песни незримо, он присутствовал в них не самостоятельно, не как отдельный компонент, а как извечное содержание жизни, определяющее ее нравственную и эмоциональную атмосферу. Труд не был ни обязанностью, ни правом. Он был естественной потребностью, он давал возможность самого высокого жизнепроявления и самоутверждения человеческой личности. Объектом песенного искусства были людские взаимоотношения и человеческие переживания — радость и горе, грусть и печаль, обида и возмущение, а также высокие и низкие проявления человеческой души и характера — подвиг и подлость, доброта и жестокость, храбрость и трусость, великодушие и коварство. Труд же, как понятие абстрактное, не подлежал ни воспеванию, ни осмеянию. Объектом осмеяния становились лишь лень и тунеядство, паразитизм и неспособность к труду представителей знати, привилегированных сословий. Воспевали не самый труд, как таковой, — песню слагали в помощь труженику, чтобы она облегчила самый процесс труда. Таковы песни, непосредственно связанные с трудовым процессом, с его ритмом и его характером: песни чесаль-

щиц шерсти и валяльщиц бурок (осетинская «Онай» и балкарская «Инай»), «Песня пахарей», «Песня косарей» и др. Но и в поле, и на покосе, и на пастбищах пели всякие песни — все зависело от настроения и конкретной ситуации, — за исключением разве что обрядовых, требовавших особой обстановки.

Правда, была одна форма труда, которая носила сугубо индивидуальный характер, больше того, требовала исключительного мужества и высокого искусства — это зимняя охота на туров и косуль в горах. Она была своеобразным единоборством с суровой природой гор, связанным с большим риском, поэтому наиболее искусные охотники становились в народном восприятии героями, о них складывали песни. Недаром говорится в осетинской пословице: «Охотник ближе к мертвым, чем к живым, но до кладбища никогда не доходит», то есть погибает в горах и отыскать его бывает невозможно. Неудивительно, что в мифологии некоторых горских народов есть божество охоты, которое пытались задобрить песней, чтобы оно послало удачу.

Словом, труд и облик родной земли в песенном творчестве горцев ощущаются постоянно. Самой верной в горах считалась клятва землей, самым презрительным прозвищем — бездельник и тунеядец. Позднее, когда патриархальная отсталость и изолированность были сломаны наступлением капиталистических отношений, когда горцы стали несравненно более подвижными и нередко приходилось им разлучаться с родной землей, наступило время песен, посвященных родному краю. Великая привязанность человека к родине проверяется в разлуке. Эту истину пришлось познать и горцам на горьком историческом опыте. Тоской по родному краю пронизаны песни мухаджиров — переселенцев в Турцию после поражения горцев Кавказа в войне с российским царизмом. Это видно и по адыгской песне «Гонят нас в Стамбул», и по осетинской песне, в которой трагическим рефреном проходят слова:

О горы, о родимый край, —
Как жить нам без вас?!

Этой же тоской по любимой земле пронизаны все солдатские песни, начиная от песен участников русско-турецкой войны (1877—1878) и кончая песнями солдат японской и первой империалистической войн. В осетинской песне о Татаркане, погибшем на Балканах, умирающий воин скажет: «Солнце взошло и озарило вершину Кариу, Пуля турка мне сердце поразила». И нам понятна тоска сурового воина, в смертный час вспоминающего не мать, не братьев, не отца,

даже не любимую, а вершину родной горы, приравненную по закону песенного параллелизма к пробитому пулей сердцу. Ни одного другого слова о родине в песне нет, но разве этого не достаточно, чтобы почувствовать всю глубину любви простого горца к родной земле?

4

Важнейшей составной частью песенного творчества народов Северного Кавказа являются песни исторические и героические. Собственно, разделить их невозможно: все они по существу, по тональности и эмоциональному содержанию — песни героические. Однако в некоторых из них отражены конкретные исторические события из прошлого создавших их народов, поэтому мы и называем их историческими. В других история проступает в суммарном выражении, в ее основных социальных тенденциях, приурочить их к конкретной исторической ситуации не представляется возможным, хотя и эти песни — свидетельства исторической жизни народа на разных этапах ее развития.

В героико-исторических песнях, не имеющих конкретных исторических примет, воспевалась отвага людей, способных всем пожертвовать, защищая свободу родного края, свою честь и национальное достоинство народа. Здесь и герои, отстаивающие независимость родины, здесь и конфликты, вызванные межродовыми распрями в феодальном и патриархальном мире, и многое иное. Но для всех характерна одна черта: все они учат мужеству и героической защите человеческой и национальной чести. Культ мужества был органически присущ и горской нравственности, и поэтическому искусству народов Северного Кавказа. Больше того, вся веками сложившаяся система воспитания молодого поколения горцев была направлена к созданию героического характера. А в этой системе не последнее место занимала героическая песня, конкретные исторические приметы которой давно уже стерлись, но эмоциональная сила и мужественное воодушевление которой сохранились в первоначальной свежести, столь велико было нравственное воздействие песни на умы и настроения молодых горцев независимо от конкретной ситуации, породившей ее. Такова адыгская песня о Кербече:

Чтобы от недруга край свой сберечь,
Не затевают длинную речь.
Коня вороного седлает Кербеч,
Храбрых джигитов сзывает Кербеч —
Им по руке и кремневка, и меч.

Недруга грудью встречает Кербеч,
Саблей кровавой сверкает Кербеч,
Головы вражьи срубает он с плеч,
В бегство врагов обращает Кербеч.

...Над нами на небе одна луна.
Под нами тропа на земле одна.
На этой тропе есть кровавый след
И мертвые есть, а трусливых нет.

Характерно, что песни о героях и подвигах исполнялись и на простых сходках мужчин аула, и на праздниках, и на свадьбах,— даже здесь не считались они лишними и пелись наряду с застольными, свадебными, шуточными песнями. Это было традицией предков. Горцы считали, что таким образом в молодых людях воспитывается любовь к родной земле и подвигам, формируется героический характер.

Традиция эта сложилась по закону исторической необходимости. Горцам Кавказа в течение многих веков приходилось отстаивать свою землю, родные очаги и жизнь детей, свою независимость от посягательств многих захватчиков. Стрелы и мечи предков современных горских народов Кавказа встречали на поле брани многочисленных любителей грабить и покорять. Горский крестьянин всегда оставался воином, его в любой час мог призвать к бою огонь тревоги, зажженный на вершине горы. Были времена, когда горцам приходилось днем сражаться, а ночью пахать землю, нередко в аулах живых оставалось меньше, чем погибших в бою. Свидетелями той суровой жизни по сию пору остаются, наряду с произведениями фольклора, крепости и башни в горах, так часто встречающиеся в ущельях, а еще памятники-надгробья из гранитных плит у дорог.

Монгольское нашествие, притязания крымских ханов, взаимные набеги разноязычных народов, волею исторических судеб оказавшихся под одними небесами в теснинах гор и на небольшом пространстве предгорных равнин, княжеские дружинные наезды, межродовые и племенные распри даже в пределах одной этнической общности, наконец, сопротивление, оказанное захватнической политике российского самодержавия, — все это формировало именно героический характер, воспитывало мужество и стойкость.

И предки кавказских горцев, как бы перенимая стойкость у гор и скал, не щадя жизни, защищали землю отцов, никому не позволили погасить огонь своего очага и отнять родную речь, убить душу народа — забыть песню о своей прекрасной родине. Этим они были

обязаны собственному мужеству и героизму, культу подвига и человеческого достоинства, которое они гордо хранили тысячелетиями. Недаром Ленин выделил именно эту черту в характере горцев — «гордый горец».

Трус был в горах самым жалким существом, презираемым всеми. От трусов отказывались даже родные матери, самым ужасным проклятием для женщины считалось: «Чтоб ты родила сына труса!» Разумеется, мужество и чувство самоуважения почитались в мире повсюду, но в условиях горского бытия они были совершенно необходимы, как жилье, хлеб и вода. Спору нет, эти человеческие качества и теперь остаются драгоценными, хотя даются они не каждому, так же как талант и красота. Но там, где появляется в них особая необходимость, они становятся ведущими чертами человеческого характера. В горской действительности прошлых столетий в них была именно такая необходимость, и это осознано и в песенном искусстве горцев. Хорошо сказано об этом в ингушской песне-плаче:

Там, где синюю птицу настигнет мрак,
Эта птица уснет и спит.
Где отважному воину встретится враг,
Там падет он иль победит.

Пасть или победить — было девизом горцев, это оставалось нравственной нормой их жизни в течение многих столетий, и не по прихоти, а по суровой необходимости. Этого требовала любовь к родной земле, которой они оставались верны и преданы не только в жизни, но и по смерти своей. Это тоже было традицией — где бы ни наступил смертный час горца, похоронить его должны были на родной земле. И это соблюдалось при малейшей возможности.

Конечно, культ мужества и смелости, прививавшийся жителю гор с младенчества, вовсе не означает, что у горских народов не были в почете доброта и человечность. Эти свойства человеческого характера в горах цепились не меньше, чем в любом другом краю, чем у любого другого из просвещенных народов. Горца с малых лет учили не только быть храбрым и смелым в столкновениях с врагами, но и быть добрым и человечным всюду, где нужна была помощь слабому, снисходительность к побежденному и милосердие к человеку, совершившему невольное преступление. Благородство в отношениях с людьми, даже с врагами, было непременной чертой нравственного кодекса рыцаря гор, делом чести, а не простым велением традиции, а в вопросах чести горец был крайне щепетильным. И в поэзии народов кавказских гор и равнин воспевается только подвиг,

совершенный во имя благородных целей, ради человечности и справедливости. Ведь без доброты и благородства нет и мужества. Между справедливым поступком и проявлением своеволия, пусть даже человеком мужественным, горские крестьяне проводили четкую грань. Они хорошо знали, что жестокость ничего общего не имеет с мужеством. В горской песне нравственно не оправданный поступок, пусть даже героического плана, никогда не получает эстетического одобрения. Здесь прекрасно лишь то, что нравственно.

Говоря о бесстрашии горца, вырабатывавшемся историческими условиями бытия горских народов, надо сказать и о том, что среди этих условий не последнее место занимали межродовые распри, вызывавшие кровную месть и жестокое кровопролитие. Дело в том, что в патриархально-родовой среде человеческая личность ничем, кроме собственного мужества и родовой поруки, не защищена от всякого насилия. Отсюда — кровная месть как форма восстановления справедливости в отношениях между людьми. То, что в условиях даже восемнадцатого века, не говоря уже о девятнадцатом, такая форма самозащиты личности стала тяжким злом в жизненной практике народа, осознавалось и самими горцами. И поддерживали институт кровной мести уже не народное сознание, не разум народа, а его предрассудки, особенно же сословная спесь горской аристократии, считавшей свою кровь несравненно ценнее крови простого крестьянина.

Жестокие расправы, истребление целых родов практиковали именно княжеские и алдарские роды. Простой народ большей частью такие распри разрешал примирением враждующих сторон. Об этом с трагической правдивостью и безысходностью повествует кабардинская песня «Куда понесу тебя?». Род князей Хатахшуковых мстит менее знатному роду за неповиновение и решает истребить весь род по мужской линии. Два мальчика из менее знатного рода воспитываются у простого крестьянина из рода Жансоховых, но Аталык — воспитатель хорошо знает нравы княжеских родов: они узнают, где находятся мальчики, и расправятся с ними, — простая человеческая жалость неведома князьям. И воспитатель заранее оплакивает своих канов — ему куда их отдать, негде спрятать.

Простые же горцы, хотя и не привыкли прощать обиды, но в человеческом характере наряду с мужеством высоко ценили сдержанность и выдержку. «Черкес оружием обвешан» — это верный портрет горца, но самой популярной надписью на кинжале была: «Без нужды не вынимай!» Осетинская же пословица наставляет: «Не торопись обнажить саблю». В горах за оружие брались в крайних случаях, а в присутствии стариков и женщин за оружие вообще не полага-

лось братья — это считалось позорным малодушием. Убийца же считался самым презренным человеком. За неоправданное убийство изгоняли из рода навсегда. Таково было народное отношение к человеческой жизни, — горцы знали ей цену и не шутили с ней. И нет ни одной песни, в которой бы убийство ставилось человеку в заслугу, если не говорить о мести врагам и притеснителям народа.

Героические песни горских народов, конечно же, складывались исключительно о подвигах, совершавшихся в кровавых схватках. Но характерно, что герой песни берется за оружие, лишь защищая свою честь и достоинство. Таков непрменный эстетический и этический закон рождения героической песни. Героической идеализации подлежат только благородные рыцари, а не кровожадные убийцы.

Среди героических и исторических широко представлены песни, посвященные известным и памятным народу событиям, а также песни социального протеста как народных масс, так и героев-одиночек, песни об удалцах-наездниках и об абреках.

В таких исторических песнях, как например калмыцкие «Убуши-хан» и «Французы», речь идет о совершенно конкретных исторических фактах и народном отношении к ним.

Известный в истории калмыцкого народа Убуши-хан увел из приволжских степей часть калмыков (племя торгутов) на их прежнюю родину, в Джунгарию, погубил в пути большую часть спровоцированных им людей. Народ воспринял это событие как трагедию и сложил об Убуши-хане песню осуждения, заклеив ханское своеволие и мелкое честолюбие:

Разве в реках чистая вода
Не годна была для водопоя,
Разве деды, что пришли сюда,
Неразумней были нас с тобою?

Места ль для скотины не нашлось
На кубанских пастбищах безбрежных?

Песня завершается безоговорочным осуждением совершенного ханом преступления:

И когда джигитов в черный час
На погибель верную направил,
Убуши, не думал ты о нас —
Пекся о своей мгновенной славе.

Иное настроение у воинов-калмыков, принимавших героическое участие в боях с армией Наполеона. Они поняли свою миссию как помощь русским братьям в час беды, обрушившейся на их родину:

Ты, ноён, ве́ди нас в смертный бой
Ради наших братьев, братьев русских.

Известная историческая ситуация рисуется во всей конкретности также в песнях о Гамзате, Шамиле, Хаджи-Мурате и других героях времен покорения Кавказа. Борьба против царизма в первой половине XIX века широко отразилась в горских героических песнях, особенно же в фольклоре чеченцев, кабардинцев и ингушей. Иначе и не могло быть — свободолюбивые горцы защищали свою независимость, свою родную землю.

В песенном репертуаре народов Северного Кавказа можно насчитать много иных исторических и героических произведений о конкретных лицах и событиях. Немало их было создано и о героях — участниках внешних войн России. Например, об участниках русско-турецкой войны 1877—1878 годов (осетинские «Песня ходивших на Дунай» и «Песня Татаркана»), о солдатах, участниках русско-японской войны, солдатские песни первой мировой войны и т. д.

Песни собственно исторические безусловно представляют большой интерес и в смысле познавательном, ибо они остаются верным свидетельством о судьбах народа и его национальном самочувствии в периоды исторических потрясений, а также о развитии народного самосознания. Однако ядром горских героических песен все же остаются произведения социального протеста. Протеста, в котором ведущим началом выступает не национальное, а социальное самосознание народа, конфликтную же ситуацию определяют классовые мотивы, подвиги совершаются в противоборстве с привилегированными сословиями, с феодальной знатью и горской патриархальной аристократией, с царским самодержавием и его государственной машиной угнетения и насилия.

В этом отношении показательны адыгские песни об Андемыркане, о Дамалее Широкие Плечи, о Нартуге, карачаево-балкарские песни о Бек-Болате и Гапалау, осетинские песни о Чермене, о Тотрадзе и т. д.

В этих произведениях громко звучит протестующий голос народа, никогда не мирившегося не только с иноземным насилием, но и с притеснениями со стороны «своей» привилегированной верхушки, «своих» князей, алдаров и прочих представителей горской знати.

Андемыркан — сын князя и незнатной женщины (по другой версии — унаутки, то есть холопки). Но он превосходит всех князей и

умом, и мужеством, и благородством, а главное — он заставляет князей следовать законам справедливости, в противном случае им приходится расплачиваться собственной кровью. Он дерзко бросает им вызов от имени простых людей и посрамляет их и в бою, и в других ситуациях, где требуется проявить личное благородство и защитить справедливость. За все это князья ненавидят его и убивают, прибегнув к подлому предательству в полном соответствии с духом эпохи междоусобиц, интриг, коварства и вероломства.

Осетинский герой Чермен — тоже сын знатного и простой крестьянки, так называемой «именной жены», то есть второй жены феодала, взятой из сословия свободных крестьян. Он лишен каких бы то ни было имущественных прав, должен пожизненно прислуживать своим же братьям по отцу, рожденным знатной женщиной. Он — холоп в собственном доме. Перед его необычайной физической силой и исключительным мужеством знать трепещет. Особенно же приводит их в ярость то, что он ищет равноправия не только для себя, но и для всех обездоленных крестьян. Его знатные родичи, разделив пахотные земли, ни одной полоски не дали крестьянам, обделили и Чермена — кавдасарду не полагается иметь собственную землю. Чермен собрал крестьян и вспахал самые лучшие земельные участки. Захват земель феодалов переполнил злобой ожесточившихся родичей, справиться с героем в открытом бою они не имеют ни сил, ни мужества, и, подобно кабардинским пши (князьям), осетинские алдары прибегают к испытанному средству — предательство и вероломство погубили благородного и доверчивого героя.

Дамалей Широкие Плечи возглавил восстание крепостных крестьян, он вожак «чувячного войска». Княжеские дружины Кабарды бессильны против дерущихся за свободу крепостных, хотя те и одеты плохо и вооружены чем попало. Воодушевленные стремлением к свободе, уверенные в возможности одолеть князей и устроить справедливое общество, крестьяне с беззаветной храбростью участвуют в самых отчаянных схватках и побеждают. И вновь князья прибегают к обману, коварству, к обещаниям и вероломству. И когда крестьянская масса успокаивается, доверившись духовным наставникам народа, князья обезглавливают все движение. И все же образ вождя «чувячного войска» навсегда остался в памяти и народа, и княжеского сословия: для одних он стал символом свободы и подвига во имя свободы народа, для других — пугающим призраком грядущего восстания всех обиженных и обездоленных.

Другие песенные герои не получили столь широкой популярности, но и они были носителями тех же социальных и нравственных

идеалов. Адыгский герой Нартуг гордится тем, что хотя он, быть может, за всю свою жизнь ничего путного не сделал, но одна заслуга у него несомненно есть: жестокого князя, притеснителя всех крестьян, он «мечом успокоил». Гордый смельчак из балкарского аула Хулам Бек-Болат решил изгнать из села князя Шакманова, пользовавшегося правом первой ночи и попиравшего человеческое достоинство крестьян. Шакманов, конечно, и не подумал отказаться от своего наследственного права, и Бек-Болат в единоборстве сбросил его со скалы. Герой карачаево-балкарской песни Гапалау, подобно Чермену, вступил в борьбу за права крестьян на землю, но был убит девятью нападшими на него князьями. Имя его осталось в памяти народа и взывало к праведной мести князьям, идущим ради сохранения своих привилегий на любое преступление.

Несколько особняком в этой галерее героев стоит образ старика Атабия, героя карачаево-балкарской песни. Его дочерей князь продал, оставив слепого старца на произвол судьбы. Атабию трудно вынести это, но отомстить в открытом бою он не может: он стар и слеп. Отчаявшись, он идет на самую жестокую расправу: ночью на ощупь он пробрался в спальню княжеских сынков и зарезал их. Здесь индивидуальное мщение, по сути дела, является формой проявления социального протеста.

Среди героических песен, разумеется, было небольшое число и о героях-наездниках, об удальцах, которые совершали набеги, угоняли табуны лошадей, скот и т. п. Старое родовое сознание, которое понятия справедливости и гуманизма распространяло лишь на представителей своего рода, для которого за околицей родового поселения начиналась земля недругов, не считало преступным угон чужого скота. Когда же такие набеги совершались смело и мужественно, то их участники становились героями песен. Однако с развитием национального самосознания, с углублением патриархально-родовых противоречий, обострением сословных конфликтов эти песни потеряли свое былое значение. Истинными героями народной песни остались борцы против сословных привилегий, против феодальных притеснений, против самодержавного насилия. Они были возвеличены в эстетическом сознании народа как носители идеалов свободы, справедливости, добра и мужества в общенациональном масштабе. Патриархально-родовое сознание отошло в прошлое как ограниченное и изжившее себя, уступило место национальным и социальным идеалам новой эпохи.

В песнях о героях, занимающих столь большое место в репертуаре народов Северного Кавказа, народ славил не только своих отважных и благородных сынов, но возвеличил себя, свой творческий

дух. Народы Кавказа, как известно, высоко ценили героическое начало в человеческом характере, высоко чтили храбрость, смелость и отвагу. Конечно, горцы в этом смысле не исключение, — везде, где в этом была необходимость, люди воспитывали в своих сыновьях мужество и отвагу. Но в горах Кавказа — на суровой земле и в суровых исторических условиях — героизм был особо необходим. Собственно, мужество никогда и никому не мешало, не было лишней чертой в характере человека, ведь и простая повседневная жизнь требует от человека немалого мужества, необходимого ему не только в бою. Наша обычная мирная жизнь ведь тоже своеобразный «вечный бой». Поэтому мужество всегда останется благороднейшим и драгоценнейшим свойством человека, как и талант, как способность творить жизнь, создавать самого себя по законам красоты. Мужество раздвигает горизонты человеческих дерзаний, освещает душу человека светом гордого непокорства и оптимизма. Без мужества невозможно самоуважение, без него человек давно стал бы ничтожеством. Видимо, так думали горцы Кавказа, и они были правы.

В состав героических песен по праву входят и так называемые абреческие песни, известные у многих народов как разбойничьи. Все они — песни о горестной судьбе и героической борьбе людей, в одиночку осуществлявших в форме индивидуального террора социальную месть поработенного народа.

Тяжелые условия жизни, невыносимый двойной гнет со стороны местных феодалов и царского самодержавия, заносчивого и продажного чиновничества вынуждали храбрых и свободолюбивых людей вступать в открытую, хотя и безнадежную, борьбу с огромным враждебным миром. Они покидали свои очаги, уходили в горы и леса и посвящали свою жизнь борьбе с врагами. Это были мстители за народные обиды, люди высокой нравственности. Путать их с разбойниками с большой дороги нельзя. Такую репутацию им сознательно создавали царские чиновники, чтобы скомпрометировать их в глазах общественности и оправдать свои репрессивные меры.

Абречество на Кавказе в конце XIX века вообще было развито. Прислужники царизма искали причины разбоя в национальном характере, в нравственной и психологической природе горцев, оправдывая репрессии властей. Коста Хетагуров, защищая горцев от клеветы, утверждал, что причины разбоя — в условиях общественной жизни и материального бытия горцев. Он справедливо считал, что действительным разбоем занимаются в основном представители бывшей знати, «самое ничтожное меньшинство» горцев, «живущее традициями мятежного прошлого». В числе разбойников были, разумеется, и отдельные крестьяне, ибо «безземельные или имеющие ничтожные

земельные наделы горцы, не получая никакого дохода с земли для удовлетворения своих насущных жизненных потребностей... в борьбе за существование легко впадают в преступление».¹

Царская администрация на Кавказе была заинтересована в том, чтобы абречество рассматривалось как разбойничество, но это было совершенно иное явление. Выдающиеся абреки, песенные герои, были заступниками бедного крестьянства, грозой местной знати и царского чиновничества. Поэтому власти вели с ними беспощадную борьбу, тогда как с обычными разбойниками входили в сговор: разбойники делились с ними награбленным добром, чиновники отводили от них справедливую кару.

Самыми знаменитыми абреками в горах Кавказа в свое время были чеченец Зелимхан, балкарец Канамат, осетин Сала Гаглойты. Именно о них народ сложил прекрасные песни, дошедшие и до наших дней.

Весьма интересна в этом смысле судьба Султан-Хамида, известного балкарского абрека из Чегемского ущелья. В 1912 году Киров, узнав о его подвигах, под видом рыбака явился в Чегемское ущелье, нашел способ встретиться с отважным абреком и убедить его в целесообразности иных методов социального протеста. И Султан-Хамид оставил одиночное мщение и вступил на путь подлинно революционной борьбы. В годы гражданской войны на Северном Кавказе он выступил на стороне революционных отрядов, стал одним из близких друзей и соратников Кирова. В 1918 году он погиб у Владикавказа, заслонив собой Кирова от вражеской пули.

Абречество не случайно воспринималось одобрительно народом и получило отзвук в песенном искусстве. Благородные абреки были борцами за свободу, рыцарями гор, и горские народы, в течение веков отстаивавшие свою свободу, а теперь оказавшиеся бессильными против государственной машины российской империи, все свои симпатии отдали непокорным и непокоренным одиночкам-героям. Об этом свидетельствует, в частности, карачаево-балкарская песня о Канамате.

Благородный и храбрый защитник обездоленных Канамат с несколькими товарищами семь лет находился в Черном лесу: «Ночью был волком, днем лаял собакой». Власти долго преследовали его, но он оставался неуловимым, пока не предал его давний знакомый, подкупленный полицией. Он погиб в рукопашной схватке с окружившим его отрядом, но мужественная и трагичная песня о нем жива до сих пор, не потеряла своего поэтического обаяния.

¹ Коста Хетагуров, Собр. соч. в пяти томах, т. 4, М., 1960, с. 159.

Песни об абреках — песни героические, и порой они поднимаются до высот настоящих трагических миниатюр. В них действуют люди с мощными характерами, герои, побеждающие не только страх смерти, но и самое смерть. Они освещены резким трагическим светом, и повествование о них порой достигает шекспировской силы. О драматизме абреческого существования и трагической напряженности переживания в песнях об абреках ярко свидетельствует чеченская «Песня абрека»:

Если б вдруг я
Горе излил,
Если б на луг я
Слезу обронил,
Знаю, печаль моя землю сожгла бы
И на равнине трава не росла бы.

Если бы в песне
Я горе излил,
В реку бы если
Слезу обронил,
То от соленой слезы и от горя
Сразу река превратилась бы в море.

Там, где скитаюсь я,
Нету еды,
Там, где скрываюсь я,
Нету воды.

Такова была судьба народных заступников, тех, кто «на князей свой точил кинжал», как сказано в песне о Канамате; тех, кто в горской среде и в горской песне считался эталоном справедливости и свободолюбия, мужества и бесстрашия в борьбе за свободу. Но не лучшей была и доля тех людей, из чьей среды выходили абреки — поборники справедливости, мстители за народные обиды. Печальные песни о крестьянской доле занимают обширное место в песенном фольклоре горцев Кавказа, равно как и жителей северо-кавказских равнин.

5

В песенном фольклоре народов Северного Кавказа, как и в любом национальном фольклоре, имеются разные по содержанию и идейной направленности произведения. И было бы неверно в любом из них видеть отражение народных дум и чаяний. Многие произведения носили чисто сословный характер, славили наезды и набег

князьков на простых крестьян, воспевали насилие и несправедливости, чинимые сильными мира сего. Ведь и на Кавказе, как и всюду, жили бедные и богатые, угнетенные и угнетатели. И в создании произведений фольклора участвовали и те и другие. Больше того, князья, бии, беки, алдары и прочая феодальная знать имела возможность подкупать певцов, заставлять их слагать о себе песни, прославлять свои «подвиги» и «добродейния». Поэтому можно найти в фольклоре такие песни, сказки и пословицы, которые оправдывают привилегированное положение одних и мучительное существование других, оправдывают гнет и жестокость, господство и рабство. Понять причины существования таких произведений нетрудно: у властителей даже ранга местных князьков, в чьих руках находились всего несколько крестьянских хозяйств, всегда были прихлебатели, а порой и лживые певцы, которым ничего не стоило соврать, — язык от этого не отнимался, а брюхо бывало сыто.

Однако такие произведения, как и все лживое и мертворожденное в искусстве, были недолговечны, большей частью ушли вместе со своим временем. В памяти народа навеки сохранились лишь произведения, рожденные народной жизнью, народным разумом, совестью и талантом. И в них — идеалы народа, его душа, его реальная жизнь, его ненависть к гнету и угнетателям и любовь к труженику и заступнику обездоленных. Это свойственно, как известно, любому истинному искусству, если оно создано в мире, разделенном на угнетенных и притеснителей.

Настоящие народные песни гор и степей похожи на птиц, ясным утром вылетающих в синий простор неба и парящих над белыми вершинами, зелеными долинами и широкими просторами раздольной степи, счастливых своей свободой. Создателями этих песен несомненно были крестьяне, пахари и пастухи, которым не всегда хватало даже ячменного хлеба и кусочка сыра, но совести хватало всегда.

Песни о народной жизни, о судьбе трудящегося человека, о его чаяниях и надеждах, о борьбе за лучшую жизнь, о радости и горе, любви и ненависти составляют золотую сердцевину изустной поэзии народов Северного Кавказа. Труженику и в горах и на равнине, как и повсюду, жилось трудно. Когда он попадал под власть князей и алдаров, ханов, ноёнов, беков и биев, то его всячески грабили и унижали. Кто только из имевших власть и силу не пытался лишить его хлеба и унижить его, кто только не топтал копытами коня скудный посев крестьянина, не отнимал его скот и не сжигал его жилье! Это делали и местные феодалы, и хищные завоеватели, и царские ставленники. Хлеб его бывал не только скудным, но очень часто и горьким. И обо всем этом он слагал свои правдивые песни, простые, как

очажный камень или плетень, чистые и честные, как хлеб его и совесть.

Такой именно и дошла до нас «Батрацкая песня», которую сложил кабардинский пахарь или пастух. Его живой и горестный голос мы слышим из темноты ночи или из-за гор, окутанных туманом:

Мочит травы не роса,
Не ручей течет —
Чем длиннее полоса,
Тем обильней пот.

Ой, хозяйская мошна
Велика.
Ой, ты бедная спина
Батрака!..

Этот живой голос крестьянина-батрака, который донесла до нас песня, разумеется, трудно услышать со страниц ученых трактатов о тяжелом прошлом народов гор и степей. Только в песнях сохраняется живая летопись жизни, сердечных устремлений, радостей и горестей, мечтаний и надежд народа. При этом народная жизнь всюду имеет почти одинаковые или аналогичные проявления. Вот осетинка-труженица вторит кабардинскому батраку в песне женщин, изготавливающих бурку:

Бурка, стоящая, ой, не дешево,
Для плохого или для хорошего?
Эта бурка из руна заветного
Для богатого, а не для бедного.

Может быть, поймет богач, как тяжело нам,
Может быть, зарежет он барашка нам.
А барашка пожалеет, может, нам,
Так по миске каши хоть наложит нам.
Может быть, и каши пожалеет.
Сытый, разве нас он разумеет?

Есть одна поговорка почти у всех горских народов: «Здоровый не разумеет больного, сытый — голодного». И об этом сказано во многих горских песнях. Какая жизнь — такие и песни. Правдивость, верность действительности — вот в чем сила народной поэзии. Этим она и подкупает, в этом секрет ее долговечности.

О страшной мести доведенного до отчаяния слепого крестьянина Атабия мы уже говорили, но вот строки песни о бедственном его положении, вынудившем его к крайней форме мести:

Жарят-варят и ждут именитых господ.
Что ни день, что ни ночь — пир горою идет.
Пьют-гуляют богатые гости,
Атабию бросают лишь кости.
Стар бедняк Атабий — кости не разгрызет.

Именно оскорбления и унижения довели старика до крайнего озлобления и мести. Ничего другого ему не оставалось: или смириться, потерять честь и достоинство, или страшной местью отплатить своему мучителю.

Народные песни о крестьянской доле с обнаженной правдивостью повествуют о подлинной жизни, полной противоречий, трагедий, бед и горя трудящихся людей. Вот другое свидетельство о бедах горского крестьянства, которого одинаково жадно обирали и «свои» богатеи и царские власти. В кабардино-черкесской песне «Жалоба крестьянина» бедняк горько сетует:

Сеем кукурузу мы,
Да не мы едим.
Ни тюрьмы, ни сумы
Мы не избежим.

Горькие и правдивые слова этой песни подобны камням, которыми бедняку хотелось бы забросать своих грабителей.

Однако ограбленные крестьяне не только жаловались на свою судьбу. Ненависть как к местным феодалам и «сельским паукам» (так называл Коста Хетагуров представителей кавказской местной буржуазии — кулаков, землевладельцев), так и к царским сатрапам занимала не меньшее место в его эмоциональном мире, чем горькие жалобы на судьбу. В только что цитированной песне говорится:

Бедному да слабому
Нет нигде пути.
Ходит писарь с грамотой,
Говорит: «Плати!»
Загалдят начальники
Громче индюков, —
За долги вчерашние
Заберут быков...

... Неужели, господа,
Не сожжет заря
Все законы черные
Белого царя!

Судьба бедного крестьянина одинакова везде: и в Осетии, и в Кабарде, и в Балкарии, и в Ингушетии, и в Калмыкии. Отовсюду слышится голос одинокого и неприкаянного человека, бедного и забитого, всеми гонимого. Одиночество и неустроенность пронизывают все горские песни-жалобы на судьбу.

Из далекой Сибири слышится жалоба ингуша, закованного в кандалы («Песня каторжника»). И это понятно: репрессии царских властей на Кавказе с особой яростью обрушивались на ингушей. Коста Хетагуров в одной статье указывал, что для царских опричников чуть ли не каждый ингуш — «кандидат на виселицу».

В чеченских песнях-жалобах та же тоска одиноких и неустроенных людей. То, что они на воле, не меняет сути социального самочувствия. В одном случае песня сравнивает судьбу простых людей с судьбой заблудившихся оленей:

Сколько оленей блуждает, отбившись от ланей,
Не опуская своих горделивых голов,
Сколько их ищет на склонах скупых пропитанья,
Сколько с тревогой глядит из-за скал и стволов.

... Здесь, на земле, где не сбудутся наши желанья,
Разве, джигиты, мы с вами томимся одни? ..

В другом случае неприкаянность человека отождествляется с одиночеством волка, завывающего «на склоне далеком тоскливо»:

Странники мы, мы на этого волка похожи.
Голодны ль, сыты ли, воем по-волчьи мы тоже.

В калмыцких жалобах появляется и другой мотив: человек в поисках своей доли отрывается от родных и любимого края, и нет ему возвращения, жизнь его проходит в тяжком труде, на чужбине, без людского участия, в безысходном одиночестве. Вот калмык-рыбак, работающий по найму, тянет сеть и с глубокой печалью вспоминает о родной матери, любимой девушке и, наконец, о всей своей жизни, которая уходит, словно кровь из открытой раны, капля по капле, день за днем:

Кожу трет веревка, кожу рвет.
Кровь течет, на солнце запекается.
Я гляжу, как кровь моя течет,
И вся жизнь моя мне вспоминается.

И та же мысль в «Песне, пропетой матери» — ушел молодой человек на заработки, искать лучшей доли, но даже на возвращенье домой у него не стало надежды:

На Манги, где камыши стеной,
Малого козленка кличет мать.
Возвратиться думал я весной,
Но теперь до матушки родной
Мне уж никогда не доскакать.

В ногойском «Плаче о бедняке» это чувство одиночества и беспомощности выражено еще более обнаженно: бедняк отвергнут даже близкими родичами — даже на его похороны никто не приходит:

Нету добра, что можно забрать,
Нету скота, чтоб отогнать.
Нет ни сестры, ни брата, ни свата
У человека, что жил небогато.

Остались сироты, осталась вдова,
Вот я и плачу, живая едва...

Бедность и горе — наше проклятье.
Если ты беден — где сестры, где братья?
Нету при мне человека родного,
Чтоб услышал мое горькое слово.

В крестьянских песнях-жалобах на судьбу есть один цикл, который резко выделяется своей трагической интонацией. Это песни о горькой доле женщины. Как ни трудна была жизнь в крестьянской среде (доля батрака, безземельного пахаря, пастуха, гонимого всеми труженика), женская доля была самой невыносимой. В системе патриархально-родовых и феодальных отношений, адатов старины на долю женщины выпадало самое тяжкое бремя, самой бесправной личностью в этой системе отношений была женщина.

Дело не в том, что у народов Северного Кавказа было какое-то особо неблагоприятное отношение к женщине или обычаи старины ставили ее в какое-то неоправданно унижительное положение. Дело обстояло гораздо сложнее. В обычаях старины было много та-

кого, что и поныне вызывает уважение. Известно, что у горских народов считалось позором бить женщину. Девушка в отцовской семье была самой опекаемой и вольной личностью, вся тяжесть полевых работ ложилась на плечи мужчин. Женщине, особенно пожилой, выказывали всяческое уважение: входит женщина в дом, и все мужчины обязательно встают; если мужчина идет рядом с женщиной, то обязательно ей уступает место старшего, то есть идет с левой стороны; когда решаются серьезные дела (женитьба сына, замужество дочери, примирение кровников и т. д.), то мнение женщины учитывается обязательно. Не только брань и сквернословие, но даже двусмысленного слова сказать при женщине никто не мог себе позволить, иначе он подвергал себя всеобщему осуждению. И больше того, оскорбление женщины (матери, сестры, жены) даже словом никогда и никому не прощалось, тогда как юноша-горец, получив от старшего пощечину, обязан был вынести это молча, предоставив старшим в роду разобраться в причинах вражды. До какой бы ярости ни дошли дерущиеся мужчины или кровники, стоило появиться женщине и бросить свою шаль между ними, как они молча вкладывали кинжалы в ножны и расходились. По обычаю горцев женщине не полагалось заниматься тяжелым физическим трудом. Косить сено, пахать землю, пасти скот, валить деревья в лесу и возить дрова на арбах — было делом мужчин, хотя и женщинам хватало забот в крестьянском хозяйстве.

Надо к этому добавить, что мать оставалась самым близким и самым уважаемым человеком для сына, даже когда он становился сдобородым мужчиной. Мать с ее опытом и мудростью была первой советницей сына до конца своих дней. Одна весьма показательная деталь: в осетинских героических песнях погибающий герой в свой смертный час обращается только к матери, но не к отцу, не к брату и не к любимой или сестре. Мать и в песнях выступает как высший авторитет в нравственном сознании горцев.

И все же в обычаях горских народов, в системе прав и обязанностей мужчины и женщины, освященных традицией, был один пункт, который унижал человеческое достоинство женщины, ставил ее в зависимое положение от воли мужчины — отца, брата, мужа. Это право отца и брата выдать замуж дочь, сестру по своему выбору. Собственно, вся судьба дочери, сестры решалась по усмотрению отца, брата. Сердечное влечение, личный выбор женщины ничего не решали в ее судьбе. Разумеется, желание дочери, сестры отвергали не всегда, речь идет о принципе, о праве, которым обычай наделил мужчину, отдав на его субъективное усмотрение решающий шаг в судьбе женщины. Это делало женщину бесправной и во многих

случаях несчастной. Порой суровая воля обычая ставила ее в трагическое положение. Именно об этом говорят песни-жалобы на свою судьбу женщин всех без исключения народов Северного Кавказа. Дело было, конечно, не в злой воле мужчин, отцов и братьев, все зло заключалось в том, что на добрую волю отца и брата оказывало сильное давление их материальное положение — ведь жених платил за невесту калым. И во многих случаях размер калыма оказывался решающим моментом в выборе отца и брата, индивидуальные достоинства жениха, взаимоотношения жениха и невесты ничего порой не значили. Правда, у некоторых народов решающим фактором оказывалось приданое, но это не меняло сути дела: судьба женщины оставалась одинаково трагической.

Между кабардинкой Адюих и ее возлюбленным встали сословные предрассудки. Молодые люди решили перешагнуть их, но случайное несчастье обернулось трагедией. Девушке, бежавшей с любимым, нет приюта даже на кладбище рода — она проклята родными. Великая любовь породила великую трагедию, равную трагедии Ромео и Джульетты.

Осетинку Софию родной брат-офицер проиграл в карты — мусульманку выдали за ненавистного и совершенно незнакомого христианина. В великой скорби она сложила о своей несчастной судьбе песню-плач. По горским обычаям, для сестры нет ближе человека, чем единоутробный брат, любовь сестры считается ни с чем не сравнимой. Это закреплено в пословице: сердце сестры обращено к брату, а сердце брата — к лесу. Но как ни велика любовь сестры к брату, она, София, проклиная его.

В карачаево-балкарской песне о Белой Батай ее бедный возлюбленный ропщет:

Твой отец неумолим.
За тебя дают калым.
А добро, кому оно некстати?
Взял отец сто пять голов:
Сто баранов, пять ослов,
Да еще возьмет шестого — зятем.

В ингушской «Песне насильно выданной замуж» вновь судьбу девушки решает злая воля братьев:

Что же вы, братья, меня погубили,
Мужу постылому бросив бесчестно,
Чтобы ночами мне плакать в бессилье,
Чтобы завидовать мертвым невестам?

В ногойской песне «Увяла я, несчастная» девушка, насильно выданная за старика, прокликает своих родичей, сватов, муллу, освятившего брак авторитетом Корана:

Решили: выходить мне надо
За старика, что мне постыл.
Пусть сгинет всё большое стадо,
Что за меня он заплатил.
Цвела я, роза красная,
Увяла я, несчастная.

Ту же жалобу слышим в калмыцкой песне девушки, все так же насильно выданной замуж:

Чистокровного коня
На базаре продают.
Замуж, бедную, меня
За чужого отдают.

Конь с подрезанным хвостом
Своему седлу под стать.
Как решились мать с отцом
Старику меня отдать?

В чеченской «Девичьей песне» тот же мотив разлуки любящей с любимым:

Для меня ты хорош, но отец мой проклятый
На меня не глядит:
Мол, для нашей семьи ты жених небогатый,
Мой отец говорит.

И наконец, горький плач абазинки Минат, дочери Кянджа Кыны, ставшей жертвой произвола богатых Лоовых. Бесправную женщину похищают запросто — ведь то, что продается (а калым превращал заключение брака в простую куплю-продажу), то вполне можно и похитить, насилие родственников заменялось здесь насильем жениха, а суть дела оставалась та же. Только к несправедливости обычая добавился антигуманизм сословных привилегий — ведь бедняк Кына не может отомстить своим обидчикам. Потому Минат прокликает:

Этих Лоовых черных
Пусть настигнет беда...

Пусть аллах уничтожит
Их на все времена —

То, что сделать не может
Мой родитель Кына.

В этом хоре трагических голосов ясно слышен вековечный протест женщины против несправедливости обычая, ставшего общепринятым законом у народов Северного Кавказа в дореволюционное время. Поэзия и в данном случае выступает в своей гуманистической роли — против бесправия и угнетения, за свободу и равноправие, против произвола. Там, где никто не смел переступить обычай, поэзия обличала несправедливость и вместе с обиженными и покоренными силой людьми плакала навзрыд. Изменить обычай песня не могла, но она не мирилась с его неправотой и антигуманизмом, обличала его, обращаясь к совести и разуму потомков.

Песни-жалобы на судьбу, песни-плачи говорят о невыносимо тяжелой доле народа на протяжении веков. Собственно, и героические песни повествуют о том же, только их герои не жалуются, а насмерть бьются за свои права. И все же самой характерной, глубокой чертой песен народов Северного Кавказа является оптимистическое восприятие жизни их творцом — народом.

Великий поэт народ, изливая в песнях свою боль и горе, свои беды, нужду и неприятие угнетения, оплакивая павших на поле боя и умерших от невыносимых страданий, никогда в безнадежности не опускает рук. Его печаль не переходит в пессимистическое отрицание самой жизни. Он никогда не считает жизнь ненужной и бессмысленной. Тяжко и беспросветно существование на обозримом в течение одной человеческой жизни временном пространстве, но человек призван жить и делать свое дело — пахать землю, пасти скот, возводить себе жилье, растить детей, защищать от врагов свой очаг и землю, на которой родился и вырос, которую унаследовал от отцов и дедов; жить, как бы трудно ни приходилось; жить, побеждая и горе и нужду, вопреки всем несчастьям и невзгодам. Таков, по мнению народа — величайшего поэта всех времен, — долг человека на земле. Трудиться и жить — вот основа философии крестьян гор и степей Северного Кавказа, сложивших песни, представленные в этой книге. Вся их жизнь, сердечные порывы и мудрые размышления были связаны с землей и небом, с горами и степью, с травой и колосьями, с камнем и деревом, с дождем и снегом, с солнечным и лунным светом, с водой бурных и медлительных рек, с огнем, горевшим в очагах, — словом, со всем, что было им дорого. А им были дороги не только колосья на земле, но и звезды над горами в голубых небесах. Эти люди были всеми корнями крепко связаны с землей, и песни их похожи на своих творцов.

Оптимизм народного восприятия действительности особенно ярко и зримо сказался в песнях юмористических и сатирических, в шутке. Юмором пронизаны также многие бытовые и обрядовые песни. На долю людей во все времена выпадало немало горя и бед, тягот и невзгод. Но народ думал, что обязанность человека все это выносить стойко и мужественно. И чем мужественнее и достойнее преодолевает человек выпавшие на его долю невзгоды, тем больше заслуживает он высокого звания человека. И опорой человеку в этом единоборстве с суровыми обстоятельствами жизни служили не только те произведения фольклора, в которых прямо воспевается мужество и героизм, но и песни шуточные и бытовые — замечательное явление народного гуманистического творчества, народной художественной фантазии и воображения.

Горские народы, равно как и степные, высоко ценили юмор, смех, добродушную шутку. Это было спасением от тягостного уныния, становилось ничем не заменимой поддержкой в тяжкий час, избавляло от горестного состояния души. В горских аулах с особой любовью относились к шуткам, прибауткам, веселой игре словом, отсюда бережное отношение к балагурам, остроловам и забавникам. Не зря любили повторять здесь восточное присловье: один шутник, едущий по улице на осле, для человеческого здоровья нужнее сотен врачей. Юмором, шуткой, веселым словом и песней, рожденной в душе мастера, народ врачевал свои раны, поддерживал свое духовное здоровье. Эту свою миссию песни юмористические, бытовые и шуточные выполняют и по сию пору.

6

Большое место в песенном репертуаре народов Северного Кавказа занимают, как и у всех других народов, песни любви. Пели их, да, пожалуй, и создавали преимущественно молодые горцы и горняки. Но слушать их любили и любят даже старухи и старики. И это вполне понятно: нет, видимо, людей, которые бы не любили или не любят. Можно сказать, что если не мир вообще, то, во всяком случае, поэтический мир держится на любви, подобно тому как, по повериям горцев, земля держится на рогах волов.

Великим чувством любви согрета вся мировая поэзия. Это относится и к простым народным песням, и к шедеврам Шекспира и Пушкина. Любовью жив очаг поэзии всех народов — и великих, и малых. Песнями о любви прославлены многие мировые поэты, в ряду которых можно назвать и итальянца Петрарку, и армянина Саят-Нову, и иранца Хафиза. Любовью рождены такие бессмертные творения,

как библейская «Песнь песней», «Тристан и Изольда», «Лейли и Меджнун», «Витязь в тигровой шкуре» и многие другие.

Чувство любви — это тот неиссякаемый родник, к которому припадают все талантливые поэты. И в этом заслуга женщины, ее красоты, ее ума и сердца, ее высокого человеческого достоинства. Любовь к женщине вдохновляла и скромного горского ашуга, и прославленного европейца Гёте. Этому чувству покорны все человеческие сердца. И если женщину притесняли и унижали, а такого позора не избежал ни один народ и ни одна эпоха в прошлом, то в этом нет вины поэтов. Напротив, поэты своей песней любви к женщине как бы искупали вину человечества перед ней. Они так воспели женщину, что ей могут позавидовать и звезды. И в этом мировом хоре певцов любви и женщины звучит и прекрасный голос безымянных поэтов народов гор и степей Кавказа. Они сложили о любви и женщине полные жизни и света песни.

Песни любви всех народов, представленных в этой книге, отмечены исключительной искренностью, возвышенностью, простотой и глубиной чувства. Они покоряют безудержным наплывом эмоций и в то же время безыскусственностью и целомудренностью поэтического высказывания. В этом смысле им может позавидовать любой большой лирический поэт. В благородстве и простоте чувства и обаятельного языка им трудно найти равных даже в большой поэзии.

Песни эти в подавляющем большинстве построены на простых сюжетных ситуациях, как и в обычной любовной лирике. И если что и осложняет эти коллизии, так это специфические условия исторического бытия народов северо-кавказского региона. Особый драматизм содержанию этих песен придают, во-первых, сословные предрассудки, порой встававшие неодолимой преградой на пути влюбленных, а во-вторых, имущественные, вещные отношения — калым или приданое, освященные традицией и разрушающие тот гармоничный мир, который стремятся возвести любящие. Иногда такой враждебной чувству любви силой становятся родовые распри. И все это вкуче создает в любовной лирике горских народов атмосферу напряженного драматизма и придает этому самому светлому человеческому чувству оттенок трагической обреченности.

И все же во многих песнях есть и юмористические нотки, и готовность преодолеть любые преграды на пути к любимой или любимому. Поразительно, что наиболее мужественной и решительной в сложной ситуации оказывается героиня песни, а не герой. Женщина смело идет навстречу своему чувству и счастью, готова бросить и семью и дом, обречь себя на проклятье родных, только бы реализовать свою заветную мечту — быть с любимым.

Песни любви, представленные в этой книге, в большинстве случаев — песни неразделенной и безнадежной любви. Поэтому в них много печали и горечи, но само чувство в них проявляется с такой полнотой и жизненной силой, так благородно и просто, что песни не производят на слушателя угнетающего впечатления, а, напротив, вызывают у него ощущение такой силы и мужества, такой красоты и духовного здоровья, что невольно верится в конечное гармоничное разрешение самых драматичных коллизий.

А самое главное впечатление от песен любви народов Северного Кавказа — рыцарски благородное отношение к женщине, к ее красоте и сердечным порывам. В песенном творчестве горцев женщина воспета сильно и красочно, с редкостной эмоциональной мощью, исключительно образно. Любовь в этих песнях предстает перед нами во всей полноте и сложности — с болью и радостью, тоской и ожиданием, с горечью несбывшихся мечтаний и упоением разделенной любви. Читая эти песни, невольно проникаешься чувством благодарности к творцам их — безымянным поэтам горских народов, восхищенно внимая их высокому искусству.

Рано или поздно, с любимым или постылым мужем, женщины гор и степей Кавказа становились матерями. Быть может, они забывали к тому времени те горячие и чистые слова любви, пахнувшие цветами и плодами, которые им говорили любимые и любившие их юноши, а может быть, помнили их всю жизнь, но наступало время растить детей, выводить их в люди, как орлят в чистое и грозное небо, и горянка-мать пела над колыбелью такие же нежные и незамысловатые песни, полные радости и надежд, какие поют все матери на свете.

Колыбельные песни столь нежны и сердечны, что кажется, словно горские матери всю нерастрченную силу души вложили в них. Эти колыбельные пелись с невыразимой любовью и тревогой за ребенка. В них ощущается не только любовь и тревога матери, но и ее чуткое сердце, чувствующее и созревание колоса, и шуршание дождя в ветвях чинары перед рассветом, когда она вставала и, босая, мягкими шагами шла к колыбели дать грудь проснувшемуся ребенку.

В колыбельных песнях — человечнейшая сущность жизни, которая не поддается объяснению и толкованию. Ее покоряющая сила неотразима, в ней — материнское сердце, которое вместило всю радость и все горе мира, всю нежность и все тревоги на земле. Такая слитность нежности и тревоги в колыбельной песне, видимо, объясняется тем, что мать качала колыбель, тихо напевая, и в тот час, когда ее муж, отец ребенка, мирно спал глубоким сном пахаря, и в ту ночь, когда он уже лежал в той земле, которую пахал, а она глотала

слезы, но нельзя было выплакать свое горе — смущать праведный сон ребенка.

Ребенок вырастал, становился мальчишкой, подпаском, пастухом, юношей, и с младенческих дней до отроческого возраста его сопровождала поэзия, объяснявшая ему мир простого крестьянского бытия. Детские песенки до сих пор остаются любимым чтением в школе и любимыми песнями детворы горских народов. Созданные в давние времена, они сопровождают все поколения горских детей. Они и забавны и поучительны, порой смешны, но всегда поэтичны. Гуманистический смысл их преподносится в такой непринужденной поэтической форме, что он естественно становится формирующим началом нравственного мира ребенка. Но детские песни и взрослому человеку доставляют большое наслаждение своей поэтической сутью и артистизмом формы.

7

Песни, собранные в этой книге, были созданы в подавляющем большинстве в дореволюционное время. В советские годы народно-песенная традиция не оборвалась, но и дальнейшего развития не получила. Дело в том, что народы Северного Кавказа до революции были большей частью бесписьменными. Вся их художественно-творческая энергия проявлялась в фольклорных произведениях — сказках, песнях, пословицах, преданиях и т. д. В советское время народы получили письменность, были созданы газеты, книжные издательства. Выдающиеся народные таланты получили возможность стать профессиональными художниками. Таковы, к примеру, Бекмурза Пачев, Цуг Теучеж и др.

Все это способствовало тому, что создание новых песен стало делом профессиональных поэтов и музыкантов. Правда, в первые десятилетия традиция была еще сильна и народные певцы создали немало отличных песен о героях гражданской войны, о Ленине и его соратниках, руководивших борьбой за установление советской власти на Северном Кавказе, особенно о Кирове и Орджоникидзе. Но в дальнейшем профессиональная литература и музыка постепенно вытесняют интерес к созданию новых народных песен. Ныне лишь изредка создаются песни в традициях старой героической и любовной лирики. Так, был создан целый ряд современных лирических песен и песен о героях Великой Отечественной войны.

Однако старая народная песня и ныне живет полнокровной жизнью. Народ по-прежнему любит и поет свои песни. Все жанры народной лирики остаются в живом эстетическом обиходе народа. И обрядовые, и охотничьи, и трудовые, и героические, не говоря уже

о любовных и детских песнях, вызывают самый живой интерес у слушателя. Их поют ныне, может быть, даже больше, чем в старину. Они широко популяризируются кружками художественной самодеятельности, ансамблями песен и плясок, по радио и телевидению, на театре. Самое лучшее в песенном и музыкальном фольклоре народов Северного Кавказа ныне приобрело национальное звучание. В эпоху феодально-патриархальной замкнутости многие жемчужины народно-песенного фольклора оставались произведениями местного значения — их пели в одном ущелье, в одном районе и т. д. Ныне все музыкально-песенное наследство прошлого бережно и систематически собирается и пропагандируется, поэтому можно говорить о новой жизни народной песни прошлых эпох. Творческие же традиции народной песни используют и продолжают на высоком профессиональном уровне композиторы и поэты, выросшие в советское время.

Народные песни советского периода по образному строю, пожалуй, мало чем отличаются от старой героической, любовной и бытовой песни. Единственная отличительная черта, которая заметна и на первый взгляд, — это новое восприятие действительности, чувство уверенности в победе справедливости, упоение героическим действием во имя свободы, победная, мажорная атмосфера, пришедшая на смену трагически-горестной интонации старой героической песни. Художественная же ее структура в принципе не претерпела никаких изменений. Это и понятно, для этого не было времени — песни создавались по горячим следам событий гражданской войны или же вскоре после победы и окончательного установления советской власти на Северном Кавказе. Старая песенная традиция тогда вполне справлялась с новыми идейно-эстетическими функциями, но позднее уступила их произведениям, созданным на более высокой ступени музыкального развития народа.

8

О художественных особенностях песен, представленных в этой книге, сложно говорить по многим обстоятельствам. Во-первых, песни эти многообразны по жанру (обрядовые, трудовые, охотничьи, героические, любовные, шуточные, бытовые, колыбельные, детские), а у каждого жанра свои структурные особенности. Во-вторых, песни резко разнятся по «возрасту» — одни из них восходят к старинным языческим обрядам, другие можно приурочить к более поздним историческим эпохам (нашествие монголов, захватнические притязания крымских ханов), третьи относятся к периоду усиления феодальных отношений, четвертые — к периоду завоевания Кавказа царизмом, пятые — к началу XX века. На протяжении такого длительного вре-

мени менялись не только историческое самочувствие народа, не только его нравственные и эстетические представления, изменилась и поэтика самих песен: традиция была устойчива, но все же не мертва. В-третьих, песни созданы на разных языках, на разных метрических и ритмических основах. Давать им единую общую характеристику не представляется возможным. Анализ образной и ритмико-интонационной структуры песен даже в пределах пяти основных языковых систем требует владения всеми этими языками или же наличия солидной научной литературы по песенному фольклору этих народов. Ни тем ни другим, к сожалению, мы не располагаем. Наконец, песни в данной книге читателю представлены не в своей исконной форме, а в индивидуальной поэтической версии переводчика. Говорить о тех формообразующих элементах, которые не сохранены в переводе и не видны читателю, вряд ли есть необходимость.

Тем не менее, читая эти песни даже в переводах, испытываешь такое чувство, словно прикоснулся ладонью к ячменному колосу, который взрастил далекий предок, или к благородной стали кинжала старинной работы. И вновь и вновь сердце переполняется благодарностью к тем безымянным, но великим поэтам нашей древней земли, которые слагали эти бессмертные шедевры искусства слова, идя за деревянной сохой или за стадом, проезжая верхом ночью через тесное ущелье, откуда едва виден синий клочок неба с крупными звездами, а может быть, созерцая в немом восхищении красоту женщины.

Со времен создания некоторых из этих песен прошли столетия, окутанные туманами и освещенные грозами, но неугасимый свет души великих народных певцов дошел до наших дней. Эти песни, чьей художественной силой, первозданной красотой и простым совершенством мы вправе гордиться, еще раз убеждают нас в щедрости народной души, в безграничных возможностях творческого духа народа. И какое же это чудо — произведение искусства, созданное мастером на века!

Как бы ни был ограничен по своему объему настоящий сборник, мы несказанно рады тому, что перед вошедшими в него песнями открывается дорога в большой поэтический мир, ибо они зазвучат на языке Пушкина и Горького, доступном ныне самому широкому кругу советских и зарубежных читателей. У горцев Кавказа был нерушимый нравственный закон — делиться с другом всем своим добром. Другу-читателю отдают они ныне самое заветное — песнь своей души.

*Кайсын Кулиев
Нафи Джусойты*

АБАЗИНСКИЕ ПЕСНИ

1. ПЕСНЯ МИНАТ, ДОЧЕРИ КЯНДЖА КЫНЫ

Ой, Кына́ — мой родитель!
Молодую меня
Подстерег похититель
Среди белого дня.

Шла с кувшином к потоку,
Где прозрачна вода.
Враг мой ждал недалеко.
Рари-уарайда.

Я кричала в бессилье,
Но была я одна.
Руки мне заломили.
О отец мой Кына!

Как бы я отвратила
Эту злую напасть?
Где отвага и сила
У меня бы взялась?

Я кричала в бессилье,
Да велик ли был прок?
Мое тело взвалили
На седло, как мешок.

И Кубани течение
От девических слез
В этот полдень весенний
На вершок поднялось.

О родитель мой милый,
Твою дочку Минат
В дом привозят постылый.
«Вот твой дом!» — говорят.

И приводят медведя.
Черен он и кудлат.
А родня и соседи
«Вот твой муж», — говорят.

У медведя — глазищи
Словно пара колес.
Как колоды — ножищи,
Больше лемеха нос.

Руки толсты и грубы,
Лоб как будто стальной.
Посиневшие губы
С наш надел шириной.

Ой, родитель мой милый,
Приключилась беда —
Привезли меня силой
Неизвестно куда,
В дом чужой и постылый.
Рари-уарайда.

Виджу: входит старуха,
Не старуха — змея.
Объясняют мне глухо:
«Вот свекруха твоя!»

Без надежды-опоры,
Мой родитель Кына,

В руки Лоовых своры
Я во власть отдана.

Без сестры и без брата
Я живу кое-как.
Я лишь в том виновата,
Что отец мой — бедняк.

Если б Лоовым этим
Я была бы роднѣй,
То никто бы на свете
Не был грубым со мной.

Если б Лоовых своре
Я была бы родня,
Никакое бы горе
Не постигло меня.

Рву я черные пряди,
Непокорна судьбе.
Сколько вырвала за день —
Не свезти на арбе.

Я царапаю брови,
Грудь и щеки со зла.
Сколько слез, сколько крови
Я уже пролила.

Этих Лоовых черных
Пусть настигнет беда,
Уничтожит их с корнем.
Рари-уарайда.

Пусть аллах уничтожит
Их на все времена —
То, что сделать не может
Мой родитель Кына.

2. ПЕСНЯ-ПЛАЧ НЕСЧАСТНОЙ ФАРИЗ

Нет, ни табуны твои, ни слава,
Ни кинжал, что на свету блестит, —
Честь твоя, отвага мне по нраву,
Джалъамби, мой дорогой джигит.

Слышится гармонь за нашим садом,
И не надо радости другой —
Слушать бы, сидеть с тобою рядом,
Джалъамби, джигит мой дорогой.

Диких скакунов ты приручаешь,
Хоть и без того табун большой.
Неужель ты втайне не мечтаешь
Приручить меня, мой дорогой?

Золотую лампу среди ночи
Я зажгла, нарушив свой покой.
Может статься, ты ко мне заскочишь,
Друг мой, Джалъамби мой дорогой.

Нас с тобою разлучают люди.
Что ж поделать, если мир такой.
Никогда мы счастливы не будем,
Джалъамби, джигит мой дорогой.

Не уйти нам от родни проклятой,
Не уйти от бед и от обид.
Мы с отцом бедны, а вы богаты,
Джалъамби, мой дорогой джигит.

Мне ни с кем другим не будет счастья,
И не будешь счастлив ты с другой.
Сердце разрывается на части,
Джалъамби, джигит мой дорогой.

3. ПЕСНЯ О РАМАЗАНЕ КУЖЕВЕ

В дни, когда, быть может в первый раз,
Солнце озарило край свободный,
Рамазан-батыр, ты был для нас
Знаменем, звездой путеводной.
За собой ты звал в горах крестьян,
Славный абазинец Рамазан.
Ой, Рамазан-батыр!

Смерти не боялся, рвался в бой,
Шел в огонь, отважен и бесстрашен.
В битву шли мы следом за тобой
За родимый край, за счастье наше.
Ты в сражение вел однополчан,
Славный абазинец Рамазан.
Ой, Рамазан-батыр!

Далеко, за быстрою рекой,
Высоко, на снежном перевале,
Посланные вражеской рукой,
Твое сердце пули отыскиали.
И упал ты, ослабев от ран,
Славный абазинец Рамазан.
Ой, Рамазан-батыр!

Конь любимый над тобой застыл,
Опустил он шею с гривой длинной,
И оделись трауром долины,
Где и без твоей полно могил.
На леса и горы лег туман,
Славный абазинец Рамазан.
Ой, Рамазан-батыр!

Вся трава в долинах полегла,
Замерла река, смиривши злобу,
И земля, что знала столько зла,
Приняла тебя в свою утробу.
И цветы со склонов и полян
Принесли тебе мы, Рамазан.
Ой, Рамазан-батыр!

Мы, твои сподвижники-друзья,
За твою гибель отомстили —
Наши абазинские князья
Смерть твою с лихвою оплатили,
И тебя, героя, Рамазан,
Помнит край, очнувшийся от ран.
Ой, Рамазан-батыр!

**АДЫГЕЙСКИЕ,
КАБАРДИНСКИЕ,
ЧЕРКЕССКИЕ
ПЕСНИ**

4. НАРТСКАЯ ПЕСНЯ

Моя сабля, ой, дуней, словно зуб собаки.
Ой, дуней, текло по ней много крови всякой.
Вдаль смотрю я, ой, дуней, с берега река видней,
Сорок черных кораблей, ой, дуней, плывет по ней.
А на каждом, ой, дуней, а на каждом корабле
К каменистым берегам черные плывут войска,
Черные плывут войска, ой, дуней, издалека.

Войско на берег крутой, ой, дуней, сгрузилось,
На три части, ой, дуней, войско разделилось.
Скачет войско без дорог во главе с Тотрешем,
Нашей кровью, если б мог, он себя потешил.
Ой, дуней, да есть у нас сын Химиша — Батараз,
Сын Химиша — Батараз, чьи усы как семь колбас,
Чьи усы как семь колбас, а тело слоновье.
Меч окрасит он сто раз вражескою кровью.

5. ПЕСНИ ОБ АНДЕМЫРКАНЕ

1

Обещана князем из дома Беслана,
Убежала рабыня на остров морской,
Чтобы там обрести и приют, и покой,
И на острове том родила мальчугана.

Вдруг орел увидал среди моря утес,
Прилетел — и ребенка на крыльях унес.
Пересек он безбрежную даль океана,
И едва лишь достиг долгожданной земли —
Андемыр, знатный всадник, дружинник Беслана,
Отнял метким копьём у орла мальчугана,
И младенцу тотчас молоко принесли.
И кобылье пошло ему впрок молоко —
Приоткрыл он глаза и вздохнул глубоко.
Дали имя тогда ему — Андемыркан.
Вот и отроком сделался тот мальчуган.
Он кольчугу надел в молодые гола,
Он сказал: «Это наша земля — Кабарда!»
Он отправился в путь по простору степному,
Он решил, что отца ему надо найти,
И когда приближался он к отчому дому,
Встретил множество резвых коней на пути.
Белой масти коня увидал в табуне —
Предназначен был юноше конь белоногий.
И поймал он коня, поскакал на коне,
Поскакал по высокой, нагорной дороге,
И, сказав: «Здесь надежно, здесь по сердцу мне», —
Он воздвиг себе дом на скалистом отроге.

2

Повсеместно уже прославляется воин,
Вышей чести уже богатырь удостоен:
В дар живого оленя ему привели.
На коне, по уступам, помчался он к бою,
В крепость вражью вступил, и крылатой стрелою
Он сразил предводителя ханской земли.
«Никого не боюсь, — крикнул юноша смелый, —
Крепко лук мой натянут, летят мои стрелы!»
Тлепш могучий в ту пору сработал свой меч.
Этот меч был короткий, хотя и широкий.
«Кто возьмет его, — люди слышали речь, —
Тот смельчак настоящий, джигит без порока».
Но джигиты приходят — находят изъян.
«Слишком короток меч!» — говорят и уходят.
Вот и юношу к грозному Тлепшу приводят,
И мечом восхищается Андемыркан:

«Ничего, что короткий: я сделаю шаг
И ударю — и ляжет на землю мой враг!»
Он повел Кабарду против полчища хана,
На врага налетел его белый скакун,
И стремительным всадникам Андемыркана
Откликнулся, гудя и дрожа, Барагун.
Он сподвижникам храбрым на поле сраженья
Раздавал и мечи, и щиты, и коней,
А когда не хватало ему снаряженья,
Помогал ему юный джигит Хатуней.
«Так не будет! — воскликнул он. — Хватит нам горя!»
Он собрал землепашцев со всей Кабарды,
Кабардинцев повел против ханской орды,
На коне он приблизился к берегу моря.
Он дружину приводит к верховьям реки,
Переправу находит, выходит на поле.
Не страшат его ханской орды смельчаки.
Всюду ищет врагов — пусть их будет поболее,
Пусть мечи обнажат — всех сразит наповал,
Он — высокая крепость родимого края.
Вот он ринулся в бой — и, как будто играя,
Косоглазого ханского сына помял.

3

Не на быстром коне — на тяжелой арбе
Выезжал на охоту Беслан Жирнотелый,
И охотников звал он сначала к себе,
Он осматривал луки, осматривал стрелы.
Подошел к нему Андемыркан не смутясь.
Этот юноша стройный Беслана тревожит.
Князь пыхтит — натянуть его лук он не может.
«Тетива твоя слабая», — вымолвил князь.
Возвращает он лук, улыбаясь надменно.
Поднимается в гору арба постепенно.
Рог трубит — и охота в лесу началась.
Въехал тучный хвастливый Беслан на поляну.
Кабана верховые пригнали к Беслану.
Промaxedнулся Беслан — разучился стрелять.
Кабана верховые пригнали опять.
Долго целился князь — промахнулся он снова.
За добычей отправился Андемыркан.

Он пригнал кабана — великана лесного.
Вот и стал перед княжьей арбою кабан.
Быстро прынула Андемыркана стрела,
В кабана, смертоносная, сразу вонзилась,
Колесо поразила, в ступицу вошла,
И широкая княжья арба накренилась.
Молвил Андемыркан: «Говори, сделай милость,
Толстобрюхий Беслан на широкой арбе,
Тетива моя нравится нынче тебе?»
Жаждой мести душа у Беслана объята,
И ее не развеет охотничий рог.
Князь призвал к себе низкого Канибулата,
Обещал ему много почета и злата,
Только б Андемыркана убить он помог.

4

«Он из Тохова рода, он стройный джигит, —
Богом дружбы да будет он, подлый, убит!
С ним дружил я, с коварным, дружил я
с проклятым, —
Был я предан завистливым Канибулатом.
Он сказал: «Поохотимся утром в горах. —
И в ловушку завел он меня, лицемерен. —
Погуляем, — сказал он мне. — Вот тебе мерин,
Пусть твой конь отдохнет супостатам на страх».
Через горный хребет он меня переправил —
Там Беслан свою хищную челядь расставил:
Пожелал моей смерти бесчестный Беслан,
Для меня его латники рыли капкан.
Я взглянул на князей, на коварных врагов,
Перепрыгнул я через погибельный ров.
Посмотрел я вперед — там ловушки, преграды,
Посмотрел я назад — там Беслана отряды.
Каждый князь мне готовит смертельный удар. . .
Я от вас ускакал бы, да мерин мой стар,
Состязался бы с вами, погнал бы коня,
Да скакун мой проворный далек от меня.
Поиграл бы я с вами, чтоб ярость разжечь, —
Да исчез почему-то короткий мой меч».
Он взлетел и клинок обнажил на лету.

Обернувшись, увидел он князя Биту.
«Ты коварство избрал, ты избрал клевету. —
И отрезал он бороду князю Биту. —
Я хочу, чтоб меня ты вовек не забыл. —
И три пальца он князю Биту отрубил. —
Знаю, любишь по разным местам разъезжать,
Так мою ты показывай людям печать».
Так сказав, полоснул он врага по щеке,
Княжья кровь запылала на остром клинке.
Громко вскрикнули всадники княжьего стана,
Окружили отважного Андемыркана.
Кровь горячим потоком втекает в Черек.
С целым войском воюет один человек.
Он стоит, опершись подбородком на меч.
Даже мертвый, на землю не хочет он лечь!

5

Расскажу вам преданье об Андемыркани, —
Не слыхали вы более славных преданий!
Много песен сложили мы про полководца, —
Столько песен у нас ни о ком не поется!
Воин — Тлепша любимец, он в битвах испытан.
Он сжимает меча своего рукоять,
Острые обнажив, Аушгеру грозит он
Там, где к битве готова дворянская рать.
Не касаясь земли, верховых обгонял он.
Тлепш для храброго витязя выковал меч.
Предводителя чинтов сразил наповал он, —
Удалось ему чинтского князя рассесть.
Вражье войско дрожало пред Андемырканом.
Он соперника-князя стрелою настиг.
По земле своей стлался он легким туманом,
А врагов табуны он топтал, словно бык.
Перед гневом его трепетали злодеи.
И, добычу деля, нартов был он щедрее.
Он сказал: «Это наша земля — Кабарда!» —
И разбил Эльмурзу — ненавистного хана,
И бежала тогда чужеземцев орда
От бесстрашных воителей Андемыркана.
Не щитом он себя охранял, а копьем,

Он мечом разрубал смертоносные стрелы.
Он погиб — и худеет скакун его белый,
Верный конь умирает, тоскуя о нем,
А Ельбича, супруга его молодая,
Вспоминает любимого, горько рыдая.

6. ПЕСНЯ НАРТУГА

Ныне девушки смотрят на юношей стройных, —
А не лучше ли спеть нам о самых достойных?

Князь жестокий нас грабит и ночью и днем. . .
Старики, не зовите меня хвастуном:

Пусть я сделал немного, немного стоил —
Князя Тыку зато я мечом успокоил!

Князя я разрубил, он землю покрыт,
И в ногах его лук его мощный зарыт.

Я каштановый ус его спрятал в кармане,
И лежат в сундуке одеяния брани.

Отпустил я на волю его скакуна, —
Рассчитался я с князем свирепым сполна.

Княжий труп кобели охраняют да суки,
Княжьи гончие псы умирают от скуки.

Чтобы скуку прогнать, чтобы жить веселей,
Целый день я играю на скрипке своей.

Всюду ищут меня, только ищут впустую,
Только топчут напрасно долину речную.

Тот, кто уши закроет от песен моих,
Каждый день пусть хоронит друзей и родных!

Пусть я сделал немного, немного стоил —
Князя Тыку зато я мечом успокоил!

7. ДАМАЛЕЙ ШИРОКИЕ ПЛЕЧИ

О-ой, Дамалей, гей, Широкие Плечи,
Крестьянское войско ведет Дамалей.
Вожатый Пшикан, он готовится к сече, —
Чувячное войско ведет Дамалей.
Живется нам плохо, нам трудно и больно,
Мы плачем под гнетом князей и дворян.
«Живется нам плохо, терпеть нам довольно!» —
Разгневался гневом горячим Пшикан.
О-ой, Дамалей, он могуч и бесстрашен,
Уходит, покинув свой дом, Дамалей.
Людей собирает он с пастбищ и пашен,
Ведет он в сражение крестьянских людей.
Испуг и сумятица в княжеском стане —
Крестьяне приходят с великой войной.
Бегут от повстанцев князья и дворяне
И прячутся в трепете в чаще лесной.
О-ой, Дамалей, гей, Широкие Плечи,
Гей, маржа, берет в свои руки страну!
Князья и дворяне боятся с ним встречи,
Таясь, в одиночку ведут с ним войну.
Сошлись на совет и князья и дворяне:
Крестьянского надо убить вожака!
Князья и дворяне искусны в обмане, —
Обманом они завлекли смельчака.
Отважно воюют крестьянские люди, —
На свете не сыщешь героев смелей.
Бесстрашно воюют крестьянские люди,
А самый бесстрашный из них — Дамалей.
Предательством княжья порода богата;
На голое место героя ведут. . .
Ищите проклятого князя Булата,
Скажите всю правду, вершите свой суд!
К свободе зовет вас могила героя,
К свободе вас кличет вожак Дамалей.
Кто саблей владеет для честного боя —
Гей, маржа, садитесь на быстрых коней!

8. КЕРБЕЧ

Чтобы от недруга край свой сберечь,
Не затевают длинную речь.
Коня вороного седлает Кербеч,
Храбрых джигитов сзывает Кербеч —
Им по руке и кремневка, и меч.
Недруга грудью встречает Кербеч,
Саблей кровавой сверкает Кербеч,
Головы вражьи срубает он с плеч,
В бегство врагов обращает Кербеч.
Враги отступают, чтоб в чаще залечь,
В чаще залечь и тебя подстеречь, —
Лазутчики метко стреляют, Кербеч.

Над нами на небе одна луна.
Под нами тропа на земле одна.
На этой тропе есть кровавый след,
И мертвые есть, а трусливых нет.
Жена у твоих несчастливых дверей
Встречает весь день молчаливых гостей,
Суровых друзей, терпеливых людей.
Ты мчался туда, где бой да беда.
Кербеч, ты с коня не слезал никогда, —
Лишь мертвым спешил навсегда.

9. ПЕСНЯ О ТОКЕ

Уэй, сын Кадзова, доблестный воин,
Тока достоин славы отцовской.
Лук за спиною, щит на груди,
В битве суровой он впереди.
В битве суровой он не согнется —
Он пронесется ветром над полем.
Ханы пред ним цепенеют со страху,
Даже Анаху он в трепет вгоняет.
Тока летит на коне и с размаху
Саблей ломает ханскую саблю.

Ловко копьем он владеет и луком.
Эту науку он с детства постиг,

С детства с отцовскою саблей он дружен —
На рукояти — десять жемчужин.
Саблею бьется джигит удалой,
Враг увернется — догонит стрелой.

В мужестве с Токой никто не сравнится —
Птицей летит он вдогонку врагам.
Но расквитались враги с великаном:
Силой не взяли, так взяли обманом.
Ядом они отравили копье,
Вонзилось копье в тело твое,
Уэй, ослабело тело твое,
Наземь осело тело твое.

10. НАЧАЛЬНИК ПОГОНЮ ПУСТИЛ ЗА МНОЮ

Я не прослыл на родине вором,
Имя мое не покрыто позором.
С лихими людьми не хотел я знаться,
Но я человеком хотел называться,
Воли, воли мне захотелось.
Доколе, подумал я, жить в неволе?
А меня затравил начальник округи,
Слуги его в мой дом ворвались.
Был я один, а их было много —
От родного порога пришлось бежать мне.
Теперь мне уже не уйти от погони,
Кони храпят за моей спиною.

Да накажет судьба кунака-абрека:
Он пальцем не двинул, чтобы помочь мне.
Живым буду гнить я в тюрьме-могиле,
Пока я мертвым в могилу не лягу.

Моей матери старой черна судьбина —
Сына пред смертью она не увидит.
Заплачут бедняжки мои сироты —
Без отца с малых лет им тяжело придется.

Я из тех, кто себя не славил словами,
Кто делами своими прославлен всюду.

Сын Дзигура, я страха не знал, не ведал.
Черный пес в черный час меня продал и
предал.

Было светлым дороги моей начало,
Да мрачной стала моя дорога.

11. ВОЗЛЕ ЦАРИЦЫНА

Большое войско идет в Царицын —
Нас мудрый Ленин послал туда.
Пусть нашим подвигом озарится
В поход готовая Кабарда.
Для войска черного мы из ножен
Мечи смертельные извлечем.
Погибнем сами иль уничтожим
Врага, позорящего наш дом.
Как волны в бурю, мы грозно встали,
Как ветер буйный, помчались в бой, —
И вот уж лязг смертоносной стали
Взлетел над вражеской головой.
Земля гудела, земля дрожала,
Как будто гром под землей гремел.
Там, где сражались мы, там лежала
Гора навеки умолкших тел.
Как овцы, страхом объаты диким,
Враги рассыпались по кустам.
Вояк, что двинул на нас Деникин,
Берем мы сотнями тут и там.
Мы разделились на две колонны,
Где рукавами течет Индыл, —
И мост, из трупов нагроможденный,
Путем на берег другой нам был.
Но и оттуда в глухие дали
Скакали мы за врагом семь дней.
За семь хребтов мы его прогнали,
Не поворачивая коней.
И в дни Царицына понял каждый,
Что кабардинцы — народ отважный.

12. ЗДРАВИЦА ПАРТИИ

Кто мудрей творений всех природы,
Кто дорогу к счастью нам сыскал,
Кто, любовью озарив народы,
Сам любовь великую снискал?
Партия — ты, исполин творящий,
Нас ведешь в сияющую даль.
Верный меч твой — острый ум разящий,
Крепкий щит твой — мудрых знаний сталь.
Нас в одну семью соединила,
Нам свободу светлую дала
Партия, чья непоборна сила,
Чьи бессмертны славные дела.
Твой закон несет народам счастье,
Мудростью ты озарила мир.
Ты — неошибающийся мастер,
Охраняющий наш труд и мир.
Не щадишь в бою врагов суровых.
Тот, кто сердцем тверд, идет с тобой.
Много их, идти всегда готовых
За людскую долю в смертный бой.
Мы стоим непобедимым станом,
Охраняем свой родимый дом.
Под твоим вниманьем неустанным
Учимся, работаем, цветом!

13. ФИЦА

Под хмурой ночной синевой
Ты полз по земле снеговой,
Чтоб слабость врага обнаружить, Фица.

Ты смелым разведчиком был,
Ты сотни врагов истребил,
Разведав их замыслы злые, Фица.

Ты был средь отважных, чей флаг
Был поднят — в огне — на рейхстаг, —
Ко мне эта весть долетела, Фица.

Но — горе! — вдали от страны
Последняя пуля войны
В могилу тебя унесла, мой Фица.

Пришло извещение ко мне:
«Геройски погиб на войне. . .»
Лишь это утешило душу, Фица.

Пускай мой единственный брат
Уже не вернется назад —
Другие с победой вернулись, Фица.

Победа превыше всего —
Народа она торжество.
За это и жизнь свою отдал Фица.

14. ПЕСНЯ ОБ АЛИ ШОГЕНЦУКОВЕ

Али, родила тебя мать на заре
В цветущей долине Баксана.
Вела тебя всюду мечта о добре,
Что ныне живет невозбранно.

Ты дорог народу, ты славен, Али,
Любимый поэт кабардинской земли!
Бросал просвещения ты семена,
Что ныне взошли урожаем,
И то, что народу ты отдал сполна,
Мы в память твою — умножаем.

Как много за век свой недолгий, Али,
Ты в песнях народу оставил!
Когда к нам счастливые годы пришли,
Ты нашу отчизну прославил.

Ты сын Кабарды, что тобою горда, —
Все знают певца-кабардинца.
Мы песни твои сохраним навсегда —
Наследье, которым гордимся.

Ты дорог народу, ты славен, Али,
Любимый поэт кабардинской земли.

15. СТАРИННЫЙ ХОХ

Бог, наш хранитель,
Горя гонитель, —
Слава, властитель, тебе
И хвала!
Бог вездесущий,
Силу дающий,
Бог всемогущий
Анадола!

Бог справедливый,
Сделай счастливой,
Трудолюбивой
Эту семью.
Чтобы без дела
Она не сидела,
Чтоб почиталась
В отчем краю.
Чтоб не хирела,
Пила бы и ела,
Делала б дело
Во славу твою.
Чтоб юноша каждый
Был смелым и сильным,
Чтоб дом их просторный
Был изобильным,
Чтобы достойны были хвалы
Сбитые грубо
Из крепкого дуба

Окна и двери,
Крыльцо и полы.
Чтоб юноши были
В теле и в силе,
Добро чтоб возили
В свой дом на арбе.
Чтоб никогда ни в чем
Не нуждались,
Чтоб от поклажи
Оси ломались.
Чтобы соседей они
Не чуждались,
Чтоб не ругались,
Шутили, смеялись
И благодарны были судьбе.

А потеплеет,
Солнце пригреет,
Свадьбы затеют
В полях журавли, —
Пусть не зевают:
Дышла строгает,
Не отрывают
Глаз от земли.
Пусть успевают,
Дней не теряют:
Хлева отпирают,
Выводят вслов,
Ярмо надевают
И запрягают
В каждую соху
Восемь голов.
Чтоб пахари в поле
Натерли мозоли,
Чтоб сладким от соли
Был пот на лице,
Чтоб пахоте их
Ничего не мешало,
Чтоб небо сначала
Поля согревало,
Дождем поливало
В самом конце.

Чтоб нивы тучнели,
Ростки зеленели,
Колосья звенели,
Касаясь стремян,
Чтоб жатвы дождались,
Чтоб не осыпались,
Чтоб колос был сух
И от дождика пьян.
Чтоб всё было снято,
Чтоб всё было сжато
И вышло б зерна
Со снопа по мешку.
Чтоб пересыпалось,
И переливалось,
И не умещалось
Зерно на току.
Да будет так!

Пусть ваши быки
Не боятся дороги,
Пусть будут крепки
Их копыта и ноги —
Пусть ваши быки
Будут лучше чужих.
Пусть белые будут
Все белороги,
Пусть красные будут
Все краснороги,
Чтоб было нам любо
Глянуть на них.
Да будет так!

Чтоб овцам порою
Не знали вы счета.
Но знали: их втрое
После окота.
Чтобы рождались
Только тройняшки,
Чаще — овечки,
Реже — барашки.
Чтоб курдюки
Им самим были тяжки,

Чтоб старые травы
Еще не сошли бы,
А новые вылезли
Из-под земли бы.
Чтоб были всегда
Ваши овцы живучи,
Чтоб ваши стада
Походили на тучи.
Чтобы надой
Разливался ручьями,
Чтоб сыр был такой —
Не обхватишь руками.
Да будет так!

Пусть утром счастливым
Придет к вам сноха:
Не слишком шумлива,
Не слишком тиха,
С голосом звонким,
Как у ягненка,
С кожей тонкой,
Как у ребенка.
Чтобы красивой,
Трудолюбивой,
Сладкоречивой,
Правдивой была.
Чтобы не вздорной,
Мужу покорной,
В работе проворной,
Упорной была.
Чтобы здоровых
И чернобровых
Десятерых
Сыновей родила.
Чтобы нажитое
Потом и кровью —
Бязь и рядно,
Полотно и сукно, —
Не двинув бровью,
Перед свекровью
Она разложила бы —

Вот, мол, оно!
Да будет так!

Пусть этот дом,
Где едим мы и пьем,
Будет счастливее
С каждым днем.
Чтоб кур потрошили бы
Десять невесток
И десять месили бы
Сдобное тесто.
Чтоб не просыхали
Ни чашки, ни кружки,
От снеди трещали
Бочонки, кадушки.
Чтоб гости-соседи
Пьянели от снеди
И отрезвлялись бы
В умной беседе.
Да будет так!

Пусть дочери ваши
Всех будут краше.
Пусть будут их зубы —
Как чистый алмаз,
Пусть будут их губы —
Пунцовый атлас.
Пусть будет лучисто,
Искристо и чисто
Сияние глаз.
Чтоб кожа алела —
Как небо заката,
И было бы тело —
Как крымская вата.
Сидели бы кротки,
Как голубицы,
Но пусть их походке
Завидуют львицы.
Чтобы их плечи
Были бы гладки,

Чтобы их речи
Были бы сладки.
Чтоб жили в достатке,
Чтоб были в порядке
И шубки, и юбки,
И петли, и складки.
Чтоб в девушках долго
Не оставались,
Чтоб парням хорошим
Они доставались.
Да будет так!

И пусть богатеет,
Пусть вечно цветет
Страна, что вас греет
И кров вам дает.
Чтобы полна
Была бы казна,
Чтоб жили согласно
Все племена.
Чтоб шли за крылатым,
Силой богатым,
За русским братом,
Как за вожатым.
Чтоб пели бы песни,
Жили бы дружно,
Спешили бы, если
Что кому нужно.
Чтоб поживали,
Горя не знали,
Чтобы врагов своих
Одолевали.
Да будет так!

Пусть тот, кто со злом
В дом ваш придет,
Со злом и уйдет
И худо живет.
Чтоб ветры гуляли
По крыше его,
Чтоб одолевали
Мыши его.

Чтоб не было
Возле него никого,
Чтоб все пробегали,
Не слыша его.
Чтобы всегда из его одеяла
Шерсть вылезала,
Вата торчала.
Чтоб лошадь хромала
И доломала
Арбу, где колеса
Посажены косо,
А сами колеса —
Без ступиц и спиц.
Чтоб на току его
Просо подгнило,
Чтобы муку его
Подмочило.
Чтобы мешки его
Все разорвались,
Чтоб свояки его
Переругались,
Чтобы сынки его
В кровь передрались
И мамалыгою пробавлялись.
Да будет так!

16. ЗДРАВИЦА В ЧЕСТЬ НЕВЕСТКИ

Чтобы всегда красивой была,
Чтобы всегда счастливой была, —
Мы желаем невестке!

Чтобы немало рожала детей,
Чтобы рожала одних сыновей, —
Мы желаем невестке.

Чтоб шея ее точеной была,
Чтобы ладонь золоченой была, —
Мы желаем невестке.

Чтоб, если в гости мать не зайдет,
Дочь не спала бы ночь напролет, —
Мы желаем невестке.

Чтоб не сидела без дела она,
Всё чтобы делать умела она, —
Мы желаем невестке.

Чтобы не хуже, чем завтра чуть свет,
Мужу казалась на старости лет, —
Мы желаем невестке.

Чтобы свершилось и оправдалось
Всё, что сегодня от сердца желалось, —
Мы желаем невестке.

17. ПОДНИМЕМ ЧАШИ

Чтоб мы в труде преуспевали,
Чтоб, словно год, был день большим,
Чтоб все нас в песнях воспевали,
Чтоб наш колхоз был нерушим,
Чтоб увеличились отары,
Чтоб не вмещали их кошары —
 Поднимем чаши!
 Хвала и честь
 Тому, что — будет,
 Тому, что — есть!

Чтоб конь стальной гремел на пашне,
Чтоб хлеб машинами везли,
Чтоб стали юноши бесстрашней,
Чтоб с громом спор они вели,
Чтоб нас боялись в стане вражьем,
Чтоб, как отец, был сын отважен —
 Поднимем чаши!
 Хвала и честь
 Тому, что — будет,
 Тому, что — есть!

Чтоб в море плыли корабли,
Чтоб в поле танки грохотали,
Чтобы до солнца от земли
Стальные птицы долетали,
Чтоб люди с плоского крыла
Скользили вниз смелей орла —
 Поднимем чаши!
 Хвала и честь
 Тому, что — будет,
 Тому, что — есть!

Чтоб расцвела отчизна садом,
Чтоб всех, кто тронет этот сад,
Народы-братья, вставши рядом,
Как пыль, отбросили назад;
Чтоб шло, раздув усердья пламя,
Соревнованье меж друзьями —
 Поднимем чаши!
 Хвала и честь
 Тому, что — будет,
 Тому, что — есть!

Чтоб орденами грудь сияла,
Чтоб поле гнулось от хлебов,
Чтоб наше стадо состояло
Всё из драконовых быков,
Чтоб конь породы нашей лучшей
Летел быстрее звезды падучей —
 Поднимем чаши!
 Хвала и честь
 Тому, что — будет,
 Тому, что — есть!

Чтобы ученым стал колхозник,
Чтоб золото нашли в горах;
Сто лет — чтоб возраст был не поздний
У нас в селеньях, городах;
Сундук трещал от урожая,
Чтоб был тяжёл овцы курдюк,
Чтобы трава росла большая
И вечно был зеленым луг,

Чтоб ста стогам и даже боле
Одна скирда равнялась в поле —
 Поднимем чаши!
 Хвала и честь
 Тому, что — будет,
 Тому, что — есть!

Хочу прибавить я немного
К тому, что сказано сейчас:
Чтоб наша каждая дорога
Была асфальтовой у нас,
Чтоб был тутовник там посажен,
Чтоб каждый мост был в сталь одет,
Чтоб в маленьком селенье даже
Мы б насчитали сто «Побед»,
Сады у нас чтоб не старели,
Широкую давая тень,
Чтоб мы всегда в труде горели
И молодели что ни день,
Чтоб партия — душа народа —
Мечту людей вперед несла,
Чтоб наша слава год от года
Со славой партии росла —
 Поднимем чаши!
 Хвала и честь
 Тому, что — будет,
 Тому, что — есть!

18. ЗДРАВИЦА КОЛХОЗУ

Пусть колхоз наш будет сплоченным,
Чтоб ученый дружил с неученым,
Чтоб трудились и старый и малый,
Чтобы зрел урожай небывалый!
Чтобы колос был полным, весомым,
Чтоб гордились мы агрономом,
Чтоб богаты мы были плодами,
Чтобы золото рыли пудами,
Чтоб мешки с кукурузой стояли,
Чтоб зерно мы сверх плана сдавали,

Чтобы был трудодень многохлебным,
Чтоб почтили нас словом хвалебным,
Чтоб была наша партия рада,
Чтобы нас ожидала награда,
Чтоб вся грудь в орденах за работу,
Чтоб стадам нашим не было счету,
Чтоб долины их не вмещали,
Чтоб они на лугах не тощали,
Чтоб козлы были длиннобороды,
Чтоб растили ягнят овцеводы,
Чтоб руно от овец получили,
Чтоб они курдюки волочили,
Чтоб поили водой их проточной,
Чтоб кормились травой они сочной,
Чтобы сено было пахучим,
Чтоб стога поднимались к тучам,
Чтоб в труде мы не знали огрехов,
Чтоб и дня не прошло без успехов,
Чтоб была наша жатва обильной,
Чтоб росла молодежь наша сильной,
Чтоб стальные тут кони пахали,
Чтобы только шагни тут скакали,
Чтобы, мчась по земле бесконечной,
Ровный Путь провели они Млечный,
Чтоб царило во всем благородство,
Чтобы радовалось руководство,
Чтобы нас вдохновляли в работе,
Чтоб колхозники были в почете,
Чтобы было у нас всё, что нужно,
Чтобы дело мы делали дружно,
Чтоб цвели нашей родины дали,
Чтоб враги перед ней трепетали,
Чтоб враги не могли одолеть ее, —
Да продлятся дни наши в мире
На многие тысячелетия!

19. ПЕСНЯ ЧЕСАЛЬЩИЦ ШЕРСТИ

Того, о чем мы думаем,
Людям не узнать.
Этого не знают
Ни отец, ни мать.

Зубья у расчесок
Тонки, тонки.
На всё глядим мы косо
С тоски, с тоски.

Для парня чернобрового,
Жениха,
Да будет бурка новая
Неплоха.
И тот, кто выдаст замуж
Свою сестру,
Пусть в белой бурке новой
Танцует на пиру.
Пусть молодая молодцу
Дарит детей,
Пускай родит не дочерей,
А сыновей.
Пускай работа спорится
У нее.
Что сшито, пусть не порется
У нее.
А мы сидим как пьяные —
Устали мы.

Одежды наши рваные —
Устали мы.
У нас судьба,
Как шерсть, груба,
Тяжел наш труд.
У нас осипли голоса,
У нас свалялись волосы, —
Нас парни замуж не берут,
Замуж не берут.

20. ПЕСНЯ КРЕПОСТНЫХ

Мы рабами родились во время проклятое.
Пропади ты, господское племя проклятое!
Мы завидуем самым счастливым из нас —
Тем, кто первым встретил последний свой час!

Если съедутся гости на княжеский двор,
Наших юных сестер им дают на позор.
Не утетишь детей, не осушишь их глаз.
Что сказать матерям, слезы льющим о нас?

Где бы что ни случилось, виновен во всем
Кто невинен ни в чем, кто родился рабом.
Мы родились рабами — нет большей вины,
И за это одно погибать мы должны.

Мы рабами родились во время проклятое.
Пропади ты, господское семя проклятое!
Мы завидуем встретившим смертный свой час.
Наши внуки да будут счастливее нас!

21. КУПСА

Я для господина
Хуже, чем скотина.
Он, когда захочет,
Бьет меня, порочит.

Купса, моя купса, —
Это не меня ли
Купсой, длинной купсой
Господа прозвали?

Конь пройдет немного —
Отдохнет немного.
А меня лишь знают
Бьют да подгоняют.

Купса, моя купса, —
Это не меня ли
Купсой, длинной купсой
Господа прозвали?

Суп мясной с наваром
Разношу я барам,
Наедятся гости —
Я глодаю кости.

Купса, моя купса, —
Это не меня ли
Купсой, длинной купсой
Господа прозвали?

Пьют князя помногу,
Жрут князя помногу.
Вот бы им опиться,
Вот бы подавиться.

Купса, моя купса, —
Это не меня ли
Купсой, длинной купсой
Господа прозвали?

Чем я провинился,
Что рабом родился?
Виноват ли в том я,
Что умру рабом я?

Купса, моя купса, —
Это не меня ли

Купсой, длинной купсой
Господа прозвали?

Братья, суждено ли
Мне дожить до воли?
Вольного едва ли б
Купсою прозвали б!

Купса, моя купса, —
Это не меня ли
Купсой, длинной купсой
Господа прозвали?

22. КРЕСТЬЯНСКИЙ ПЛАЧ

Пусть на господский дом и двор
Падут проклятье и позор!
Мы здесь живем, мы здесь умрем,
Здесь слезы льем и слезы пьем.
Ручьем бежит кровавый пот,
Течет по черенкам лопат.
Здесь ад, и дети — наша плоть,
В хлевах растут, — они слабы,
В хлевах умрут — они рабы.

23. ЖАЛОБА КРЕСТЬЯНИНА

Князя да начальники
Себе на уме,
А мы живем в бедности,
Хуже, чем в тюрьме.

Столбы телеграфные —
У самых ворот.
А мы живем в бедности,
Мы — простой народ.

Где найдет сочувствие
Бедный человек?

То, что мы засеяли,
Затопил Черек.

Бедному да слабому
Нет нигде пути.
Ходит писарь с грамотой.
Говорит: «Плати!»

Загалдят начальники
Громче индюков, —
За долги вчерашние
Заберут быков.

Называют податью
Истинный грабеж.
Покинуть бы родину,
Да куда пойдешь!

Сеем кукурузу мы,
Да не мы едим.
Ни тюрьмы, ни суммы
Мы не избежим.

Неужели, господи,
Не сожжет заря
Все законы черные
Белого царя!

24. ЖАЛОБА ЛОШАДИ

Я и сива
И красива,
Только очень
Несчастлива.

Бьют меня по горбу,
Говорят: «Вези арбу!»
А легко ль ее везти
Без дороги, без пути?

Жизнь моя —
Хомут и кнут,
Попастись
Мне не дают.

Я и ночью на лугу
Быть свободной не могу —
Мне и больно, и неловко —
На ногах моих веревка.

Не уйду я
Никак:
Догоняют меня —
Отойду я
На шаг,
Пригоняют меня,
Загоняют назад,
Погоняют, бранят.
Погоняют весь день
Хворостиной меня
И считают
Последней скотиной меня.

Я бегу от судьбы,
Я бегу от арбы.
От судьбы не уйдешь,
От арбы не уйдешь.

25. ЖАЛОБА ГОРСКОЙ СКРИПКИ

Век не играть бы и не слушать
Того, что я теперь играю.
Своим врагам лаская уши,
От горя и стыда сгораю.

Сын Тлепша брал меня повсюду.
Он струн моих смычком касался,
Играл, и совершалось чудо:
Старик — он юношей казался.

И в круг джигиты выходили,
И всё на свете в пляс пускалось.
Но старого певца убили,
И я врагам его досталась.

Меня судьба не пожалела.
И на пути в тоске смертельной
На всё ущелье я звенела,
Болтаясь под лукой седельной.

Забавой стала я, игрушкой,
Покрылись струны жирной грязью,
Меня приносят на пирушки,
Чтоб петь хвалу и славу князю.

Я на плече у сына Тлепша
Напевы вольные играла,
А нынче песней раболепной
Грешу я — скрипка аксакала.

Я захирела от бессилья.
Былое вспомнить я пытаюсь,
А кто-то снова пилит, пилит,
Перепилить меня стараясь.

Кем я была!.. А что я значу
Для этих глупых неумельцев?
Вот бы утешиться мне плачем
По нынешним моим владельцам!

26. ПЕСНЯ УМИРАЮЩЕГО ЧАБАНА

Гляжу я на отару через силу,
Товарищи копают мне могилу.
Ей-охри-ей, что делать мне, не знаю.
Ей-охри-ей, за что я пропадаю?

Мне кости изломала лихорадка,
Я горько жил, а помирать не сладко.
Ей-охри-ей, что делать мне, не знаю.
Ей-охри-ей, за что я пропадаю?

Засыплют чабаны меня землею,
Мое добро поделят меж собою.
Ей-охри-ей, что делать мне, не знаю.
Ей-охри-ей, за что я пропадаю?

На склонах гор печально овцы блеют,
Не то поют, не то меня жалеют.
Ей-охри-ей, что делать мне, не знаю.
Ей-охри-ей, за что я пропадаю?

Домой мою черкеску отослали,
«Зачем ему!» — товарищи сказали.
Ей-охри-ей, что делать мне, не знаю.
Ей-охри-ей, за что я пропадаю?

И новые чарыки отослали,
Сказали, мол, наденет их едва ли.
Ей-охри-ей, что делать мне, не знаю.
Ей-охри-ей, за что я пропадаю?

И у овцы бывает два ягненка,
А у меня хоть брат бы, хоть сестренка.
Ей-охри-ей, что делать мне, не знаю.
Ей-охри-ей, за что я пропадаю?

Жена заплачет от недоброй вести,
С ней, бедной, мы недолго жили вместе.
Ей-охри-ей, что делать мне, не знаю.
Ей-охри-ей, за что я пропадаю?

Под боком посох, в головах солома,
Хоть напоследок мне поспать бы дома.
Ей-охри-ей, что делать мне, не знаю.
Ей-охри-ей, за что я пропадаю?

27. БАТРАЦКАЯ ПЕСНЯ

Мочит травы не роса,
Не ручей течет —
Чем длиннее полоса,
Тем обильней пот.

Ой, хозяйская мошна
Велика.
Ой ты, бедная спина
Батрака!

Не за тридевять земель
Океан без берегов,
У хозяина кошель —
Океан без берегов.

Ой, хозяйская мошна,
И темна ты, и грешна.
Не из наших ли кишок
Сшили денежный мешок?

28. ТЮРЕМНАЯ ПЕСНЯ

Черные ночи
И черные дни.
Что их чернее?
Думы мои!

К стенам тюремным
Приходит родня,
Женщины плачут,
Прося за меня.

Просит родня,
Да начальник сердит —
Вашей просителей
Гнать он велит.

Стар наш начальник,
А бога забыл,
Душу мою
Загубить он решил.

В руки возьму я
Пхапшину свою,
Песню спою
Про судьбину свою.

Мне б улететь —
Да стена высока,
Дверь отпереть —
Не осилишь замка.

Видно, сюда
Я попал навсегда,
Хлеб да вода —
Наша еда.

Хлеб да вода —
Наша беда.
Сгину я здесь,
Пропаду без следа.

В нашем остроге
Начальник-старик
Смотрит на всех,
Как на мясо мясник.

В нашем остроге
На ранней заре
Бьет барабан
На тюремном дворе.

Стар я годами,
А трусом не слыл.
Князю-обидчику
Я отомстил.

Князь был горячим,
Чуть что — за кинжал,
Бился со мной он,
Да не устоял.

Так и упал он
С кинжалом в руке,
Этот кинжал —
У меня в сундуке.

Я не прощал
Ни обиды, ни зла,

Пусть я погибну —
Наша взяла.

Я не боюсь
Ни сибирской зимы,
Я не боюсь
Ни цепей, ни тюрьмы.

29. ГОНЯТ НАС В СТАМБУЛ

Черные вороны машут крылами,
Подлый Анзоров правит делами.
Родина, мы не увидимся снова!

Всем паспорта нам всучили обманом,
Нас обдурили, а спорить нельзя нам.
Гонят нас, гонят из края родного!

Поезд уходит без опоздания,
Поезд гудит, заглушает рыдания.
Не забывай нас, земля дорогая!

Ветры парчовый платок растрепали.
Братья, мы свидимся снова едва ли!
Гонят нас, гонят из отчего края!

Плачет-рыдает гармоника чья-то,
В край наш любимый нам нету возврата.
Нас от родимой земли оторвали!

С близким проститься — сердцу казнить.
Консул турецкий торопит и злится.
Гонят, увозят нас в дальние дали!

30. УСЛЫШЬТЕ ЖАЛОБУ МОЮ

В шкафу, где скрывалась я целые дни,
Меня отыскиали, схватили они,
В машину втолкнув, повезли к коменданту, о горе!

Мехи растянули гармошки своей, —
Змеей растянувшись средь гор и полей,
Нас, пленниц, увозят с Кавказа вагоны, о горе!

Колечко ушло, прикатилось назад. . .
Когда б я ушла в партизанский отряд,
Обратно вернулась бы в дом я родимый, о горе!

Везут меня в край ненавистный врага,
И, если вам память моя дорога,
Оставлю, подруги, вам горы Кавказа, о горе!

И вот наступает мучительный час —
Сажают в машины фашистские нас,
По разным местам всех подружек развозят, о горе!

Везет комендант меня в город Берлин,
Везет, как рабыню свою властелин,
Как волк, что из стада ягненка уносит, о горе!

Фашист-комендант меня вводит силком,
Как будто в застенки, в фашистский свой дом.
А мать и отец меня холили в детстве, о горе!

Платком я лицо закрываю в тот час,
Когда он заходит ко мне не стучась.
Стою, и дрожу, и от страха бледнею, о горе!

Жених, лейтенант мой, что служит в Баку,
Что письма писал про любовь, про тоску,
Не знает, что я далеко на чужбине, о горе!

Платка по ночам подшиваю края.
Коль спросит жених: «Где невеста моя?» —
Скажите ему — изнывает в Берлине, о горе!

Чесала я волосы, косы плела.
Ах, дома я девушкой резвой была,
А здесь я иссохла в тоске по отчизне, о горе!

Хоть надвое сердце мое разорвут,
Не стану учиться немецкому тут:
Хотят, чтоб язык я родимый забыла, о горе!

Весь день над Берлином летит воронье.
Родных вспоминаю и детство свое —
И горькие слезы рекой проливаю, о горе!

Ночами здесь в доме пылают огни.
Пусть в пламени жарком сгорают «они» —
Одна я, одна среди «них» пропадаю, о горе!

31. КУДА ПОНЕСУ ТЕБЯ?

Где сражение шло,
Там кружатся птицы.
Князь покинет седло,
Чтобы чем-нибудь поживиться.

Маленькое яйцо
Стало большим орлом,
Тоненькое деревцо
Стало лесом, где мы живем.

Пустынно у нас в лесу,
Нелюдимы эти места.
Но куда я тебя понесу,
Жансоховский сирота?

Конь горюет, грызет удила —
Это доля вдовьих коней.
Разорвалась пола
Безрукавки моей.

Ой, Жансоховы,
Ой, тхукотли,
На кого вы работали?
Для чего вы работали?
То, что целой семьей
Вы скопили за век,
Разорил и разграбил
Один человек —
Князь Тлостанбек.

В море кружится лодки обломок,
Ветер воет, бушует вода, —
Сын мой, честного рода потомок,
Нам с тобою податься куда?

Понесла бы на север кровинку свою,
Да на севере виселиц много.
Понесла бы на юг, да в султанском краю
Злые люди, забывшие бога.
Ни на юг, ни на север нам нету пути.
Где нам скрыться, куда мне тебя унести?

32. ПЕСНЯ ГОШАГАГ

Пойдем, сестра моя Карашаш,
Поглядим, не едет ли Каншоби.
Если не едет кормилец наш,
Мы поплачем с тобой вдвоем.
Мы поплачем с тобой вдвоем,
Черный камень слезой прожжем.
Нет, не камень слеза прожжет,
Ой, слеза мне глаза прожжет.

Руки-ноги мои болят,
На дорогу глаза глядят,
По которой пять лет назад
Ускакал дорогой Каншоби.
Ты куда ускакал, Каншоби,
Навсегда ускакал, Каншоби?
Ты увез с собою детей —
Двух единственных сыновей.
Скрылся ты вдали, и с тех пор
Всё в пыли — и овин, и двор.
Опустел наш каменный дом —
Без мужчины холодно в нем.
Я одна. Я молчать должна.
Я молчу — сиротливая мать,
Но, покинутая жена,
Не могу я тебя не звать.

Вьются косы мои до пят,
Смоляные косы блестят.
Для чего блестят, для кого —
Нет хозяина моего.
Много ходит князей за мной,
Но не нужен мне муж иной.
Я не стала ничьей женой,
Я осталась твоей вдовой,
От печали едва живой.

Кто найдет тебя, Каншоби,
Кто вернет тебя, Каншоби?
Кто нас снова сведет с тобой,
Для того я буду рабой,
Я его малолетних детей
Белой грудью вскормлю своей.

33. ПЛАЧ РАЗВЕДЕННОЙ ЖЕНЫ

Когда я в дорогу тебя собирала,
Ты возвращался с удачей,
Когда на пороге тебя я встречала,
Это было праздником нашим.
Если б снова я стала твоей женою,
Наши дети были бы сыты;
Если в доме я жить недостойна с тобою,
Ты позволь мне в хлеву поселиться.
Я одела б детей, что разуты, раздеты.
Если б ты возвратился,
Мы глаз не сомкнули б с тобой до рассвета
И ночь нам казалась бы краткой.
К плечу бы прильнул и к груди моей белой —
Если б к жене ты вернулся.
Я бы наших озябших детей одела,
Если б ко мне ты вернулся.
Кому скажет золовка доброе слово,
Кого моя мать напоит махсымой?
Если тебя нашла бы я снова,
Сиротами не были б наши дети.

Где твоя шапка с мехом оленьим,
Где скакун твой караковой масти?
Ты бы вернулся хоть на мгновенье,
И на мгновенье вернулось бы счастье.

34. ПЛАЧ ВДОВЫ

Для тебя, мой сынок, я еды не нашла,
В доме холодно — дров я найти не сумела.
Мир жесток; чтоб тебя оградить ото зла,
Я бы душу твою отделила от тела.

Я спасла бы тебя от невзгод и обид,
Чтоб предстал ты безгрешный под сводами рая,
Но тогда кто за гибель отца отомстит,
Кто убийцу его на земле покарает?

Я порхала, как птица морская бела,
Я сияла, румяна, как ранняя зорька.
Может, если бы я некрасивой была,
Мы сегодня с тобою не плакали б горько.

К нам повадился князь. Он медовых речей
И базарных сластей не жалел на позор мне.
Князь — старик, а горяч, да отец горячей.
Жаль, у князя кинжал оказался проворней.

Я на помощь звала, я рыдала навзрыд,
А соседи боялись прийти, чтоб помочь мне.
Кто за гибель отца твоего отомстит?
Вся надежда теперь на тебя, мой сыночек.

Спи, джигит мой, ты мал и бессилен пока.
Как мы слабость, как бедность свою переспорим?
Пусты груди мои, нету в них молока,
Пусто всё, только сердце наполнено горем.

Я бы вынула душу твою и свою,
Чтоб предстали бы мы пред воротами рая,
Но кто на земле в справедливом бою
Убийцу отца твоего покарает?

35. ПЛАЧ ФАТИМАТ, ВЫДАННОЙ ЗА СТАРИКА

Девушкам, нам старики не милы.
И я полюбила тебя — молодого.
Любила я, да недолюбила —
Выдали замуж меня за седого.

Был девичий платок голубым, как небо.
Был голубым, а стал он серым.
Большие поминки по мне устроят
На калым, что родне за меня заплатили.

Я, как на грех, тебя, молодого,
Больше всех на свете любила.
Почему ты грустить меня заставил,
Почему увезти меня не решился?

Я шапку золотом расшивала,
Мечтала, что ты с меня ее снимешь.
Плетенные пуговицы золотые
Ты расстегнул бы на белом платье.

А теперь и шапка моя, и платье
На кровати лежат, слезами политы.
Орайда, твой кинжал серебром не блещет, —
Никогда бы меня за тебя не отдали.

Стяните потуже холстиною белой
Тело мое, что от горя сгорает.
Любовь из груди ни за что не вырвешь,
А если вырвешь, то с сердцем вместе.

Весной, когда сады расцветают,
Не срубают в зеленых садах деревья.
В пору цветенья меня подрубили —
Сгубили, продали старому в жены.

36. ПЕСНЯ ТАУЖАН

Солнце сядет и взойдет.
Дождь пойдет и пройдет.
Есть начало у всего,

Есть конец у всего,
Кроме горя моего.

Пусть скупым моим родным
Выйдет боком калым.
Пусть удавится с тоски,
Тот удавится с тоски,
Кого мне прочат в женихи.

37. ХАЦАЦА-КРАСАВИЦА

«Чем ты гордишься, Хацаца-красавица?
Долго стоящий напиток нам нравится —
Чище становится наша махсыма,
А от сидения долгого в девушках
Девушка портится непоправимо!»
— «Что вам за дело? Я рода крестьянского,
Я не терплю красnobайства дворянского,
Ваши слова лицемерны и лживы.
Много дворян меня, девушку, сватают,
Сколько б ни сватались, мне не нужны вы!»

«Чем ты гордишься, Хацаца-красавица?
Гордость такая джигитам не нравится,
Так и останешься в девках с позором!»
— «Гордость моя — мои руки искусные:
Я рукава расшиваю узором,
Я вышиваю рукою умелою,
Я из орешника коновязь делаю,
К смелым джигитам полна уваженья.
Ты же коня своего не привязывай —
Не был ты храбрым на поле сраженья!
Знатный придет — не встану, не гляну я,
Лишь для крестьянского юноши встану я:
Наши крестьяне — джигиты лихие!
Самые знатные девушку сватают,
Но женихи не нужны мне такие!

Если хотите послушать меня:
Нужен такой мне жених,

Чтоб из конюшни он вывел коня,
Лучшего из вороных,
Чтобы седлал его черным седлом,
Чтобы в седле он помчался верхом,
Чтобы, зайдя неожиданно в тыл,
Надвое крымскую рать разделил,
Чтоб воевал неустанно,
Чтобы красавицы пели о нем,
Чтоб он преследовал ночью и днем
Злобного крымского хана,
Чтобы сумел землепашцев поднять,
Чтобы повел их на крымскую рать,
Чтобы он всех побеждал смельчаков,
Чтобы дрожать заставлял он врагов,
Чтобы, когда возвращается рать,
Был он всегда позади,
Чтобы, когда ополчается рать,
Был он всегда впереди,
Чтобы казался он страшным врагу, —
Я для такого себя берегу!

Ну, а какой мне не нужен жених?
Знатный, исполненный чванства.
Если он выбрал из качеств мужских
Лишь беспробудное пьянство,
Если страшит его крымская рать,
Если не любит он старую мать,
Если бранит его старый отец,
Если в семью свою вносит раздоры,
Если на каждой пирушке, наглец,
Он затевает и драки, и ссоры,
Если он первым приходит на пир,
Ссорится из-за почетного места,
Если его ненавидит весь мир, —
Нет, я такому не буду невестой!
Нет, не ценю я такого никак, —
Столько таких, сколько грязных собак.
Мерин откормленный с шеей короткой, —
Нет, я его не считаю находкой!
Столько таких, сколько кольев в плетне, —
Люди такие не нравятся мне!»

«Чем ты гордишься, Хацаца-красавица?
Станом своим ты не можешь прославиться,
Кость широка, и лицо грубовато,
Косы твои не черны, как смородина,
Тело не нежно, как крымская вата, —
Чем же гордишься ты? Чем же ты чванишься?
Если, Хацаца, ты в девках останешься,
Будешь сама виновата!»

«Если останусь я в девках, страдалица,
Если состарюсь я, что вам печалиться?
Нет, не дадут меня люди в обиду!
Вы не нужны мне! А замуж захочется —
Я за крестьянского юношу выйду!»

38. ПЕСНЯ МЕЛЬНИЦЫ

Циргута, циргута,
Бьют колеса, циргута,
Я мелю, мелю, мелю,
Я лениться не люблю.

Сверху падает зерно,
А за ним еще одно,
Два зерна, и три, и пять, —
Не успеешь сосчитать.

Мельника зовут Муса,
Мельник хитрый как лиса,
Белый весь, да у лгуна,
У него душа черна.

Циргута, циргута,
Бьют колеса, циргута,
Я лениться не люблю,
Я мелю, мелю, мелю.

Слух идет, что наш Муса
Может делать чудеса,
Слух идет, что у Мусы
Есть чудесные весы.

Приходи — увидишь чудо:
Сгрузишь пуд — вернешь полпуда.
Что привозят на арбе,
То уносят на горбе.

39. ПЕСНЯ ОБ УКРАДЕННЫХ КАЛОШАХ

Ты, сохста, слаб на глотку —
Весь день ты хлещешь водку.
Не избежал позора,
Невежда и обжора.

Пришел в плохих калошах,
Назад ушел в хороших.
Не избежал позора,
Невежда и обжора.

Уж лучше сапоги бы
Украл на две ноги бы.
Калоши рвутся скоро,
Невежда и обжора.

Повсюду ты в гордыне
Ходил в чужой резине,
Но уличили вора,
Невежда и обжора.

Ты поделом наказан —
Ты ходишь одноглазым.
На мир глядишь вполвзора,
Невежда и обжора.

Молва по белу свету
Разносит песню эту.
Не избежал позора,
Невежда и обжора.

40. ХАТУЕВЦЫ

Хатувцы о сохах
Не знают
И дубинами землю
Взрыхляют.
А собак к водопою
Гоняют,
А коней в сапоги
Обувают.
От волов молоко
Получают
И сольцою его
Посыпают.
На корову седло
Надевают,
Баб своих наголо
Обривают.

41. ХАЩЕВ АЛИ

Жил Али, песни пел,
Жил неплохо — как хотел,
Простоквашу с кашей ел.
Об одном Али жалел,
Что жениться не сумел.

Обошел он много сел,
А невесты не нашел,
Он невесты не нашел,
К Шогенову Мусе пришел.

«Помоги ты мне, Муса,
У меня остра коса,
У меня остра коса —
Луг скошу за полчаса.
За косьбу лугов чужих
Платят десять золотых.
Без жены и без родных

Некуда девать мне их.
Некуда девать мне их,
Надо пропивать мне их».

Говорит Муса:

«Алла!

Хоть беда и не мала,

Хоть беда и не мала,

Твои наладятся дела».

Принес Шогенов два седла,

Пыль взлетела и легла

Около того села,

Где красавица жила.

Осадил Муса коня

У высокого плетня:

«Встречай, красавица, меня,

Поддай полено из огня».

А красавица в ответ:

«Не до вас мне, сосед,

И своих много бед,

Жизнь моя — хуже нет,

У меня мужа нет».

«Я тебе, моя краса,

Помогу, — сказал Муса, —

Мы вдвоем к тебе пришли,

С женихом в твой дом пришли,

Вот он — Хапцев Али.

У него нет земли,

Богу он не молится,

Со слабыми борется,

С соседями ссорится».

Говорит красавица:

«Мне такой не нравится:

У него кабанья рожа,

У него облезла кожа,

Борода облезла тоже,

И, видать, ему нужна

Бескалымная жена».

Отвечает ей Али:
«Мы не попусту пришли,
Я жену ищу такую:
Белокожую, большую,
Чтоб детей не рожала,
Чтобы сто коров держала,
Чтобы молоко сбивала
И сметану мне давала,
А сама бы ела мало.
Чтоб меня не поднимала
Утром из-под одеяла,
Чтобы в лес не посылала,
Чтобы мы всегда одни
Жили без ее родни».

Сказала девушка Али:
«Друг другу мы не подошли,
Потому что муж мне нужен,
Чтоб здоровым был и дюжим,
Чтоб он пас овец сто дюжин,
Был с любой работой дружен
И съедал овцу на ужин.
Ты ж на черта похож,
Ты волов не запряжешь,
Ты коня не уберешь,
Целый день ты жрешь да пьешь.
Если за тебя пойдешь,
Пропадешь ни за грош.
Ты, Али, нехорош,
Ты жены не найдешь».

Опечалился Али.
Говорит Мусе: «Пошли!
Никогда, Муса горбатый,
Никогда, Муса проклятый,
Никогда меня не сватай.
Человек хотел жениться,
Для чего ж над ним глумится
Эта чертова девица?
Мне такая не годится.
Поскорей бы мне напиться,
Чтоб с тоски не удушиться».

42. ЛЕНИВАЯ ДЕВУШКА

Не ворчливая ль старуха
Попадется мне свекруха?
Вволю спать дадут ли?

Далеко ли там до речки?
За водой от теплой печки
Утром не пошлют ли?

Будет ли свекруха злою —
Между мужем и женою
Встанет иль не встанет?

Муж мой матушки бояться,
Ей на смех со мной ругаться
Станет иль не станет?

Много ль будут печь да жарить,
Много ли варить да парить,
Буду ли сыта я?

Будет ли мой муж с деньгами,
Будет ли богат долгами,
Каждый грош считая?

На работу неужели
Будут гнать меня с постели,
Чтоб я загрустила?

Не дадут ли в руки мыла,
Чтоб стирала я и мыла,
Чтоб себя сгубила?

43. ШУТОЧНЫЕ КУПЛЕТЫ

Покосился ваш плетень,
А тебе поправить лень.
Помани тебя соседка,
Ты плясал бы целый день.

Твой отец гусей гонял,
Десяти не досчитал.
Всё пропало: и невеста,
И еда, чем угощал.

Золота золотника
Не хватило для клинка.
У твоей подружки тоже
Не хватает пустяка.

Продавец с большим лотком
Крикнул: «Вишенки с медком!»
Девушка шепнула парню:
«Жду тебя я вечерком».

Брюхо свежую травой
Набивает конь худой.
Ест невеста не наестся
Даровой твоей едой.

Старшая сестра прошла —
Голова как у козла.
Младшая прошла за нею —
Как лебедушка бела.

Колеса луна круглей,
Если ей пятнадцать дней.
А девица округлится —
Значит, замуж надо ей.

44. ЛИЦО

Глазки — это родники.
Брови — черных две реки.
Рот — ущелье, а нос —
Над ущельем утес.

45. СТО ИСТИН

Истин столько, что не счесть.
Если ум и голос есть,
Подпевай, а если нету,
Сядь и слушай песню эту.

Даже бурная река.
Началась от ручейка.
Сад из зернышек расцвел.
Вышел из яйца орел.

Разве есть такая сила,
Чтоб сплоченных победила?
А того, кто одинок,
Бьет и человек, и бог.

Из того, что есть вокруг,
Лучшее — хороший друг.
Тем, кто обижает друга,
В трудный час бывает туго.

Знания — сила мудреца,
В сабле — сила храбреца.
Медлящий в бою — не воин,
Спорщик — жалости достоин.

Нерадивые волы
Недостойны похвалы.

Коль с соседом вы враги,
Брось хозяйство и беги.

Нет богатства — не ленись,
Есть богатство — не гордись:
И у самой гордой птицы
Могут крылья подломиться.

Худшее из зол — донос.
Тот собака, кто донес.

Для арбы привычна тряска.
Женское оружие — ласка.
Если девушка грязна,
В девках и помрет она.
Сонная жена — ленива,
А ленивая — сонлива.

И журавль без журавленка
На заре кричит незвонко.
Дождик падает из туч.
Куст шиповника — колюч.

Тот, кто тащится за бабой,
Сам не лучше бабы слабой.

Не дождется похорон
Тот, кто морем погребен.
Чтобы покарать сурово,
Бог людей лишает крова.

Человек без друга — зверь,
Нелюдимому — не верь.

Снохи ссорятся всегда.
Пуля — горькая еда.

Боль, ей-богу, не причина,
Чтобы слезы лил мужчина.

В доме без гостей — тоска.
Ненакрытый стол — доска.

Если нет в седле джигита,
Это не седло, а сито.

Неотточенные сабли —
Не оружие, а грабли.
Незаряженные ружья —
Это хлам, а не оружие.
Плуг без пахаря — чурбан.
Дурень тот, кто вечно пьян.
Говорящий: «Враг — не враг!» —
Это трус, а не добряк.

Дом без крыши — не жилище.
Хвастовство — для труса пища.
Умного от дурака
Отличишь издалека.
Как утес душа джигита,
Если тайна в ней сокрыта.

Счастье, коль умен вожак,
Горе, если он дурак.
Жалости достоин тот,
Кто за дураком идет.

Бедным тяжелее всех,
Бедного обидеть — грех.

У меча один закон:
Коль остер, так рубит он.

Курица, коль нет насеста,
На земле находит место.

Коль живет при теще зять,
Как, скажи, его назвать?

Дуб, дающий тень в тиши, —
Утешение души,
А сухой, безлистый дуб
Годен разве что на сруб.

Честолюбец хмур и зол,
Если славы не обрел.

Осенью тыквоваренье
Для хозяек — наслажденье.

Если б знали, где беда,
Не бежали бы туда.

Жамбулат, я стар, я плох.
Старых не жалеет бог.
Жизнь для старика беда.
Сыт я не был никогда.
А еще хочу сказать я:
Бедняки друг другу братья,
А бедняк, чей брат богат,
Брату своему не брат.

46. ПЕСНЯ ОБ АДИЮХ

Мы вместе росли, друг друга любя,
Моя Адиух.
Я помню тебя, как помню себя,
Моя Адиух.
Я вырос, я силен стал и высок,
Моя Адиух.
«Приди через год» — ты назначила срок,
Моя Адиух.
Потом ты сказала: «Еще погоди», —
Моя Адиух.
Сказала мне: «В пятницу приходи», —
Моя Адиух.
И в пятницу села со мной на коня
Моя Адиух,
И, чтоб не упасть, обнимала меня
Моя Адиух.
Мы долго скакали по тропам меж скал,
Моя Адиух.
Я теплою буркой тебя укрывал,
Моя Адиух.
Фазан вспорхнул в тишине ночной,
Моя Адиух,
Испуганно вздыбился конь вороной,
Моя Адиух.
Беда поджидала тебя и меня,
Моя Адиух, —
На острые камни упала с коня
Моя Адиух.

И бережно поднял тебя я с камней,
Моя Адиух,
И кровь потекла по черкеске моей,
Моя Адиух.
В день наш заветный, в далеких горах,
Моя Адиух,
Ты на моих умирала руках,
Моя Адиух.
О нет, я тебя не доверю земле,
Моя Адиух,
Тебе не лежать на высокой скале,
Моя Адиух.
Ты в жизни была лишь моею, и впредь,
Моя Адиух,
Ни зверю, ни птице тобой не владеть,
Моя Адиух.
Тебя я одну не оставлю в лесу,
Моя Адиух.
Да только куда я тебя понесу,
Моя Адиух?
Тебя на руках я отнес бы домой,
Моя Адиух.
Но дочь свою проклял родитель твой,
Моя Адиух.
Отнес бы к своей родне, но меня,
Моя Адиух,
Давно за тебя прокляла родня,
Моя Адиух.
Кто может построить гробницу, чтоб в ней
Моя Адиух
Спала непробудно вдали от людей,
Моя Адиух?
За это отдам я лихого коня,
Моя Адиух.
А мало — отдам всё, что есть у меня,
Моя Адиух.

47. МАЛЕЧ

В селенье ее называют Малеч.
Ее шелковистые кудри — до плеч.

О ком-то мечтает,
О ком-то страдает,
О ком-то заводит с подругами речь.

Ей-богу, недаром же крымский Гирей
Узнал о Малеч и приехал за ней.
С отрядом немалым
Ее отыскал он
И прочь ускакать поспешил поскорей.

Недаром, как только примчался гонец,
Собрал свое войско Шумахо-храбрец,
Погнался по следу,
Помчался по следу,
С Малеч воротился — и делу конец.

Эй, юноша с сердцем горячим в груди,
Эй, юноша, гордость свою победи.
Ты встань с нею рядом
И пламенным взглядом
Красавице этой в глаза погляди.

Садится Малеч — словно птица Малеч,
Когда распрямится — как львица Малеч.
Глаза ее чисты
И кудри пушисты.
Посмотришь и скажешь: «Царица Малеч!»

А кожа ее — как сиянье зари.
Джигит, покори ее, уговори,
В жены возьми ее,
К сердцу прижми ее,
Добейся ее, приручи, покори!

48. ПЕСНЯ НАКУРЫ

Сад весною, как всегда,
Свой наряд расправил,
В горы ты погнал стада,
А меня оставил,
А меня оставил.

В горы ты погнал стада —
Только пыль вернулась.
Я глупа и молода —
Вот и обманулась,
Вот и обманулась.

В черной бурке молодец,
Парень в шапке белой, —
Даже для твоих овец
Песенки я пела,
Песенки я пела.

Белый вол привык к ярму,
Конь приучен к бою.
Я себя в твоём доме
Видела снохою,
Видела снохою.

Позади и впереди
Пастухи у стада.
Ты прильнешь к моей груди.
Что ещё мне надо?
Что ещё мне надо?

Шаль моя белым-бела
Шею мне сдавила.
Я тебя бы обняла
И не отпустила,
И не отпустила.

Будет овцам на обед
Травушка густая.
Ах, зачем же с малых лет
Берегла себя я?
Берегла себя я?

49. ТАУКАН

Моя комната светлой была сначала,
Пока не узнала я Таукана, —
Но темною комната эта стала,
Когда повстречала я Таукана.

Сердце мое было больше утеса,
Пока не узнала я Таукана, —
Сердце мое стало зернышком проса,
Когда повстречала я Таукана.

Змеей обвилась тесьма золотая
Вокруг моего тонкого стана.
Я песни пела — я плачи слагаю,
С тех пор как увидела я Таукана.

Я на небо глядеть не могу без боли,
Тучку увижу — и сердце забьется.
Когда Таукан мой умчится в поле,
Мне кажется — он никогда не вернется.

Не будь, мой отец, бессердечным и строгим,
На мне свою не показывай силу.
Передо мною лишь две дороги:
Одна к Таукану, другая — в могилу.

Мой перстень заветный с одним алмазом, —
Вы хотите, чтоб я его потеряла.
Не гляди же, брат мой, недобрым глазом,
Не точи, мой единственный брат, кинжала.

На лугу веселятся ягнята наши,
Если солнце пригреет их хоть немножко.

Когда Таукан на празднике пляшет,
Веселее играет моя гармошка.

Говорят, Таукан незнатного рода,
Говорят, что не быть мне его женою,
Всё равно буду ждать, не спать до восхода -
Может быть, Таукан приедет за мною.

50. ПЛЕННИЦА

Он

Ты пленница в чьем-то саду,
Но я за тобою приду.
Под черною шалью не плачь обо мне —
Сквозь лес я пробьюсь, проскачу на коне,
Тебя среди тысяч найду.

Она

Нет, в этом проклятом аду
Я лучше одна пропаду.
Куда, мой любимый, направишь коня:
Один ты, а сто охраняют меня.
Погибнешь ты, мне на беду.

Он

Адыг, не боюсь я твоих
Тюремщиков мрачных и злых.
Коль меньше, чем в сердце горячей любви,
Надежды в душе и отваги в крови,
Какой для тебя я жених?

Она

Нет, счастье мое же храня,
Сюда не гони ты коня.
Я здесь поседела, я стала не та,
В неволе поблекла моя красота.
Увидишь — разлюбишь меня.

Он

Люблю я тебя лишь одну,
Нет жизни, пока ты в плену.
Я взглядом спалю и разрушу тюрьму.
Тебя подниму я, и к сердцу прижму,
И новую душу вдохну.

51. ЧТО ТЫ, ПАРЕНЬ, БУДЕШЬ ДЕЛАТЬ?

Он

Всей душой стремлюсь к тебе я,
Без тебя мне день темнее,
Нету без тебя дорог.
Что придумать ты сумеешь,
Чтобы сделать я не смог?

Она

Если, став голубкой белой,
Улечу я навсегда,
Что ты, парень, будешь делать,
Что придумаешь тогда?

Он

Станешь ты голубкой? .. Что же,
В птицу превращусь я тоже,
Полечу голубке вслед.
На земле иль над землею —
Лишь бы только быть с тобою!
Что ты скажешь мне в ответ?

Она

Ну, а если стану ланью,
В лес я убегу стремглав,
Что ты, парень, делать станешь,
В лани милую узнав?

Он

По лесам, по тропам горным
Я промчусь ловцом проворным,
Петлю сделаю из рук,
А потом со всею силой
Кину петлю я и милой
Шею обовью вокруг.

Она

Если буду я больною,
Буду бредить день и ночь,

Что ты сделаешь со мною,
Чем ты сможешь мне помочь?

Он

Я искусством врачеванья
Облегчу твои страдания,
Я спасу тебя, мой свет,
Стану я живой водою
И целебною травою.
Что ты скажешь мне в ответ?

Она

Ну, а всё же если веки
Я закрою навсегда,
Если я усну навеки, —
Что ты сделаешь тогда?

Он

Я тогда смирюсь в бессилье,
Но, по-прежнему любя,
Белым саваном в могиле
Обовьюсь вокруг тебя!

52. ХАТАУ

Украшают лишь стада
Шелк лугов зеленых,
Украшает жизнь всегда
Счастье душ влюбленных.

Седины в косе моей
Я не замечаю,
Хатау среди парней
Я не замечаю.

Две косы, как два ручья,
Заплела надолго ль?
Твой приятный голос я
Не услышу долго ль?

Каблуки мои, поверь,
Маленькие очень,
Как любовь твою ни мерь —
Маленькая очень.

Песне той, что я пою,
Громче подпевайте.
Про печаль-тоску мою
Другу передайте.

53. ЧЕРНЫЕ ГЛАЗА

Сердце тянется к нему,
К дорогому моему.
Отчего и почему —
И сама я не пойму.

Это чувство даже бог
Сделать слаще бы не мог.
По тебе я умираю,
Черноглазый голубок.

Ой и глупой я была,
Ничего я не ждала.
Словно песенка пхалшины,
В сердце мне любовь вошла.

Вышиваю скатерть я —
Слезы льются в три ручья.
Если ты меня разлюбишь,
Оборвется жизнь моя.

Жду тебя я на лугу,
А увижу — убегу.
Глупо, знаю, поступаю,
Да иначе не могу.

Мой любимый, ну и что ж,
На красавца не похож.
Человек хорош для глаза,
Если для души хорош.

Я забыла все дела,
Косу лентой заплела.
Я подумала о милом
И подушку обняла.

Я гляжу на небосвод —
Между туч луна плывет.
Между кожей и костями
Ходит страсть и тело жжет.

В зеркало сижу гляжу,
Красоты не нахожу.
Я зачахла, я в тревоге
Дни и ночи провожу.

Листья по ветру летят,
А меня сильнее в сто крат
Страсть в твои объятия гонит
И не смотрит на адат.

Солнца нету. Где оно?
Нет луны, темным-темно.
Если я тебя теряю,
День иль ночь — мне всё равно.

54. КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Зеленчук и долина его —
Луговина отца твоего.
А у матери твоей
Вьются косы, как ручей.

Наша гордость и наша краса
Ты, малыш, — золотая роса,
Что упала на наше село.
Седловину горы,
Что в снегу до поры,
Для игры ты возьмешь как седло.

А когда подрастешь,
Ты коня подкуешь,
В руки саблю возьмешь.
И тогда
Кони в бой полетят —
Будешь ты впереди,
А поскачут назад —
Будешь ты позади,
И к тебе не пристанет беда.

55. ПЕСЕНКА, С КОТОРОЙ УЧАТ ХОДИТЬ

Мима, Мима,
Мима — серенький мышонок,
Мима — черный медвежонок.

Шапочка плетеная,
Кисть позолоченная.
Замаралась шапочка,
Затерялась шапочка.

Ищет мама —
Не найдет.
Отец нашел —
Сынку несет.

Ходит Мима взад-вперед.
А где шапка?
Вот!

56. МАМИН СЫНОК

Мамин сынок,
Словно клубок,
Крутится вечно
У маминых ног.

Бабушке в юбку
Тычет он нос,
Будто навечно
К юбке прирос.

Мамин сыночек,
Бабушкин внук,
Слезть он не хочет
С маминых рук.

57. КТО СТУЧИТСЯ?

— Кто стучится?
— Абдуллах!
— Ты откуда?
— Был в гостях!
— Что там ели?
— Петуха!
— Что осталось?

- Потроха!
- Где остатки?
- Снес в амбар!
- Где амбар?
- У двух чинар!
- Где чинары?
- Там, где были!
- Где чинары?
- Их спилили!
- Где пила?
- В мешке была!
- Где мешок
- Сгорел дотла!
- Где огонь?
- Вода гасила!
- Где вода?
- Пила кобыла!
- Где кобыла?
- Князь седлал!
- Где теперь он?
- Ускакал!

58. ГДЕ ШИХИМ?

- Где Шихим?
- Дома нет.
- Где Шихим?
- Ушел чуть свет.

- Куда пошел он?
- На восток.
- А что нашел он?
- Кошелек.

- Где Шихим?
- Идет домой.
- Где обновка?
- За спиной.

- Что несет Шихим?
- Вельвет!

— Что сошьет
Шихим?
— Бешмет!
— Для кого сошьет?
— Для сына —
Маленького
Мухадина.

59. К ВАМ ГУСЫНЯ ПРИХОДИЛА?

— К вам гусыня приходила?
— Приходила!
— Вам яичко подарила?
— Подарила!
— То яйцо чабан забрал?
— Забрал.
— Вам взамен овчину дал?
— Дал.
— меховщик ее дубил?
— Дубил.
— А портной ее кроил?
— Кроил.
— Тот портной обнову сшил?
— Сшил.
— Сироте он угодил?
— Угодил.
— Сирота тулуп надевала?
— Бывало.
— Меду вам сирота давала?
— Немало.

60. НОЖКА БАБИНЫ

Уколола в поле колючка,
Уколола колючка-злючка
Ножку Бабины,
Ножку Бабины.

Кровь из ранки пошла сначала,
А потом раздуваться стала

Ножка Бабины,
Ножка Бабины.

Побежала к дяде, а дядя
Покачал головою, глядя
На ножку Бабины,
Ножку Бабины.

Дядя бедной ничем не помог;
Старый пахарь, что сделать он мог
С ножкой Бабины,
Ножкой Бабины?

Брат дремал, но вскочил от крика:
«Милый брат, скорей осмотри-ка
Ножку Бабины,
Ножку Бабины!»

Молодым он был, неумелым,
Рассердился, не осмотрел он
Ножку Бабины,
Ножку Бабины.

Ой, болит у девочки рана.
Полечи-ка скорее, нана,
Ножку Бабины,
Ножку Бабины.

На колени дочь усадила,
Пожалела нана, промыла
Ножку Бабины,
Ножку Бабины.

Чистой тряпочкой обвязала,
И совсем болеть перестала
Ножка Бабины,
Ножка Бабины.

61. ДОЖДИК, ПЕРЕСТАНЬ

Дождик, дождик,
Подожди, —
Надоели нам
Дожди.

Ты по крышам
Зачастил, —
Ребятишек
Разбудил.

Ты пробрался
Как назло,
За оконное
Стекло.

Мокнет в доме
Потолок, —
Через крышу
Ты протек.

В поле стог
Разворотил,
Старика ты с ног
Свалил.

Сбил ограды,
Залил ров,
В стаде распугал
Коров.

Взял ты с нас
Большую дань, —
Дождик, дождик,
Перестань!

Ради бога,
Пожалей,
Хоть дороги
Не залей.

62. ПЕСНЯ ДЕРЕВА

Песню грустную
река
принесла
издалека, —
где-то дерево
шумело,
эту песню
ей пропело:

«Я расту
недалеко,
я ценюсь
невысоко,
а меж тем
моя цена
быть высокою
должна.
Я к вам еду
по дороге
на быках
короткорогих.
Я — мосточек
вашей речки,
огонечек
вашей печки,
груша, что
в тяжелый час
кормит,
выручает вас.
Для княгини
я — постель,
для ребенка —
колыбель.
Я и мачта,
я и лодка
и башмачная
колодка.
Я и стрелы,
я и лук,
и телега я

и плуг.
Я — валежник
для костра.
Я — колода
среди двора,
у которой
ждет конца
обреченная
овца.
Я — дубовое
корыто,
обод липовый
для сита.
Кто идет,
тому я — посох,
едет — ось
при двух колесах.
Для гостей я —
стол треногий,
там — богатый,
здесь — убогий.
Мастер гнет
меня в дугу.
Колесом я
быть могу,
быть могу я
и дубиной,
землемерной
палкой длинной.
Я для девушек
и ступа,
я и пестик,
бьющий тупо,
я и кружка
на пирушке,
я и ручка
просорушки.
Я — кормушка,
я — кадушка,
простоквашная
болтушка.
Я — и вилы,

и ушаты,
деревянные
лопаты.
Я и дышло
для волов,
сразу
для восьми голов.
Для жилища —
я подпорка,
окна, двери,
переборка.
Я — решетка
желоба,
я — пролетка
и арба.
Я вас в дождик
укрываю,
я вам руки
согреваю.
Знайте, люди,
без меня
нет ни дыма,
ни огня.
Без меня бы
вы пропали,
день бы
прожили
едва ли».

63. ДЕВОЧКА ПЛЯШЕТ

Была юбка — юбочка,
Узкая, как трубочка,
Девочка плясать пустилась —
Юбка зонтиком раскрылась.

Музыка играет звонко,
Пляшут ножки — два козленка.
Пусть слетают башмаки,
Отлетают каблуки.

Пляшет дочь, зурна играет,
Мама дочь свою ругает.

Дочку надо ли ругать?
Дочка рада б не плясать,
Но зурна поет сейчас, —
Ножки сами рвутся в пляс.

64. КИСКА

Шерсть твоя мягче шелка,
Каждый зуб твой — иголка.
Ты у печки спишь зимой,
В зной — в тени под бузиной.

Ты, проснувшись спозаранку,
Просишь сливки и сметанку.
Беззаботно ты живешь:
Гость приходит — не встаешь.
А зато почувешь мышь —
И вдогонку ей летишь.

65. ТЕЛЕНОК

Мой безрогий теленок,
Мой красивый теленок,
Белоногий теленок,
Не бодливый теленок.
У тебя звезда на лбу
И пятно на темечке,
Зубы у тебя во рту —
Тыквенные семечки.

Ты не ходишь далеко.
Ты пасешься возле дома.
Пьешь парное молоко,
А твоя постель — солома.

У тебя врагов нет,
Разве что наш сосед.
Огород он сторожит,
Над добром своим дрожит.

У соседа и стручки,
И калина, и малина,
Тыква, брюква, кабачки.
У соседа — хворостина.
Хворостина эта бьет
Тех, кто лазит в огород.

66. КАК ЕЗДЯТ НА КОНЕ

За луку седла
Возьмись,
Ногу — в стремя.
Подтянись,
Занеси
Другую ногу.
Дергай повод
Понемногу —
Уздечка
Стронет коня,
Плетка —
Гонит коня.
Ну-ка плеткой
Замахнись,
К шее скакуна
Прижмись!
Придет время —
Отпустишь стремя,
Повод натянешь —
Конь твой замрет,
Как вкопанный встанет
У самых ворот.

67. МЫШИ

В доме поселились мыши:
И под полом, и под крышей.
Лапы у мышей что грабли,
Зубы у мышей что сабли.

Забрались они в кладовку,
Перегрызли там веревку.
Съели сыру два куска,
Съели жиру два горшка.
Масло в кувшине стояло,
А теперь как не бывало.
Им кладовки было мало,
Мыши вылезли на свет.
Разодрали одеяло,
На ковре оставив след.
Распушили две подушки,
Повалили две кадушки.
В сундуке прогрызли дно,
Перепортили зерно.
Рассердилась наша мать
И пошла кота искать.
Наш отец
Обновку справил:
Мышеловку
Он поставил.

68. БАРСУК

Слышен звук:
Тук-тук-тук.
Под сосной сидит барсук.
Кажется издалека —
Серп на лбу у барсука.
Острый серп быстро жнет,
Быстрый конь летит вперед,
На коне лихой джигит
В шубе дорогой сидит.
Ножницы кроили шубу,

А иголки шили шубу.
Топоры — для колки дров,
Дрова — для печек и котлов.
Уголь тлеет не спеша,
Уголек — моя душа.
Душа нежна у голубка,
Громок голос ишака,
Верблюды неуклюжий,
Вот он — горб верблюжий.

69. ЗАЯЦ

Уши — стрелы,
Нос — свирель...
Заяц белый
Шмыг под ель.

Заяц мчится
Что есть мочи,
Заяц схорониться
Хочет.
То бежит он
И кружит,
То лежит он —
Весь дрожит.
Бедный, он
Всего боится.
Где укрыться
Ото зла?
От лисицы
И куницы,
От орлицы
И орла?

Ой, в овраге
Тень стрелка,
Лай собаки
И щенка.

Уши — стрелы,
Хвост — сучок.

Прыгнул белый —
И молчок.

Он боится
Даже белки,
Певчей птицы —
Даже мелкой.
И чуть видного
Ежа,
И невинного
Ужа.

У зайца
Заячья душа,
Да больно шуба
Хороша.

70. ЛИСА

Рыжая лиса,
Хитрая лиса
Провела мою соседку —
Унесла ее наседку.
Этого еще и мало:
Грядку луку истоптала,
Рядом, в доме пастуха,
Утащила петуха.

Рыжая лиса,
Хитрая лиса
Под горой в своей норе
Пировала на заре.
Первым съела петуха —
Мясо, кости, потроха.
И остались от наседки
Только перья да объедки.
Спать легла лиса, и вот
Заболел у ней живот.

Рыжая лиса,
Хитрая лиса

Для леченья, для спасенья
Поплелась с трудом в селенье.
Встретила мою соседку —
Та припомнила наседку.
Повстречала пастуха —
Тот припомнил петуха!

71. УДОД

Птица странная угод.
Раньше всех она встает.
Первым делом эта птица
На тутовник наш садится.
Расправляет хохолок,
Пробует свой голосок.
«Пу-пу-пуп» — о чем угод
Песенку свою поет?
«Пу-пу-пуп» — что это значит,
Он смеется или плачет?
Так высмеивает птица
Тех, кто спит и не проспится.

Эй, ты, соня и лентяй,
Слышишь, песня раздаётся,
Солнце высоко — вставай:
Над тобой угод смеётся!

БАЛКАРО-КАРАЧАЕВСКИЕ ПЕСНИ

72. ПЕСНЯ СБИВАЮЩИХ МАСЛО

Долай, долай, долкулай.
Не зевай, давай сбивай!

Тот, кто босый, тот, кто голый,
Не поет над чашкой: «Долай,
Долай, долай, долкулай,
В час веселый, долкулай».

Ой, из белого тумана
Вышла белая гора.
Ой, из белого айрана
Маслу выбиться пора.

Шествует по тропам горным
Стадо пестрое с быком.
Ой, живот коровы черной
Полон белым молоком.

Козы черные с рогами
И проворны, и легки,
Хоть у них под животами
Вымена, как бурдюки.

Козы, козы — черношубы
Людам любви с малых лет.
Ой, облизывая губы,
Бедняки глядят им вслед.

Долай, долай, долкулай,
Масло белое сбивай.

Сыто стадо, дышит тяжко,
Пыль дымится позади. . .
Долай, долай, в чашки, в чашки
Масло белое клади.
Долай, долай, долкулай,
Не зевай, давай сбивай!

73. ОЙ, ЭРИРЕЙ

Ой, эрирей,
Инай, инай, эрирей,
Эрирей.
Отгребай зерно скорей,
Эрирей!

Бедняка всегда работа
В поле ждет,
Человеку есть охота
Круглый год.

Если рук мы не натрудим,
Эрирей,
Хлеба, каши есть не будем,
Эрирей!

Есть забота у лентяя
Лишь одна:
Спать-храпеть, забот не зная,
Допоздна.

А у нас наоборот,
Видит бог, —
Сто несчастий, сто забот,
Сто тревог.

Ой ты, бедный человек,
Эрирей!

Должен спину гнуть весь век,
Эрирей!

Разве тот, кто спит до света,
Кто храпит
Зиму и весну до лета,
Будет сыт?

Ой, бедняк, как князь велит,
Встань чуть свет.
Может быть, ты будешь сыт,
Может — нет.

74. ПЕСНЯ АБСАТЫ

Орайда-ра, просыпаются птицы,
Орайда-ра, надо быть начеку.
Старый охотник, зачем торопиться, —
Выстрелить дай молодому стрелку.
Орайда-ра!

Блещут зарницы и слева, и справа.
Целься точнее, стрелок молодой, —
Будет твоею наградой по праву
Турья печенка с холодной водой.
Орайда-ра!

Орайда-ра, твоя пуля не дура,
К славе охотничьей славу прибавь.
Орайда-ра, быстроногого тура
Смотреть на летящую пулю заставы!
Орайда-ра!

Орайда-ра, первым выстрелом метким
Шкуру его под лопаткой пробей,
Ветви рогов, как сосновые ветки,
Сбей раскаленную пулей своей.
Орайда-ра!

Бог всемогущий, мы будем молиться,
Чтоб одарил ты удачей стрелка.

Орайда-ра, ты заставь нас трудиться —
Тащить и грудины, и окорока.
Орайда-ра!

Орайда-ра, горы пред нами!
Орайда-ра, тур с бородой,
Орайда-ра, сало кругами
Да понесем мы наутро домой.
Орайда-ра!

Орайда-ра, ледяные заторы,
Орайда-ра, ни путей, ни дорог.
Орайда-ра, одолей эти горы —
Славу добудешь, отважный стрелок.
Орайда-ра!

Звезды ночные давно отблистали.
Орайда-ра, что нас ждет впереди?
Боже, сердца, где таятся печали,
Радостью, орайда-ра, награди.
Орайда-ра!

Овца оягнется в урочное время
Овечкой одной и барашком одним,
Боже, овечку оставим на племя,
Барашка зарежем, тебе посвятим.
Орайда-ра!

Грозный наш бог, насылающий бури,
Орайда-ра, отмеряющий век.
Счастья нам дай, чтоб о головы туры
Мы спотыкались и падали б в снег.
Орайда-ра!

75. ПЕСНЯ ОХОТНИКОВ

Ветер холодный морозит нам кожу,
Скользки дороги зимой.
Бог Абсаты нам в пути да поможет, —
С ветром мы справимся, хой!

Тень от орла предвещает удачу.
Нету орла над скалой.
Ветер, столкни нас с горы, а иначе
Нас не удержишь ты, хой!

Если сойдем со своей мы дороги,
С чем возвратимся домой?
Где б ты ни прятался, тур круторогий,
Пули найдут тебя, хой!

Жены в селеньях глаза проглядели,
Матери плачут в ночи.
Пусть наши бороды обледенели,
Были б сердца горячи.

Кто полагает, что путь наш не страшен,
Воля судьбы не крива?
Но лучше песня о гибели нашей,
Чем о бессилье молва.

Пали орлиные тени на гору,
Сами орлы над горой.
Будет удача — вернемся мы скоро.
Ждите нас, матери, хой!

76. ПЕСНЯ МАТЕРИ ОХОТНИКА

Ой, снова на туров идешь ты, сынок,
И в горы твой путь далек.
В ущельях снег и бел, и высок
И нет ни троп, ни дорог.

Сын мой, наверно, в горах снегопад,
Глаза мои вдаль глядят.
Из тех, кто уходит туда, говорят,
Не все приходят назад.

С горы не каменный дождь ли упал,
Не снежный гудит ли обвал,
Не давний ли кровник наш точит кинжал
И ждет в расщелине скал?

Пусть же услышит меня с высоты
Добрый наш бог Абсаты,
Да пощадит тебя бог Абсаты —
У меня единственный ты.

77. ЖАНЫБЕК

Говорит Жаныбек-молодец:
Орайда.

Я над пропастью пас овец,
Орайда.

Я в расщелине между скал,
Орайда,

Стадо дикое увидал,
Орайда.

Загорелось сердце мое,
Орайда.

Бросил посох я — взял ружье,
Орайда.

Я прижался в тени куста,
Орайда.

Стал считать — досчитал до ста,
Орайда.

Я в расщелине между скал,
Орайда,

Жугутура на мушку взял,
Орайда.

Понапрасну не целюсь я,
Орайда.

Не дрожала рука моя,
Орайда.

Поглядите, что за красу,
Орайда,

Я домой на плечах несу,
Орайда.

78. ПАСТУХ И ПЕРВОЕ МАЯ

Оделась наша молодежь
На Первомай, о-ой.
Летит салам из дома в кош:
«Весну встречай, о-ой!»

И песня тракторов слышна,
Гремят в полях, о-ой.
И изобилья семена
Ложатся в ряд, о-ой.

Деревья — там и тут — в садах
Уже цветут, о-ой.
Ручьи, родившись в ледниках,
Бегут, бегут, о-ой.

Снуют синицы в борозде
В избытке сил, о-ой.
С прилетом ласточек везде
Май наступил, о-ой.

Корытцем курдюки ягнят
Висят, смотри, о-ой.
Ждут травы сочные телят
В лучах зари, о-ой.

Отвисли вымена коров
От молока, о-ой.
Могучи шеи у быков
И стать крепка, о-ой.

И кобылицы жеребят
Приносят нам, о-ой.

На ножках тоненьких спешат
Они в луга, о-ой.

Отары по округе всей
Вмиг разбрелись, о-ой.
Ягнята сразу матерей
Звать принялись, о-ой.

Колхозной, новой жизни свет
Берет разбег, о-ой.
Свободой горный край согрет
И человек, о-ой.

Так славу партии родной
Споём дружной, о-ой.
Ведь с каждой новой весной
Май всё светлей, о-ой!

79. СНЕГ ИДЕТ

Снег идет, всё снег и снег. . .
Спит богатый человек,
Спит богач, не спит жена —
Всё глядит: полна ль мошна.
Дочь у зеркала сидит,
Сын поет: он пьян и сыт.

Снег идет, всё снег и снег. . .
Плачет бедный человек.
Снег идет, в пути занос, —
Погибает водонос.
Снег идет, в горах туман, —
Спотыкается чабан,
Замерзает дровосек, —
Снег идет, всё снег и снег. . .

80

Отыскать бы для чарыков новых
Кожу, чтоб вовеки не стоптать,
Кожу, чтоб вовеки не стоптать.
Раздобыть бы мне коня такого,
Чтоб на нем до счастья доскакать,
Чтоб на нем до счастья доскакать.

Вечной кожи ты, бедняк, не сыщешь, —
И подошву камни изотрут,

И подошву камни изотрут.
Ой, и обездоленных и нищих,
Нас не к счастью скакуны несут,
Нас не к счастью скакуны несут.

81

Тает вечный снег, бывает,
Тает вечный снег, бывает,
Речкой с гор бежит.
Боль в душе моей не тает,
Боль в душе моей не тает,
А душа горит.

Кровь коня на поле чести,
Кровь коня на поле чести
Мать-земля вберет.
Мать-земля со мною вместе,
Мать-земля со мною вместе
Боль мою возьмет.

82. УРАЗА

У нас ураза, ураза, ураза,
Весь день не едим мы — обычай таков.
От голода лезут на лоб глаза
У бедняков.

Богач эфенди, эфенди, эфенди
Лепешки жует, на лбу его пот.
Хоть ночь позади, хоть день впереди —
Жрет он и жрет.

Весь день не едим мы, беда нам, беда.
От голода лезут на лоб глаза.
Мы бедняки, потому-то всегда
У нас ураза.

83. СИРОТА Я, СИРОТА

В белых саклях там и тут
Месят тесто, хлеб пекут,
Но от хлеба, что печется,
Мне лишь запах достается,
Сирота я, сирота!

За оградами дворов
Доят женщины коров.
Молоко со звоном льется,
Только звон мне достается,
Сирота я, сирота!

84. ПРОКЛЯТЫЕ АЗНОРУ

Сегодня я грустную песню слагаю
О тех, кто далек, о тех, кто далек.
Неправым судом осудили Чиная,
Загнали в острог, загнали в острог.

Ботта знаменитый одною рукою
Подкову согнет, подкову согнет.
А судьи в острог засадили героя,
Он цепи порвет, он цепи порвет.

Был широкогрудым и широкоплечим
Отважный джигит, отважный джигит.
Кривой Айдоболов, с Боттой еще встреча
Тебе предстоит, тебе предстоит.

Азнор Айдоболов, ошибся ты малость,
Проклятый злодей, проклятый злодей,
Решил ты, что в нашем краю не осталось
Отважных людей, отважных людей.

Коль в край им родной суждено воротиться,
Коль мы доживем, коль мы доживем,
Посмотрим, проклятый, во что превратится
Богатый твой дом, богатый твой дом.

Кучмен поджидал тебя у поворота,
Да ты всё не шел, да ты всё не шел.
Блестела винтовки его позолота,
И ложе и ствол, и ложе и ствол.

Без промаха бьет он, да, видно, дрожала
Той ночью рука, той ночью рука.
И тело на камни твое не упало,
Как туша быка, как туша быка.

Джигитом бы выбрать той темною ночью
Другого стрелка, другого стрелка.
Чтоб глаз у него был наметан и точен
И воля крепка, и воля крепка.

Пусть двор порастет твой колючей травой,
Безглазый урод, безглазый урод,
Пусть псы по тебе, по хозяину, воют
И падает скот, и падает скот.

Пусть верные псы по хозяину воют
И падает скот, и падает скот.
Богатство, нажитое кровью людскою,
Пусть прахом пойдет, пусть прахом пойдет.

Жена у Чиная осталась вдовицей,
А сын сиротой, а сын сиротой,
Азнор, в твой единственный глаз да вонзится
Кинжал твой златой, кинжал твой златой.

85. СТАРИННАЯ ЗДРАВИЦА

Чего не имеем —
Можешь нам дать,
То, чем владеем, —
Можешь отнять.
Господи, дом этот — полная чаша,
Счастье наше и наших детей,
Горе наше, забота наша —
Всё, всемогущий, во власти твоей.
Те, кто старше, и те, кто моложе,
Пришли в этот дом, чтоб тебя умолить
Радости этой семьи приумножить,
На всех нас печали ее разделить.
Аминь!

* * *

Пришедшим сюда мы желаем добра,
Пусть светит им счастье по воле господней,
Пусть светит сегодня светлей, чем вчера,
А завтра да светит светлей, чем сегодня.
Под небом счастливым, под божьей рукой
Желаем с соседями всем вам ужитья.
У добрых учиться,
Плохих сторониться,
И да осенит вас мир и покой!

Желаем коров вам дойных и жирных,
Чтоб тесно им было на склонах обширных,

Чтоб козы ваши были б с приплодом,
С плодами — яблони, ульи — с медом,
Чтоб у овец рождались тройняшки,
Чаще — овечки, реже — барашки.
Да будут к вам добры зимою и летом
Земная твердь и небесная синь!
Бог наш Тейри да поможет вам в этом,
Аминь!

* * *

До края наполненный тамадой,
Осушим сосуд в честь снохи молодой!
Да будет счастливая ваша сноха
Не слишком шумлива, не слишком тиха.
Пусть озарит она радостью дом,
Как солнышко землю безоблачным днем!
Чтоб мужа любила,
С роднею сжилась —
Как мясо и жилы,
Как веко и глаз.
Зима на дворе или жаркое лето —
Чтоб ваша сноха поднималась до свету.
Чтобы была в ней сноровка и сила,
Чтобы всем снохам примером служила.
Пусть будет она из проворных, упорных,
Пусть в комнатах прибрано будет просторных,
Детей пусть родит она самых счастливых,
Самых здоровых, самых красивых,
Душою — белых, волосом — черных.
Пусть все они будут до самой смерти
И счастливы, и сильны.
Пусть дочери будут чесальщицы шерсти,
А сыновья — чабаны.
Чтоб горя не знали,
Не знали печали,
Честь берегли,
Чтоб людей уважали.
Людей уважали,
Людей понимали, —
С хорошими знались,
Плохих избегали.

Пусть даст им творец
Хороших быков,
Шерстистых овец
И дойных коров.
Пусть даст полукровку,
Чтоб быстро скакала,
Пусть даст и винтовку,
Чтоб точно стреляла.
Пусть в доме их холодно будет летом,
А в самую лютую зиму — теплынь.
Добрый Тейри да поможет им в этом,
Аминь!

* * *

Пусть тот, кто придет в этот дом со злом,
Не встретит удачи нигде и ни в чем.
Пусть не владеет пришедший со злом
Ни быстрым конем, ни паршивым ослом,
Ни домом зимним, ни пастбищем летним,
Пусть раздерут его дразги и сплетни.
Пусть старики его дома споткнутся,
Снохи с золовками передерутся.
Пусть сад его будет рядом с кладбищем,
Пусть ядом будет питье и пища,
У шубы его не будет пусть ворота,
Рукав будет порван, пола отпорота.
Пусть в дом к нему не приносят привета,
Пусть в поле его растет лишь полынь.
Великий бог да пошлет ему это,
Аминь!

* * *

Желаем, чтоб все ваши думы сбывались,
Чтобы всего у вас было обилье,
Чтобы от злости враги убивались,
Коленями стукались оземь в бессилье.
Пусть летом небо, дождем поливая,
Поит поля, утоляя их жажду,
Пусть ранняя осень, пора урожая,
Будет солнечной и не влажной.

Да будет юнец у старейших учиться,
Да будет мудрым совет их и суд.
Жить по-горски — значит трудиться,
Жизнь по-горски — дружба и труд.
Поднимем чашу и пустим по кругу —
Выпьем за дружбу, за то, чтоб всегда
Сердца наши были б открыты друг другу.
Любовь для людей — что для поля вода.
Восславим и тех, кто готовил напитки,
Им всем пожелаем счастья в избытке.
Да будет буза лекарства полезней
И всех исцелит от невзгод и болезней,
Пусть льется ее разливанное море.
Сейчас поднимает свой рог аксакал
За то, чтоб сбылось у каждого вскоре
Всё то, что сам он себе пожелал.
Да будут к нам добры зимою и летом
Земная твердь и небесная синь!
Добрый наш бог да поможет нам в этом,
Амины!

ГЕРОИЧЕСКИЕ И ИСТОРИЧЕСКИЕ ПЕСНИ

86. ПЕСНЯ О ХАСАНЕ

Пусть на той горе одинокое
Ива-дерево не растет.
А уж вырастет, пусть, высокое,
Не ломается, не гниет.

Пусть без братьев сын не рождается,
А родится, так пусть живет,
Пусть не бедствует и не мается,
Пусть аллах его бережет.

Ой, Хасан, ты отару сытую
Гонишь с пастбища вниз, домой,
На макушку сбив шапку, сшитую
Раскрасавицей дорогой.

Будет плакать твоя красавица —
Буйну голову береги.
Многим людям она не нравится,
Ты один, а кругом враги.

Ой, Хасан, ты овечку черную
Приторочил к седлу ремнем.
Ой, головушку непокорную
Срубят недруги нынче днем.

Конь поскачет, храпя, по пажити,
Да тебя он не привезет.
О беде твоей не расскажет он,
Но красавица всё поймет.

87. ПЕСНЯ О КАНАМАТЕ

Ты на Морх от врагов бежал,
А потом, заметая след,
На князей свой точил кинжал,
Жил изгнанником восемь лет.

Ты изгнанником долго жил.
Днем щенком, ночью волком был,
Сам рубашку себе стирал,
Пищу скудную добывал.

Рыщут стражники там и тут
(Невзначай их не повстречай).
На поруки тебя не берут, —
Нет дороги тебе в Карачай.

В Карачай тебе нет пути.
Двух друзей ты решил позвать,
Чтоб в Россию тайком уйти
И бумагу царю подать.

Чтоб бумагу царю подать,
Надо знать, как ее писать.
Есть Хажы-Бакир — грамотей,
Да из верных ли он людей?

Вот стоят у его дверей
Канамат и двое друзей.
Их встречает Хажы-Бекир,
Бурки с плеч их снимает сам,

Подзывает Хажы-Бекир
Молодую жену к гостям.
Подала им жена воды,
Принесла им она еды.

Сам хозяин вино наливал,
Ублажал их — продажный пес,
Клялся в дружбе, Коран целовал —
И тихонько кинжалы унес

Да велел расседлать коней:
Утро вечера, мол, мудреней.
До полуночи длился пир,
Суетился Хажи-Бекир.

Спали тут же они, у стола,
Что-то тихо шептали порой.
Так последняя ночь их прошла
И последней сменилась зарей.

Поглядел в окно Қанамат,
Видит: стражники там стоят,
Ружья тусклым огнем блещут,
Дула прямо в окно глядят.

В смертном споре с коварством людским
Что геройство твое, Қанамат?
Ты лежишь на земле недвижим,
Над тобою убийцы стоят.

Если мертвые могут рыдать,
То под сенью склоненных ветвей
По тебе убивается мать
В одинокой могиле своей.

88. ПЕСНЯ О БИЙ-НЕГЕРЕ

Храбрый воин, сын Гежоха, Бий-Негер,
Брат твой болен, дело плохо, Бий-Негер.

Старики: «Надежды мало», — говорят,
«Нужно молоко марала», — говорят.

Как марала взять, однако, как поймать?
Говорят, нужна собака, где достать?

За собакой, на ночь глядя, Бий-Негер,
Ты пойдешь к родному дяде, Бий-Негер,

Не по-свойски дядя встретил бедняка.
«Нет ни пса, — богач ответил, — ни щенка».

Бий-Негер обиду эту молча снес.
Пожалел свою собаку старый пес!

Ты пошли ему проклятья, Бий-Негер,
Пусть его зачахнут братья, Бий-Негер!

И пошел ты ночью злою без дорог.
Глухо, никого с тобою, только бог.

Вот красавец остророгий пробежал.
Тонки уши, тонки ноги, стой, марал!

Но пугливый зверь погоню услышал.
Кто теперь его догонит между скал?

В белых пропастьях Баксана вечный лед.
Кроме зверя и тумана — кто пройдет?

В царство это нету хода, Бий-Негер,
Тропок нету, зла природа, Бий-Негер.

Слева нет дорог и справа — там обвал.
Мир жесток, судьба лукава — ты пропал.

Дело плохо, дело плохо, Бий-Негер,
Сын Гежоха, храбрый воин, всем пример.

89. ПЕСНЯ ПРО АТАБИЯ

Что ни день — забивают Абаевы скот,
Жарят-варят и ждут именитых господ.
Что ни день, что ни ночь — пир горою идет.
Пьют-гуляют богатые гости,
Атабию бросают лишь кости.
Стар бедняк Атабий — кости не разгрызет.

Раб старик Атабий, он и бос, он и гол,
Слаб старик Атабий, много видел он зол.
Путь слепого тяжел, к кузнецу он пришел.
«Вот, мол, грош, сделай нож», — говорит он.

Смотрит мастер. «Ты что ж, — говорит он, —
Ни железа, ни угля, старик, не нашел?»

И пошел Атабий без путей, без дорог,
И пошел Атабий, и помог ему бог:
Ой, убогий, нашел он железа кусок.
Попросил он у друга любезного
Меру полную угля древесного.
Что нашел, что достал, кузнецу приволок.

Отдал всё кузнецу, тот промолвил: «Ну что ж!
Будет нож тебе, старец» — и выковал нож.
Что за нож, где достанешь такой, где найдешь!
Атабий еле ноги волочит.
Точит нож Атабий — не наточит.
Что задумал старик, поглядишь — не поймешь:
Скупое небо на радость, на горе — щедрей.
Плачет бедный старик: двух его дочерей
Угоняют, и надо спасти их скорей.

Атабий еле ноги волочит,
Точит нож Атабий — не наточит,
Точит нож Атабий: нож — хоть голову брей.

У Абаевых сын — молодой вертопрах.
Пьет, лютует голодному люду на страх.
Слезы льет Атабий о своих дочерях.
Бедный, он еле ноги волочит.
Точит нож Атабий — не наточит.
Шепчет старец слепой: «Да поможет аллах!»

Утопив свою черную совесть в вине,
Спит Абаев-сынок и смеется во сне.
Но идет Атабий — тень ползет по стене.
Атабий хоть не видит, но слышит,
Как храпит его недруг, как дышит,
Как проклятое сердце стучит в тишине.

Силен гнев старика, и печаль велика,
Злое сердце по стуку находит рука.
Был сынок у Абаевых — нету сына.

Атабию зачем хорониться?
Смерти он, Атабий, не боится.
Подходите, вяжите его, старика.
И поймали его, и связали его.
И терзали его, привязали его
К двум коням, чтоб они разорвали его.
На его безымянной могиле
Бедняки эту песню сложили
В день печальный, когда поминали его.

90. ПЕСНЯ БЕК-БОЛАТА

Ой, спешил я в горы снеговые,
Ой, не за косулею, хойра!
Но прошил я тело Омар-бия,
Ой, горячей пулею, хойра!

Бий Омар, тебе не нарядиться,
На охоту в горы не пойти,
И ни к девушке, ни к молодежи
В час заветный нет тебе пути.

Эй, охотник, где рога, где шкура?
Тура ждал ты между скал, хойра!
Раньше, чем пустил ты пулю в тура,
Мой свинец тебя догнал, хойра!

Жил, злодей ты, как тебе хотелось,
Мучал бедняков, пока — хойра! —
Нынче по камням не разлетелась
Брызгами твоя башка, хойра!

Сколько взял у нас ты шкур овечьих,
Сколько отнял шуб у нас, хойра!
На свои раздробленные плечи
Их наденешь ли сейчас, хойра?

Был твоим родник, и в пору зноя
Ты берег его струю, хойра.
Что родник — река теперь не смоем,
Ой, со склонов кровь твою, хойра!

Там, в горах, где всё плющом обвито,
Ой, кровавые следы, хойра!

Ой, теперь напьемся мы досыта —
Нет хозяина воды, хойра!

Кунаки твои сегодня будут
Причитать и слезы лить, хойра!
А твоим врагам — простому люду —
Может, станет легче жить, хойра!

Ой, бедняк, посеял я тревогу,
Всполошил Шакманов род, хойра!
Может быть, я облегчил немного
Участь тех, кто терпит гнет, хойра!

91. ГАПАЛАУ

В горном крае сиротою рос
Мальчик, нареченный Гапалау.
Сколько беднякам добра принес
Храбрецом рожденный Гапалау.

Был поддержкой для лишенных сил
Горец угнетенный Гапалау.
В саклях бедняков опорой был
Храбрецом рожденный Гапалау.

Был подобен клекоту орла
Клич, к горам взнесенный Гапалау.
Не терпел ни подлости, ни зла
Храбрецом рожденный Гапалау.

И когда луга делила знать,
Вышел в круг зеленый Гапалау,
Крикнул: «Бедняков — не обижать!» —
Храбрецом рожденный Гапалау.

Киньте веток, чтоб не угасал
Твой костер зажженный, Гапалау,

Над тобой ножи, как девять жал,
Храбрецом рожденный Гапалау.

Как скала стоял лишенный сил,
Девять раз пронзенный Гапалау,
Не упал, пока не отомстил
Храбрецом рожденный Гапалау.

Сирота, кому тебя обмыть,
Богом не спасенный Гапалау?
Некому глаза тебе закрыть,
Храбрецом рожденный Гапалау.

Двери сбиты, жметя у реки
Дом твой разоренный, Гапалау.
Над тобою плачут бедняки,
Храбрецом рожденный Гапалау.

92. ПЕСНЯ СОЛДАТ ЯПОНСКОЙ ВОЙНЫ

Нас бии продали войне,
Как скот на бойню, без пощады, —
Теперь на нас в чужой стране,
Теперь на нас в чужой стране
Летят японские снаряды.

Нас бросили, безгрешных, в ад.
Здесь зла земля и солнце хмуро.
Не можем мы, хоть нам велят,
Не можем мы, хоть нам велят,
Взойти на горы Порт-Артура.

К нам смерть приходит каждый час,
То тех, то этих примечая.
Не надо говорить о нас,
Не надо говорить о нас,
Чтоб слез не лили в Карачае.

Хоть горная страна Китай,
Да непривычная для глаза.

Нам, горцам, этот горный край,
Нам, горцам, этот горный край
Не заменяет гор Кавказа.

Охота жить и вам и нам,
Но здесь летят снаряды с воем,
Мы ладим саваны друзьям,
Мы ладим саваны друзьям,
Мы землякам могилы роем.

В чужой, немилой стороне
Гудит земля, снаряды рвутся.
Нас бии продали войне,
Нас бии продали войне, —
На родину нам не вернуться.

Горянок слезы — не вода,
Но их поток течет рекою,
Коль притечет она сюда,
Всех нас накроет с головою.

93. ПЕСНЯ О СОЛДАТАХ, ПОГИБШИХ НА ВОЙНЕ С ТУРКАМИ

Ой, в солдаты многих, говорят,
Брали из Большого Карачая.
В Карачае матери солдат
Вдаль глядели, слезы утирая,
Вдаль глядели, слезы утирая.

По чугунке горцев молодых
Отправляли, жен их не жалели.
Стали для солдаток молодых
Широки их брачные постели,
Широки их брачные постели.

Есть и в нашем Карачае, ой,
Как везде, начальники и судьи.
Жить нам не дают, считая, ой,
Будто инородцы мы — не люди,
Будто инородцы мы — не люди.

По чужим дорогам скачут, ой,
Парни из Большого Карачая,
Не поют они, не плачут, ой,
Скачут молча, что их ждет, не зная,
Скачут молча, что их ждет, не зная.

Много ль их останется в живых?
Поглядишь, и тот уже не дышит.
Бога молят матери за них.
Но земля дрожит, и бог не слышит,
Но земля дрожит, и бог не слышит.

Ехал на коне Хажи-Али,
Подоткнув края черкески белой.
Пули на краю чужой земли
Отыскали молодое тело,
Отыскали молодое тело.

Там и умирал он, где упал,
На чужой земле в помятом жите.
Он своим товарищам сказал:
«Вы моих сирот усыновите,
Вы моих сирот усыновите.

Передайте Даумхан моей,
Что ее покойник не осудит:
Если друг посватается к ней,
Пусть выходит и меня забудет,
Пусть выходит и меня забудет.

А посватается недруг мой —
Лучше пусть вдовою остается,
Ожидает мужа, хоть домой
Муж ее вовеки не вернется,
Муж ее вовеки не вернется».

Ой, в солдаты многих, говорят,
Взяли из Большого Карачая.
В Карачае матери солдат
Вдаль глядели, слезы утирая,
Вдаль глядели, слезы утирая.

Много взяли горцев молодых,
Многие давно уже убиты.
Плачут вдовы, да не слышат их
Спящие в чужой земле джигиты,
Спящие в чужой земле джигиты.

94. ПЕСНЯ ОСВОБОЖДЕНИЯ

Служили камни нам постелью,
Ночь укрывала нас метелью,
И всё же к свету мы стремились,
Мечтали мы о светлой доле,
Да падали в горах и в поле, —
Над нами вороны кружились.

Законы были к нам суровы,
Заковывали нас в оковы,
Но мы идем, не зная страха.
Нас тысячи, и мы сплотимся,
Погибнем иль освободимся
От гнета князя, власти шаха.

95. ПАРТИЗАНСКАЯ ПЕСНЯ

Ой, большевики к нам скачут,
Ой, в горах грохочет гром.
Горские княгини плачут,
Утираются тайком,
Кто рукою, кто платком,

Банды черные разбиты,
Белые бегут полки.
Ой, спасаются бандиты,
Скачут через ледники —
Гонят наши их штыки.

За Дукумом поспешите,
Чтоб его не упустить,
Захватите, посолите

И повесьте просушить, —
Он просохнет, может быть.

Что-то бии присмирели,
Не кричат на бедный люд.
Что-то, пьяница, в постели
Не лежит ХажидAUD
Среди бурдюков и блюд.

Пóтом бедняков беспечно
Жил в горах господский род,
Думал он, что будет вечно
Угнетать простой народ, —
Вышло всё наоборот.

Жили баре, не тужили,
Но и к ним пришла беда.
Бедняки их распушили,
Разгромили навсегда,
Не оставили следа.

С князем, с бием, с богатеем
Будем биться до конца.
Отдадим, не пожалеем
Наши силы и сердца
Мы за Ленина-отца.

96. БОЙ В УЩЕЛЬЕ СУКАН

В аулы Балкарии банда рвалась,
Вел Серебряков беляков.
И родина вся к перевалам сошлась,
Чтоб встретить кровавых врагов.

Узнали враги, что ущелье Зылги
Замкнул партизанский отряд,
И вот по ущелью Сукан вдоль реки
Аскеры пройти норовят.

Но гор сыновья самым крепким замком
Замкнули ущелье Сукан.

За каждой скалой со взведенным курком
Оружье держал партизан.

Шли белые цепью, но стали на миг,
Почувствовав, видно, беду.
И каждый от страха к соседу приник —
Мол, я впереди не пойду.

Устроив совет и заслушав гонцов,
Решили — нет дальше пути.
Но Серебряков их в конце концов
Заставил в ущелье войти.

Следят партизаны-орлы за врагом,
Что мечется на берегу.
Всё ближе бандиты, и сверху, как гром,
Скатилось: «Огонь по врагу!»

И пули, и камни обрушились вниз.
Ущелье окутала мгла.
Огромные глыбы на белых неслись,
Лавина их вмиг размела.

Как куры от грифа в испуге спешат,
Бежали, молясь, беляки.
Но в землю безжалостно каменный град
Вгонял их у самой реки.

И черная кровь их стекала в Сукан,
Настали возмездия дни —
Врагу нет спасения от партизан,
Как будто крылаты они.

И счастье, окрепшее в битвах, пришло,
Советскую власть возвестив.
Но сколько героев на склонах легло,
В аулы врагов не пустив.

Так пусть же поведает речка Сукан
О славных геройских делах.
Как Ленина слово вело партизан
Сквозь битвы к победе в горах.

97. ПЕСНЯ ПЯТИ ГОРСКИХ ПАРНЕЙ

Ой, черный туман по степи украинской плывет,
Он стелется черною тучей над ней.
Кто хочет услышать, как мы воевали, — пусть тот
Прослушает песню про горских парней.

Нас пятеро было в степи, чьи края не видны,
В бескрайней степи, где лютует беда.
Семь месяцев мы провели на дорогах войны,
Ни дней, ни ночей мы не знали тогда.

Нас пятеро было из горских аулов пяти,
В степном воевавших далеком краю.
Лишь двое из нас бой смогли до конца довести,
А трое смерть встретили сразу в бою.

Но горец врагу не оставит, пока он живой,
И мертвого друга, что в битве сражен.
Джигит будет драться, пока не окончится бой,
Иль сам упадет рядом с другом и он.

Обычно в ауле рождается каждый джигит.
Но грянет беда над родной стороной,
За смертью своей он на поле сраженья спешит,
Встречая противника грудью стальной.

В боях этих были горячими наши сердца,
Навстречу врагу мы отважно пошли.
И мы не последние, не отступив до конца,
В тот день средь огромной степи полегли.

И степь украинскую грудью закрыли своей.
И враг отступил, хоть его и не счесть...
Кавказские горы! Нас пятеро было парней,
Сумевших сберечь незапятнанной честь!

Ах, замерз я, ах, ах!
Яблоки я рвал в горах,
Яблоки я вез, вез,
Разгружайте воз, воз.
«Парень, ты сошел с ума,
Выйди в сад — в саду зима!»
— «Я в траве густой лежал,
Яблоки зимой срывал.
Вы смеетесь — добрый час,
Песню пел я не для вас».

99. ЧУДНОЙ ЧЕЛОВЕК

В старину в стране одной
Жил-был человек чудной.
Из коры он сито сделал,
Из горы корыто сделал.
Превратил он, молодец,
Сто букашек в сто овец.
В речке воду брал чужак
И снимал с нее каймак.
Он кузнечика конем
Сделал — и скакал на нем.

100. ПЕСНЯ ДВАЖДЫ ЖЕНАТОГО

Молодым я был — мечтал
Взять жену и вновь жениться.
Молодым я ждал и знал,
Что мой план осуществится,
Только надо торопиться.

Наконец жена одна
В дом ко мне переселилась.
Я воскликнул: «О жена,
Заслужил я божью милость,
Что задумал, то свершилось!»

Вскоре мысль пришла ко мне:
Зря живу я, в ус не дуя, —
И тогда к одной жене
Присовокупил вторую,
Как бы к старой молодую.

Думал я в кругу семьи:
Наконец достиг я цели.
Обе женщины мои
Две, а может, три недели
Друг на дружку не глядели.

А недели через три
Их перекосились лица, —
От зари и до зари
Стали женщины браниться,
Стал от них я хорониться.

Как-то ссорилась семья,
Встрял я в спор, набравшись духу.
Первая жена моя
Мне попала палкой в ухо,
А вторая — скалкой в брюхо.

Холостым я был — мечтал
Взять жену и вновь жениться.
Я теперь чего б не дал,
Чтоб от жен освободиться.
Или вечным сном забыться.

101. ПЛОХАЯ ЖЕНА

Ой, давно пора бы мне
Спеть вам о плохой жене.
Муж плохой жены здоров
И доволен, если вдов.

У огня сидит жена,
В казане лишь грязь одна.
На большой сковороде
Мухи парятся в воде.

Муж придет, а на обед
Даже мамалыги нет,
Муж хозяйку упрекнет —
Из дому она уйдет.

Не женитесь на вдове —
У ней ветер в голове,
Ты ей — слово, а вдова —
Два.

102. МОЙ МЕРИН

Ой, всегда и во всем себе верен
Глупый мерин мой, бедный мерин.
Вот отменное сено — поешь,
И солома отменна — поешь,
Иль ты есть ничего не намерен,
Глупый мерин мой, бедный мерин?

Я на скачки тебя пустил —
Ты бежал из последних сил,
Первым ты от конца оказался,
Люд честной надо мной смеялся.
Ой, всегда и во всем себе верен
Глупый мерин мой, бедный мерин.

Я ремни мышинные взял,
Хворостины аршинные взял;

Думал я, что на спину прилажу
Небольшую тебе поклажу, —
Сдох мой мерин, навеки потерян
Бедный мерин мой, глупый мерин.

103. ГЫЛЖА

До свадьбы осталось четыре дня.
Пойдемте, подруги, на луг, поглядим,
Много ли женихова родня
Овец и коров дает за меня?

Пойдемте, девушки, поглядим,
Высоко ль ценят мою красу?
Большой дают за меня калым:
Корову с единственным рогом кривым.

И крив этот рог, и одиноко.
Чем этак, уж лучше совсем без рогов.
Тебя я к себе, дружок-женишок,
С калымом таким не пущу на порог.

Гылжу неплохую дает мой жених —
Украшен резьбою единственный рог.
Она, говорят, в селеньях других
Была уж калымом за семерых.

Тучи закрыли солнечный свет.
Будет ли дождь, будет ли снег?
Добрые люди, дайте ответ:
Были рога у гылжи или нет?

О ней вся Балкария песни поет.
В стадах за безрогою ходят быки.
Будет свадьба, будет приплод:
Безрогий теленок на будущий год.

Гылжу на луг отвели поутру.
Упала она и пала она.
Шкура ее гремит на ветру.
Сварила бы мясо — боюсь, что помру.

Бедная тварь, не пошла она впрок.
Я шкуру продам и куплю гребешок.
А ты забирай единственный рог
И прочь уходи, мой дружок-женишок.

104. КОЛБАСА

На дороге пыль густая,
Ой-ой-ой!
То стрелки из Карачая,
Ой-ой-ой!
Всадники из Карачая,
Ой-ой-ой!
Начала травить доммая,
Ой-ой-ой!
На пути кусты ломая,
Ой-ой-ой!
Стали окружать доммая,
Ой-ой-ой!
Ой, сварили из доммая,
Ой-ой-ой!
Шесть колбас. А где шестая?
Ой-ой-ой!
Стали гневаться, считая,
Ой-ой-ой!
Всадники из Карачая,
Ой-ой-ой!
Нету ни следа, ни духа,
Ой-ой-ой!
То проделки Шимауха,
Ой-ой-ой!
Удивительно, как скоро,
Ой-ой-ой!
Он сожрал ее, обжора,
Ой-ой-ой!
Колбаса была большая,
Ой-ой-ой!
Воз наполнила б до края,
Ой-ой-ой!
Путник с ней не знал бы горя,
Ой-ой-ой!

Был бы сыт в пути до моря,
Ой-ой-ой!

Я наелся до отвала,
Ой-ой-ой!
На губах застыло сало,
Ой-ой-ой!
Это сало, это сало,
Ой-ой-ой!
Людям правду рассказало,
Ой-ой-ой!

105. ПЕСНЯ ОБ АНАЕВЫХ

(Хороводная)

У печи стоит корзина,
О-ри, о-ри, о-ри-ра!
Колбаса в ней и свинина,
О-ри, о-ри, о-ри-ра!
Съел я всё, не скрыл отрыжку,
О-ри, о-ри, о-ри-ра!
Начал бегать я вприпрыжку,
О-ри, о-ри, о-ри-ра!
Анаевы не ужились,
О-ри, о-ри, о-ри-ра!
Поругались, разделились,
О-ри, о-ри, о-ри-ра!
Разделили и вола,
О-ри, о-ри, о-ри-ра,
И бесхвостого осла,
О-ри, о-ри, о-ри-ра,
Шестьдесят коров недойных,
О-ри, о-ри, о-ри-ра,
Шестьдесят бадей помойных,
О-ри, о-ри, о-ри-ра!
Сам Анай сто ржавых вил,
О-ри, о-ри, о-ри-ра,
Между всеми разделил,
О-ри, о-ри, о-ри-ра!
С горки катится бычок,
О-ри, о-ри, о-ри-ра,

Ножки собраны в пучок,
О-ри, о-ри, о-ри-ра!
Ну-ка, все вставайте в круг,
О-ри, о-ри, о-ри-ра,
И не разжимайте рук,
О-ри, о-ри, о-ри-ра,
А стоящего внутри,
О-ри, о-ри, о-ри-ра,
Не пускайте. Раз, два, три,
О-ри, о-ри, о-ри-ра!

106

По небу облака плывут как стадо,
Касаются вершины голубой.
Всего богатства мира мне не надо,
Лишь бы оставили меня с тобой!
С тобой, моя любимая, с тобой!

Я буду говорить с тобой, с любимой,
Страдающий, влюбленный человек,
То громко-громко, словно дождь с вершиной,
То тихо-тихо, как с долиной снег,
Как снег, моя любимая, как снег!

О том, что я люблю, о том, что стражду,
Я буду петь, как ангелы поют,
И то не каждый раз, а лишь однажды,
Пред тем, как нас позвать на Страшный суд.
На суд, моя любимая, на суд!

Туман плывет, и облака клубятся,
Ползут к вершинам на исходе дня.
Погибшие назад не возвратятся,
А тем, кто жив, не одолеть меня,
Любимая, не одолеть меня.

107. ТАУКАН

Злые люди, вам всё равно,
Где мой милый, а я то и дело
Подбегаю, гляжу в окно,
Все глаза уже проглядела.

Таукан, я гляжу в окно,
А на сердце моем тревога,
Мне осталось только одно:
Положиться на милость бога.

Слева солнышко, справа тень,
Мне на солнышке лежать бы.
Если любишь, назначь мне день,
Или так убежим, без свадьбы.

Чашка чистой водой полна,
Да рука дотянуться не может.
Обессилен я, больна.
Кто под бурку меня уложит?

В стороне, где живет Таукан,
Бьет нарзан, тополя — как свечи.
Искривится мой тонкий стан,
Если ты меня не излечишь.

Я возьму на плечо кумган,
Зачерпну воды из Баксана.
Страшно мне, плохо мне, Таукан!..
Нет вблизи меня Таукана.

У предгорья, где бьет нарзан,
Сосны старые в два обхвата.
Был бы ты не рабом, Таукан,
Или я б не была богата!

Где положишь ты свой кинжал,
У заветного камня какого?
Если б только ты пожелал,
Я ушла бы из дома родного.

Свой кинжал, чтобы после забрать,
Ты у серого камня положишь.
И отца я оставляю, и мать,
Ты своих оставить не сможешь.

Я кольцо свое, на беду,
Уронила в поток, в ущелье.
К русским лекарям я пойду —
Пусть дадут от любви мне зелье.

Мне не вынести этих ран.
Ты в могилу меня весною
На руках отнеси, Таукан,
Дай другим засыпать землю.

Пусть папаха сгорит в огне
С головою твоею вместе,
Если вскоре, забыв обо мне,
Ты к другой пойдешь как к невесте.

Будет ждать тебя впереди
И любви и радости мало,
Коль другую к своей груди
Ты прижмешь, как меня, бывало...

Ты ушел на охоту опять,
В горы, где быстроногие козы.
Побегу я тебя встречать,
На дорогу глядеть сквозь слезы.

108. ПЕСНЯ ОБ АБДУЛ-КЕРИМЕ

Гонят в горы стада джигиты,
А его закрыты глаза.
На траву он упал убитый,
Как подрубленная лоза.

Возвращаясь домой с поживой,
Гнал отару Абдул-Керим.
Сын Беккаевых — пес трусливый —
Свел давнишние счета с ним.

Тот Беккаев купил винтовку,
Но не в честном мужском бою
Он решил показать обновку —
Дорогую покупку свою.

Привезли тебя на телеге,
Положили среди двора.
Для чего ты ходил в набеги?
Много надо ли нам добра?

Ой, кичится твоим трофеем
Сын Беккаев, убийца и вор.
Быть бы русским мне грамотеем,
Сочинила б я приговор.

Сочинила б и настрочила б,
Покарала бы за тебя,
Я свинцом его накормила б
До отвала, как он тебя.

Я платок намочила слезами
Иль соленой морской волной?
Да случится, Беккаевы, с вами
То, что с милым моим и со мной!

Я слезами платок намочила,
Я повешу его сушить.
Будет муж у меня немилый,
Мне ведь милого не забыть.

Меж Баксаном и Старой Малкой
Пусть закроет пути обвал.
Иль меня тебе не было жалко,
Что погибели сам искал?

Если было б лекарство от смерти,
Я б лекарство тебе нашла.
Слишком весел ты был и доверчив:
На земле ты не видел зла.

109. БЕЛАЯ БАТАЙ, КРАСИВАЯ БАТАЙ

Бело-белая Батай,
Что ты делаешь, Батай?
Что ты не отходишь от окошка?
Чешет волосы Батай,
Да и глянет невзначай
Вдаль, где вьется по полю дорожка.

Волосы Батай до пят,
Волосы Батай блестят.
Для чего их заплетать, трудиться,
Если шелк волос тугих
Ночью расплетет жених,
Чтоб ему сквозь землю провалиться!

Твой отец неумолим.
За тебя дают калым.
А добро, кому оно некстати?
Взял отец сто пять голов:
Сто баранов, пять ослов,
Да еще возьмет шестого — зятем.

Хороша, Батай, цена!
Сто баранов — ты одна.
Среди ста — один с недобрым взглядом.
Пусть же будет кровь его
Для торговца твоего
Горькою едой, смертельным ядом!

Будет муж твой пить-гулять,
Будет падать на кровать,
Ни сапог, ни бурки не снимая.
Будет муж твой пить-кутить,
Ни за что тебя бранить, —
Пропадет краса твоя былая.

Ой, красивая Батай,
Несчастливая Батай,
Люди на тебя глядят, как судьи.
Шелковый надев платок,

Ты стоишь, как ангелок.
Жаль, что ангелов не любят люди.

Волосы твои до пят,
Волосы твои блестят.
Не гляди, Батай, на Шахгирея.
Как тебя он от обид
Оградит и защитит,
Ни богатств, ни славы не имея?

110. ПЕСНЯ КРАСАВИЦЫ МЕЛЕК

Дни короткие, ночи длинные,
Беспросветные ночи, ой!
Ой, как мучаюсь я, невинная, —
Все проплакала очи, ой,
Все проплакала очи, ой!

И давно ли я, милого милая,
Пела песни порой ночной,
Мне казалось: за счастьем спешила я,
А спешила я за бедой,
Ой, спешила я за бедой.

Мы, влюбленные, окрыленные,
С милым ехали в светлый час
И не знали, что следом конные
Вскачь летят, догоняя нас,
Ой, летят, догоняя нас.

Ночи длинные, дни короткие.
Всадник, ехавший впереди,
Подскочил и ударил плеткою
По спине моей и груди,
По спине моей и груди.

Подскочили мои каратели,
Первый — матери брат родной.
Будь ты проклят, брат моей матери!

Как расправился ты со мной,
Как расправился ты со мной?

Пропади эта жизнь постылая,
Проклинаю свою судьбу.
Неужели весь род осрамила я
Тем, что в жены пошла к рабу,
Что, княжна я, пошла к рабу?

Как честили меня, как мучили:
Дядя — матери брат Касбот —
По аулу таскал на чучеле
И хлестал у каждых ворот,
И хлестал у каждых ворот.

Люди в нашем краю суровые —
Бить стараются побольней.
Кровь мою собаки дворовые,
Лая, слизывали с камней,
Лая, слизывали с камней.

У тебя хоть ни роду, ни имени, —
Ты мне господом богом дан.
Умираю — приди, навести меня
И прости меня, Рамазан,
Ой, прости меня, Рамазан.

111. АКТАМАК

В люльке я лежал лет пять,
В шесть я бегать стал и драться,
В десять я умел стрелять,
А без малого в пятнадцать
Мне пришлось любовь узнать.

Многих женщин наших гор
Видел я, их слышал речи.
Почему ж с тех давних пор,
Утро на дворе иль вечер,
Твой передо мною взор?

Ива, ива, сладкий мед,
Как всегда в разгаре лета,
По сучкам ее течет.
Ты стройна, как ива эта,
Ветер эту иву гнет.

Ветер иву гнет в саду,
Треплет ветви завитые,
Ива с ветром не в ладу.
У тебя соседи злые —
Стерегут, мне на беду.

В гривы ленты вплетены,
Из ремней сплету я плетку.
Наши лошади сильны, —
Лезь быстрее, и я в пролетку
Сяду с левой стороны.

Мы с тобой, моя краса,
Бросим этот край суровый,
Чтоб увидеть чудеса:
Край медовый, край здоровый,
Где сосновые леса.

Ворон — смерть, орел — мечта.
Птица то, и это птица.
Ту скрывает высота,
Эта над плечом кружится,
И кружится неспроста.

В руки мне орла не взять,
Да и ворону степному
Прочь пути не указать,
И достанется другому
Красота твоя и стать.

Для меня ты, Актамак,
И удача и несчастье,
Ты и солнце, ты и мрак,
Ты и ведро и ненастье,
Ты и уксус и каймак.

В небесах луна ясна.
В небесах белы дороги.
В нашем крае ты луна, —
Жаль: не только мне, а многим
Красота твоя видна.

Ты луна моих ночей,
Сон мой сладкий и проклятый,
Пелена моих очей,
И чем дальше от меня ты,
Тем люблю я горячей.

112. ПЕСНЯ ОБ АЛИ

Туфли, туфли белые надела я,
Стала спать ложиться — не сняла.
Боже, боже, что же я наделала,
Как я, боже, гостя приняла!

Жить должна была бы по-иному я,
Честь блюсти и не пытаться судьбу,
Я влюбилась в гостя незнакомого,
Да и проводила на Лабу.

От судьбы куда, мой милый, денешься?
Сколько бы ты ни был на Лабе,
Если только на другой не женишься,
Буду ждать я, верная тебе.

Буду плакать, на судьбу я сетовать,
Если не вернешься ты назад.
Я не вынесу позора этого —
Побегу куда глаза глядят.

Если выйдешь в путь опять когда-нибудь,
Лучше в дальний, а не в близкий путь,
Будешь мимо проезжать когда-нибудь,
К нам опять заехать не забудь.

На дороге под железной крышею
Домик, где оставил ты меня.

Ты меня не слышишь, и не слышу я
Слов твоих и топота коня.

Пусть мои тебя догонят жалобы.
Быть весенним снегом я хочу —
Я бы на плечо тебе упала бы,
Прилепилась к твоему плечу!

113. Я ДУШУ ЕМУ ПОДАРИЛА

Я дремала ночью порой,
Вдруг тепло мне и радостно стало.
Я подумала: милый со мной,
Я подумала: милый со мной,
Приоткрыла глаза — одеяло.

До утра я уснуть не могла,
Ничего мне на свете не мило.
Ты мне, мамочка, душу дала,
С жизнью вместе мне душу дала,
Ты дала — я ему подарила.

Все твердят о любви без конца,
Словно нищие люди о хлебе.
Говорят, коль сольются сердца,
Говорят, коль сольются сердца,
Им завидуют ангелы в небе.

Любят здесь, а завидуют там,
Хоть завидуют там, а не судят.
Не завидуют ангелы нам,
Не завидуют ангелы нам,
Горе нам — нам завидуют люди!

Зреет вишенья в нашем краю,
Зреет вишенья — время такое.
Где-то песню запели твою,
Где-то песню запели твою,
И она не дает мне покоя.

Бьют источники в нашем краю,
Струйки встретятся в речке поспешной.

Предпочла я блаженству в раю,
Предпочла я блаженству в раю
Страсть твою на земле этой грешной.

Шапку русскую снега белей
Носишь ты, с головы не снимая, —
Среди шапок аульских парней,
Серых шапок аульских парней,
Как вершина она снеговая.

Ты идешь, как чужой человек,
Смотришь в сторону, смотришь несмело.
Словно камень, упавший на снег,
Словно камень, упавший на снег,
Мое сердце к тебе охладело.

114

Склон горы лесист и крут,
Там живут маралы.
Мне покоя не дают
Губ твоих кораллы.

Милый, сыпь на рану соль,
Не давай покоя.
У меня на сердце боль.
У тебя — другое.

Я зову, а ты притих,
Не живу я — маюсь,
Я любовь в глазах твоих
Прочитать стараюсь.

Далеко к тебе ходить —
Важная ты птица.
Лучше нищего любить —
Сам он постучится.

Постучится нищий к нам
И замрет в молчанье,
Сердце я ему подам,
Словно подаянье.

115. АЙЖАЯК

Деревья цветут в середине весны,
А позднею осенью будут черны.
Я цвел — не болел, а теперь седины
В кудрях моих много, моя Айжаяк.

Деревья цветут в середине весны.
Стоят у калитки твоей скакуны.
Скажи, что тебе женихи не нужны,
Гони их с порога, моя Айжаяк.

Куда бы нам скрыться, куда бы уйти,
Чтоб к нам не нашли никогда бы пути,
Чтоб век не смогла нас беда бы найти, —
Где счастья дорога, моя Айжаяк?

Моя Айжаяк, у твоих ли ворот
Соперник стоит, не меня ли он ждет?
Ужель у меня он тебя отберет,
Моя недотрога, моя Айжаяк?

Ну что ж, что белеет моя голова, —
Хоть стар я, но знаю такие слова,
Что вновь молодою ты станешь, вдова,
Моя недотрога, моя Айжаяк.

Нет льда холоднее, чем в озере лед.
Нет меда вкуснее, чем липовый мед.
Всех лучше из тех, кто на свете живет,
По милости бога, моя Айжаяк.

Эй, кто еще, кто еще в нашем краю
С надеждой глядит на невесту мою?
Я стар, но за счастье свое постою.
Что смотришь ты строго, моя Айжаяк?

116. ПЕСНЯ О МАЖИРЕ

Ой, Мажир, Мажир удалой,
Человек городской Мажир.
Ой, у нашей Абат молодой
Отнял сон и покой Мажир.

Много было на скачках коней, —
Кто сравнится с гнедым конем?
Всех красивей и всех стройней
Был Мажир, скакавший на нем.

Каракетовский сын, опять
Брызжет с губ твоих горький яд.
У Мажира ты хочешь отнять
Дорогую его Абат.

Много делал ты людям зла,
Причинил нам немало бед.
Будешь ты за свои дела
Перед миром держать ответ.

Сюлемен, каракетовский сын,
За Мажира идет Абат.
Что ж ты, парень, стоишь один,
Что ж ты, парень, потупил взгляд?

Что же ты не спешишь туда,
Где с невестой сидит жених?
Каракетовский сын, вода
Утекла от мельниц твоих.

117. ПУСТЬ ГОРЫ СТАНУТ НИЖЕ

Хоть ты, куропатка, легка,
Да не улетишь в облака.
Увидела б с луга
Я милого друга,
Да больно гора высока.

За ту снеговую грядку
Мой милый ушел, на беду.
Пошла бы я следом,
Да край мне неведом, —
Дороги, боюсь, не найду.

Тебе я тачала башлык.
Не мал он тебе, не велик.
С грузинкой богатой
Забудешь меня ты,
И так от меня ты отвык.

Мне быть бы копьем золотым,
Конем бы твоим боевым.
Вернись же, мой милый,
Чтоб встать над могилой
И плакать над прахом моим.

Дареный платок у меня,
От слез он намок у меня.
Меня не пригреют
И не пожалеют, —
Любимый далек от меня.

Намок мой платочек давно.
Повешу сушить на окно.
От зла и коварства
Ищу я лекарство.
Да есть ли на свете оно?

118. КАМНИ ПЛАЧУТ

Платье я надевала
Всё в цветах, словно сад.
Было сладким начало,
А конец горьковат,
А конец горьковат.

Даже камни, что двор наш
Окружают стеной,
В день печальный и черный
Плачут вместе со мной,
Плачут вместе со мной.

Я тебя вспоминаю —
И темнеет в глазах,
Я в горах зарыдаю —
Плачут камни в горах,
Плачут камни в горах.

Стала немощней тени
Я, лишенная сил.
Тем пусть счастье изменит,
Кто любви изменил,
Кто любви изменил.

Боже, боже, я знаю,
Прав и праведен ты.
Почему ж я страдаю
От твоей правоты,
От твоей правоты?

Брови, брови чернели, —
Я могла ль не взглянуть?
Брови, брови чернели,
Чтоб меня обмануть,
Чтоб меня обмануть.

Брови, брови чернели, —
А теперь как мне жить?
Брови, брови чернели,

Чтоб меня погубить,
Чтоб меня погубить.

Люди много болтают,
Я насмешки терплю, —
Все теперь уже знают,
Как тебя я люблю,
Как тебя я люблю.

Встанут братья с ножами —
Поступлюсь я семьей.
Встанут горы меж нами —
Обернусь я змеей,
Обернусь я змеей.

Дни я плачу и ночи,
А тебе невдомек.
Делай, милый, что хочешь,
Что велит тебе бог,
Что велит тебе бог.

Пусть письмо воротилось —
Я и это стерплю.
Может, я провинилась
Тем, что слишком люблю,
Тем, что слишком люблю?

Вижу в зеркале злую
И худую себя.
Я люблю, всё прощу я, —
Бог простит ли тебя,
Бог простит ли тебя?

Быть в краю нам далеком,
Где и рай, где и ад,
Но и там, мой жестокий,
Нас с тобой разлучат,
Нас с тобой разлучат.

Я за муки, конечно,
В светлый рай попаду,

Мой любимый, мой грешный,
Пропадешь ты в аду,
Пропадешь ты в аду.

119. ДАЙ ПОСМОТРЕТЬ

«Отвори мне дверь скорей, —
Говорю, —
На красу ресниц, бровей
Посмотрю!»

«Ты ль бровей моих, ресниц
Не видал?
Ты ль не видел крыльев птиц
Между скал?»

«Подними дверной крючок, —
Говорю, —
На глаза твои разок
Посмотрю».

«Ты ль моих не видел глаз
Красоты?
Вишни спелые не раз
Видел ты!»

«Подними дверной крючок, —
Говорю, —
На твой тонкий стан разок
Посмотрю!»

«Что мой стан! С тобой беда,
Дуралей.
Ты ль не видел никогда
Тополей?»

120. ДУША ТВОЯ

Ой, рубашка твоя голуба,
Ой, рука у тебя груба.
Неужели в тебе ни малости
Нету жалости, нету жалости?
Ой, душа твоя холодит, —
Ой, не лед ли она, не гранит?

Ой, душа твоя холодит, —
Ой, не лед ли она, не гранит?
Но и лед от жары расплавится,
Разобьется гранит, коль ударится.
Ты душой не гранит и не лед —
И ничто тебя не берет.

На ремне твоём пряжка была.
Я, бедняжка, тебя избрала.
Ой, я глупая, неумелая,
Как посмела я, что наделала, —
Ведь хороший ты только на вид,
А душа твоя холодит!

Ой, сосуд на краю стола,
Ой, из меди он и стекла!
Если, брошенная и немилая,
Раньше срока сойду в могилу я,
Будет гнаться всю жизнь за тобой
Из могилы мой голос живой.

121. КУЛИНА

Эй, Кулина, что нужно тебе?
Смотри, мои кони скоры.
В городе нынче душно тебе, —
Садись, повезу тебя в горы!

В доме большом сидишь ты, молчишь,
На мир глядишь, как тигрица.

Кликну тебя — ко мне прибежишь,
И гордость твоя смирится.

С пасеки нашей меду к весне
Сберег я бочонок немалый.
Смерть — над плечом, орел — в вышине,
Мечты наши выше, пожалуй.

Нынче я оседлаю коня,
Помчусь я быстрее пули.
Можешь ли день прожить без меня?
Я без тебя могу ли?

122. ПАРЕНЬ В ПАПАХЕ

В час вечерний тебя я встречала,
О тебе я шептала сквозь сон,
Пел ты песни не хуже, бывало,
Чем у наших господ граммофон.

Мне свиданье с тобой обещали, —
Сердце птицей запело мое,
Не солгали, тебя показали —
Распростертое тело твое.

Приходил ты — и солнце всходило,
Уходил — заходило оно.
Нет, тебя не вино погубило —
Люди яд подмешали в вино.

Как ждала я тебя, как любила!
И чтоб нас не настигла беда,
Я тебя не по имени, милый, —
Парнем в серой папахе звала.

Я просила тебя, говорила:
«Образумься, беги ото зла!»
Больше жизни тебя я любила,
Но тебя и любовь не спасла.

123. АРОБЩИК

Идут по дороге быки.
Колеса скрипят на ходу.
Скрипят и мои башмаки.
Я вслед за арбою иду.

Дорога в пыли, как в дыму.
Спешит мой аробщик вперед.
Я, может, бы села к нему,
Но милый меня не берет.

Я к речке спустилась одна.
Что делать мне с жизнью такой?
Аробщику я не нужна.
Никто мне не нужен другой.

Я вдаль на дорогу смотрю,
Но он не спешит, как назло.
Вернется — ему подарю
Кольцо, чтоб в пути берегло.

Я век не ждала бы, как жду,
Я век бы жила не любя.
Зачем я, себе на беду,
Аробщик, узнала тебя?

Искал ты меня и робел.
А я не стремилась к тебе.
Чего ж ты ко мне охладел,
Когда я открылась тебе?

Ты был мне сначала не мил,
Красивый аробщик с арбой,
Два года за мной ты ходил, —
Теперь я хожу за тобой,
Хожу за твоею арбой.

124. СКОЛЬКО ЗВЕЗД НА НЕБЕСАХ

Сколько звезд на небесах,
Столько слез в моих глазах!
Ни за что болезнью тяжелой
Наградил меня аллах.

Та болезнь стара, как свет:
Я люблю, а милый — нет.
Нет лекарства от коварства,
Чахну я во цвете лет.

В горы тянутся стада.
Ты туда, а мне куда?
Для тебя любовь — забава,
Для меня любовь — беда.

Бурку вижу я твою,
Ты идешь, а я стою.
Что ж ты взглядом не подаришь
Одинокую свою?

Я стою, а ты идешь.
Я молчу, а ты поешь.
Или ты завел другую,
Иль поверил в чью-то ложь?

Родники звенят в тиши.
Сокол ясный, не спеши.
Ой, любовь мне не для счастья —
Для гибели души.

125. ТЫ ВХОДИШЬ НЕ ЗДОРОВАЯСЬ

Свой пояс с пряжкой новою
Я затянуть стараюсь.
Тыходишь не здороваясь,
Уходишь не прощаясь.

Зачем меня ты мучаешь,
Как пойманную птицу?
Или нашел ты лучшую?
Да чтоб ей подавиться!

Ой, бахрома болтается, —
Шаль у меня такая.
Иные улыбаются,
А я сижу рыдая.

Свой поясок на талии
Я затяну потуже.
Ты не один в Балкарии,
Другие есть — не хуже.

Мила ль твоя красавица,
Ее красиво ль имя?
Смотри и ты, коль нравится,
Как я хожу с другими.

На речке намочила я
Край шелкового платья.
Любовь тебе дарила я —
Прими теперь проклятья.

О нет, пусть я постылая,
Но я ходила в милых. . .
Того, кого любила я,
Я проклинать не в силах.

126. Я ЖДУ ТЕБЯ

Грустно мне день-деньской одной.
Шью и шью, а зачем — не знаю.
Где бы ни был ты, мой родной,
Я всегда тебя ожидаю.

Всё ль папаха твоя бела
Иль давно уже изнасилась?

Я такая же, как была,
Ты такой ли, скажи на милость?

Туфли, туфли на каблуках.
Побежать бы — боюсь споткнуться.
Я внизу, ты — олень в горах.
До тебя мне не дотянуться.

Мой олень, плохо дело мое:
Я не лань, ты бежишь не за мною.
От любви тает тело мое,
Словно снег на лугу весною.

Говорят мне, что ты в пути,
Наверху, где быстры косули.
От меня ты сумел уйти, —
Я уйти от себя смогу ли?

127. ДЕВУШКИ ЛЮБЯТ ПАРНЕЙ

На поляне — посмотри —
Траву косят косари.
Матери девиц влюбленных
Спят — спасибо — до зари.

Над поляною вдали
Пролетели журавли.
Мы бы жили — не тужили, —
Злые люди развели.

Я с ведром иду опять
К роднику воды набрать.
Я давно была бы с милым, —
Не велят отец и мать.

По дороге, по стерне
Скачет всадник на коне.
Если б так же торопился
Мой возлюбленный ко мне!

Говорит у нас народ:
«Низок ствол, да сладок плод».
Этот невысокий парень
Мне покоя не дает.

На коня мой ухажер
Сел, как ворон на забор.
Почему его любила
И люблю я до сих пор?

Ой, на склонах, как всегда,
По траве бредут стада.
Я подружку попросила
Милого позвать сюда.

В казане варю еду,
На огне варю и жду.
Если влюбится счастливый,
То не попадет в беду.

По полю пойдет мой друг,
В лес пойдет, пойдет на луг.
Всё успеет, — лишь со мною
Повидаться недосуг.

Я гляжу на белый свет.
Солнце было — солнца нет.
С кем и как, я не скажу вам,
Встречу нынешний рассвет.

128. ВБЛИЗИ БИЙЧЕСАНА ГРОМ ГРОМЫХНУЛ

Вблизи Бийчесана гром громыхнул,
И над Бургустаном сгустился туман.
Мой милый уехал в далекий аул, —
С кем пляшет сегодня он, весел и пьян?

Неделя прошла, но вестей он не шлет.
Неделя прошла, а мне кажется — год.

Неделя прошла, я стою у ворот,
Вторая проходит, а он не идет.

Назвал меня милой — я ввысь вознеслась,
А стала постылой — упала на дно.
Бывало, певала, пускалась я в пляс,
Порхала; цвела, да увяла давно.

Пропала иголка, упала и нет.
Искала без толку, устала искать.
Мне хочется, девушки, дать вам совет:
О том, что туманно, не надо мечтать.

От льда векового вершина бела.
Хоть солнце и греет, да мало тепла.
Тебя я любила, сгорела дотла,
А льда твоего растопить не могла.

129. ПЕСНЯ О ЮНОШЕ НАНЫКЕ

Всадник, всадник, скажи на милость,
Что не едет домой Нанык?
Ой, звезда моя закатилась:
Ты сказал мне, где мой Нанык.

С тех лугов у реки глубокой
Не воротится милый мой.
Только пес его одинокий
Прибежит на заре домой.

У меня жениха не будет,
Не найти мне могилы его.
На заре принесут мне люди
Только косу и вилы его.

Стать бы рыбкою золотою,
Головою коснуться дна.
Лучше мертвой я буду с тобою,
Чем живой на земле одна.

Стать залетной горлинкой мне бы,
Чтобы эти покинуть края,
Скрыться, птицею взвиться бы в небо,
Где, мой милый, душа твоя.

Для чего, о скажи на милость,
Всадник, ты отозвался на крик?
Я не знала бы, что случилось,
И ждала б, что вернется Нанук.

130. КОЛЫБЕЛЬНАЯ ПЕСНЯ

Спи, мой мальчик, всё спит кругом,
Ляу, ляу.
Спит и лед, и вода подо льдом,
Ляу, ляу.

На тебя похожий телок,
Ляу, ляу,
Спит в хлеву, а над ним парок,
Ляу, ляу.

И шумливый, как ты, щенок,
Ляу, ляу,
Спит в углу, свернувшись в клубок,
Ляу, ляу.

Снег на крыше, на крыше лед,
Ляу, ляу.
Спать не будешь, так волк придет,
Ляу, ляу.

Я тебя не отдам, малыш,
Ляу, ляу.
Ты хороший, ты уже спишь,
Ляу, ляу.

Ой, лисенок любит лису,
Ляу, ляу.
Он под снегом уснул в лесу,
Ляу, ляу.

Сын мой любит меня одну,
Ляу, ляу.
Он уснул, вот и я усну,
Ляу, ляу.

131. ПЕСНЯ КОЛЫБЕЛИ

Хоть иду, всегда иду,
Никуда я не приду.
Весь мой путь за тыщи дней
Топорища не длинней.
Колыбель я, колыбель.

Много дней, ночей, недель
Я в пути, я — колыбель.
Хоть иду, пройду немного —
Я дойду лишь до порога.
Колыбель я, колыбель.

Спит жилец мой, и во сне
Далеко летит на мне,
Хоть и не длиннее рога
Наша с мальчиком дорога.
Колыбель я, колыбель.

Я бегу, бегу, бегу,
Убежать всё не могу.
Не длинна моя дорога —
До окна иль до порога.
Колыбель я, колыбель.

132. МЕДВЕДИЦА

Буреломом, горами, скатами,
Где покатыми, где горбатыми,
Шла медведица с медвежатами,
Шла медведица с медвежатами.

Шла медведица с медвежатами,
С гор стекала река ревущая.

Та река была злая-злющая,
Та река была злая-злющая.

С медвежатами шла медведица
Через реку, где волны бесятся.
А над ней ни звезды, ни месяца,
Над рекой ни звезды, ни месяца.

Над рекой ни звезды, ни месяца,
Волны пенятся, волны бесятся:
«Отдавай медвежат, медведица,
Отдавай медвежат, медведица!»

С медвежатами шла медведица,
Унесло медвежат течение.
Где найдет она утешение,
Где найдет она утешение?

Слезы горькие льет медведица:
«Ох, и зла ты, река глубокая.
Для чего пришла издалека я,
Для чего пришла издалека я?»

Слезы горькие льет медведица:
«В рощах нашей далекой родины
Разве мало было смородины,
Разве мало было смородины?»

133

Ой, у речки луг велик,
Ой, у речки пасся бык.
Пасся бык, да вдруг пропал:
Человек один украл,
Человек другой забил,
Третий на костре сварил,
А четвертый всё узнал
И хозяину сказал.
Нет, пропажа не нашлась,
Только драка началась.

134. ПОРВАЛСЯ МОЙ БЕШМЕТ

Я в лесу порвал бешмет,
У меня другого нет.
Что мне делать, как мне быть, —
Не хотел я причинить
Маме горя!

Вот бы где-нибудь в пути
Новый мне бешмет найти.
Я обнову бы не рвал,
Никогда б не причинял
Маме горя.

135. Я ПОЕХАЛ ПО ДРОВА

Я поехал по дрова,
Шел осел едва-едва.
Утром мать со мной прощалась,
Дома ждать она осталась.

Направлялся я в лесок,
Задержался на часок.
Право, я не виноват:
Ехал в лес — увидел сад.

Хоть и шла дорога в лес,
Но с седла опять я слез.
Там я привязал осла,
Где смородина росла.

В лес дорога далека,
Не собрал я ни сучка.
У меня была причина:
Там в лесу росла малина.

Я малину ел, — стемнело,
Не успел я кончить дела.
Еду я, сижу дрожу, —
Что я матери скажу?

136. ПЕСЕНКА О ЖУРАВЛЯХ

Над горами нашими вдали
Вы летите стайей, журавли.
Будь моим конем, эй, подожди,
Журавель, летящий впереди,
Впереди летящий журавель!

В путь далекий полетели вы,
В небе нет воды и нет травы.
Подождите, птицы! погоди,
Журавель, летящий впереди,
Впереди летящий журавель!

Над Чегемом в выси голубой —
Стая птиц.
Возьми меня с собой,
Унеси за тридевять земель,
Впереди летящий журавель,
Журавель, летящий впереди!

Пес Бойнак не сводит с неба глаз,
Он не лаает, провожая вас.
Вы летите, журавли, на юг.
Добрый путь тебе, мой добрый друг,
Впереди летящий журавель!

137. ВОРОНЫ

Прилетают в сад вороны,
Крыльями шуршат вороны,
На деревьях средь двора
«Кра-кра-кра» кричат с утра.

Где, вороны, ваши детки?
Что-то нету их на ветке.
Что вы им дадите пить,
Чем их будете кормить?

Мама хлеб мне испекла,
Молока мне налила.

Вы, вороны, хлеб печете,
Деткам молоко даете?

Мать моя встает чуть свет,
Чинит старый мой бешмет.
Правда ль, что бешмет в заплатах
И на ваших воронятах?

138. КУРЫ

«Куры, куры, куд-куда,
Вы откуда и куда?»
— «Из сарая мы пришли,
Куд-куда.
Там яички мы снесли,
Куд-куда».

«Что ж яичек не видать?»
— «Куд-куда,
Забрала их ваша мать,
Куд-куда».

«Что взамен она дала?»
— «Куд-куда,
Ваша мать зерна дала,
Куд-куда».

«А зерно куда вы дели?»
— «Куд-куда,
Куд-куда, зерно мы съели,
Куд-куда!»

139. АДЕМЕЙ

— Адемей, где ты был?
— За телятами ходил.
— Адемей, что ты привез?
— Дров из леса целый воз!
— Что добыл ты, Адемей?
— Двух большущих глухарей.

— Где ты ночью пропадал?
— Ночью поле я пахал.
— Будешь есть, Адемей?
— Съел уже я свой чурек!
— Кто ты есть, Адемей?
— И пастух, и дровосек,
Я и пахарь, и ловец,
И на скачках удалец!

140

Шел я, шел, шел, шел,
В поле шерсть нашел.
Шерсть я тетушке отнес,
Получил лепешки.
Вдруг бежит навстречу пес
По моей дорожке.
Эй, пес, пес, пес,
Я лепешки принес.
Подарил мне пес
Своего щенка.
Чабану отнес
Я того щенка.
За подарок мой
Дал чабан мне кость.
Я пришел домой —
К нам приехал гость.
Дал я гостю кость —
Дал мне плетку гость.
Плетку с ходу я
Бросил в воду я.
Приняла река
Плетку ценную,
Мне дала река
Воду пенную.
Слышу: «бум-бум-бум».
Что за шум, шум, шум?
Что-то хлопнуло —
Пена лопнула.

141. ПЕСНЯ МАЛЬЧИКА

Без коня мой дед-бедняк
Жил все время кое-как.
В скачках не пытал он счастья,
В них не принимал участия.

Но однажды с дальних гор
Прилетел орел в наш двор,
Над чинарой покружился
И в коня преобразился.

Скакуна мой дед поймал
И на скачки поскакал,
Обогнал он всех джигитов,
Даже самых знаменитых.

Старый дед мой с этих пор
Лучший всадник наших гор.
Поглядите, пыль клубится —
Дед мой по дороге мчится!

142. НЕБЫЛИЦА

В поле, где трава растет,
Видел я сегодня лед.
Там, где высь белым-бела,
Видел я, трава росла.

Я не ел четыре дня —
Камень выручил меня.
Превратился он в чурек,
Съел я камень, выпил снег.

143. ПАЛОЧКА

Утром я скакал и днем,
Палка моя, палочка.
Ты была моим конем,
Палочка-скакалочка.

На тебе скакал я вдаль,
Палка моя, палочка.
Я загнал коня, мне жаль,
Палочка-скакалочка.

Мать кричит, что я устал,
Палочка-скакалочка.
Я ведь только погонял,
Ты устала, палочка.

Сердится, бранится мать,
Палка моя, палочка.
А тебя кому ругать,
Палочка-скакалочка?

144. ПРОПЕКАЙСЯ, ХЛЕБ, СКОРЕЕ!

Есть хочу, хочу я спать, —
Пропекайся, хлеб, скорее!
Долго ли еще нам ждать?
Пропекайся поскорее!

Спать хочу, едва держусь, —
Пропекайся, хлеб, скорее!
Не дождусь тебя, боюсь
Пропекайся поскорее!

Кошка в доме улеглась.
Пропекайся, хлеб, скорее!
Спит, тебя не дождалась.
Пропекайся поскорее!

Двор и сад покрылись тьмой.
Пропекайся, хлеб, скорее!
Дремлет серый ослик мой.
Пропекайся поскорее!

В жаркой печке хлеб сидит.
Пропекайся, хлеб, скорее.
Сон глаза мои слепит.
Кто кого опередит?
Пропекайся поскорее!

145. ТОП-ТОП

Встань, малыш, еще разок,
Сделай маленький шажок.
Топ-топ.
Ходит мальчик наш с трудом,
В первый раз обходит дом.
Топ-топ.

Мама водит взад-вперед,
Мальчик ходит взад-вперед.
Топ-топ.
Он догонит козлика,
Он обгонит ослика.
Топ-топ.

Вот окошко, вот порог, —
Путь пока что недалек.
Топ-топ.
Будет время, и, малыш,
Далеко ты побежишь.
Топ-топ.

146. ПЕСЕНКА ПРО БЫЧКА

Мой бычок, мой бычок —
Белый в крапинах бочок.
Мы гуляли, да пропали,
Все искали, сбились с ног.

Мы ходили на лужок,
А теперь везде снежок,
И не видно — вот обидно —
Ни тропинок, ни дорог.

Не печалься, мой дружок,
Разве страшен нам снежок?
Принесу тебе я сена,
У меня большой мешок.

147. КТО СИЛЬНЕЕ ВСЕГО НА СВЕТЕ

— Солнце сильнее всего на свете,
Солнце могучей всего на свете!

— Было б оно всех сильней и могучей,
Черной его не застлало бы тучей!

Туча сильнее всего на свете,
Туча могучей всего на свете!

— Если была бы она могучей,
Воду земля не взяла бы у тучи!

Земля сильнее всего на свете,
Земля могучей всего на свете!

— Если б земля могучей была бы,
Овца траву ее не рвала бы!

Овца сильнее всего на свете,
Овца могучей всего на свете!

— Если овца могучей была бы,
Ягненка для гостя не отдала бы!

Гость сильнее всего на свете,
Гость могучей всех на свете!

— Может быть, гость и силен, да не
слишком:
Изгрызла его снаряжение мышка!

Мышка сильнее всего на свете,
Мышка могучее всех на свете!

— Если была бы у мышки сила,
Разве бы кошка ее душила?

Кошка сильнее всего на свете,
Кошка могучее всех на свете!

— Да, и сильнее она всех, и могучей,
Спит у людей на подушке их лучшей.

Ест она мясо, пьет молоко,
Слава о ней разнеслась далеко!

148. ПУСТЬ ГОРИТ ОГОНЬ

Мы костер должны разжечь,
Пусть горит огонь сильнее!
Чтоб картошку нам испечь,
Пусть огонь горит сильнее.

Дождик, лей хоть до утра,
Пусть огонь горит сильнее.
Не загасишь ты костра,
Пусть огонь горит сильнее!

ИНГУШСКИЕ ПЕСНИ

149. ПЕСНЯ СЕВА

Ранней весною зерно
Мерили мы гирдами, —
Пусть возвратится оно
Осенью к нам возами.
Много борозд на пашне,
Множество звезд на небе,
Волн в океанах-морях, —
Пусть столько возов пшеницы
В этот год уродится
На наших полях.

150. ПЕСНЯ ПРЯДИЛЬЩИЦ КОНОПЛЯНЫХ НИТЕЙ

Стебли, стебли, стебельки,
Превратим мы их в мотки.
Щелоком в котле большом
Отбелим добротнo,
Вычистим кривым скребком, —
Пусть из нитей плотных
Люди добрые потом
Сделают полотна.

151. ПЕСНЯ ОХОТНИКОВ

Элт, мы пришли на извечное дело,
Милостью нас не оставь,
Наши порой непослушные стрелы
В быстрого зверя направь.

Крупную голову лося горбатого
Пусть не закроет скала.
Сердце горячее тура рогатого
Наша отыщет стрела.
Зверю, тяжелому мясом и салом,
Дай показаться вдали.
Дай нам вернуться с поживой немалой,
Ты нам удачу пошли.
Мы на твою уповаем подмогу.
Ты, в чьем владенье весь край,
Будь милосерден и господу богу
Нашу мольбу передай!

152. ВЫЗОВ ДОЖДЯ

1

Му́ста Гу́дарг, Муста Гударг,
Пусть на полях уродится
Просо, ячмень, пшеница
И кукуруза тоже.
Дай нам дождя, боже,
О господи боже!

2

Дай дождика нам, Села,
Чтоб поле не сгорело.
Дай нам счастья, дай удачи,
Чтоб мы бед не знали,
Чтобы, как хвосты кошачьи,
Колосья свисали,
Початки торчали.

153. ПЕСНЯ ЖЕНЩИН, ОБРАЩЕННАЯ К ТУШОЛИ

Скотину лучшую кормим и нежим
На воле, как для себя,
А тучною станет — ее зарежем,

Тушоли, мы для тебя.
В день твой пришли мы, как в прошлые
годы,
К тебе, и ты счастья нам дай,
Избавь от горя, беды, недорода
Родимый наш край.
Чтоб нерожавшие жены родили,
Чтобы рожденные дети жили,
Дождей чтобы было
Ни много, ни мало,
Чтоб солнце светило,
Но не сжигало.

154. ПЕСНЯ, ОБРАЩЕННАЯ К МЯТ-СЕЛЕ

Не всели в гостей тревоги,
К нам не прегради дороги.
Наши кровли, наши стены
Пусть не сотрясает гром,
В очаге огонь священный
Не гаси своим огнем.
Злобный дух, что входит в дом,
Долго там живет потом.
Ты на этот дух лукавый
Обрати огонь свой правый.

Мы — твоих овец ягнята.
Мы — твоих коров телята.
Из того, что мы посеем,
Всё обильно пусть взойдет.
От скота, чем мы владеем,
Пусть умножится приплод.
Щедрости ты не убавь.
Хоть мы просим неумело,
Научи нас и наставь.
Милостью нас не оставь,
Хоть мы просим то и дело!

155. ВЕЛИЧАЛЬНАЯ ГОСТЮ

Гость, гостящий под нашим кровом,
Пусть тебя не коснется беда.
Будь свободным ты и здоровым!
Всегда!

Пусть будет цела твоя голова,
Которой нету цены.
Пусть не померкнет слава твоя,
Имя твое и твои слова —
Гордость родной стороны!

156. СВАДЕБНАЯ ПЕСНЯ

Девушки, пришедшие за невестой:

Красавица, счастье тебе привалило —
Себя достойного ты полюбила.
Как черный орел средь горных орлов —
Птиц предводитель крылатый,
Так твой удалец среди удалцов
И тамада, и вожатый.

Тебе досталась заря навсегда,
Что солнце опережает.
Тебе досталась с неба звезда,
Что ярче луны блистает.

Пока не гремит за горою гром,
Пока не слышать обвала,
Тебя к твоему орлу увезем,
Чтобы не тосковала.

Девушки из дома невесты:

Орлят не орел послал за тобой,
Послал кобелят кобель твой рябой.
То не заря в ночных небесах,
Не звезда, что сравнима с луной,
А необученный конь в камышах
Мечется как шальной.

Пыль на дороге вздымая до туч
Краями шальвар неловких,
Словно мухи с навозных куч,
Сюда слетелись золовки.

157. ПЕСНЯ СВАТА

Он храбр, как храбрейший волк средь волков,
Как самый суровый медведь, он суров.

Недаром случилось ему родиться
Ночью, когда щенилась волчица.
Недаром, к небу очи воздев,
Имя ему старики давали
В тот день, когда появился лев,
Ревом своим оглашая дали.

В семье он самый юный и статный.
Все его любят, всяк ему рад.
Лицом он смуглый, как меч булатный,
И сердце его словно булат.

Невеста-красавица, что должна
Замуж идти за Умара,
Если добра ты, умна, скромна,
Ужель он тебе не пара?
Ты, приглядевшись к нему, поймешь,
Что замужество — дар, а не кара.
Что ты на земле никогда не найдешь
Никого достойней Умара.

158. ПЕСНЯ О СЕСТРЕ, КОТОРУЮ ВЫДАЮТ ЗАМУЖ

Не плачь, не горюй, дорогая сестра,
Хоть ты и съезжаешь с родного двора.
Теперь ты хозяйка, владеешь волом,
Что в сарае жует солому.
Владеешь конем, что под седлом
Стоит у свекрова дома.

Сестра дорогая, ты плачешь о том,
Что к мужу идешь нелюбимому в дом.

Пусть красная медь — тот немалый калым,
Что взят за сестрино горе, —
Недолго послужит братьям твоим,
В труху превратится вскоре.

Все десять коров и десять быков,
Что взял твой родитель почтенный,
В дикое стадо лесных кабанов
Превратятся пусть непременно.

159. ПЕСНЯ О МАЛЬСАГЕ

Словно олень, что из-за скал
Выходит после ненастья,
Мальсаг на игрища прискакал,
В игре попытает он счастье.

Проклятье вам, времена Шамиля,
Что были давно, да минули.
А в наши дни не грохочет земля,
Не свищут быстрые пули.

В огне чинаровом прутья трещат
Железные и стальные,
И вырваться из груди норовят
Наши сердца удалые.

Тесно им в нашей груди молодой.
Влекут они в дальние дали.
Нам видится путь, нам слышится бой,
Сердца мы смирим едва ли.

160. ПЕСНЯ О МОЧАКЕ

О Мочака благородный,
Сын оскудевшего рода.
О Мочака благородный,
Пусть светит тебе свобода.

Пусть храбрость, которой славился
В течение жизни всей,
Тебе не изменит, останется
Владеньем души твоей.

Мочака, что завидовать
Тем, чей бесчислен род?
Стоит ли свиньям завидовать,
Хоть в стаде их много бредет?

Пусть у коня солового,
Стоящего средь двора,
Будут подковы из золота,
Гвозди из серебра.

Терек — реку суровую —
Должен ты переплыть.
Если б лодку дубовую
Я бы могла спустить.

Но конь твой, на всё готовый,
Разве тебя подведет?
Хуже ль лодки дубовой
Терек переплывет?

Хоть и осилил Терек,
Не избежал ты зла.
Если б перину на берег
Я постелить бы могла.

Но не нужна перина
Тебе, как ты ни устал.
Твоя перина — долина,
Где ты сраженный упал.

161. ЗЕЛИМХАН

Зелимхана гонцы
Селенья мутят,
Скачут во все концы
И так говорят:

«Эй, собирайтесь все, у кого
Кони лихие!
Эй, собирайтесь все, у кого
Сабли стальные!
Поскачем мы вдаль, будет жарко вокруг,
Хоть и не будет солнца,
А слезем с коней дружно все вдруг —
И земля затрясется.

Сбросим мы бурки на склоне бугра,
С седел сойдем и будем
Кнутовищем из серебра
То делить, что добудем.

За Зелимханом будем скакать
Вдаль по родимой земле.
Если будем когда-нибудь спать,
Лишь на ходу — в седле».

162. АЛЬМИРЗА

Не плачь, Альмирза, что в мире большом
Один ты влачишь свои дни.
Не плачь, не горюй, Альмирза, о том,
Что много у всех родни.
Велик ли толк, что обильны стада,
Что много свиней в стадах?
А волк один; в одиночку всегда
На всех наводит он страх.
Иль не один ты вступаешь в бой,
Врагов настигая вдруг,
Или же не под одним под тобой
Дорога гнется, как лук?
Разве не гнется дорога-дуга
Под скакуном твоим?
Иль не один побеждал ты врага,
Оставаясь сам невредим?

Славен ты будь, удалец счастливый,
Выросший, словно вьюн на лугу.
Будь ты славен, неприхотливый,
Росший подобно волку в логоу.

Ветер холодный свистел над тобою,
Тебя потрепал на веку.
А ныне оружие дорогое
Висит у тебя на боку.

Кто будет отважней тебя и храбрее,
Пусть носит оружие твое.
Но пусть никто никогда не посмеет
Носить оружие твое.

Пусть на тебе оружие блистает
И нежная, как виноград,
Пусть обнимает тебя и ласкает
Прекрасная Маликат.

Не всех, кого повстречал в скитаньях,
Друзьями ты почитай.
Не всех, кого увидал на гулянье,
К любимым ты причисляй.

Тот, кто с тобою был в час твой черный, —
Тот тебе друг и брат.
Была и осталась твоей нареченной
Прекрасная Маликат.

Тем ты, Хасан, не будь озабочен,
Что не дал родни аллах, —
Велик ли толк оттого, что очень
Много свиней в стадах?
А волк одинок, и в одиночку
На всех наводит он страх.

ГЕРОИЧЕСКИЕ ПЕСНИ

164—166. ПЕСНИ ВРЕМЕН ПОКОРЕНИЯ КАВКАЗА

1

Милые сестры, садитесь рядком,
Чтобы немного хоть стало нам краше.
Милые сестры, мы вместе споем
Песню про время нелегкое наше.

Шапки с навесами на головах
Наших мужчин надевать заставляют,
Шинели, широкие им в плечах,
Силой на наших мужчин надевают.
И в сапожищи на каблуках
Наших джигитов силком обувают.

«Пусть станут солдатами», — говорят
И нашим джигитам лбы забривают.
«Пусть станут солдатками», — говорят
И одинокими нас оставляют.

О нас говорят, как о длинных рублях,
Если только нас много бывает,
А если мы врозь, как о малых деньгах,
О нас говорят и цены нам не знают.

Тех, кто скакал на горячих конях,
Ловят, как барсов, в Сибирь отправляют,

Джигитов, которым неведом был страх,
Берут ни за что и в остроги сажают.

Сибирь, где и летом мороз да зима,
Пусть вовсе провалится, испепелится,
С высокой стеною царева тюрьма
Скорей пусть сгорит, пусть во прах
превратится.

2

Лучше бы в Грузии сабель стальных
Не украшали бы мордю волка, —
То, что достойно героев лихих,
Трус покупает и носит без толку.

Лучше не шили бы там из сукна
Женских платков, что и ночи темнее,
Ибо платок и плохая жена
Может купить и напаять на шею.

Если б нам помнить обычаи гор,
Если клинки бы в бою добывали,
Если платки бы за верность давали,
Только тогда наконец мы б узнали
Братьев отвагу и верность сестер.

3

Пусть будут джигиты как на подбор,
Словно свинцовые пули литые,
Пусть будет много у них сестер,
Одна в одну, как цветы полевые.

В плахиях ли, в светлые времена
Пусть братья с сестрами не разлучатся
И пусть достойные их имена
Недоброю славой не омрачатся.

В отчих горах, на равнинах родных
Пусть имена их не будут забыты,

Пусть не переводятся гости у них,
Добрые люди — певцы и джигиты.

И пусть, стоящие средь двора,
Будут их коновязи золотыми,
И пусть скакуны их будут лихими,
И будут подковы из серебра.

167. АЛЬБИКА И ЖАМАРЗА МАДИЕВЫ

Люди добрые, подходите,
В мою сторону слух обратите
И послушайте речь мою.
Так считается и считалось,
Что, кому воевать случалось,
Тот искусен в грозном бою.

* * *

С места восхода солнца
До места захода солнца
Белый царь-государь чуть свет
Офицеров, князей благородных,
Трону верных, себе угодных,
На великий скликал совет.

Офицеры совет вершили,
Сытно ели и много пили,
Говорили, пьяным-пьяны:
«Благородные мы дворяне,
Кто свершит кроме нас деянья
Те, что мы совершить должны?»

Долго ели они и пили,
О делах своих говорили.
Уморились и пить, и есть.
И явился к ним царь московский.
И вскочили они молодцовски,
Государю отдали честь.

И поведал им царь великий,
Мол, тоскует он по Альбике,
Хочет встретить ее скорей.
Что увидит у ней обнаженным,
То закроет златом червонным,
Не жалея казны своей.

«Вы скорее в горы идите.
Вы Альбику там отыщите,
Вместе с ней воротитесь назад.
И да будет вам помощь господня,
Ибо ведомо, что сегодня
Ускакал Жамарза, ее брат».

Радо воинство отличиться.
И рассвет не успел опуститься
На предгорье и воды реки,
Как аул, где жила Альбика,
Окружили ратью великой,
В три ряда засверкали штыки.

Встали старцы, чтоб помолиться,
И увидели, что творится,
И слышали звон штыков.
Старики судили-рядили,
Почему кольцом окружили
Их аул — девять тысяч дворов?

Подошли они не без страха
И сказали: «Ради аллаха,
Объясните нам, господа,
По какой по такой причине
Наш аул окружили ныне
Вы, нежданно придя сюда?»

«С государевой ратью великой
Мы за вашей пришли Альбикой.
Белый царь нас отправил в путь,
Ибо он — правитель законный —
Хочет златом покрыть червонным
Руки, плечи ее и грудь.

Вон штыков — как колосьев в поле,
Так что лучше по доброй воле
Вы отдайте, и мы увезем,
Помолившись господу богу,
Вашу девицу-недотрогу.
А не то весь аул сожжем».

Злой бедой омраченные старцы,
Сединой убеленные старцы
Поплелись по домам своим.
Шли они, и от горькой печали
Их обильные слезы стекали
По усам, бородам седым.

Старики в аул возвращались,
И гехинцы им повстречались.
Были ловки джигиты, сильны.
Были сабли их посеребренны
И стволы их ружей гранены,
Были резвыми скакуны.

И промолвили старцы чинно:
«Добрый день, удалцы Гехина.
Плачем мы от несметных бед.
Понаехали с ратью великой
Офицеры за нашей Альбикой».
Но джигиты молчали в ответ.

И с заботой своей несчастливой
Старцы к дому Альбики красивой
Подошли, постучались в дверь.
Смотрит девица — что за чудо?
Старцы к ней не стучались покуда
И к добру ль стучатся теперь?

И тогда закивали старцы.
«Мир тебе», — ей сказали старцы.
«Мир и вам, спасибо за честь.
Заходите, степенные люди.
Проходите, почтенные люди.
Не хотите ли пить и есть?»

«Глотки так пересохли наши,
Что не то что бузу из чаши,
Мы бы выпили горный поток.
И настолько изголодались,
Что сжевали, когда б попались,
Даже камни со дна и песок.

Но питье твое пить мы не будем, —
Продолжали почтенные люди. —
И не будем мы есть ничего,
Ибо кровью твой брат истекает
И на помощь сестру призывает,
Чтобы раны омыла его».

Встрепенулась и закричала,
Собираться Альбика стала.
Стан стянула платком головным
И сказала такое слово:
«О почтенные, я готова
Ехать в горы за братом своим.

О почтенные старцы седые,
Пусть скорей ваши кони лихие
Нас по тропам помчат туда,
Где лежит, как подбитый сокол,
Брат мой милый в траве высокой,
Где застала его беда».

И тогда по чьему-то слову
Подкатили карету цареву,
Разукрашенную серебром,
И Альбику в нее посадили,
Двери наглухо затворили,
На окошки шелк опустили,
Окружили тройным кольцом.

В путь карета царя пустилась.
И тогда-то, что с ней случилось,
Всё Альбика вдруг поняла.
«Что же вы, удальцы Гехина,
Мне даете гибнуть безвинно? —
Закричала она со зла. —

Вы украдкой меня встречали,
Речью сладкою обольщали.
Неужели все ваши слова,
Ваши клятвы все и присловья,
Как досужие сплетни вдовьи,
Позабылись, родясь едва?

Этот край, где меня обманули,
Пусть свинцовые вражьи пули
Поливают, как дождь весной.
Я ж на верную смерть отправляюсь,
Слава богу, тем утешаюсь,
Что не ранен мой брат родной».

В этот час Жамарза невредимый
Возвратился в свой дом родимый.
«Эй, Альбика! — кликнул сестру. —
Табуны я гнал, уморился,
И скакун мой разгорячился.
Поводи его по двору».

Жамарзе навстречу седая
Тетка бедная, причитая,
Вышла, полуслепа, стара.
Закричал Жамарза: «Что случилось,
Ты мне, тетка, скажи на милость?
Где родная моя сестра?»

«Я за вас умереть мечтала, —
Тетка старая отвечала,
Утирая потоки слез, —
Но сестру твою царь московский
В серебрёной своей повозке
На потеху себе увез».

И ловчей сизаря лесного,
Что слетает с сука кривого,
Жамарза на коня лихого,
Не помедлив, прыгнул с крыльца,
За любимой сестрой в тревоге
Поскакал по царской дороге,
Не щадя своего жеребца.

Полетел Жамарза, как птица,
Видит: даль впереди пылится.
Слышит: плачет его сестра.
За каретою он рванулся
И девичьей спины коснулся
Кнутовищем из серебра.

«Не пугайся, моя сестрица.
Бог поможет, беды не случится.
Распадется черная мгла.
Верен мне мой скакун горячий.
Я догнал тебя, это значит —
Смерть врагов твоих догнала.

Ой, сестра моя, бог поможет,
Нас он не обречет, быть может,
Ни на гибель, ни на позор.
Не изменит мне дух мой ратный,
И послужит кинжал булатный,
Как служил мне он до сих пор».

«Жамарза, — сестра отвечала, —
Кровью не обагряй кинжала.
У меня ты — единственный брат.
Коль беда случится с тобою,
Буду я совсем сиротою.
Лучше ты возвращайся назад.

Кровь кипит в твоих жилах горячих,
Но, кто знает: нынче удача
Суждена ль тебе, Жамарза?
Может быть, после битвы бесплодной
Станет кровь в твоих жилах холодной
И погаснут твои глаза.

Пленных девушек — я слыхала —
У царя в столице немало.
Укради, Жамарза, одну
И красавицу молодую
На сестру обменяй родную,
Что томиться будет в плену».

«Не купец я, чтоб торговаться.
Мне, сестра, подобает драться.
Вслед не зря скакал за тобой».
Он промолвил такое слово
И с коня своего лихого
Спрыгнул наземь и начал бой.

* * *

В этот час мать Тайми Байбулата
Шила, щурясь подслеповато.
Отложила она шитье
И далекий бой услышала —
И по звуку тотчас узнала:
Бьет вдали Жамарзы ружье.

Всё вдали гремело и рвалось,
И старухе доброй казалось,
Будто капли во время грозы,
Пули вражеские впивались
Там, где выстрелы раздавались,
В тело храброго Жамарзы.

Байбулат после пира-веселья
В дальней горнице спал с похмелья.
Прибежала старуха туда.
«Эй, вставай, мой сын, поскорее,
Скакуна седлай порезвее,
Потому что стряслась беда.

У тебя, мой сынок родимый,
Был на свете ли друг любимый
Кроме храброго Жамарзы?
А сейчас твой дружок пропадает.
Пуль поток на него упадает,
Словно дождь во время грозы.

Что лежишь ты, потупясь долу,
Как корова после отела,
И не слышишь ты ничего.
А вдали всё смешалось в гуле,

И литые пронзают пули
Друга верного твоего».

Сын промолвил такое слово:
«Ты прости меня, сына плохого,
Извини, что сплел допоздна.
Не казни ты меня сурово,
Я встаю, а ты вороного
Подведи к крыльцу скакуна».

Взял ружье Байбулат с собою.
Саблю взял с резьбой золотою.
Вышел он, с вороного смыл
Пыль и глину теплой водою.
Смыл репейник холодной водою.
За луку схватился рукою
И, как птица, в седло вскочил.

На прощанье мать говорила:
«Я во чреве тебя носила,
Сберегала, и, видит бог,
Родила я тебя, растила,
Молоком я тебя кормила.
Ты кусал зубами сосок.

Пусть мое молоко грудное
Обратится кровью свиною,
Опоганит всю жизнь твою,
Коль забудешь ты всё, что свято,
Если бросишь друга и брата,
Если трусишь в смертном бою.

Для меня, вдовы несчастливой,
Лучше мертвый сын, чем трусливый» —
Так промолвила сыну мать
И отправила Байбулата.
И помчался он друга и брата
От смертельной беды спасать.

Гнал коня он без сожаленья,
И увидел он место сраженья,
Где, лицом бескровен и бел,

От бесчисленных ран присмиревший,
Грудь свою ружьем подперевший,
На песке Жамарза сидел.

«Эй, вставай, Жамарза, не робей.
Прискакал на помощь тебе я.
Бог хранит тебя, друг мой и брат.
Всё, что с нами свершиться может,
Лишь по воле вершится божьей», —
Жамарзе сказал Байбулат.

«Знаю, только по божьей воле
Я с врагами на этом поле
Бился храбро и бился б еще,
Но сейчас от тяжелой сабли
Белы руки мои ослабли
И болит от стрельбы плечо».

И два друга, страха не зная,
В бой помчались, врагов карая.
Или, может, за птичьей стаей
То два сокола гнались лихих.
Два джигита рубили вместе,
Шапки вражьи сносили вместе
С головами владельцев их.

К Жамарзе возвратилась сила,
И рука его вновь рубила.
Он Альбику освободил.
Он сестре не сказал ни слова,
Он на круп коня вороного
Дорогую сестру посадил.

Байбулат сказал: «Ради бога,
Жамарза, погоди немного.
Мы карету отбили в бою.
Серебрёною да узорной,
Мы диковинкой этой рессорной
Подтвердим победу свою».

Так друзья неразлучные эти
В той рессорной царской карете

Прикатили средь бела дня,
Вверх из ружей они палили,
Малых, старых — всех всполошили.
Полюбила их мать Чечня.

Всюду стали их люди славить,
И к тому, что сказал, прибавить
Я что-либо смогу навряд.
Пусть любимые вас уважают,
Этой песни конец доскажут
Или новой повеселят.

168. ПАРТИЗАНСКАЯ ПЕСНЯ

В тот день, когда сера горит
Синим огнем,
В тот день, когда стелется дым,
Черный как ночь,
В тот день, когда пули летят
Свинцовым дождем, —
Отвагу джигитов тогда
Мы узнаем.

В тот день, когда пороха взрыв
Ресницы палит,
В тот день, когда насмерть стоят
Мужчины в бою,
В тот день, когда в женском кругу
Труссы одни, —
Отвагу джигитов тогда
Мы узнаем.

В тот день, когда между высот
Аргуна, где тур не пройдет,
Тачанки летят,
В тот день, когда роты солдат
На склонах Казбека на льду
Ставят шатры,
В тот день, когда в смертном бою
Старейшего слово звучит
И враг отступил, —

Отвагу джигитов тогда
Мы узнаем.

В тот день, когда деверей вдруг
Невестки стыдливые их
На помощь зовут,
В тот день, когда девушек вдруг
Кидают, за локти схватив,
На спины коней, —
Отвагу джигитов тогда
Мы узнаем.

В тот день, когда мягкий свинец
Обжигает грудь,
В тот день, когда пороха взрыв
Щеки палит, —
Отвагу джигитов тогда
Мы узнаем.

Пусть наши джигиты живут!
Пусть счастье сопутствует им!

Ты сердце для боя готовь!
Когда идти надо вперед,
Дым выстрелов опережай, —
К тебе пусть удача придет!

Коль сердце
От бегства забьется,
Пусть на бегу
Задохнется!

169. ПЕСНЯ О СЕРГО

И немолчными дубровами
Горцы шли.
И нагорьями суровыми
Горцы шли.
Со знаменами багровыми
Горцы шли.

С пистолетами кремневыми
Горцы шли.

Увидали: в далях туманных —
Белые господа.
У могильников безымянных
Вражья стоит орда.
У могильников безымянных
Бой закипел тогда.

Над могилами у надгробий
Стояли горцы.
Под защитой старых надгробий
Стреляли горцы.
Не много имели железа
Ингуши, —
Имели зато Эржкинеза
Ингуши!
Имели вождя бедноты
Ингуши,
И свергли власть темноты
Ингуши!
И попала тогда гадючья пуля
В седовласого партизана.
Крохотная была эта пуля —
Заалела большая рана.
Наклонился над стариком
Серго Эржкинез.
Повязал ему рану платком
Серго Эржкинез.
Был отважным большевиком
Серго Эржкинез,
Был у соколов вожаком
Серго Эржкинез!

Поглядите на полет
Ласточки чернокрылой,
Певуньи чернокрылой.
Опустилась — и поет
Над высокою могилой,
Над братскою могилой.

О нашем крае она поет,
О нашем счастье она поет,
О партизанах боевых,
За нас боровшихся, поет.
О том, кого уж нет в живых, —
Об Эржинезе она поет.

170. ПЛАЧ МАТЕРИ

Ушел ты, чтоб вновь не вернуться, покуда
На гладкой бумаге цветы не пробьются.
Ушел ты, чтоб вновь не вернуться, покуда
Не встанет аул на фарфоровом блюде.
Ушел ты, чтоб вновь не вернуться, покуда
Морозной зимою дожди не прольются.
Самой бы уйти мне в ту область, откуда
Назад ни тебе, ни другим не вернуться.
Мне, матери, лучше б самой умереть,
Чем жить и на мертвого сына глядеть.
Сынок, почему ты так мало жил?
Зачем ты оставил всё, что любил?
Ушел ты, чтоб вновь не вернуться, пока
Во льды не оденется летом река.
О если бы вместо тебя умереть мне,
Я знаю, что смерть мне была бы сладка.

171. ПЛАЧ СЕСТРЫ

Мне не увидеть, как брат мой милый
Скачет во весь опор,
Не любоваться, как брат мой милый
Въезжает на отчий двор,
Не слышать посвиста кожаной плети,
Не слышать топота на рассвете.

Стоят нетронуты полные блюда,
Что друзьям приготовил мой брат.
Брат мой ушел в те края, откуда
Никто не приходит назад.
О мать, тебе не сидеть, как бывало,
У печки, что сын разожжет.
Не лечь на подушки, как ты мечтала,
Что на ночь невестка взобьет.
Трудно смириться с долею злою,
Глядя, как гаснут сейчас
Угли, засыпанные золою,
Что раздул он в последний раз.
Нельзя эти угли в топке багровой
Заставить всегда гореть.
Двери связал ты тесьмой коноплевой,
Как их теперь отпереть?

«Будет свадьба на всё селенье!
Плясать будет стар и мал».
Подарки на круглые наши колени
Ты положить обещал.
Мы ждали свадьбу со звонкой зурною,
И ты обещанье сдержал.
И вот удивил нас свадьбой какою,
Какие подарки нам дал.
Что с матерью будет твоей седою,
Когда будут тебя хоронить?
Когда оружие твое золотое
Товарищи станут делить?

172. СТАРИННЫЙ ПЛАЧ О ПОГИБШЕМ НА ЧУЖБИНЕ

Нету верной сестры, чтоб рыдать по тебе
В далекой чужой стороне,
Нету матери, чтоб причитать по тебе
В далекой чужой стороне.

Но печальная птица там плачет навзрыд, —
Эта птица тебе не сестра ль?

И волчица там черною ночью скулит, —
Это мать изливает печаль.

Там, где синюю птицу настигнет мрак,
Эта птица уснет и спит.
Где отважному воину встретится враг,
Там падет он иль победит.

Это синее небо, что, очи воздев,
Над собою мы видим сейчас,
Словно старую бурку, на плечи надев,
Кто до дыр износит из нас?

Эту черную землю, где нам умирать,
Где немало могил и дорог,
Разве кто-нибудь может из смертных стоптать,
Как подошвы своих сапог?

Если в мире живым ты не вкусишь плода,
Если здесь своего не возьмешь,
То его ты не вкусишь, ушедши туда,
В край далекий, куда ты уйдешь.

Где-то ланей сзывая, олени трубят,
Где-то соколы кличут своих соколят.
Это слышится где-то не соколов зов,
Вдалеке не олени трубят.
Это в битву скликает труба удалцов,
Чтоб, уйдя, не прийти им назад.

173. ПЕСНЯ КАТОРЖНИКА

Раньше чувяки носил из сафьяна я,
Нынче обувка на мне деревянная.
Раньше носил я сукно хоросанское,
Нынче надел я рядно арестантское.

Сняли папаху из меха тяжелого,
Дали тюремный колпак мне на голову.
Руки болят: непривычна лопата
Им, что оружие сжимали когда-то.

Цепи в дороге звенят и болтаются,
Резвые ноги мои подгибаются.
Ноги мои лишь с недавнего времени
В тяжелой цепи — не в серебряном стремени.

174. КАК ТРУДНО ТЕБЕ

Чтобы в небо взлететь, нету крыл у тебя,
Чтобы в землю уйти, нету сил у тебя.
В этом ссыльном краю тебе не прижиться:
Там снега непролазные, земли бесплодные,
В чистом поле там красные воют лисицы,
Ночью по лесу рыскают волки голодные.
Неотомщенными там остаются убитые.
Непогребенными стынут они, неомытые.

Там не знают границы
Между злом и добром,
И тебе не прижиться
В этом крае чужом.

175. ВЫ НЕ ЗЛОРАДСТВУЙТЕ

Вы не злорадствуйте, говоря,
Что нету отца у меня.
Вы не злорадствуйте, люди, зря:
Много другой родни у меня,
Мне отца заменит родня.

Вы не злорадствуйте, говоря,
Что матери нет у меня.
Вы не злорадствуйте, люди, зря:
Много другой родни у меня,
И мать мне заменит родня.

Вы не злорадствуйте, говоря,
Что брата нет у меня.
Вы не злорадствуйте, люди, зря:
Много другой родни у меня,
Мне брата заменит родня.

Вы не злорадствуйте, говоря,
Что нету сестры у меня.
Вы не злорадствуйте, люди, зря:
Много другой родни у меня,
Мне сестру заменит родня.

Случалось вам видеть иссохшую в зной
Землю, жаждущую дождя?
То — не земля, иссохшая в зной,
А сердце бедной девушки той,
Которую бросил отец сиротой,
В иные пределы уйдя.

Видите: дождик весенний идет,
Водой оmyвая весь свет.

Это не дождик весенний идет —
Несчастливая девушка слезы льет,
У которой матери нет.

Случалось ли вам осенней порой
Видеть, как падает в грязь
Лист пожелтевший с ветки сухой?
Это не лист — это сердце той,
Что без брата на свет родилась.

Случалось вам видеть цветок молодой,
Увядающий до поры?
Это в саду не цветок молодой,
А сердце несчастной девушки той,
У которой нету сестры.

176. ПЕСНЯ НАСИЛЬНО ВЫДАННОЙ ЗАМУЖ

Чем пред тобой я, отец, провинилась,
Что ты меня, не жалея нисколько,
Сбросил с горы, чтоб не насмерть разбилась,
Чтоб поплыла я и остановилась
Там, где река упирается в скалы.

Матушка, что ж ты меня не жалела,
Бросила в пламя своими руками,
Чтоб, молодая, живьем я горела,
Чтобы собою питала я пламя.

Что же вы, братья, меня погубили,
Мужу постылому бросив бесчестно,
Чтобы ночами мне плакать в бессилье,
Чтобы завидовать мертвым невестам?

Родичи мужа, я зла не желаю
Вам за свое поруганье в отместку,
Я не виню вас и не проклинаяю,
Только не быть бы мне вашей невесткой.

177. СТАРАЯ ВДОВА

Замуж вновь спешит вдова,
Ой, спешит,
Людам сладкие слова
Говорит.
Мол, я милого птенца
Так люблю,
Что я милого птенца
Прокормлю.

Возвращается она
И несет
Войлок да ведро без дна
Через год.

Возвращается вдова,
Ой, спешит,
Людам горькие слова
Говорит:

«Как могла того птенца
Я любить,
Не смогла я подлеца
Прокормить!»

178. СЫН КАГЕРМАНА МУХТАР

Приходим, о милости молим — ты гонишь.
Ты злишься, что мы появились незванно.
К тебе мы приходим на поле — ты гонишь.
Подумай, что делаешь, сын Кагермана!

Хоть ты и владеешь атласом и златом,
Ты начал гордиться и чваниться рано.
Не боле трех лет, как ты зажил богато.
Подумай, что делаешь, сын Кагермана!

Не боле трех лет, как живешь ты богато.
Не рано ль, богач, помыкаешь ты нами?
Пред золотом и серебро бедновато,
И кто-нибудь купит тебя с потрохами.

Что толку! Подохнешь и с полной мошною
В назначенный час свой — ни поздно ни рано.
Ты — чашка в воде, а не чашка с водою.
Подумай, что делаешь, сын Кагермана!

179. КТО ЭТА ДЕВУШКА?

Вдоль селения невеста
Шествует, горда.
Кто такая, неизвестно,
И плывет куда?

Вдоль села она без страха
Идет, не спешит, —
И на ней не меньше сахара
Золота блестит.

Пышногруда, тонкостанна,
Всех она стройней.
Из персидского сафьяна
Башмаки на ней.

Никому не скажет слово,
Не подарит взгляд,
И горит на солнце новый
Шелковый наряд.

Люди, кто она такая,
Чем она горда?
Пышногрудая, прямая,
Шествует куда?

180. ПРИВЕТСТВИЕ ЛЮБИМОЙ

Ты, что, словно гора, высока
И чиста, как зимой гора,
Ты, что ко мне добра и щедра,
Как грудь, что полна молока,
Ты, что чиста, как в долине река
Иль звезда на небе ночном,
Ты, что сама так же легка,
Как рубашка на теле твоём,
Ты, что, как сок винограда, сладка,
Ты, что, как синее море, гладка,
Ты, которой прекраснее нет, —
Прими мой поклон, мой сердечный привет!

181. ПЕСНЯ ДЕВУШКИ

Казбек над нами от снега бел,
И реку льдами мороз одел.

Мороз мне тоже принес беду:
Коса в снежинках, душа во льду.

Весною солнце расплавит лед.
Река весною свое возьмет.

Повеет ветер, развеет снег,
Помолодеет гора Казбек.

Мой снег расплавит кто и когда?
Избавит душу кто ото льда?

182. Я-ТО ЛЮБЛЮ ТЕБЯ

Я-то люблю, но: «Он гол как сокол», —
Мать говорит, и отец мой бранится.
Сокол вначале, быть может, и гол,
Ну, а каков он, когда оперится?

С соколом я улететь не вольна.
Мне говорят, чтоб любила я филина.
Я тонконогую жду скакуна.
Кляча аробная мне опостылела.

К чистой воде, что годна для питья,
Разве олень не притронется гордый
Из-за того, что в верховьях ручья
Тыкался в воду кабан толстомордый?

Сочной травы на лугу заливном
Разве не щиплет скакун благородный
Лишь потому, что трава с камышом
Рядом шумела в тоске безысходной?

Гордый мой сокол, отважный Теми,
Жизнь в одиночестве стала постылой.
Ты меня, милый, с собою возьми,
Сможешь — так миром, не сможешь — так
силой.

183. Я ЛЮБЛЮ ТЕБЯ, УДАЛЕЦ

Возле наших окон, удалец,
Не надо бродить тебе.
Мой родитель силен, удалец,
Головы не сносить тебе.

Ты у наших ворот не ходи —
Мать строга моя, братья строги.
Мои братья — того и гляди —
Поломают тебе руки-ноги.

Я люблю тебя, удалец,
Но отец всё глядит, грозит.

«Вкруг тебя, — говорит отец, —
Женихов табун не толпится».

Я люблю тебя, милый мой.
Но вот мать ничему не рада.
Говорит мне: «Что ж за тобой
Женихи не ходят как стадо?»

Говорит мне мой старший брат,
Да и младшие ропщут в гневе:
«Что ж вокруг тебя не шумят
Молодцы, как в роще деревья?»

Милый мой, чтоб не злились они —
Братья, мать и отец мой старый, —
Из-за Терека им пригони
Стадо желтых быков в подарок.

Угоди ты родне моей.
И чтоб нам избежать проклятья,
Ты косяк пригони коней
И раздай моим жадным братьям.

Если любишь меня, ступай,
Поброди по шумным базарам.
Всем сестрам моим по серьгам
Привези и раздай в подарок.

184. ПЕСНЯ ДЕВУШКИ О ЮНОМ МОЛОДЦЕ

Боюсь я, как бы в пути, что далек,
Твой пояс бы не разорвался.
Боюсь, как бы шелковый твой платок
На синем лугу б не остался.

Боюсь, как бы конь твой не задурил,
Не пал за дальней горою.
Боюсь, что тебе не достанет сил
Сюда прискакать за мною.

185. СЕРАЖ

Душе моей тесно в моей груди,
Мало ей места в моей груди,
Моя дорогая Сераж.

Была бы спокойней моя душа,
Коль не была бы ты столь хороша,
Моя дорогая Сераж.

Как сокол черный в белую птицу,
Так я мечтаю в грудь твою впиться,
Моя дорогая Сераж.

Я бы впился, тебя заневолил,
Если б на то была моя воля,
Моя дорогая Сераж.

186. ДЕВУШКА И ЮНОША

О н а

Если бы звезды на небесах
Были бы все моими,
Если б чинары в горных лесах
Были бы все моими
И бревна, срубленные в горах,
Были бы все моими,
Если б любимый, что на словах
Мое прославляет имя,
Не пропадал бы в чужих краях
И не ходил бы с другими.

О н

Джигитом рожден я, чтоб всех смелей,
Мне слыть в нашем крае родном.
Всю жизнь подобает руке моей
Плеть заносить над конем.
Я на закате к воротам твоим
Приду, и с тобою вдвоем

Мы по тропинкам побродим глухим,
Пойдем к ручью, а потом
До самой поздней зари посидим
В шалаше моем травяном.

187. КАК ХОРОША ВЕСНА

Ты хороша, ты красива, весна.
Как неожиданно ты наступила.
Хоть я по-прежнему в мире одна,
Хоть ничего ты и не изменила,
Все-таки как ты прекрасна, весна!

В небе луна надо мною склонилась,
Солнцу сказала я: «Сделай мне милость,
Не заставляй понапрасну рыдать
Ту, что без брата на свет родилась.
Не заставляй от печали страдать
Ту, что и матери с детства лишилась.
Не заставляй ты судьбу проклинать
Ту, что с отцом навсегда распростилась».

Нет у меня дорогого отца,
Чтоб заступился, когда это надо.
Нету и брата бойца-удальца,
Чтобы повсюду со мною был рядом.
Матери нет, — ни родного лица
Я не припомню, ни доброго взгляда.

Лишь потому по земле я хожу,
Что по земле не ходить не могу я.
Лишь потому я на небо гляжу,
Что свои веки смежить не могу я.
И потому я живу и дышу,
Что не дышать и не жить не могу я!

188. ЗИМА НАДВИГАЕТСЯ

Как всегда, зима надвигается.
Будет холод, дождь начинается.
Я сказала родному птенцу:
«Будет холод, куда нам деться,
Где очаг, пред которым согреться,
Слабой, мне и тебе, удальцу?
Иль я парня люблю такого,
У которого нету крова?
От отца я ушла родного,
Как вернусь я теперь к отцу!»

189. ПЕСНЯ О СОЛСЕ

В небе много звезд заблестало,
Но одна светлей остальных.
В Назрани джигитов немало,
Но Солса, мой милый жених,
Красивей джигитов других.
Я это всегда понимала.

190. ЧУТКОЕ СЕРДЦЕ

Не бейся так сильно, себя не тревожь,
Чуткое сердце мое.
Что потеряло, того не найдешь,
Чуткое сердце мое.
Ты дорогого птенца не вернешь,
Чуткое сердце мое.

Башлам-гора с незапамятных дней
От инея в серебре.
Нетаящий иней в груди моей
Белей, чем на той горе.

От плотного льда с незапамятных дней
Башлам-гора в серебре.

Но лед у меня на сердце плотней,
Чем лед на Башлам-горе.

Кто же растопит мой иней и лед,
Чтоб сердцу не мерзнуть впредь?
Где милый птенец, который придет,
Чтоб грудь мою отогреть?

Ночью при свете полной луны
Даль, словно днем, ясна.
Лавка видна и дома видны
Из моего окна.

Пусть блещет оружие, как всегда,
У тебя, птенца моего.
Пусть старики не сочтут никогда
Тебя недостойным его.

Пусть люди достойные не сочтут,
Что ничтожный ты человек.
Коня, у которого волчий бег,
Силой пусть у тебя не возьмут.

191. ПЕСНЯ О ЛЮБИМОМ

За горою, говорят,
Дождь идет.
Говорят, тяжелый град
Ветки бьет.
Хоть я, милый, пролила
Слез немало,
Никогда тебе я зла
Не желала.

Не просила ни о чем.
Не желала,
Бурка чтоб твоя огнем
Запылала.

Не желала, чтоб твой лик
Омрачился,
Чтобы на тебе башлык
Износился.

Я мечтала в светлый час,
Друг любезный,
Чтоб стоял в саду у нас
Столб железный.

Я мечтала, чтоб стоял
Он в сторонке,
Чтобы мне напоминал
Стан твой тонкий.

Чтобы там текла вода,
Чтоб бурлила,
Чтоб с кувшином я туда
Приходила.

192. СКАЖИТЕ МИЛОМУ

Вы скажите ему о том,
Что здесь горы покрыты льдом,
Что снега здесь стоят стеною.
Вы пойдите, скажите ему,
Ненаглядному моему,
Пусть скорее придет за мною.

193. ТЫ — МОЯ ЖИЗНЬ

Твердят мне все те, чей я род проклиная;
Ни рода, ни племени нет у меня.
В ответ я молчу, но сама-то я знаю:
Ты — род мой, и племя мое, и родня.

Все те, чьи сокровища я проклиная,
Твердят: «Где надел, где богатство ее?»
В ответ я молчу, но сама-то я знаю,
Что ты — мой надел, ты — богатство мое.

Все те, чьих я братьев в душе проклиная,
«Где храбрые братья ее?» — говорят.
В ответ я молчу, но сама-то я знаю,
Что в мире лишь ты — мой единственный брат.

Те люди, чьи сестры достойны проклятья,
Твердят: «Нет сестры у нее дорогой!»
В ответ я молчу, но могу ли не знать я:
Не надо сестер мне, когда я с тобой.

194. ПЕРЕДАЙ, ЧТО Я ЗВАЛА ЕГО

Эй, летящая по небу птица,
Если дорогого моего
Встретить где-нибудь тебе случится,
Передай, что я зову его,

Эй, корабль, плывущий вдаль по свету,
Если дорогого моего
Повстречать тебе случится где-то,
Ты ему скажи, я жду его.

Мчащийся быстрее всего на свете
Поезд, если ты в чужом краю
Моего возлюбленного встретишь,
Передай ему: я слезы лью.

195. ВЕСЕЛА ЛЬ ИГРА?

Весела ль игра ягненка с волком,
Весела ль игра кота с мышонком?
Для меня игра с Лаханом весела ль?

С волком серым хорошо ль ягненку?
Хорошо ли с ястребом куренку?
Мне с моим Лаханом милым хорошо ль?

196. РАЗВЕ ТЫ НЕ ВЫЙДЕШЬ ИЗ ВОРОТ?

«Разве ты не выйдешь из ворот?
Разве у тебя не будет дела?
Украду тебя, как волк крадет,
Убегу, как волк с овечкой белой».

«Из ворот я выйду, подожди.
Для тебя, родной, чего не сделаю.
А украсть задумал, укради,
Но не так, как волк овечку белую».

197. ПЕСНЯ ЛЮБВИ

Может, коня погоняя кнутом золотым,
Свистом кнута все долины вокруг оглашая,
Тот возвратится, что звался любимым моим,
Смуглые щеки от пота платком вытирая.

Может быть, чудо свершится, решится судьба,
Всё, что мне снилось, быть может, и правда,
случится.

Может, страда завершится и скосят хлеба, —
Время настанет мне с домом родным разлучиться.

То наконец совершится, чему суждено,
То, в ожиданье чего мне бы надо виниться.
Матушка, ты не горюй, нам с тобой всё равно,
Рано иль поздно, придется навек разлучиться.

198. ПЕСНЯ О ЮНОШЕ

Сладкого слова тебе я сказать не умею,
Славить, и льстить, и тебя величать не умею.
Пусть тебе льстит, пусть тебе о любви говорит
Та, у которой ты в сердце, упрямый джигит.

В поле летишь ты, как птица, звеня стремениами.
Или же, спешившись, ходишь, шурша башмаками.

Или в горах ты тропу затаенную ищешь,
Или друзьям указуешь ты путь кнутовищем,
Или руками плетёный забор расплетаешь,
Или кинжалом подпорки плетней разрубаешь,
Или оружием в бою ты огонь высекаешь, —
В эти мгновенья, джигит, ты кого вспоминаешь?

Красного шелка куски ты в бою добываешь,
Желтого шелка платки в городах покупаешь,
С полной сумой переметной домой приезжаешь.
«Что тебе нужно?» — о том ты меня вопрошаешь.

Слушай, даритель мой, будет не больше ли толку,
Если отдашь ты всё той, у которой пока
Нету ни желтых платков, ни пунцового шелка,
А у меня хороши и платки и шелка.

Той ты подарки дари, что безмолвно и долго
Ждать тебя будет в наряде из красного шелка,
Той, что в дареном платке у закрытых ворот
Ждать тебя будет весь день и всю ночь напролет.

Если красавица шеи твоей не касалась,
Если тебе ее кос расплестать не случалось,
Если еще никогда ты не трогал рукою
Грудь налитую, как яблоко дорогое, —
Не говори, что ты счастье земное вкусил,
Не говори, что любил, что на свете ты жил.

199. ВЫХОДИ ЗА МЕНЯ

Бежать за тобой, как за горною серной, —
Не советуй мне.
Добыть тебя, девушка, саблею верной —
Не советуй мне.
С тобой проститься в печали безмерной —
Не советуй мне.
Выходи за меня, если любишь меня,
Девушка!

Баранов пригнать необъятное стадо
Не требуи ты.
Кармана большого, богатого клада
Не требуй ты.
Для нашей любви нам калыма не надо,
Не требуй ты!
Выходи за меня, если любишь меня,
Девушка!

Сегодня адата мы скинули бремя,
И горы — в цвету.
Настало в аулах колхозное время,
И горы — в цвету.

Цветет молодое, веселое племя,
И горы — в цвету.
Выходи за меня, если любишь меня,
Девушка!

Везде, где ты будешь, я буду с тобою,
Любимая.
Пойдешь по горам, побегу я рекою,
Любимая.
Пойдешь по долине, я стану травой,
Любимая.
Выходи за меня, если любишь меня,
Девушка!

КАЛМЫЦКИЕ ПЕСНИ

200. ПЕСНЯ КОСАРЕЙ

И засушливой порою,
И в неурожайный год
Здесь, под этою горою,
Тучная трава растет.

На верблюде, самом лучшем,
Вьюк немалый, посмотри.
На лугу, травую тучном,
Косят, косят косари.

На верблюде вьюк немалый,
Вдаль верблюд идет, идет.
Косит луг косарь усталый —
Запасается на год.

201. ПЕСНЯ ПОКОСА

Рожь мы косим в косовицу
День и два и три подряд,
Воздаст земля сторицей,
Люди нас благодарят.

Косим желтую горчицу,
Машем косами с трудом,
Может, правда, то случится,
Что давно уже мы ждем.

Косим в поле мы пшеницу,
Косим утром, косим днем.
Коль не будем мы лениться,
С голодухи не помрем.

Черный пот покрыл нам лица,
Руки белые болят.
Если только не лениться,
Люди нас благословят!

202. ЗАСТОЛЬНАЯ

Летом в рощах и лесах окрест
Всяких птичек прыгает немало.
За здоровье дорогих невест
Подобаet выпить для начала.

В кувшине, где край позолочен,
Крепкая арака отстоялась.
За здоровье наших верных жен
Надо выпить нам хотя бы малость.

Чашки с золотой каймой вокруг
Мы поднимем с благодарным словом.
За своих возлюбленных подруг
Выпьем дружно и нальем по новой.

203. ИНОХОДЬЮ ЖЕРЕБЦЫ ЛИХИЕ

Иноходью жеребцы лихие
Нас домчат до берега реки.
Если выпьем, братья дорогие,
Друг за друга чашу араки.

Хоть мы пьем, да дело разумеem,
И беседа, как вино, течет.

Жизни мы своей не пожалеем,
Если брат на помощь позовет.

Будем пить мы, да не охмелеем.
Чем мы дольше пьем, тем мы трезвей.
Мы последнего не пожалеем,
Если это надо для друзей.

204. КОНЬ КРАСИВЫЙ

Озаряемый луной,
Скакун серебрится.
Будет нынче пир горой —
Мы всю ночь, весь день-деньской
Будем веселиться.

Рослый конь копытом бьет,
На солнце лоснится.
Мы весь месяц, целый год
Будем веселиться.

Конь красивый под седлом
Вдаль летит, как птица.
Мы, покуда не порем,
Будем веселиться.

205. СВАДЕБНАЯ ПЕСНЯ

Нам двухлетка день и ночь
Надо сдерживать умело.
Добрым словом нашу дочь
Приучите делать дело.

Хоть двухлеток и пуглив,
В путь и в бой он рвется смело.
Нашу дочку, приручив,
Заставляйте делать дело.

За коня, что словно ночь,
Денег плачено немало.
Вы любите нашу дочь,
Приучите нашу дочь,
Чтоб спины не разгибала.

ИСТОРИЧЕСКИЕ, ВОИНСКИЕ И ГЕРОИЧЕСКИЕ ПЕСНИ

206. СТАРИННАЯ ВОИНСКАЯ ПЕСНЯ

Эту золоченую мою
Вы отцу отдайте саблю острую,
Не скажите, что я пал в бою,
А скажите, мол, поехал к сестрам.

Эту шелком вышитую шаль
Вы отдайте матери родимой.
Вы рассейте грусть ее, печаль,
Мол, вернется сын ее любимый.

Прядь отрежьте от моих кудрей
И жене любимой отвезите.
Осторожнее вдове моей
Вы о том, что я погиб, скажите.

207. КАМЫШИ ВДАЛИ ШУРШАТ

Камыши вдали шуршат,
Свои стебли гнут согласно.
Счастливы сестра и брат,
Ежели живут согласно.

Мчится конь, и как доска
В скачке выгнутое тело.
Ты скачи, мой конь, пока
Даль вокруг не потемнела.

Вытянувшись как рукав,
Сил последних не жалея,
Мой скакун летит стремглав,
Чтоб домчать меня скорее.

Я на службе стал худой.
В казаках я стал как нитка.
Мне б вернуться в край родной,
Где стоит моя кибитка.

208. УБУШИ-ХАН

Скакуны у хана хороши.
Сев на серого, ведя гнедого,
Бросил нас правитель Убуши,
Ускакал и не сказал ни слова.

Между двух великих рек лежат
Кони, павшие в степи кровавой.
Как и где торгуты завершат
Бранный путь свой, начатый со славой?

Между Волгой и Кубань-рекой
Даль бескрайнюю туман окутал.
Зло терпящих под твоей рукой,
Хан, куда направил ты торгутов?

Разве в реках чистая вода
Не годна была для водопоя,
Разве деды, что пришли сюда,
Неразумней были нас с тобою?

Места ль для скотины не нашлось
На кубанских пастбищах безбрежных?
Скотоводам, плохо ль нам жилось
При порядках и при ханах прежних?

И когда джигитов в черный час
На погибель верную направил,
Убуши, не думал ты о нас —
Пекся о своей мгновенной славе.

209. ФРАНЦУЗЫ

Во французскую врубаясь рать,
Мы в огонь не потому легели,
Что врагов хотели убивать, —
Потому, что сами жить хотели.

Мы скакали в битву в грозный час,
Но рубить и убивать кого-то
Не охота заставляла нас,
А нужда, что злее, чем охота.

Всадника в широкой епанче
Низкорослый конь несет, как птица.
В сторону Москвы ноён Чуче
Скачет, чтоб с врагами насмерть биться.

Скачет всадник по камням моста,
За мостом французская засада.
Хоть врагов не меньше тысяч ста,
Это войско победить нам надо.

Жжет француз Москву, престольный град,
Грабит люд московский безоружный.
Не бежать же нам, Чуче, назад.
Ты води нас в битву, если нужно.

Мы поскачем следом за тобой,
Мы ломаем силу орд французских.
Ты, ноён, води нас в смертный бой
Ради наших братьев, братьев русских.

210. ПОХОДНАЯ КРАСНОАРМЕЙСКАЯ

Верткий хвост подстрижен у коня,
В красный штаб везет чалый меня.
Эй!
Конь мой чалый
Крепко степь подковой бьет.

В небе алом
Пламя зорь встает.
Картуза околыш
со звездой.
Каждый день в ушах
ветер степной.

Эй!
Я ученье
Прохожу свое в боях,
В комячейку
Запишусь на днях.
Рано утром нас поднял
краском,
Речь свою держал
перед полком.

Эй!
Приказал нам
Командир наш наступать,
Белых к морю
Через степи гнать.
Наступали мы весь день
С утра.
Над пургой неслошь
Наше «ура!».

Эй!
Много белых
Меж сугробов полегло, —
Степь звенела,
Словно серебро.

211. ПЕСНЯ, ПРОПЕТАЯ МАТЕРИ

Черногривый конь мой всех черней.
Конь тучнеет мой день ото дня.
Слыша воркованье голубей,
Я грущу о матери моей,
Что вскормила молоком меня.

Черногривый конь мой вороной.
Конь тучнеет мой день ото дня.
Вспоминал я летом и весной
Мать мою, вскормившую меня.

В камышах высоких на Куме
Олениха кличет сосунка.
Возвратиться в отчий край к зиме
Думал я, — дорога далека.

На Манги, где камыши стеной,
Малого козленка кличет мать.
Возвратиться думал я весной,
Но теперь до матушки родной
Мне уж никогда не доскакать.

212. МАТЬ

Сал-река быстра и холодна.
Посмотрел — увидел мать нечаянно,
Будто бы, далекая, она
Навсегда к глазам моим припаяна.

Эргени-река течёт, шумна.
Вдаль гляжу я, и в речной излучине
Мать я вижу, будто бы она
К сердцу моему навек прикручена.

213

По воде бреду я, сеть тяну,
А из сети рыбка вырывается.
И когда я сеть свою тяну,
Мне земля родная вспоминается.

Сеть свою тяну я, спину гну,
И веревка в спину мне впивается.
И когда я сеть свою тяну,
Мне моя подруга вспоминается.

Кожу трет веревка, кожу рвет.
Кровь течет, на солнце запекается.
Я гляжу, как кровь моя течет,
И вся жизнь моя мне вспоминается.

214

Серолобый у ворот
Конь мотает головою.
Пусть богатство нас не ждет,
Нам бы жизнь прожить в покое.

Холодок — от ветерка,
От невзгод и бед — страданья,
Дождь рождает облака,
Счастье — благопожеланья.

215. ГУСИ-ПТИЦЫ

Стонут гуси-птицы над землей,
По родной земле своей тоскуя.
Хоть я там и вырос сиротой,
Край родной не помнить не могу я.

Возле берега стоит собор,
Отражается в воде, высокий.
Я сказал «вернусь», но с этих пор
Срок прошел, все миновали сроки.

В табуне чужом, с чужим тавром
Серый конь прижился среди многих.
Не прижился я в краю чужом,
Я ушел бы, да законы строги.

Гнется дерево туда-сюда,
Гнется, если ветер пролетает.
Не учен я гнуться, вот беда,
А меня, кто хочет, тот сгибает.

216

Возле озера поет
Целый день чудная птица.
Тем, что жить мне не дает,
С кем могу я поделиться?

Ехал я один совсем.
Лошаденка притомилась.
С кем мне поделиться тем,
Что на сердце накопилось?

Мне бы лошадь расседлать,
Мне передохнуть бы тоже.
Мне бы тем не доверять,
Кто понять меня не может.

Лошадь я пустил на луг.
Притомилась — пусть пасется.
Где мой брат и где мой друг,
Что на зов мой отзовется?

217

Над листвою ветвей густых-густых
Птицы в час рассвета вьются, вьются.
Почему из глаз твоих, твоих
Слезы, не кончаясь, льются, льются?

Над деревьями у нас, у нас
В час заката птицы вьются, вьются.
Почему из глаз твоих, из глаз
Слезы, не кончаясь, льются, льются?

218. ЕСЛИ ВЫЙТИ НА БУГОР

Если выйти на бугор —
Ветер платье рвет из ситца,
А пойти к подножью гор —
Ломит бок и поясницу.

Ой, родня у мужа зла,
Молодую упрекает:
Лошадь, что ее везла,
Бьется, мол, и всех кусает.

Упрекают: мол, парша
На верблюде под приданым,
Мол, не стоит и гроша
Вьюк с добром, за нею данный.

Мол, седло за молодой
Дали из подгнившей кожи.
У нее, мол, у самой
Кожа вся гнилая тоже.

О том, что земля чужая тверда,
 Никогда я раньше не знала.
 Что муж неумный — большая беда,
 Никогда я раньше не знала.

220. ДЕВИЧЬЯ КОСА

Два жгута волос сплели,
 Чтоб им стать косой тугою.
 Словно косу, как могли,
 Вместе в два жгута сплели
 Нас с тобою, нас с тобою.

Но коса была слаба —
 Расплелась и раздвоилась.
 Наша общая судьба
 На две части разделилась.

221. КАК РЕШИЛИСЬ МАТЬ С ОТЦОМ?

Кто сороку и луна
 В состоянии сдружить?
 Не любившую меня
 Кто заставит полюбить?

Чистокровного коня
 На базаре продают.
 Замуж, бедную, меня
 За чужого отдают.

Сумка ремешком тугим
 Портит кожу рук моих.
 Тот, кто мужем стал моим,
 Стал причиной мук моих.

Конь с подрезанным хвостом
Своему седлу под стать.
Как решились мать с отцом
Старику меня отдать?

222. ТЁГРЯШКА

Почему отец решил впрягать
Разномастных лошадей в упряжку?
Почему не пожалела мать
Семнадцатилетнюю Тёгряшку?

Стоило ль копить да наживать
Одеяла и белье льняное?
Можно ли отца отцом считать,
Мать родную матерью родною?

Плачет незадачливая мать,
Злой отец теперь вздыхает тяжко.
Им на свет бы лучше не рождать
Дочь свою, несчастную Тёгряшку.

223. ПЕСНЯ СИРОТЫ

Ничего не видно впереди.
Дует ветер, я иду, иду.
И в своей душе, в своей груди
Я всегда несу беду, беду.

Ветер гнет камыш речной, речной,
Снегом засыпает мне лицо.
С сиротою, кто пойдет со мной,
Скажет доброе словцо, словцо?

Шуба у меня худа, худа,
Ветер треплет ворот, полы рвет.
В поле стужа, а моя беда
Будто бы огнем мне сердце жжет.

224. ТАМ, В ЛЕСУ, ГДЕ ВЫСОХЛА РЕКА

Там, в лесу, где высохла река,
На меня напало наважденье.
Я тебя, мой брат, издалека
Принял за рогатого оленя.

Где речные воды не шумят,
Почему шумит камыш весенний?
Там, где нет оленей, о мой брат,
Почему ты в шкуре полз оленьей?

Молвил умирающий:

«Смотри,
Никогда о том, что здесь случилось,
Нашей матери не говори,
Чтоб она умом не помутилась.
Ты, мой брат, ни в чем не виноват,
Но болтать горазды в нашем крае.
Так что брось меня, иди назад!» —
Младший брат промолвил, умирая.

И полпелся старший брат в тоске
В путь обратный по тропе неясной.
Приторочил старший брат к луке
Младшего бешмет, от крови красный.
Поперек седла взвалил он кладь
И пошел вдоль высохшего русла...
«Пусть лишится пальцев наша мать,
Сшивших эту шкуру так искусно!
Мне бы самому лишиться глаз,
Что из-за кустов, из дальней дали,
Как обычно, и на этот раз
Пулю в цель без промаха послали!»

225. ЧТО ВНУТРИ СТВОЛА ТАИТСЯ

Что внутри ствола таится,
Мы, срубая, узнаем.
Что в душе людей творится,
В суть вникая, узнаем.

Чтоб не сдуло ветром крыши,
Колышки мы в землю бьем.
Кто наш друг и чем он дышит,
В час беды мы узнаем.

Дерева от им подобных
Отличаем мы с трудом.
Кто наш друг, кто враг наш злобный,
Мы не сразу узнаем.

226

Яблок осенью полно, полно
В этот год на склоне горном, горном.
Съела яблочко одно, одно
Девушка в платке, в платке узорном.

К ней откуда-то жених, жених
Прискакал на тощей кляче, кляче.
В сапогах своих кривых, кривых,
В шапке из хвостов, хвостов собачьих.

Гости, гости, гости собрались
Так, что стало тесно, тесно, тесно.
Пляшут все — хадрис, хадрис, хадрис.
Все смеются, плачет лишь невеста.

227. ГНЕДОЙ КОНЬ

У коня гнедого drobный шаг.
Он идет — седок сидит, трясется.
Начудил Басанг, попал впросак,
Всякий человек над ним смеется.

У коня гнедого скорый шаг,
Скачет — при дороге травы гнутся.
Хоть умен Басанг — попал впросак,
За свое страдает безрассудство.

277

Стать коня гнедого неплоха,
Да, видать, не велика в нем сила.
Ой, хитра Басангова сноха,
Чем она Басанга опоила?

У коня гнедого скорый шаг.
Убежал он, а Басанг остался.
Бросил умную жену Басанг,
Со снохой неумною связался.

Конь Басанга — крупный конь гнедой.
Ходит шагом дробным, но проворным.
Глуп Басанг — поссорился с женой,
Будто зельем он опился черным.

228. ЯЛУХА

Красотой цветок степной
Затмевает Ялуха.
Говорят о ней одной
Парни, не боясь греха.

Всех парней сияньем глаз
Ослепила Ялуха.
Красотою всех у нас
Покорила Ялуха.

Ялуха, ой, Ялуха,
Грубых слов не говори,
Чай покрепче завари,
Ялуха, ой, Ялуха.

Дело делать — ты быстра,
Спорить — на язык остра.
По селеньям такова
О тебе идет молва,
Ялуха, ой, Ялуха!

Ялуха печально вдаль
Смотрит, сидя у окна,

Не хотела, но печаль
Многим принесла она.

Что качаешь головой,
Молодая Ялуха?
Кто, скажи, избранник твой,
Дорогая Ялуха?

Ялуха, ой, Ялуха,
Грубых слов не говори,
Чай покрепче завари,
Ялуха, ой, Ялуха!
Дело делать — ты быстра,
Спорить — на язык остра.
По селеньям такова
О тебе идет молва,
Ялуха, ой, Ялуха!

Черный свод твоих бровей —
Словно ласточки крыло,
И от песенки твоей
На душе у нас светло.
На кого ни поглядишь,
Молодая Ялуха,
Словно солнцем озаришь,
Дорогая Ялуха.

Ялуха, ой, Ялуха,
Грубых слов не говори,
Чай покрепче завари,
Ялуха, ой, Ялуха!
Дело делать — ты быстра.
Спорить — на язык остра.
По селеньям такова
О тебе идет молва,
Ялуха, ой, Ялуха.

229. НА ЗАМЕРЗШЕМ ОЗЕРЕ

Кооку встает на лед озерный
И подковками скользит, скользит.
Я гляжу, я вижу след проворный.
Сердце у меня болит, болит.

Под ногами гладок лед, как блюдце.
Что ей до моей беды, беды.
У меня на сердце остаются
От подковок тех следы, следы.

230

Цвел цветок прекрасный в дальней дали,
И о нем проведала пчела.
Долететь хотела — не смогла.
От любви, а может, от печали
На пути к цветку изнемогла.

231

Свойство бури — гнуть стволы на склонах,
Не жалеть ни листьев, ни ветвей.
Забывать подружек нареченных —
Свойство глупых молодых людей.

Дует ветер, гнет стволы на склонах,
Не жалеет он ветвей живых.
Позволяет забывать влюбленных
Удальство джигитов молодых.

Гнутся ветки елочки зеленой,
Плачет ветер над ее бедой.
Позабыл джигит о нареченной —
Слишком глупый он и молодой.

232. МОЙ СКАКУН ГНЕДОЙ

Как рукав, вытягивая тело,
Мой скакун гнедой, скачи быстрее,
Чтоб догнать, покуда не стемнело,
Нам возок возлюбленной моей.

Так скачи, чтобы в глазах рябило
У того, кто поглядит нам вслед.
Чтоб до ночи встретиться мне с милой,
Чтоб назад приехать нам чуть свет.

Ты без устали, скакун мой, скачешь,
Вытянувшись в скачке, как доска.
Ты не подведешь, скакун горячий,
Хоть дорога наша далека.

Ты скачи быстрее, скакун мой милый,
Чтоб, покуда солнце не зашло,
Ту, которую увозят силой,
Нам догнать и взять в свое седло.

233. МАЛЕНЬКОГО ОСТРОВА КАМЫШ

Камыши на острове шуршат,
На ветру друг друга задевая.
Я тебя смогу забыть навряд,
Ибо в трудный час с тобой была я.

Край узорный моего платка
Развевается над головою.
Вижу я тебя издалека
И не понимаю, что со мною?

Сок из спелых вишен — сок хмельной.
Я не буду пить хмельного сока.
Я платочком, пахнущим тобой,
Потихоньку утираю щеки.

Я скосить камыш была должна.
Я камыш на острове косила.
Рада б я сама, но не вольна
Позабыть того, кого любила.

Во дворе хозяйском под крыльцом
На цепи сидит собака, лая.
Пусть меня сразит небесный гром,
Если не была тебе верна я.

Я сегодня поднялась чуть свет.
Я на острове косить хотела.
Любим мы друг друга или нет,
Всем другим до нас какое дело?

234. НА КРАПЧАТОМ КОНЕ

Вдаль на крапчатом коне
Я скакала, предположим.
Всё, что мать сказала мне,
Выполняла, предположим.

Я траву пошла косить
И косила, предположим.
С кем нельзя было ходить,
Не ходила, предположим.

Если б всё предположить,
Если бы всё было ясно,
Если б вовсе не любить,
Меньше ль я была б несчастна?

235. СОСНЫ

В сосняке родного края
Отдыхал я иногда.
Я тебя, моя родная,
Не забуду никогда.

Сосны высились на взгорье,
И тебя водил туда.
Причинявшую мне горе,
Помню, я тебя всегда.

К этим взгорьям, в эти сосны
Не вернуться — вот беда.
Но тебя, что звать уж поздно,
Не забыть мне никогда.

236. В МОРОЗ

В ночь, когда метель кружила,
Прискакал я весь в снегу.
Как ты чай мне кипятила,
Позабыть я не могу.

Быстры вороного ноги.
То бежит, то скачет вдруг.
Вспомню я тебя в дороге —
Повод падает из рук.

237. ШЕЛКУ ПОДОБНАЯ

Видел я, ты шла к реке, —
С павою была ты схожа.
Прикоснулся я к руке —
Шелка шелковее кожа.

Я у берега реки
Ждал тебя, да обманулся.
Шелковой твоей руки
Я хотел, но не коснулся.

Был тебе милей другой,
И его порой ночью
Ты ждала, но он с тобой
Поступил, как ты со мною.

238. ПЛАТОК

Имя вышила на шелке новом
И дала на память мне платок,
Я на шелке вышитое слово
Перечитывал и спать не мог.

По стволу зеленого сандала
Сок стекает, что из раны кровь.
Вспомню, как платок ты вышивала,
И покой мой пропадает вновь.

Пальчиками вышитый твоими,
Спрятал шелковый платок на грудь.
На платке любовь — не только имя,
А любовь нельзя перечеркнуть.

239. ДЕЛЯШ

Что Юста-поселок ваш —
Разве я о нем тоскую?
Я тебя, моя Деляш,
Вспоминаю молодую.

Город Астрахань велик,
Я не по нему горюю.
Я к тебе, Деляш, привык,
О тебе одной тоскую.

Не забыть мне дней былых,
Как с тобою мы встречались.
Две твоих косы тугих
За спиною развевались.

Говорят, ой, говорят,
Увезли тебя куда-то.
Говорят, ой, говорят,
Ты теперь живешь богато.

Услыхал я, услышал —
Ты у мужа поселилась.
Я об этом услышал —
Сердце у меня забилося!

240

Ой, буланный с белою звездой
Конь средь прочих статью отличался.
Ой, Дорджи — счастливец молодой —
По Балхе любимой стосковался.

Меж долин — попробуй удержи —
Стройный конь сорвался и помчался.
По своей возлюбленной Дорджи
Очень стосковался, стосковался.

У Балхи на стенке, говорят,
До утра картуз висеть остался.
По Балхе Дорджи — пусть их простят —
Очень стосковался, стосковался.

241. НАД ПРИВОЛЬЕМ ВОЛГИ

Над привольем Волги в вышине
Птица-ястреб кружит, кружит, кружит.
Если ты решишь прийти ко мне,
Станет Волга мельче лужи, лужи.

Голуби летят издалека.
Им ли, быстрым, ястреба бояться?
Холодна река, река, река, —
Друг до друга вплавь нам не добраться.

Я в душе печаль несу, несу.
Дума о тебе, о милой, милой,
Как листва в лесу, в лесу, в лесу,
Голову мою заполонила.

Я колечко взял из серебра.
На колечке камень гладкий, гладкий.
Я ходил у твоего двора,
Я хотел отдать тебе украдкой.

Лето были вместе, зиму врозь.
И когда теперь мы вместе будем?
Разлучиться нам пришлось, пришлось,
Но друг друга мы не позабудем.

242. ЛАНКОВЫЙ БЕШМЕТ

Черный ланковый бешмет
С плеч снимите, с плеч снимите,
Пред ее отцом, который сед,
Попляшите, попляшите.

Синий ланковый бешмет
С плеч снимите, с плеч снимите,
Пред красавицею юных лет
Попляшите, попляшите.

Желтый ланковый бешмет
С плеч снимите, с плеч снимите,
Перед той, которой краше нет,
Попляшите, попляшите.

243

Мне от нёба воспаленного
Языка не оторвать,
Взгляда своего влюбленного
От дружка не оторвать.

Дерево, жарой сожженное,
Вновь листвою не одеть, —
Сердце, с милым разлученное,
Не приучишь не болеть.

244. ЗУРГАН

Реку переплыл большую,
Дна рукою не достал.
По Зурган своей тоскуя,
Парень душу потерял.

Пароход пришел красивый,
Воду сильно взволновал.
Из-за девушки пугливой
Парень душу потерял.

Для чего неверной милой
Душу он свою излил?
Сердце ей свое открыл он,
Но Зурган не покорил.

Сиротою жизнь он прожил.
Род Зурган — богатый род.
Парня за сиротство, может,
Девушка не признает.
Но она об этом всё же
Пожалеет, день придет.

245. КООКУ

Рыбу я в реке ловил.
Сеть закинул — мало толку.
Кооку я полюбил.
Я платок ей подарил
Шелковый, расшитый шелком.

Был для милой я хорош.
Я сказал такое слово:

«Пропаду я ни за грош,
Ты со мною пропадешь,
Выбери себе другого».

246. ВСЁ НЕТ И НЕТ...

Низкорослый конь булан, булан,
Он копытом землю бьет и бьет.
Милая моя Цаган, Цаган,
Думал, за меня пойдет, пойдет.

Охватил твой тонкий стан, твой стан
Пояс с пряжкой стальной, стальной.
Думал я: моя Цаган, Цаган
Будет до конца со мной, со мной.

Ехал, напускал туман, туман.
Черный надевал бешмет, бешмет.
Думал, отдадут Цаган, Цаган,
Но Цаган со мной всё нет и нет.

247. ЦАГАН

Белый конь порвал аркан,
По хотону скачет.
Белолицая Цаган
Варит чай и плачет.

Белый с темною звездой
Конь по полю скачет.
Что с невестой молодой?
Смотрит вдаль и плачет.

Конь гривастый молодой
Вывался и скачет.
Девушка с косой тугой
Пол метет и плачет.

В степь влетел, порвав аркан,
Белый конь горячий.
Варит араку Цаган
И всё плачет, плачет.

248. БУЛГУН

Ты носила шелковый платок,
Горемычная моя Булгун.
Я забыть тебя хотел — не мог,
Горемычная моя Булгун.

Ты как новый царский золотой,
Горемычная моя Булгун.
Молодой блистаешь красотой,
Горемычная моя Булгун.

Заперла ты сердце на замок,
Горемычная моя Булгун,
А ключа я подобрать не мог,
Горемычная моя Булгун.

249

Ночью месяц в тучах затерялся,
Я брожу, я одинок остался.
Целовать тебя да обнимать
Дали б волю — я б не постеснялся.

Не сиди под деревом в тиши.
Ты мне писем нежных не пиши,
Лучше ты приди, присядь со мною,
Обними меня от всей души.

Тонкостанна ты и белолица,
На твоём платке узорном — птица.
Ты придешь — руки твоей коснусь,
Тонкостанная моя царица.

Кружится над островом бела
Птица, но ее закрыла мгла.
Матери единственная дочка,
Я подумал вдруг, что ты пришла.

250. ВОРОБЬИ

Скачут воробьи на ветку с ветки
И щебечут, им умолку нет.
Если ты верна мне, дочь соседки,
Так подшей покрепче мой бешмет.

Прыгают вдогонку друг за дружкой
Воробьи, щебечут от души.
Если любишь ты меня, подружка,
Гребешком мне кудри расчеши.

Воробьи кружатся над кибиткой,
В сумерках заметные едва.
Если любишь, вот иголка с ниткой —
Ты возьми, подшей мне рукава.

Звонко воробьи поют весною,
Не боятся стужи зимних дней.
Если будешь нежной ты со мною,
Не забуду нежности твоей.

251. ХААЛГА

В той кибитке, в том краю богатом,
С кисточкой на шапке Хаалга,
С кисточкой на шапке Хаалга
Пахнет спелой дыней и мускатом.

В том селенье, где река петляет,
В ласке выросшая Хаалга,

В ласке выросшая Хаалга
Ароматом трав благоухает.

В той кибитке, на земле гористой,
В шелковом халате Хаалга,
В шелковом халате Хаалга
Пахнет полевой травой душистой.

252. ВОЗЛЕ БЕРЕГА

Возле берега опять
Зашуршал камыш красивый.
Коль решил мне другом стать,
Укроти свой нрав строптивый.

Вороного расседлай,
Чтоб ему воды напиться.
Если можешь — отгадай,
Что в душе моей таится?

Там, в прибрежном камыше,
Вороной твой конь стреножен.
Что скрываю я в душе,
Догадайся, если можешь.

253

Шелком всех цветов земных
Ты платок свой вышивала.
Стоя у дверей своих,
Ты махала мне, махала.
Через силу в час ночной
Вышивала, вышивала,
Не от радости рукой
Ты махала мне, махала.

Каждый божий день я вижу милую,
Воду в речке черпает она.
Но я не за это полюбил ее,
А за то, что девушка стройна.

Каждый божий день я вижу милую,
Что проходит близ моих окон.
Но я не за это полюбил ее,
В косы я, в глаза ее влюблен.

Ноет сердце, кровью обливается.
С губ срывается тяжелый стон.
Но не потому, что сладко маяться,
Потому, что с милой разлучен.

255. ТЕБЕ, МИЛЫЙ ДРУГ

«Два года мы разлучены,
Два года, милый мой,
На рубежах родной страны
Ты — зоркий часовой.

Во мне печали никакой,
Горда и рада я,
Что нашей родины покой
Хранишь, любовь моя».

«Я, в Красной Армии служа,
Расту из года в год,
В моих мечтах светла, свежа,
Любимая живет».

«Когда работаю с родной
Бригадой трудовой,
Передо мной, в дали степной,
Мелькает облик твой.

Высокой брови чернотой,
Щеками как весна,
Душою пылкой, молодой
Навеки пленена».

НОГАЙСКИЕ ПЕСНИ

256. СТАРИННАЯ ЗДРАВИЦА

Пусть дом этот будет счастлив и богат.
Достаток его прибудет.

Пусть по верблюжонку вам народят
Все восемь ваших верблюдиц!
И пусть удой их будет неплох,
Чтобы доили их восемь снох!

Пусть изобилие пошлет вам творец.
Пусть будут возы от поклажи тяжки.
Рождаются пусть у ваших овец
Только двойняшки.

Этому дому, бог наш Кудай,
Кипчакских кобыл во множестве дай!
Пусть будет угодно тебе и сподручно
Устроить всё так, чтоб сбылась их мечта.
Чтобы счастливо на пастбищах тучных
Паслись все четыре вида скота.
Пусть счастье придет, пусть плутает недолго,
Пусть будет проворным, как перепелка.

Пусть дом удача не покидает.
Пусть здесь не знают недобрых вестей.
Пусть в этом доме не иссякает
Вовеки хлеб-соль для желанных гостей.

Пусть все здесь до старости доживают
И мир покидают с чистой душой,
В сто лет — не раньше — легко умирают,
Оплаканы горько роднею большой.

Из бьющего пусть молоток вам найдется,
Из острого нож да пошлет вам творец,
Из обгоняющих даст иноходца,
Из одевающих — белых овец.

А в сердце того, кто желает вам зла,
Пусть не минуя вонзится стрела.
Пусть будет проклят злодей тотчас,
Как только на ваше добро покусится.
И руки, что подняты будут на вас,
Засохнут пусть, не успев опуститься.

Чтобы того, кто желает вам зла,
Любая дорога к могиле вела.
И пусть в холодных его хлевах
Коровы мычат отчаянно,
Пусть ржут его кони на дальних лугах,
Оставшиеся без хозяина!

Пусть, чтобы гостю открыть, дверей
В доме его не будет,
Пусть люлек, чтоб качать сыновей,
В доме его не будет!
Зима для него пусть не будет зимой,
Весна для него пусть не будет весной.

Но пусть не вершатся злые дела,
И пусть нас никто не судит с пристрастьем.
И пусть никого не пронзает стрела.
Мы этому дому желаем счастья,
Но никому не желаем зла!

257. СВАДЕБНАЯ ПЕСНЯ

Главный сват

Что синеет там красиво?
Там синеет пруд, яр-яр!
Молодые пусть счастливо
Век свой проживут, яр-яр!
Кто жует листочки ивы?
Молодой верблюд, яр-яр.
Молодые пусть счастливо
Век свой проживут, яр-яр!

Сестра невесты

Вам, о сваты дорогие,
Рады мы сейчас, яр-яр.
В этот час мы не впервые
Речь вели о вас, яр-яр.
Мы приданым вас богатым
Удивим сейчас, яр-яр.
Мы сейчас покажем сватам
Бархат и атлас, яр-яр.
Нам не жалко для невесты
Красного сукна, яр-яр.
Средь подруг, своих ровесниц,
Ласточка она, яр-яр!

Жених

На возах найдется место,
Каждый воз тяжел, яр-яр.
Если ласточка — невеста,
То жених — орел, яр-яр!

Сестра жениха

Милый сват, тебе я рада,
Выходи вперед, яр-яр,
Вот я шарик винограда
Положу в твой рот, яр-яр.
В дверь платочек мы протянем,
Кто его возьмет, яр-яр?
Петь по очереди станем,
Кто звучней споет, яр-яр?

258. ПЛАЧ О БЕДНЯКЕ

Горе, что умер ты рановато,
Ты, который и жил небогато.
Нету наследства — и нету родных,
Нет никого на поминках твоих.

Нету добра, что можно забрать,
Нету скота, чтоб отогнать.
Нет ни сестры, ни брата, ни свата
У человека, что жил небогато.

Остались сироты, осталась вдова,
Вот я и плачу, живая едва.

Как над тобой посмеялась судьба,
На полдороге сломалась арба.
Бедность и горе — наше проклятье.
Если ты беден — где сестры, где братья?
Нету при мне человека родного,
Чтоб услышал мое горькое слово.

ГЕРОИЧЕСКИЕ И ВЕЛИЧАЛЬНЫЕ ПЕСНИ

259. ТЕМ И ГОРДИТСЯ

Серую мышь схватила сова
Ночью меж скал — тем и гордится.
Кобчик в степи, где густая трава,
Зайца догнал — тем и гордится.

Плохой на хорошего из-за угла
Нежданно напал — тем и гордится.
Прожил хороший, не делая зла,
Плохим он не стал — тем и гордится.

260. ПЕСНЯ БИЙ-МАМАЯ

Дно песчаное омута черного
Разве кто-нибудь видел?
Исток ручья холодного, горного
Разве кто-нибудь видел?
Лапы у лебедя в небе осеннем
Разве кто-нибудь видел?
Ночью далекой звезды рожденье
Разве кто-нибудь видел?

Толстые корни старого дуба
Рубить кому приходилось?
Купца, на котором соболья шуба,
Любить кому приходилось?

Кобылу дикую с длинной гривой
Ловить кому приходилось?
На ней до острова в Волге бурливой
Доплыть кому приходилось?

Дно песчаное омута черного
Видела рыба чебак.
Исток ручья холодного, горного
Видел в горах рыбак.
Лапы у лебедя в небе осеннем
Видел тот, кто с земли стрелял.
Ночью далекой звезды рожденье
Видел тот, кто коней охранял.
Толстые корни зеленого дуба
Весной седельник рубил.
Купца, на котором соболя шуба,
Холуй-бездельник любил.
Кобылу дикую с длинной гривой
Я ловил — Бий-Мамай.
На ней до острова в Волге бурливой
Я доплыл — Бий-Мамай.

261. УЩЕЛЬЕ, ГДЕ ВЕТЕР ДУЕТ С ВЫСОТ

Ущелье, где ветер дует с высот,
Солнце согреет едва ли.
В поле, которое недруг сожжет,
Пшеница созреет едва ли.

Если осенний дождик пройдет,
Тропу развезет под горой.
Если на родину враг нападет,
Выйдет навстречу герой.

Если несчастье пошлет нам судьба,
Выйдут герои сражаться.
А трусы попрячутся в погреба
И затаятся.

Если в небе сокол парит,
Утка взлететь не смеет.
Врагов остановит храбрый джигит,
Жизни не пожалеет.

262. АСКАР-ГОРА

Аскартау-гора,
Ты седыми снегами одета,
Но еще есть одна
У тебя, Аскартау, примета:

Через толщи камней
Не пророеет прохода куница,
И вершины твоей
Не достигнет залетная птица.

Ой вы, мать и отец!
И у вас есть отличие тоже:
Средь шести сыновей
Младший сын пятерых вам дороже.

Есть отличие одно
У тебя, о жена молодая.
Ты ни ночи, ни дня
Не проплачешь, меня ожидая.

У тебя, аргамак,
Есть отличие: коль в битве я струшу,
Ты меня унесешь,
Да беда: не спасешь мою душу.

Ой, кольчуга моя,
Ты железом на плечи мне давишь.
В чем отличие твое?
В смертный час ты меня не оставишь.

Мать сырая земля,
Мать-земля, ты одним знаменита:
Усыпив, укачав,
Ты уже не разбудишь джигита.

263. ПЕСНЯ О ХАМУРЗЕ КУМУКОВЕ

Недруг в час своей удачи
Всё сжигал перед собой.
Юноша с душой горячей,
Вышел ты на смертный бой.

В деревнях горели крыши,
Дым до неба доходил.
На огонь с огнем ты вышел
И огонь остановил.

Сын ногайцев, храбрый воин,
Ты свой край не посрамил.
Был ты тех людей достоин,
Кто на свет тебя родил.

Хамурза, недолго очень
Жил ты и погиб в бою.
Отдал ты за край свой отчий
Молодую жизнь свою.

Тем, что ты свершил однажды,
Горд поныне твой народ.
В каждом доме, в сердце каждом
Песня о тебе живет!

264. ПЕСНЯ ОСТАВЛЕННОЙ ЖЕНЫ

Птица ястреб, как пуля, взлетает с земли,
Если где-то опасность маячит.
Если недруга воин завидит вдали,
Он навстречу поскачет.

Проезжая, красавицу встретит джигит,
И глядит он с улыбкой веселой.
А красавица, чувствуя это, стоит,
Взгляд потупивши долу.

Ты ж по улице нашей туда и назад
То неспешно пройдешь, то проскачешь,
На меня и украдкой не бросишь ты взгляд, —
Ничего я не значу.

Ну а я, будто вовсе закона мне нет,
Обо всем забываю нередко,
Чуть завижу тебя — я гляжу тебе вслед,
Пусть судачит соседка.

Нету страха, и, на удивление всем,
Я не прячусь за створкой оконной.
Я гляжу на того, кто недавно совсем
Был мне мужем законным.

265. УВЯЛА Я, НЕСЧАСТНАЯ

Я всё о том горюю, милый,
Что так жадна моя родня,
Тебе, тому, кого любила,
Она не отдала меня,
Цвела я, роза красная,
Увяла я, несчастная.

Решили: выходить мне надо
За старика, что мне постыл.
Пусть сгинет всё большое стадо,
Что за меня он заплатил.
Цвела я, роза красная,
Увяла я, несчастная.

За шали, за ковры и шубы,
Что всё равно сгниют потом,
Старик в мои девичьи губы
Впивается беззубым ртом.
Цвела я, роза красная,
Увяла я, несчастная.

Гостям пошло ли на здоровье
Всё съеденное в горький час?
Насытился ль моею кровью
Мулла, венчать пришедший нас?
Цвела я, роза красная,
Увяла я, несчастная.

Хоть я и не овца, но тоже
Меня купить торгаш любой
За деньги, сторговавшись, может
На племя или на убой.
Цвела я, роза красная,
Увяла я, несчастная.

Кто продал, пусть меня попомнит,
Когда сполна получит мзду.
И всё, что видеть суждено мне,
Сам испытает, хоть в аду.
Цвела я, роза красная,
Увяла я, несчастная.

266. ПЕСНЯ МОЛОДОЙ ЖЕНЫ

Волосы, бывало, мыла медом,
Кожа у меня была бела,
Становилась краше с каждым годом
Я, покуда замуж не пошла.

Прок велик ли в золотом колечке,
Коль ему на палец не налезть?
Прок велик ли от пруда иль речки,
Где и змеи, и пиявки есть?

Из ягнячьей шкуры или кожи
Кто сумеет выкроить тулуп?
Говорили — ты жених хороший,
Оказался — и слюняв, и глуп.

Даже у козла рога, быть может,
Разные, друг другу не ровня.
Вот и мы с тобою так несхожи.
Что ж отец не пожалел меня?

267. ПАРА ГУСЕЙ

Снова песня старая звучит,
Мы ее покуда не забыли.
В песне гусь с гусынею летит,
Чтоб обосноваться на Эдиле.

Снова, в сотый раз, слова звучат
В этой песне с коих пор поныне.
Всё летят, летят, летят, летят
Пестрый гусь и белая гусыня.

Гуси вдаль летят, летят во мгле.
Со своею стаей расстаются.
И следы их, словно на земле,
В сумеречном небе остаются.

Что ж, летите, гуси, в добрый час,
Мы вас провожаем добрым взглядом,
Счастье пусть сопровождает вас,
Чтобы до конца лететь вам рядом.

268. АЛАЛАЙ

Вот я песню «Алалай» спою,
Чтоб дороге длинной не казаться.
Ой, погубит голову свою
Тот, кто за богатством будет гнаться.

Ночью темной не видны следы.
Ты в селенье ждешь меня, я знаю,
У меня в руке конец узды.
Может, я к тебе не опоздаю.

На Ак-Басе, где бурьян густой,
Я увидел белого марала.
В дни, пока в разлуке мы с тобой,
Я боюсь, лицо твое увяло.

На Ак-Басе склон покрыт травой,
Мы не вместе долгие недели,
Тот, кто разлучает нас с тобой,
Пусть вовеки не достигнет цели!

На Ак-Басе чистая вода,
Меж камней источники струятся.
Убежим давай, бог весть куда,
Чтобы вместе где-то затеряться.

269. ЛЮБОВЬ ТАБУНЩИКА

Вывет лишь ветер с корнем осоку.
Лошадь от соли излишней падет.
Воин отважный, быть может, до срока
От безответной любви пропадет.

Гнал я табун между ив, по болоту,
Конь потерялся, найди, излови.
Вынес я всё: и нужду, и заботу,
Я пропаду от несчастной любви.

270. ПЕСНЯ О ВОЗЛЮБЛЕННОМ

Тянется к реке табун коней,
Жеребенок мечется проворный.
Щеки у меня снегов белей,
Оттеняет их мой локон черный.

На коне потертая узда,
Вьюк к седлу тяжелый приторочен,
Милый, ты направился куда,
Чем-то огорчен и озабочен?

Ты сиял, мой милый, как луна,
Я всегда тобою любовалась.
А теперь уходишь, чтоб одна
Я средь наших недругов осталась.

Квакают лягушки за бугром,
Квакают, уставши прыгать за день.
Что ж ты стал, мой милый, батраком?
Твой родитель беден или жаден?

271. МОЙ МИЛЫЙ

Эту песню я пою тому,
Кто известен был в селенье каждом,
Кто и в Аккермане, и в Крыму
Был красивей всех и всех отважней.

Много красных камешков в Крыму,
Много девушек длинноволосых.
Милому богатство ни к чему, —
Деньги роздал он, отары бросил.

Меж рекой Кубанью и Лабой
И сайгаки, и куланы были.
Мурзы сговорились меж собой
И меня с любимым разлучили.

Пуговицы золотом горят,
Милый мой уехал, я осталась.
Если б знать, что с ним нас разлучат,
Досыта бы я нацеловалась.

Дерево украшено листвою,
Украшает девушек одежда.
Отомстит всем мурзам милый мой
И ко мне вернется, есть надежда.

272. РАЙМЕ

На Кубани или на Куме
Слева пастбища легли и справа.
Есть у Абийиба дочь Райме,
И она проходит, словно пава.

На Кубани или на Куме
Многочисленный табун пасется.
Ох, поцеловал бы я Райме,
Да она мне в руки не дается.

На Кубани или на Куме
Луг зеленый, золотое поле.
Есть у Абийиба дочь Райме,
На нее бы наглядеться вволю.

На поляне сядем, посидим,
Мне поговорить с тобою надо.
Пусть разлучник наш Абилкерим
Глянет и удавится с досады.

273. НЕВЕСТА ИЗ АК-БУГАКА

Птенчик сороки черен пером,
Нету белого места.
Стоят джигит с невестой вдвоем,
Он шутит, смеется невеста.

Джигита серый несет аргамак
В горы, где белы олени,
Невеста в селении Ак-Бугак
Ждет его возвращенья.

Как серый скакун, невеста стройна,
Чем белый олень белее.
Джигита, бог даст, дождется она,
Джигит обомрет перед нею.

274. МОЙ ЛЮБИМЫЙ

Может статься, шесть недель,
Может быть, и семь недель,
Пролежала я больною.
Но за эти шесть недель,
Или даже семь недель,
Не спросил ты, что со мною?

И хоть ты не приходил,
Хоть не знаю, где ты был,
Хоть ты не сказал ни слова, —
Ты такой мне тоже мил.
Жду тебя я и такого.

Вешней вишней я была,
Белым цветом я цвела.
Ты пришел, и я пропала,
Вишня, я голым-гола —
Вся листва моя опала.

Что бы ни было, сейчас
Лишь одну себя корю я,
Слезы капаят из глаз —
Шестьдесят соленых струек.

Птицей-ласточкой кружась,
В поднебесье я стремилась.
Но со мной беда стряслась.
На твою сдалась я милость
И на землю опустилась —
И упала прямо в грязь.

Ты вошел случайно в сад
В тот, где я цвела когда-то.
Ты ни в чем не виноват,
Даже я не виновата.

Розой я была в саду,
Да увяла на беду,
Цвета не вернуть былого.
Разве что придешь ты снова,
Ты, которого я жду.

275. РАССТАВАНИЕ

«В косу дочки лента вплетена,
Пуговицы блещут позолотой.
Если дочь проворна и умна,
Мать с отцом не ведают заботы.

У лесной сороки — погляди —
Черное перо, перо тугое.
Если грудь касается груди,
Значит, что друг друга любят двое.

У лихого моего коня
Всё черным-черно: и хвост и грива.
Если полюбила б ты меня,
Зажили бы мы с тобой счастливо.

Шёлк наряда облегает грудь,
Обвивается вокруг колена.
Ты меня в разлуке не забудь,
Ты исполни клятву непременно».

«Мой джигит, отвечу я любя,
Честь тебе за сказанное слово,
Для тебя я сберегу себя,
Если буду я жива-здорова».

276. ОТВЕТ ДЕВУШКИ-НЕВЕСТЫ БЕДНЯКУ-ДЖИГИТУ

Если у бурной речки стоишь,
Камчой не достанешь дна.
Девушка, стройная как камыш
Избрать жениха вольна.

Пропал табун лошадей — ищи
С наветренной стороны.
Пропала отара — скорей ищи
В степи, где травы сочны.

Ушла верблюдица — в солончаках
Она отыскаться должна.

Пропало богатство — не плачь о грошах:
Богатство джигита — жена.

Когда у джигита достатка нет,
Не нужен он никому.
И нету тех, кто подал бы совет,
Как быть и что делать ему?

Расколешь орех, зрелый на вид, —
Окажется он пустым.
Хоть приглянется порой джигит,
Да где он возьмет калым?

В заросли терна ты не ходи,
Гляди — одежду порвешь,
Если печаль у тебя в груди,
Где облегченье найдешь?

Лес перед дверью нашей растет,
Я там собираю сушняк.
Я жду Кейтардара и месяц, и год,
Да не дождусь никак.

Пред дверью нашей сухая ветла,
Кибитка наша бедна.
Я всё равно б за тебя не пошла,
Да я тебе и не нужна.

277. БОТАГЁЗ И КЕЛЬТАЙДАР

Плачешь ты — я знаю, Ботагёз, —
Доля горькая тебе досталась:
Ты, моя родная Ботагёз,
Там, откуда я ушел, осталась.

Бросил в речку камень я сейчас,
Канул камень, пролетевши боком,
С Ботагёз любимой разлучась,
Стал абреком я в краю далеком.

Если льдом покроется река,
Солнце растопить его сумеет.

Если к нам придет печаль-тоска,
Лишь надежда, может, всё развеет.

Узок носик кувшина с бузой,
Льется медленно буза оттуда.
Может быть, мы встретимся с тобой,
День настанет, погоди покуда.

Возвращусь и я домой в свой час,
Возвращусь во что бы то ни стало.
Ты меня обнимешь только раз,
И печалей всех как не бывало.

Ты распустишь волны длинных кос,
Чтобы им до полу опуститься.
Кельтайдар, я встречу Ботагёз,
Чтоб вовеки с ней не разлучиться.

278. ЯНСАРАЙ

Юноша

Ты любовью не играй,
Подснежников не срывай,
И сама ты как подснежник,
Дорогая Янсарай!

Девушка

Пусть цветок под снегом спит,
Тот, кто любит, пусть молчит.
То, что ты сказать мне хочешь,
Всё я знаю, мой джигит!

Юноша

Хорошей и расцветай,
Как цветет родимый край.
Если ты меня полюбишь,
Будем вместе, Янсарай!

Девушка

Расцветает край родной,
Много дел у нас с тобой.
И подумаем о свадьбе,
Сделав дело, милый мой!

279. ПЕСНЯ МАТЕРИ

Чтобы слаще было спать,
Стану песню петь я сыну.
Легкую его кровать
В тень прохладную подвину.

А проснется сын опять,
На руки возьму, понежу.
А научится стоять,
Гусака ему зарежу.

А научится ходить,
Для него, кого люблю я,
В день счастливый, может быть,
Жеребенка заколю я.

А потом настанет день —
Засверкает серп проворный.
Просо я пожну, ячмень,
Утрамбу ток просторный.

И в амбары соберу
Урожай наш долгожданный,
Переветав на ветру
Всё лопатой деревянной.

И когда придет пора,
Для сынка я пир устрою.
А когда согнусь, стара,
Будет ласков сын со мною.

Но, покуда сила есть,
Растоплю я печку нашу.
Чтобы слаще было есть,
Пшеничную помаслю кашу.

Справлю сыну я потом
Шубу с воротом бухарским.
Одарю подарком царским —
Черногривым скакуном.

Знаю, поздно или рано
Сыну я купить должна
И рубашку из сукна,
И чувяки из сафьяна.

Я тебе, сыночек мой,
Лучшие обновки справлю,
Молодых невест тобой
Любоваться я заставлю.

Я в селении большом
Новый дом тебе построю,
Крышу я не камышом,
Жестью белою покрою.

А когда закончим дом,
Мы устроим новоселье,
Только пива на похмелье
Десять бочек припасем.

Всё, что только в мире есть,
Наготовим в изобилье,
Мясо будут гости есть,
А навар собакам выльем.

Но, сыночек милый мой,
Быть не век мне молодою.
И с недужной и седой
Будешь ласков ты со мною.

А пока работать буду
Я, не покладая рук,

Чтоб, сынок, постиг ты чудо
И премудрость всех наук.

А потом настанет час,
Ты ускачешь, и с дороги
Буду не спускать я глаз
В ожиданье и тревоге.

Нам отпущен малый срок,
Всё, что будет, будет скоро.
А покуда спи, сынок, —
Жизнь моя, моя опора!

ОСЕТИНСКИЕ ПЕСНИ

280. ОНАЙ

Ой, онай, попробуем сложить
Песню, как Сатана всемогущая
Вздумала всех смертных удивить:
Урузмагу бурку смастерить,
Чтоб она была из бурок лучшая.

Ой, онай, онай, в один из дней,
Чтоб скорей с работой этой справиться,
Позвала Сатана дочерей
Девяносто девяти семей,
И пришли к ней первые красавицы.

Девушкам хозяйюшка мила.
Ой, и задала Сатана дела им.
Каждой в руки шерсть она дала
И, чтоб лучше их работа шла,
Села вместе с ними и запела им.

Ой, онай, ой, шерсти намело!
Девушки болтают, спорят, ссорятся.
Ой, онай, взяло Сатану зло.
Солнце село и опять взошло,
А работа не идет, не спорится.

Ой, онай, онай, Сатана зла.
Смотрит на работниц — выбрать некого.
Всех их прочь Сатана прогнала
И к себе Айсану позвала —
Дочку Алибега Алумбегова.

Ой, онай, онай, пора давно
Дочке Алумбеговой прославиться.
Ой, дала Сатана ей руно —
Стало дивной буркою оно.
Не сказала и словца красавица.

Ой, под крышей дома своего
Любовалась нартов мать Айсаною.
«Нет тебя искусней никого,
Для Тайсана — сына моего —
Будешь ты невестою желанною».

Был и с Алибегом разговор.
Воротился он с дарами царскими.
Был и пир горою возле гор.
Так и породнились с этих пор
Алумбеговы с сынами нартскими.

281. ПЕСНЯ ЖЕНЩИН, ИЗГОТОВЛЯЮЩИХ БУРКИ

«Ой, онай» над бурками поющие,
Мастерицы, жены, дело знающие.
Ой, онай, вы мните, мните, мнущие,
Валяйте, валяющие.

Бурка, стоящая, ой, не дешево,
Для плохого или для хорошего?
Это бурка из руна заветного
Для богатого, а не для бедного.

Может быть, поймет богач, как тяжело нам,
Может быть, зарежет он барашка нам.
А барашка пожалеет, может, нам,
Так по миске каши хоть наложит нам.
Может быть, и каши пожалеет.
Сытый, разве нас он разумеет?

Под руками женщины проворной
Будет бурка нежною и черной.
Под руками женщины ленивой
Бурка будет грубой, некрасивой.

Ой, к ленивой не придет удача,
Будет шерсть овечья, как кошачья.

Ой, онай, онай, иль вы усталые,
Почему же руки ваши вялые,
Жены, от работы устающие,
Мастерицы, радости не знающие?
Ой, онай, вы мните, мните, мнущие,
Валяйте, валяющие.

282. ПЕСНЯ БОЛЬШОЙ ОСЕНИ

Осень, осень, добро пожаловать.
Чем ты будешь дарить нас, жаловать?

Зерна будут ли все как альчики
Будут сыты ли наши мальчики,
Наши девочки, наши деточки,
Или будут тонки, как веточки?

Будешь ты для одних богатою,
Будешь ты для других проклятою.
Для кого ты не будешь злою,
Тем устроишь ты пир горою.
Для кого ты будешь скупой,
Те зальются горючей слезою.

Осень, осень, добро пожаловать.
Будешь бить ты нас или жаловать?

Эй, жнецы молодые и сильные,
Пусть серпы ваши будут звонкими,
Пусть и камни ваши точильные
Будут мягкими, да не ломкими.

Ой, серпы ваши блещут в жите.
Жните, жните, домой не спешите.
Всё равно — и домой придете,
Счастья-радости не найдете.

283. ПЕСНЯ О ЧЕРНОМ ПИВЕ

Ой ты, пиво, ты, пиво черное,
Пиво черное, пиво пряное,
Пиво чудное, сотворенное,
Сотворенное нашей Сатáною.

Говорят, будто птичка горная
Пролетала раз над поляною,
Пролетала она над поляною,
Поклевала хмель, стала пьяною.
Закружилась у ней головка,
Повалилась она неловко.

Дровосек, говорят, шел поляною,
Вот и птичку нашел он пьяную.
Птичке странной той удивился он,
С ней к Сатане самой явился он.

А Сатана взяла, пожалела
Птицу, дышащую еле-еле,
Отогрела озябшее тело.
Отогрелась птичка, запела,
Уронила листочки хмеля.

Ой, Сатана взяла неширокие
Эти листья, что краше золота,
И послала в горы далекие
Ходока, чтоб принес ей солода.
Принесли ей муку солодовую,
Забродила тогда жидкость пенная,

Вот и льется пиво готовое,
Пиво черное, несравненное,
Пиво, пиво, питье отменное.

Эй, налейте-ка черного пива нам.
Больше пьешь его — больше нравится.
Пусть прославится птичка счастливая,
Пусть Сатана живет и славится.

На вершине Курпа снеговой,
 Ой, зерно-пшено, зерно-пшеница.
 Ангелов собрался сонм святой,
 Ой, зерно-пшено, зерно-пшеница.
 Начали они судить-рядить,
 Ой, зерно-пшено, зерно-пшеница,
 Как получше людям угодить,
 Ой, зерно-пшено, зерно-пшеница.
 Уходили, вновь садились в круг,
 Ой, зерно-пшено, зерно-пшеница.
 Сотворили хитроумный плуг,
 Ой, зерно-пшено, зерно-пшеница.
 Молодых оленей в плуг впрягли,
 Ой, зерно-пшено, зерно-пшеница.
 Но милы лишь горы им вдали,
 Нет, такое тягло не годится.
 Взяли туров жители небес,
 Ой, зерно-пшено, зерно-пшеница.
 Тянут туры плуг в зеленый лес.
 И такое тягло не годится.
 Кабанов впрягли в тяжелый плуг,
 Ой, зерно-пшено, зерно-пшеница.
 Но пахать им землю недосуг,
 Ой, зерно-пшено, зерно-пшеница.
 В плуг быков поставили тогда,
 Ой, зерно-пшено, зерно-пшеница.
 И легла на ниве борозда,
 Ой, зерно-пшено, зерно-пшеница.
 И поднялись стебли над землей,
 Ой, зерно-пшено, зерно-пшеница.
 Каждый стебель в палец толщиной,
 Ой, зерно-пшено, зерно-пшеница.
 Наземь капля не могла упасть,
 Ой, зерно-пшено, зерно-пшеница.
 Перепелки насыщались всласть,
 Ой, зерно-пшено, зерно-пшеница.
 Ой, пшеница тяжкою была,
 Плотную стеной она стояла.
 Если б и арба по ней прошла,
 Так и то б стеблей ее не смяла.

И поныне служат нам быки,
Ой, зерно-пшено, зерно-пшеница,
Наши тянут по полям плуги,
Ой, зерно-пшено, зерно-пшеница.

285. ПЕСНЯ СБИВАЮЩИХ МАСЛО

Масло, масло, масло коровье,
Да будет на белые горы похоже!
Масло, масло, масло коровье,
Масла, масла нам на здоровье
Дай нам побольше, о господи боже!

286. ПЕСНЯ ОБ АФСАТИ

Песню выслушать не хотите ль!..
Собирались алдары в путь
И молились: «Лесов властитель,
Дай, Афсати, нам что-нибудь!»
Скакуны их сильны и ловки,
И блестят серебром кремневки,
И черны их бурки кавказские,
И остры кинжалы дамасские.

Ой, князя в ущелье олень
Прискакали в урочный час.
Вознесли они вновь моления:
«Бог Афсати, порадуй нас!»

Будзумар, славный сын Афсати,
Поглядел и промолвил зло:
«Погляди, отец, сколько знати
В лес охотиться принесло!
Скакуны их сильны и ловки,
И блестят серебром кремневки,
И черны их бурки кавказские,
И остры кинжалы дамасские!»

Засмеялся Афсати звонко,
Увидав на дороге пыль:
«Ну-ка, выпусти кабаненка,
Поглядим, стрелки хороши ль!»

Имениты стрелки, да не ловки.
Разрядили они кремневки,
Но дичины не подстрелили
И щетины не повредили.
Повернулся зверь разъяренный,
Невредимый от их пальбы,
Стал валить и пеших и конных,
Словно тоненькие дубы.
Всех свалил он их, в ад отправил,
Никого в живых не оставил.

Будзумар вновь глядит в ущелье
И родителю молвит так:
«На охоту спешит в ущелье
Кудзи Дзудтов, один бедняк.
Ноговицы его староваты,
И черкеска — одни заплаты,
А на старой его кремневке
Не ремень, а кусок веревки.
Ни осла у него, ни коня.
И не ел он четыре дня!»
Ой, охотнику будет кстати
Кабаненок из стада Афсати.

За скалою стрелок примостился
И дыхание затаил.
То не гром в горах прокатился —
То охотник курок спустил.
Ой, с добычею утром ранним
Кудзи Дзудтов домой спешит.
Ой, свежатиною кабаньей
Всех голодных он угостит.

Разыгрался Елиа святой,
Гром в Устур-Дигоре громыхает.
На нихасе люди меж собой
Спорят — что, мол, это означает?

Нет, не Елиа наслал туман,
И не он гремит в горах высоко, —
То Уахатага сын Гуйман
Ту ров бьет там, где стоит осока.

Сам Уахатаг, прожив свой срок,
Отошел из мира со словами:
«Никогда не убивай, сынок,
Тура с золотистыми рогами.

В нашем крае тур такой один.
Бог хранит рога его и шкуру».
Но Гуйман — Уахатага сын —
Ходит в горы, целит в сердце тура.

Старики джигитам говорят:
«Кто из вас пойдет к Гуйману в горы?»
И Туалиаев Касполат
Вызвался, сказал — вернется скоро.

Касполат Гуймана увидал
Возле черных скал на камне черном.
Сын Уахатага свеживал
Тушу тура острием проворным.

«Я, Гуйман, явился пожелать,
Чтоб всегда ты в здравье был и в силе».
— «Здравствуй, Касполат, давай считать,
Что добычу вместе мы добыли».

Касполат сказал: «Что настрелял,
То твое, но встань поближе к краю.
Видишь, сколько у подножья скал
Златорогих туров пробегает?»

К краю пропасти Гуйман шагнул,
И тогда нежданно друг любезный
Бедного охотника толкнул
Прямо в бездну со скалы отвесной.

Сын Уахатага полетел,
Словно камень, по камням неровным.
Напоследок крикнуть лишь успел:
«Не гадал я, что ты враг мой кровный!»

И, чтобы убийцу упрекнуть,
Крикнул, бедный, падая со склона:
«Ты моей свидетельницей будь,
Ветка распутившегося клена!»

Пес Гуймана, верный пес Силан,
Словно снежный ком, слетел по склону
И хозяина, в крови от ран,
Лапою своею черной тронул.

Но лежал хозяин неживой,
И собака трижды взвыла странно.
И услышала собачий вой
В доме у себя жена Гуймана.

Ой, пошла Гуйманова жена
К старенькой вдове Уахатага,
И сказала бедная она:
«Вой собаки не сулит нам блага!»

К женщинам, поникнувшим в слезах —
К молодой жене, к ее свекрови, —
Подбежал Силан, держа в зубах
Шапку, побуревшую от крови.

Много лет минуло, говорят,
И с годами стало глуше горе.
Ко вдове Гуймана Касполат
Сватался и справил свадьбу вскоре.

Ведомо лишь богу, сколько жил
Касполат с женою своею новой,

Но однажды ветер дверь открыл,
В дом принес опавший лист кленовый.

Касполат неведомо чему
Засмеялся, за живот схватился.
Стала приставать жена к нему:
«Что припомнив, ты развеселился?»

«Я припомнил, — муж жене сказал, —
Что когда-то мне Гуйман промолвил.
Он мне крикнул, падая со скал:
«Не гадал я, что ты враг мой кровный!»
Думал я, сулит беду и месть
Перед смертью сказанное слово,
И теперь вот он мне подал весть,
Но что может сделать лист кленовый?»

Встала Касполатова жена,
С горя сердце у нее заныло.
Ножницы булатные она
В сердце Касполатова вонзила.

И пошла обрадовать свекровь:
«Можешь умирать теперь спокойно.
Сына твоего святую кровь
Черной кровью смыла я достойно!»

288. КОЛХОЗНАЯ

Эй, девушки, — все в колхоз!
Эй, юноши, — все в колхоз!
Трудись, ребята, как нужно,
Работай, селенье, дружно!

А кто не пойдет — сгорит со стыда.
А кто не пойдет — тому горе-беда.
А кто не пойдет — тот слезы прольет.
А кто не пойдет — голодный уснет.

А ну, соревнуйтесь, парни упорные!
А ну, соревнуйтесь, девки зазорные!
А ну-ка, быстрее, руки проворные!
Мы урожай утроим!

Кто будет работать скоро,
Кто будет работать скоро,
Все скажут о нем без спора:
Стал настоящим героем!

289. БАСИЛТА

Басилта, басилта, добрые люди,
Пусть счастье ваше во веки пребудет.
Хозяину крупного тура убить
Будет пусть суждено,
Хозяйке вашей сына родить
Будет пусть суждено.

Пусть ваше счастье не убавляется.
Нам же вы дайте, что полагается.
Каждому дайте всего понемножку:
Черного пива в черном кувшине,
Белой араки в белом кувшине.
Каждому дайте большую лепешку,
Дайте на всех нам баранью ножку.

290. ПЕСНЯ ПУТНИКОВ

Уасгерги, что бы ни случилось,
На твою мы уповаем милость.
Гости мы твои, твои джигиты,
Не оставь нас без своей защиты.

Погляди на нас, золотокрылый,
Награди своею доброй силой.
Пожалей, пошли удачи нам,
Чтобы путь наш легкий был и прям.

С высоты глядящий, огляди
Путников в низине зорким оком.
Будь, святой Георгий, впереди,
Нас накрой крылом своим широким.

Пощади, сидящий на вершине,
Тех, кто под твоей защитой ныне.
Возвратясь к селениям своим,
Мы тебе молитвой воздадим.

291. АЛАУРДИ

Мы желаем, светлая Алаурди,
Счастья, прославляем мы тебя.
Умоляем, светлая Алаурди,
Прочь пройди ты, нас не погубя!
В стаде бык пасется самый лучший,
Мы его в твою зарежем честь.
Для тебя среди овец курдючных
Выберем мы лучшее, что есть.

Прославляем мы тебя, Алаурди,
Благ желаем мы тебе, Алаурди!
Мы пожнем на склоне гор пшеницу,
Для тебя мы пироги спечем,
А ячмень в низине уродится,
Мы тебе и пива поднесем.

Прославляем мы тебя, Алаурди,
Благ желаем мы тебе, Алаурди!
Есть у нас к тебе большая просьба:
Наших деток пусть не тронет оспа!
Чтоб их щеки были без изъяна,
В честь твою мы жертвуем барана.
Чтоб навечно не померк их взгляд,
Мы зарежем в честь тебя ягнят.

Прославляем мы тебя, Алаурди,
Благ желаем мы тебе, Алаурди!
Хлебы из поднявшегося теста

Наши девушки спекут тебе.
Чистые, на выданье невесты
Эти хлебы понесут тебе.
И джигиты, стройны и красивы,
Поднесут тебе в кувшине пива.

Пусть, Алаурди, твой путь обратный
Будет только шелковый да ватный.
Прославляем мы тебя, Алаурди,
Благ желаем мы тебе, Алаурди!

292. ПЕСНЯ О ТОМ, КАК ЖЕНИЛСЯ СЫН ТАТАРТУПА ТАТАРКАН

С Уакаца святые слетели ангелы,
И на Курпской вершине присели ангелы,
Чтоб решить на горе, что покрыта туманом,
Мол, кого из невест обручить с Татарканом.
И решили святые, хотя и решили не сразу,
Сватать Азаухан, что живет на вершине Уаза.
Порешили и тотчас к соседям своим
Уасгерги послали с Николой святым.
И почтенные сваты в дорогу пустились,
Но ушли без всего и ни с чем воротились.

Стали снова степенно судить да рядить,
Дескать, сватов почтенных к кому отрядить?
Про красавицу Черного моря слыхали,
Но не знали ее, сватов к ней не послали.
А послали почтеннейших сватов, чтоб сватать
Молодую красавицу в башне Дзулата.

Уасгерги с Николою дело свершили.
В день венчания ангелы дру́жками были.
Татаркан обвенчался с невестой красивой.
Был счастливым тот день, жизнь была их
счастливой.

С той далекой поры миновали лета.
А сегодня свершается свадьба иная.
Пожелаем: пусть наша невеста земная
Будет счастлива с мужем не меньше, чем та.

293. АФСАТИ И СЫН КОМИА

(Свадебная)

У слепого старика Афсати
Дочь красива, кто же будет зятем?
Домогались ангелы ее,
Сватали архангелы ее.
Но однажды дочь отца слепого,
Выманив из-под родного крова,
Кто-то ловко обманул, украл,
В бурку завернул и ускакал.

Ой, старик слепой себя корил,
Бил по лбу рукою, говорил:
Попрекнул, мол, кто-то молодой
Старостью меня и слепотой.
А ведь Солнце дочь мою когда-то
Сватало за сына Махамата.
Я от сына Солнца отказался:
Дочку свекор опалит, боялся,
И Луна дитя мое когда-то
Сватала за сына Мусамата.
Я не отдал, испугался вновь:
Заморозит дочь мою свекровь.

Плачет старый: «Что мне делать, право,
Сила где и где бывшая слава?
Нету глаз, чтоб вора увидеть,
Нету ног, чтобы его догнать,
Нету рук, чтоб учинить расправу!»

И тогда вдали слышал кстати
Голос сына Комиа Афсати;
Несся этот голос, говоря:
«Ты, Афсати, не печалься зря.
Дочь твоя любима и желанна.
В небеса унес ее Сесана.
Ангелы у них на свадьбе — дружки,
Тучи белые — ее подружки,
Шаферы Георгий и Никола
Держат белый шелк ее подола!»

Так же, как Афсати дочь родная,
Будь невеста счастлива земная.
С песней мы к венцу ведем тебя,
Суженому отдаем тебя.

294. СВАДЕБНАЯ ПЕСНЯ

Орайда, ведут невесту в дом.
Солнце на плече ее одном.
Свет луны блистает на другом.

Уастырджи на свадьбе дружкой будет,
А Маде-Майрам подружкой будет.

Орайда, ведут невесту в дом.
Солнце на плече ее одном.
Свет луны блистает на другом.

Боже, пожалей ее, красивую,
Сделай, боже, и ее счастливою!

295. АЛАЙ

(Свадебная песня)

Мы в счастливый этот дом,
Ой, алай, ой, алай,
С птицей-ласточкой идем,
Ой, алай, ой, алай.
Пусть жена, как сотам мед,
Ой, алай, ой, алай,
Дому свекра подойдет,
Ой, алай, ой, алай.
Дома дело будет знать,
Ой, алай, ой, алай,
Старших-младших отличать,
Ой, алай, ой, алай.
Много ли добра при ней.
Ой, алай, ой, алай,

Семь раз по семь простыней,
Ой, алай, ой, алай.
Семь раз по семь одеял,
Ой, алай, ой, алай,
Семь раз по семь покрывал,
Ой, алай, ой, алай.
Шелк заморский на бешмет,
Ой, алай, ой, алай.
Свекру шелковый кисет,
Ой, алай, ой, алай.
Для детишек тюк добра,
Ой, алай, ой, алай.
Две пригоршни серебра,
Ой, алай, ой, алай.

296. ПЕСНЯ СВАТОВ

Дй, нана, в час заката солнце уходит за горы.
Ой, нана, мы сваты, а сваты хуже, чем воры.
Ой, нана, скоро, скоро мы покинем твой дом.
Ой, нана, мы, как воры, дочь твою уведем.
Дочь твою, что, бывало, сияла, словно звезда.
Та, что, как солнце, блистала, уйдет
от тебя навсегда.

Завтра, нана, как всегда, ты встанешь,
Рано, чуть свет,
В окошко на двор с надеждою глянешь —
Доченьки нет.

Она, до ночи темной не спавшая,
Ушла от тебя.

Она, постель твою застилавшая,
Ушла от тебя.

Ты ее берегла, как зеницу ока,
А дочка ушла от тебя далеко.
Ушла она не на день, не на год.
Ушла она и назад не придет.

Ой, не гаси ты, очаг, нана.
Ой, принеси ты, нана, вина,
Принеси нам черного пива,

Чтобы было оно бурливо.
Дочь твоя утром огонь разводила,
А мы ее забираем.
Дочь твоя к ночи постели стелила,
А мы ее забираем.
Что же делать, коль делать нечего.
Солнце село, день клонится к вечеру.

297. ПЕСНЯ ДРУЖЕК

Ой, к вам мы идем, к вам мы идем, к вам.
Ой, счастье несем, счастье несем вам.
Будьте счастливы вы, хозяева,
Дом почтенный и все друзья его.
Нынче гости пусть не скучают,
Нас встречают и приветчают.
Пусть удача им улыбается,
Ой, пусть будет им всё с руки,
Пусть им счастье в пути встречается,
Пусть встречаются добряки.
Если речки, так пусть бурливые,
Если вестники, пусть счастливые.

На поляне, где овцы белые,
Больно ягода хороша.
Может, дружки мы неумелые:
Дело делаем не спеша.
Молодая с вами прощается,
В путь неведомый отправляется.

Птичка ласточка, как птицы прочие,
Прыг на веточку со ствола.
Вышла девушка из дома отчего,
В мужний дом невесткою вошла.
За невесту, ой, гости почтенные,
Дружно пейте напитки пенные.
Будьте счастливы вы, хозяева,
Дом ваш светлый и все друзья его!

298. ПЕСНЯ, КОТОРАЯ ПОЕТСЯ МАТЕРИ НЕВЕСТЫ

Утром постель твою застилавшая дочь
Замуж выходит.
В сакле твоей очаг разжигавшая дочь
Замуж выходит.
Вечером в доме огонь гасившая дочь
Замуж выходит.
К ночи постели стелившая дочь
Замуж выходит.
«Нана, нана!» — тебе говорившая дочь
Замуж выходит.
На руки воду тебе сливавшая дочь
Замуж выходит.
Утром саклю твою подметавшая дочь
Замуж выходит.
Дочка твоя — утешенье твоей нужды —
Замуж выходит.
Дочка твоя — опора в годину беды —
Замуж выходит.
Ту, кого ты вскормила последним куском,
Уводят.
Сегодня, с песней «Алай» в незнакомый дом
Уводят.

299. ПЕСНЯ РОДИЧЕЙ

(Свадебная)

Господи, слава тебе на века,
Сделай: пусть любит свояк свояка,
Чтобы все родичи этого дома
Переплелись, как трава и солома.
Да будет та, кого мы провожаем,
Богата детьми, как земля урожаем.
Чтоб вылуплялись они, как цыплята,
А были сильными, как медвежата.
Чтоб разрослись, как у дерева корни,
Чтоб старшим в доме были покорны.

300. ПРИЧИТАНИЕ

Не смейтесь вы надо мной, мои милые,
Плакать придется и вам над дорогими могилами.
Ой, дожила я до черного дня,
Ой, на кого оставил меня
Тот, кто в беде моей был стеной,
Тот, кто в нужде моей был мошной?
Ой, стена моя, ты осела.
Ты, мошна моя, опустела.
Ой, упала звезда далекая,
Зарыдала я, одинокая.

Люди добрые, что же вы ждете,
Что же все слез со мною не льете?
Почему не плачут те, что одни
На свете остались, как я, без родни?
Почему не плачут вместе со мною
Матери тех, кого смыло волною,
Чьим утонувшим деточкам малым
Песок стал постелью, вода — одеялом?
А хоронили их лишь пугливые
Рыбы — плакальщицы молчаливые.

Почему вы не плачете вместе со мною,
Те, чьих мужей придавило сосною,
Для кого стал саваном снег холодный,
А плакальщицею — зверь голодный?
Почему не плачут со мною вместе
Матери павших на поле чести,
Которых водой напоить было некому,
Которым глаза закрыть было некому?
Все, испытавшие горе земное,
Почему вы не плачете вместе со мною?

Я рыдаю, хоть знаю — не будет чуда,
Никого не воротишь слезами оттуда.
Что делать, мы плачем о наших милых,
А воротить никого не в силах.
Буду плакать и я, слез и я не скрою
До тех пор, пока глаз и я не закрою
И рот не наполнится мой землею.

301. ПЛАЧ ПО УМЕРШЕМУ

О, крепость моя, врагов устрашавшая,
Скала моя, под небом стоявшая.
О ком в низине гармоник пели,
О ком на вершине играли свирели,
Крепость была — разверзлась стена.
Была скала — обвалилась она.
Звезда, звезда моя с неба упала,
Трава моя на земле увяла.

Теперь ты там, где духи витают,
Не нужно там ни воды, ни пищи.
Там девушки о женихах не мечтают,
Там парни подружек себе не ищут,
Там дети малые не взрослеют,
Там люди старые не стареют.
Там все недышащие и онемелые,
Там зубы крошатся белые-белые.
Там руки истлеют твои без следа,
На грудь осыплется борода.

Ты раненый был, ты жаждой томился,
Ты воду просил — ты кровью напился.
Усами, чуть тронутыми сединой,
Открыл ты двери тверди земной.
Ушел ты, оставил на милость бога
Жену, за которую отдал много.

Теперь она в черный наряд облачится.
Затоскуют дети твои — сиротливые птицы.
Остались твои бедные деточки,
Как без ствола дубовые веточки.
Ты хотел им богатство дать — не сумел.
Ты хотел пожалеть, приласкать — не успел.
Среди тех, кого быют, они первыми будут.
А там, где дают, последними будут.
Из солнца рубахи им будут шить,
Из земли чувяки им будут кроить,
При жизни ты бедным был человеком,
Досыта не наедался чуреком.

Смерть пусть сама умрет
И дети ее проклятые.
Пусть бедных смерть не берет —
Пусть умирают богатые.
Но смерть к богачу не пришла.
Она у ворот твоих.
Тебя она забрала,
Не жалея сирот твоих.

302. ПОСВЯЩЕНИЕ КОНЯ УМЕРШЕМУ

Бог всемогущий, дарящий, карающий,
Жизнь и дающий и отбирающий,
Ныне призвал во владенья свои
Мужа достойного, мужа хорошего.
Вот он лежит у могилы глубокой —
Путник, готовый к дороге далекой,
Той, откуда не возвращаются,
Перед которой навеки прощаются.

Путник, да будет по милости бога
Легкой нелегкая эта дорога
В царство мертвых, в загробное царство,
В царство, где все мы когда-нибудь встретимся.
Всё приготовлено здесь для покойного,
Только коня не нашли мы достойного,
Долго искали мы, много скакали мы,
Многих коней, увидав, отвергали мы.
Снова искали мы, снова и снова.
И прискакали на шелковый луг,
Где в табуне у Георга святого
Трех жеребцов мы увидели вдруг.
Первый из них седоку не давался,
Бился ногами другой и кусался,
Третий — сейчас он оседланный ждет —
В царство усопших тебя повезет.
Долго, о путник, будешь скакать
Ты по дорогам, что наших суровей.
В том царстве случится тебе увидеть
Чету, накрытую шкурой воловьей.

Лежат, повернувшись друг к другу спиною,
Недобрый муж с недоброй женою.
Шкуру тянут они, ругаются,
Да не укроются, как ни стараются.
Споры и брань продолжаются их
В царстве мертвых, как в царстве живых.
Пройди. Что тебе их раздоры и горе.
С другою четою ты встретишься вскоре.
Спят они двое, довольны и сыты,
Заячьей шкурой оба укрыты.
И широка она им и длинна.
Спят, обнимаются муж и жена.
Заячья шкура воловьей не шире,
Но на земле, где вражда в изобилие,
Жили они и в согласье и в мире,
Друг друга любили и господа чтили.

Дальше пойдешь ты своею дорогой —
Встретишься с женщиною убогой.
Шьет она, шьет, покоя не знает, —
Земные дыры она латает.
Ее иголка — с кол толщиной,
Наперсток — с папаху величиною.
Пот с нее льется ручьем бесконечно.
Шьет, да не шьется, и так будет вечно.

Она была плохою женой,
Она грешила в жизни земной.
Грешила, шила в жизни земной
Мужу чужому мелко и тщательно,
А дома законному — не старательно.
Путник, не слушай ее и не трогай,
Иди потихоньку своей дорогой.

Увидишь женщину, что весной
Сто грядок вскопала, полола всё лето,
А снимает меньше, чем с грядки одной.
Ты спросишь, за что наказание это?
За то, что она друзей не имела,
Жизнь прожила, никого не жалела,
Была она зла, сироты не приветила,
Рядом соседской нужды не заметила.

Потом ты увидишь другую жену,
Такого ж сложенья, такого же роста.
Она взрыхляет грядку одну,
А собирает с нее, как с^о ста.
Она была на земле добра,
Ни для кого не жалела добра.
Пройди и увидишь невдалеке —
Стоит над корытом старуха в муке.
И ночью и днем она через сито
Муку просеивает, да пусто корыто.
Наверное, спросишь ты: «Кто она?»
Это мельникова жена.
При жизни она бедняков обирала,
Муку из мешков у них воровала.
Не слушай старуху — слова ее ложь.

Пройди, видишь куча — угля сто нош.
Те угли дымятся и ночью и днем.
Два мужа томятся, палимы огнем.
Бедняги страдают, ты слышишь их стоны, —
Водой обливают их верные жены.
Грешили мужи и женщин чужих
Любили при жизни сильней, чем своих.
Грешили, кичились богатством и лгали.
Пройди, не сочувствуй теперь их печали.
Пройди, на лугу ты увидишь быка,
Жующего бороду старика.
За что так жестоко карают его?
За то, что на пашне при жизни когда-то
Досыта кормил он быка своего,
Соседскому — корму давал маловато.

Не медли, о путник, ты в этом аду.
Ты дальше увидишь сидящих на льду.
В том месте, где вечно и холод и выюга,
Мужчины сосульками бреют друг друга.

Пройди мимо них. Эти грешные люди —
Земное проклятье — неправые судьи.
Мздоимцы, всех смертных судившие так:
Богатый невинен, виновен бедняк.

Пройди мимо них, чтоб увидеть других
Мужей, что на скамьях сидят золотых
В одеждах серебряных.

Кто эти люди?

Мужи досточтимые — правые судьи.
По правде, по совести жили они,
По совести грешных судили они.
Был он богат или не был богат, —
Лишь тот, кто виновен, был виноват.

Ты, путник, был честен, не жаден, не зол.
Помедли теперь, ты до места дошел,
Где быстрые реки и кущи стеною,
Всё то, что зовется райской странюю.

Да будешь ты, уходящий сегодня,
Страны этой житель по воле господней.
Да будет блаженство твое бесконечное!
Вечное царство тебе, вечное!

Могила твоя глубока и светла.
Одежда твоя легка и бела.
Да будет тебе в одеянии этом
И жарко зимою, и холодно летом.

Да будешь ты в сытости и в тепле,
Пусть добрый твой дух гостит на земле.
Коня оставляем тебе мы в подмогу.
Пусть он облегчает твою дорогу
К господу богу.

ИСТОРИЧЕСКИЕ И ГЕРОИЧЕСКИЕ ПЕСНИ

303. ЗАДАЛЕССКАЯ МАТЬ

Над нижней Дигорией, над плоской Дигорией
Не дождь идет — там кровь течет, горе ей, горе ей!

Поля золотые были, а стали черные,
Их побили Тимуровы рати проворные.

Обложил всё кругом он войсками великими,
Окружил, как стеной, мечами и пиками.

Всё дымит: и жито, и сакли сожженные.
Ой, убиты джигиты, поруганы жены их.

Погибает народ, дым плывет над Дигорией.
Кто продлит ее род, горе, горе ей, горе ей!

Мертвецы на земле, им могилы не вырыты.
На углях, на золе плачут дети — их сироты.

Кто подаст им еды и воды, кто согреет их?
Кто спасет от беды, кто в беде пожалеет их?

Ой, на счастье, одна уцелела старуха согбенная.
Сирот всех собирает она, сединой убеленная.

Ой, весь день и всю ночь напролет — делать нечего —
Их ведет и ведет, наподобие стада овечьего.

Ой, ведет она сирот, спешит — время дорого,
От зверья бережет и хранит их от врага.

И с горы не облако седое
Вместе с громом вниз слетело вдруг,
А дигорцев следом за собой
В бой повел Туганов Ельбердук.

Дождь в горах кровавый лился долго,
Гром гремел сто раз подряд.
Но внезапно три отважных волка,
С гор сойдя, влетели в гущу стад.

Были то не волки, не волчицы,
Что овечьи портили стада.
Были то три сына Дзанкалица
И пред ними крымская орда.

Ой, дигорцы победили ханов,
Крымскую переломили сталь.
В том бою кровавом Тасолтанов
Был убит, да велика ль печаль?

Жирным шашлыком да пивом черным
Он свою утробу набивал.
Это он, подлец, по тропам горным
Хану путь к дигорцам указал.

305. ИНАЛДИ И КУДАЙНАТ ИЗ ЛАРСА

Два всадника скачут из Ларса.
Ой, скачут из Старого Ларса.
Один для другого и друг и брат,
Иналди один, другой Кудайнат, гей!

Иналди сказал Кудайнату:
«Погляди, — сказал Кудайнату, —
Скачут алдары, должно быть, враги.
Ой, брат Кудайнат, башку береги, гей!»

Подъезжают ближе алдары.
«Вы откуда?» — кричат алдары.

«Мы оба из Ларса, — им говорят, —
Иналди и брат его Кудайнат, гей!»

Говорят насильники братьям,
Алдары-насильники братьям:
«Вы оба из Ларса, а мы как раз
Ларсцев поганных и ловим сейчас, гей!»

Говорит Иналди из Ларса,
Говорит Кудайнат из Ларса:
«А мы убиваем злобных людей,
Стреляем, коль видим: рядом злодей, гей!»

Стоит минарет у Дарг-Коха,
Высок минарет у Дарг-Коха.
Шепчет Иналди: «Ой, брат Кудайнат,
Умрем или с честью придем назад, гей!»

Идет дровосек-кабардинец,
По дрова идет кабардинец.
Взвыл у Иналди, как волк, самопал,
У Кудайната завыл, как шакал, гей!

На реке у нас половодье.
Ой, страшна река в половодье.
«Мужайся, брат, — говорит Кудайнат. —
С тобой мы в седлах, алдары лежат, гей!»

306. ПЕСНЯ О КУРТАТИНЦАХ

Ну-ка, соберемся, куртатинцы.
Белый царь сулит нам дать гостинцы.
В горы нам пакет с равнины шлет,
Говорит, посланцев наших ждет.

Отвечая на такую милость,
Всё ущелье наше всполошилось,
Замелькали всадники в горах,
Лучшие на лучших скакунах.

Среди тех, в ком не было изъянов,
Был первейшим Ацамаз Калманов.
Он подобно белому орлу
Вылетел на черную скалу.

Вышли в путь посланцы куртатинские,
Миновали горы осетинские
И дошли до белого царя.
Говорят, они пошли не зря.
От царя посланники удалые
Унесли с собой дары немалые.
Хоть не жадны куртатинцы были,
Из гостинцев порох лишь просили.

Повезли с собой поклажу многую
Всадники обратной дорогою.
То дорогой ясной, то туманною,
Но везде опасной и обманною.
Смотрят, у селения Дурхунд
Кабардинские князья их ждут.
И столкнулись путники уставшие
И князья, разбоем промышлявшие.
Встретились, друг другу смерть творя,
Кабардинцы, конные и пешие,
С куртатинцами, отяжелевшими
От подарков белого царя.

Многих куртатинцы порубили,
В горы кабардинцы отступили,
Множество врагов в последний раз,
Порубив своею саблей смелой,
Распластался сам на бурке белой
Удалец Калманов Ацамаз.

307. ХУХА И НАРСАУ

Это дело — дело дней былых,
Ой, да это дело, дело прошлого. . .

Куртатинцы для коней своих
Не найдут табунщика хорошего.

Судят-рядят десять дней подряд
На нихасе крытом в Даллагкау.
Двое есть достойных, говорят,
Цаликовы — Хуха́ и Нарсау.

Храбры Цаликовы сыновья,
Но припомнил кто-то осторожно:
«Тагауровы они зятья.
Наш табун доверить им не можно».

Быстры ноги у обидных слов.
И приходят жены, чуть не плача:
«Вас, как тагауровых зятьев,
Не хотят в табунщики назначить!»

Говорит Хуха: «Честной народ,
Сам себя в табунщики я жалую».
День прошел, и вот Хуха пасет
Куртатинцев табуны немалые.

Ой, несметны эти табуны.
Как лихим соседям не позариться? ..
И к Хухе приходит брат жены —
О делах и о здоровье справиться.

Стал пытаться жены лукавый брат,
Посланный соседскими князьями,
Мол, когда едят, когда здесь спят,
Зорко ль смотришь ты за табунами?

Но в ответ Хуха из темноты
Своеяку сказал такое слово:
«День ли, ночь — я не дремлю, и ты
Подобру иди, брат, поздорову».

Вновь к Хухе, когда взошла звезда,
Шлют соседи свояка-злодея.
«Что, Хуха, не спишь ты никогда?» —
Тот твердит, как бы Хуху жалея.

Говорит лукавые слова,
Песнь одну и ту же тянет снова —

Мол, не стоит святостью родства
Жертвовать из-за добра чужого.

Гонит свояка табунщик прочь —
Не люблю, мол, говорить напрасно я.
Час я сплю, когда проходит ночь,
В час, когда восходит солнце красное.

Ночь прошла, рассветный час настал.
Задремал Хуха в свой час положенный,
А злодеи через перевал
Тянутся тропкою растревоженной.

Ой, пастух на зорьке увидал,
Как к коням злодеи подлетели,
Ой, он на свирели заиграл,
И достиг селенья звук свирели:

«Куртатинцы, снятся ли вам сны,
Может, сны вам очи ослепили?
Ой, угнали ваши табуны,
Вашего табунщика убили».

Песня понеслась за перевал,
Вдоль ущелья, ивняком повитого.
Первым эту песню услышал
Цаликов Нарсау — брат убитого.

Что вдали за облако летит,
Расплываясь на четыре стороны?
Почему в том облаке парит
Птичья стая, кружат черны вороны?

Над горой не облако кружит —
Пар восходит от коня проворного,
И летит земля из-под копыт,
А не вороны кружатся черные.

Недругов Нарсау победил,
С их мечами сталь скрестил булатную,
Многих тагаурцев он побил,
Мстя им за потерю безвозвратную.

Многие отбил он табуны,
Убежать заставил рать лукавую.
Ну, а брату братовой жены
Голову отсек и руку правую.

308. ПЕСНЯ О ХАМИЦЕ ХАМИЦАЕВЕ

Умер, говорят, от прежних ран
Или от иной какой-то хвори
Старый Тасолтанов Тасолтан
В Кабарде Большой, родне на горе.
Было у алдара, говорят,
Семь сынов и дочка Фатимат.
Говорят, он, старый, на прощанье
Сыновьям оставил завещанье.
Говорят, сказал он: «Коль умру,
Рода нашего не обесславьте
И свою красавицу сестру
Братскою заботой не оставьте!»
Он сказал им: «Девушка — цветок.
Без любви цветок цвести не станет.
Если не сорвет садовник в срок,
Пожелтеет лист, цветок увянет.
Приглядите Фатимат в мужья
Парня-удальца из самых лучших.
Пусть сперва соседские князья
Право сватать дочь мою получают.
После пусть посватаются к ней
Храбрые дигорские алдары.
А потом средь вольных узденей
Поищите — не найдется ль пары.
Может, будет всех других милей
Кто-нибудь сестрице вашей, гей!»

Рвется к Тасолтановым в зятя
Много всяких женихов богатых.
К братьям все окрестные князья
Посылают сыновей и сватов.
От гостей чванливых шум стоит
В доме Тасолтана, тихом прежде.

А невеста запершись сидит,
Не глядит на женихов заезжих.

Весть про эти странные дела,
Весть о том, как некая девица
И глядеть на женихов боится,
До дигорского дошла села,
Там — до Хамицаева Хамица.

И тогда на ум ему пришло
Тоже взять и попытать удачи.
И неспешно старое седло
Кинул он на спину рыжей клячи.
И поехал на свой риск и страх,
И предстал пред окнами девицы
В старых самодельных башмаках
В шитых-перешитых ноговицах.

На него алдары не глядят,
Но Хамиц кнутом из бычьей кожи
Щелкнул так, что даже Фатимат
Мигом встала с шелкового ложа.

И сказали братья женихам:
«Фатимат тому лишь будет пара,
Кто похитит и пригонит нам
Сто коней ногойского алдара».

Три прошло или четыре дня.
Женихи исчезли вдруг неожиданно,
А Хамиц табун — сто три коня —
Пригоняет к дому Тасолтана.

Из окошка Фатимат глядит,
Видит, на дворе туман клубится.
Это не туман, а пар стоит
Над добычей храброго Хамица.

Роду Тасолтана, говорят,
С бедняком случилось породниться.
Отдали сестрицу Фатимат
Братья Хамицаеву Хамицу.

В доме было счастье, говорят.
Муж любил жену, и жили в мире.
Длилось их согласие, говорят,
Года три, а может, и четыре.
Молодым счастливо до конца
Жить бы, да завистники не дали.
Царгасати своего гонца
К братьям Тасолтановым послали.

И сказал гонец: «Случилось зло,
С мужем Фатимат живет неладно.
Пьет арак дигорское дзигло,
Мучает жену и бьет нещадно».

И тогда в Дигорию пошли
Мечь вершить разгневанные братья,
И в глухих горах подстерегли
И убили собственного зятя.

И к сестре своей пошли потом
В дальнее дигорское селенье,
Чтоб вернуть сестру в отцовский дом,
Чтоб ее избавить от мученья.

Вот приходят братья, в дверь стучат
И в кунацкую идут все вместе.
Будто чует сердце Фатимат,
Что пришли они с недоброй вестью.

Братья видят на сестре атлас,
Тонкий бархат, пояс золоченый,
Что мужья спокон веков у нас
Покупают лишь любимым женам.

Плачут Тасолтановы сыны.
Поняли они, что совершили.
«Ты прости, сестра, что без вины
Мужа твоего мы порешили.

Ой, поверили мы на беду
Слову Царгасатовых проклятых.

Пусть оплакивают в их роду
Сыновей и внуков неженатых.

Пусть все женихи из рода их
Женихами так и умирают,
Пусть все их невесты до своих
Свадеб никогда не доживают».

Фатимат не слышит ничего —
Что ей покаянья и проклятья!
«Вы убили мужа моего
Ни за что, мои родные братья.

Не ждала от вас я, братья, зла,
Я всегда вас слушала, любила».

Фатимат с дубового стола
Ножницы булатные взяла,
Острием их грудь свою пронзила.

309. ПЕСНЯ О ЧЕРМЕНЕ

Будь удачливым, путник, в пути
С этой песнею на устах,
Пусть тебе будет легче идти
С этой песнею на устах.

Пусть на северном склоне бугра
Дуб растет и ветви шумят.
Ни гроза, ни сталь топора
Пусть стволу его не грозят!

Не рождается пусть на свет,
Как Чермен, человек такой,
Или пусть его с малых лет
Бог от злобы хранит людской!

Быть Чермену в светлом раю,
А пока что в родном краю

Богачи презируют его,
Кавдасардом считают его.

...Как-то с верной кремневкой в горах
Пробродил Чермен допоздна,
Воротился — а мать в слезах. . .
«Что случилось опять, нана?»

«Ой, Чермен, мой сын дорогой,
Нету счастья для нас с тобой!
Богачи тебя обошли —
Дали худший клочок земли!»

«Ой, не плачь, моя старая мать,
Ни пред кем твой сын не робел,
Завтра утром начну пахать,
Самый лучший вспашу надел!»

Рано утром, едва рассвело,
Потянули соху быки,
И Чермен, богачам назло,
Лучший клин распахал у реки.

Разозлились тогда князя,
Всполошились все их друзья.
Десять их побежало к реке,
Тот с ружьем, тот с кинжалом в руке.

Всех сильнее Чермен и храбрей,
Тяжела у него рука,
И решили десять князей
Обхитрить одного бедняка.

Говорит один из князей:
«Потрудись, Чермен, для людей.
Видишь — дерево смотрит ввысь,
На макушку его взберись,
Погляди, не грозит ли беда,
Земляков твоих целы ль стада?»

Ничего Чермен не сказал,
Был он молод и всех сильнее,

Вместе с поясом снял кинжал,
Стал карабкаться меж ветвей.

Богачи — бессердечный люд,
Силы нет — обманом возьмут,
От ствола они отошли,
Стали целиться вверх с земли.

Ты бессилен, Чермен, против зла.
Грянул залп, ты упал со ствола.
Сильный был ты, Чермен, и большой,
Телом нарт, но дитя душой.

310. ПЕСНЯ ОБ ИЗГНАНИИ КНЯЗЕЙ-БАДЕЛЯТ

Что, баделята пришлые, ограбившие нас?
Был страшен ваш приход сюда, но жалок ваш уход!
Напрасно вы, как вороны, слетались в Қарагас,
Напрасно совещались вы, как вам терзать Қавказ.
Изгнали мы из наших гор весь ваш коварный род,
Мы, черные дигорцы, трудящийся народ!

Вожак их, старый Амурхан, им говорил тогда:
«Ну, дети, мы в Дигорию гористую пришли,
Дигорцев черных покорив, спасемся без труда.
Мы, беки, власть должны хранить, разлад
для нас — беда.

Погибель наша прогремит по всем краям земли
Позорною пословицей на долгие года!
Оденет нам пословица ослиные шлеи
И потником в колючках покроет навсегда!»

И хором клялся баделят презренный, хитрый сброд:
«Мы не позволим одевать ослиной шкурой нас!
Мы сами обратим в ослов дигорцев черный род.
Покорно будут нам они служить за годом год».
Так баделята думали. Но зашумел Қавказ.
По всем селениям народ поднялся на господ.
Решили мы от баделят очистить Қарагас,
Мы, черные дигорцы, трудящийся народ.

Да, баделята злобные, настала власть труда!
Мы гнезда ваши хищные разбили и пожгли!
И гибель ваша славится по всем краям земли
Позорною пословицей на долгие года!
Одела вам пословица ослиные шлеи
И потником в колючках покрыла навсегда!

311. ПЕСНЯ О ПАСТУХЕ ЧЕРНОЙ ГОРЫ

Ой, пастух горы Черной
На свирели играет.
Песнь свою обращает
К пастуху горы Белой:
«Ой, спешат к тебе гости,
Раздуваясь от злости.
Ой, спешат к тебе гости,
Скачут, кони дымятся,
Богачи осетинские,
Богачи кабардинские.
Всех числом их двенадцать.
Ой, торопятся гости
За твоими костями,
За твоими стадами.
Береги свои кости,
То убийцы — не гости.

Ой, пастух горы Черной
На свирели играет,
Песнь свою обращает
К пастуху горы Белой:
«Гей, пастух горы Белой,
Что скажу, то и делай!
Ты пришельцам навстречу
Выйди с ласковой речью.
Ты не шли им проклятья,
А скажи: «Мои братья».

За твоею отарой
Валух тащится старый.
Ты возьми и зарежь его.

Их корми, сам не ешь его.
Будет мясо им ядом,
А конец будет адом!»

Надуваясь от злости,
Скачут черные гости.
Их пастух горы Белой
Ждет с улыбкой несмелой:
«Ой, сумею ли, братья,
Вас как должно принять я?»

Ой, пастух горы Белой
Занимается делом.
Вот он валуха ловит,
Суп гостям он готовит.
Варит суп в казане
Не на сильном огне.

Ой, пастух горы Черной,
Ой, пастух горы Белой
На свирелях играют,
Пот со щек утирая.
Бродят, бродят отары,
Бредят, бредят алдары,
На траве умирая.

312. ПЕСНЯ О ТАЙМУРАЗЕ

Ой, дзицца, на краю селения
Из ружья застрелил оленя я,
Застрелил я оленя рогатого —
Кабардинского князя проклятого.

К нам князья кабардинские прибыли
Дань взимать и считать свои прибыли.
Закричала мне знать полупьяная:
«Не уйдешь ты, дзигло поганое!»

Я сказал им: «Князья благородные,
Вы с дороги, поди, голодные.
Заходите пока, пообедайте,
Моего шашлыка отведайте!»

Рассердились князья кабардинские:
«Нам противны слова твои свинские.
Всё здесь наше: бараны, быки твои,
Шашлыки твои и кишки твои!»

Я сказал им: «Князья благородные,
Вы загнали нас в горы бесплодные,
Но и здесь вы житья не даете нам,
Не с добром, князья, вы идете к нам».

Еще утром надел непробитую
Я черкеску, матерью сшитую,
И ружье свое взял кремневое,
Ненадежное и не новое.

И подумал я: «Ой, упрямая,
Пожалела корову родня моя.
Я бы продал ее не задешево —
Взял ружье у купца хорошего.
Не скотину родня пожалела бы,
Сиротину меня пожалела бы.
Всё равно ведь придется забить ее,
На поминках моих сварить ее».

Так подумал я и прицелился,
Быть в живых уже не надеялся,
Но в то утро ружье кремневое
Било, старое, словно новое.

Вдоль Кобани, где волны белые,
Горько ехать князьям-грабителям,
Едут, плачут они, несмелые,
Над убитым своим предводителем.

313. ПЕСНЯ ПРО МИСИРБИ КАРАДЗАУТИ

Что за чудо: погожим днем
В Алагирском ущелье — гром.
Гром грохочет, не унимается.
Ой, в ущелье гремит не гром —
Мисирби за чужим добром
К Алагирским горам пробирается.

Белый весь с головы до ног,
Иногда Илия-пророк
В небесах грозой разражается.
Но сейчас гремит не гроза,
А хромой Кубадти Бекмирза
Грозной удалью похваляется.

Вместо сердца с камнем в груди
Мисирби летит впереди.
На грабеж спешит, ухмыляется.
Всадник, скачущий впереди,
Ты не радуйся, погоди,
Не случилось бы после каяться.

Всадник, скачущий впереди,
За чужое добро плати.
Ты трофея не взял богатого,
Получил ты, чего не ждал —
Пулю в голову, в грудь кинжал
Бедняка Кудзага Зембатова.

314. ПЕСНЯ О ЦАРАЕ ДАБАЛАЕВЕ

Ой, в Дигории с былых веков
Кубатиевы, до денег жадные,
За луга Хареса с бедняков
Собирали подати изрядные.

И на этот раз князя опять
Налетели на Харес как вороны,

Чтобы из баранов лучших взять,
Взять быков, что лучше всех откормлены.

Гей, Царай об этом услышал.
Он, бедняк из рода Дабалаева,
Черный свой оттачивал кинжал,
Отточил почти что добела его.

«Что ж сидите, парни наших гор,
Что молчите, удалцы окрестные?
Чем сидеть, всю жизнь терпеть позор,
Лучше умереть за дело честное».

Гей, Царай настиг князей в лесу
И кинжалом острым, шашкой смелую
Кубатиева Хаджи-Муссу
Изрубил, как тыкву недозрелую.

Гей, Цараю говорят друзья:
«Лучше в землю убежать неблизкую.
Злобны Кубатиевы князья,
Здесь тебя найдут, повсюду рыская».

По Дигории назад идут
В край родной бесславные воители.
На руках Хаджи-Муссу несут —
Своего бывшего предводителя.

А Царай кричит им из-за скал:
«Ой, князья, охотники хорошие,
Бог вам дичь немалую послал,
Только обошлась она не дешево.
Пусть дорога будет вам легка.
Ну, а если вновь сюда придете вы,
С божьей помощью наверняка
Дичь еще крупнее унесете вы».

И ответ Цараю был таков:
«Никогда, ой, человек отчаянный,
Ворон не ловил перепелов,
А на этот раз поймал нечаянно».

Как бы ни было, но с этих пор
Не совались к горцам их хозяева,
И благословляли люди гор
Славного Царая Дабалаева.

315. ПЕСНЯ ОБ АЛИХАНЕ ЦОРАЕВЕ

Гей, Цораев Алихан усталый
Пас табун Ботасовых немалый,
Среди табуна сидел, дремал.
Алихан не продремал и часа,
Прибежал Елбыздыко Ботасов.
«Скакуна поймай-ка», — он сказал.

«Сам поймай, поди не мальчик малый», —
Так табунщик отвечал бывалый
Парню из Ботасовых сынков.
Тот вспылil, побагровел мгновенно:
«Ты забыл, наверно, раб презренный,
Кто я есть и сам ты кто таков!»

Отвечает Алихан Цораев:
«Молод ты, и я тебе прощаю».
Парень побежал, заголосил:
«Оскорбил меня табунщик мерзкий,
Он побил меня и речью дерзкой
Славный род Ботасов очернил!»

Старый князь ругался, бесновался.
Сел в седло, к табунщику помчался:
«Берегись, презренный из рабов!»
Но сказал табунщик непокорный:
«Хоть ты князь, а я лишь раб твой черный,
Не прошу тебе я этих слов».

Старый князь нагайкой замахнулся.
Говорят, табунщик увернулся,
Он обидчика с коня стащил
И своим отточенным кинжалом
Тело князя старого достал он,
Как большую тыкву искрошил.

316. ПЕСНЯ О БОТАЗЕ

В табуне проржал два раза
Жеребенок под горой.
Словно бык, ружье Ботаза,
Словно бык, ружье Ботаза
Раз взревело и другой.

Ой, отару в день дождливый
Скрыл чабан под сенью скал.
Ой, Цереков, пес пугливый,
Ой, Цереков, пес трусливый,
От Ботаза убежал.

Ой, в Хилаке как-то сразу,
Говорят, трава сошла.
Кто-то, говорят, в Ботаза,
Кто-то, говорят, в Ботаза
Выстрелил из-за угла.

В пропасть, говорят, упала
Лань, красива и стройна.
Кровь Ботаза зажурчала,
Кровь из раңы побежала,
Потекла красным-красна.

Чабаны с лугов далеких
Гонят стадо вниз с горы.
С горя рвут ногтями щеки,
Рвут свои ногтями щеки
Две Ботазовых сестры.

Малый сосунок остался
Лани, что мертва лежит.
Ой, грудной сынок остался,
Сиротой сынок остался,
У Ботаза сын остался.
Подрастет он, отомстит.

317. ПЕСНЯ О ТОТРАДЗЕ БЕРОЗОВЕ

Приуныли в горах бедняки:
Ни зерна у них, ни муки.
Ой, тох ама тох!
Пригорюнился в черный час
Старый горец Берозов Тотрадз.
Ой, да поможет бог!

Снарядился и кое-как
В дальний путь пустился бедняк.
Ой, тох ама тох!
Он детей в мешок посадил,
А мешок на спину взвалил.
Ой, да поможет бог!

На земле не мало земель,
Шел Берозов Тотрадз в Гизель.
Ой, тох ама тох!
Но в Гизели живут гордецы,
Богатеи живут и скупцы.
Ой, да поможет бог!

Не пригрели они бедняка,
Пожалели ему куска.
Ой, тох ама тох!
Будь ты проклят, богатый аул,
И пошел Тотрадз в Заманкул.
Ой, да поможет бог!

В Заманкуле — житье не рай,
Но живет там Кусов Касай.
Ой, тох ама тох!
Хоть и сам Касай не богат,
Но всегда человеку рад.
Ой, да поможет бог!

Бедняка Касай не прогнал,
Он детей бедняка приласкал.
Ой, тох ама тох!
Он сказал: «Будешь этот год

Ты пасти заманкульский скот».
Ой, да поможет бог!

В Заманкуле Тотрадз живет,
Заманкульских овец пасет.
Ой, тох ама тох!
Он пасет заманкульский скот,
Чтоб своих прокормить сирот.
Ой, да поможет бог!

Как-то раз Берозов Тотрадз
Возле речки отары пас.
Ой, тох ама тох!
Пас отары — да вдруг беда:
Богатеи пришли туда.
Ой, да поможет бог!

Говорят они: «Эй, Тотрадз,
Видишь, свадьба сейчас у нас!»
Ой, тох ама тох!
Засмеялись алдары зло:
«Будешь дружкой ты, дзигло!»
Ой, да поможет бог!

Говорит бедняк богачам:
«Я, князья, благодарен вам!
Ой, тох ама тох!
Но для дружки я слишком старый,
И нельзя мне оставить отары».
Ой, да поможет бог!

Богачи — горячий народ,
Разозлятся — кинжалы в ход.
Ой, тох ама тох!
Есть кинжал и у бедняка,
Потянулась к нему рука.
Ой, да поможет бог!

Пал богач, и другой убит,
И бедняк на траве лежит.
Ой, тох ама тох!

Кровь Тотрадза рекой течет,
Кто пригреет его сирот?
Ой, да поможет бог!

318. ПЕСНЯ ПРО САЛА ГАГЛОЕВА

Серый волк в Кударских кручах
Пусть не причинит нам зла.
Будь всегда благополучен
Путь Гаглоева Сала.

В чаще горной, в чаще черной
Дуб растет — толста кора.
Ни суки его, ни корни
Не боятся топора.

На одном корню над кручей
Сразу два растут ствола.
На одном плече могучем
Двух врагов несет Сала.

319. ПЕСНЯ О САУКУДЗЕ БЕКУЗАРОВЕ

Что вы ждете меня, Габановы?
Что задумали, или пьяны вы?
Не держите меня, Габановы,
Пропустите меня, Габановы.
Вниз, в долину, спешу спуститься я.
За зерном иду, за пшеницей я.
Говорят, на базаре Унала
На пшеницу цена упала.

Не держите меня, Габановы,
Пропустите меня, Габановы.
Не шутите, князья благородные,
У меня семья, все голодные.
С вами бой начать как-то боязно,
А назад бежать, право, совестно.

Надо вниз побыстрей спуститься мне,
На базаре купить пшеницы мне.
Далека без коня дорога,
Пропустите меня, ради бога.
Вы зачем меня окружаете,
Не пускаете, круг смыкаете?
Я бедняк, но оружие дедово
Берегу-храню, унаследовав.
Сталь кинжала пока не зазубрена,
Не одна душа им загублена.

Кто расскажет Габановых племени,
Как погибли отцы их без времени,
Как о скалы Кобани голые
Разлетелись Габановых головы?

Ой, враги мои, притеснители,
Слишком злые были и гордые.
Земляки, вы меня простите ли?
Не судите меня, люди добрые!

320. ХАСАНА́

Соламана бедная вдовица
В темный лес ушла, чтоб там укрыться.
От князей Мулдаровых ушла,
В лес забила, говорят, вдовица,
Чтобы от убийц оборониться,
Чтобы схорониться ото зла.

Говорят: убили Соламана
Люди из мулдаровского клана.
Скрылась Соламанова жена.
На земле одно ей было мило:
Сына-сироту она растила.
Годы шли, и вырос Хасана.

Говорят, он сильный был и ловкий,
Метко бил он из своей кремневки,
По лесам бродил и, говорят,

Появился как-то в чаще горной,
Средь чинаров черных, сердцем черный,
Черный волк Мулдаров Кудайнат.

Соламана ни за что убивший,
Бедную вдовицу оскорбивший,
Шел со сворой черной черный князь.
Хасана им не чинил помехи,
Он нашел отцовские доспехи,
К черной своре вышел не боясь.

Ой, не зря он за оружие взялся,
Против сотни он один сражался,
Многих из Мулдаровых убил.
Но и сам, кинжалом пораженный,
Распластался на траве зеленой,
Навсегда глаза свои закрыл.

321. КУЦЫК

— Там, Куцык, стряслась беда.
Ты скорей беги туда, ой,
Уарайда, уарира,
Рирасса, уарайда, ой!

Ой, Куцык, враги сильны.
Ой, угонят табуны, ой!
Ой, Куцык, врагов не счесть.
Кто спасет добро и честь, ой?

Ты с женою спишь, джигит,
С головою ты накрыт, ой.
Ты накрыт, чтоб крепче спать,
Чтоб тревоги не слышать, ой.
Но позорно почивать,
Если надо в бой скакать, ой.

Кто бегом, а кто верхом —
Все помчались за врагом, ой.

Но быстры враги, сильны, —
Пропадают табуны, ой.

И тогда в счастливый миг
Ото сна восстал Куцык, ой.
Со стены кремневку снял,
Саулоха оседлал, ой.

Воров удалой Куцык
За большой горой настиг, ой.
Сто врагов лихих убил,
Табуны у них отбил, ой.
Белый снял с себя башлык,
Раны завязал Куцык, ой.
Саулоху он сказал:
«Дело плохо», — он сказал, ой.

Наземь бурку расстелил,
Лег и дух он испустил, ой.
Уарайда, уарира,
Рирасса, уарайда, ой.

322. ПЕСНЯ ПРО ГУЙМАНА ЦАЛКОСОВА

Говорит Асмаил друзьям:
«За чужим скотом поохотимся,
По дигорским горам и лесам
Погуляем да и воротимся!»

Вот в горах, где дорожка узка,
Видят всадники седоволосого
На дигорской арбе старика,
Бедняка Гуймана Цалкосова.

Нет, не баловень он судьбы,
Одежонка его заплатана,
И ружьишко на дне арбы
Под соломой лежит, припрятано.

«Эй, старик, будь здоров! — говорят
Лиходеи и смотрят загадочно. —
Распрягай-ка волов, — говорят, —
Послужили тебе достаточно!»

Бедный путник лихих людей
Просит слезно и молит жалостно:
«Восемь душ у меня детей.
Не губите меня, пожалуйста!»

Но хромой Асмаил суров,
Он смеется, мол, всё перемелется,
И родившие этих волов
Не однажды, бог даст, отелятся!

Проклинает старик судьбу,
А разбойники не унимаются,
Валят набок его арбу
И волов угнать собираются.

Без скотины старик пропадет,
Но в удаче он не разуверился.
Он ружье из арбы достает,
Раз пальнул и в другой прицелился.

Головой Асмаил поник.
Испугались его приятели:
«Не губи нас, прости, старик,
Дома ждут нас отцы и матери!»

Он смеется: «Не жалко мне вас,
Не беда, что умрете без времени.
Ваши матери еще не раз
Разрешатся, бог даст, от бремени!»

323. ПЕСНЯ ПЕРЕСЕЛИВШИХСЯ В СТАМБУЛ

Гуд-гуды-гудала,
Гуд-гуды-гудала,
К бедным, к нам беда пришла,
К бедным, к нам беда пришла.
С нами ласков был Мусса,
С нами ласков был Мусса,
Он сулил нам чудеса,
Он сулил нам чудеса.
Мол, немало там зерна,
Мол, навалом там зерна,
В каждой чашке тесто,
А от чашек тесно.
За пашу, мол, отдана,
Будет с честью отдана
Каждая невеста,
Бедная невеста.

Ой, Мусса, куда идти
Нам, Мусса, куда идти?
Надо же куда-то
Нам идти куда-то.
Но не знает сам пути,
Не покажет нам пути
Генерал проклятый,
Генерал проклятый.
Обещал, когда нас вел,
Обещал, когда нас вел,
Ото всех избавить зол,
Нас от всех избавить зол.
Нас ты не избавил,
Нас ты не избавил.
Чтоб, Мусса, твой сын подох,
Чтоб, Мусса, твой сын подох.
Сам чтоб был здоровьем плох,
Чтоб ты был здоровьем плох.
Зол ты нам прибавил,
Много нам прибавил!

324. ПЕСНЯ ПРО НИКОЛАЯ

В начале мая,
В начале мая
В ущелье козлик больной остался.
У Николая,
У Николая
Сыночек дома грудной остался.

Шутя-играя,
Шутя-играя,
Гориец домик в горах поставил.
Нож Николая,
Нож Николая
В ад генералов пять душ отправил.

Враги пальнули,
Враги пальнули,
И дым над серой скалой остался.
Сынок в ауле,
Сынок в ауле
У Николая грудной остался.

Пастух весною,
Пастух весною
В горах, в снегах одинок остался.
Ой, сиротою,
Ой, сиротою
У Николая сынок остался.

325. ПЕСНЯ О КОСТА

Косарю мы всем селом
Луг скосить поможем.
О Коста — певце своем
Нынче песню сложим.

Вражьи рати неспроста
Крепостей боятся,

Богатеи слов Коста
С давних дней боятся.

Пашни нарские узки
И нещедры летом.
К свету вышли бедняки
За своим поэтом.

Дому с крышей устоять
Без стропил едва ли.
Нашего Коста опять
В край чужой сослали.

Захотим чувяки сшить —
Кожи нам не хватит.
Сил, чтоб нас остановить,
Палачам не хватит.

Белый лебедь не речной
В реку заплывает.
О Коста народ простой
Песни распевает.

Бурка черная Коста
Вьется над горами.
Слово гордое Коста
С нами, бедняками.

326. ПЕСНЯ ОБ АНТОНЕ

Что-то сытые пары
По дорогам не скачут.
Что-то наши алдары
Не смеются, а плачут.

В Куд дорогою старой
Ехать больше недели.
Видно, наши алдары
Неспроста присмирели.

Над горой, над рекою
Тучи — полнебосклона.
Прямо в сердце людское
Входит слово Антона.

По тропе, по мосту ли
Он проходит, и градом
Пулеметные пули
Где-то падают рядом.

Речь Антона не даром —
И призыв и проклятье.
«Мстить за горе алдарам
Поднимайтесь, о братья!»

Арбы джавские шатки,
Запряжем их волами.
Снимем с недругов шапки
Вместе с их головами.

327. ПЕСНЯ О КАРПАТАХ

Люди, прощайте, нас предали, продали.
Царь задолжал, и в уплату нас отдали.
Царь задолжал, и пошли за долги
Наши печенки и наши кишки.

Мы не вернемся, родные и близкие, —
Пуль не жалеют солдаты австрийские,
Черный, железный не ждет паровоз,
Ваших не слышит проклятий и слез.

Тянутся, тянутся рельсы железные.
Жены и матери наши любезные,
Кто нас, убитых, омоет водой?
Кто нас, забытых, покроет землей?

Кто нас оплачет? Война над покойными
Плачет орудиями дальнобойными,
Воют орудья и ночью и днем,
Мертвых солдат омывают огнем.

Платим мы, платим, могил прибавляется,
Да непохоже, что долг уменьшается.
Гонят опять бедняков на войну,
Кровью платить за чужую вину.

Горы проклятые, горы Карпатские,
Вы превращаетесь в кладбища братские.
Ой, не ходите, друзья, в этот ад,
Нету отсюда дороги назад.

328. БОЕВАЯ ПЕСНЯ

Мы — горская беднота,
Мы — горская темнота

Мы к счастью рвемся
И к светлой доле.

С врагами бьемся
На бранном поле.

Горят равнины,
В горах пожары,

Нам целят в спины
Враги алдары.

Но твердым шагом
Идем сквозь пламя,

С победным стягом
По полю брани.

Идем, мечтаем
О доле лучшей

И стяг сжимаем
Рукой могучей.

329. ПЕСНЯ ОБ ИСАКЕ

— Довольно, друзья, мы страдали в бессилье, —
Исак говорит.
— Довольно на шее ярмо мы носили, —
Исак говорит.
— Идут полосами поля Сачхерета, —
Исак говорит.
— Мы к свету стремимся, нельзя нам без света! —
Исак говорит.

— Проклятых алдаров поганые рожи, —
Исак говорит,
— На жирные свинские рожи похожи, —
Исак говорит.
— Князьям свиномордым — позор и проклятье, —
Исак говорит.
— У белых оружие мы отняли, братья, —
Исак говорит.
— Довольно, товарищи, спины мы гнули, —
Исак говорит.
— Свобода иль смерть! — погибая от пули,
Исак говорит.

330. ПЕСНЯ ПРО ХАМИЦА КОРНАЕВА И САДУЛА КОДЗАСОВА

Ночью и днем полыхает пожарище,
Ой, окликает товарищ товарища:
«Вряд ли мы в этом бою устоим,
Что сыновьям мы оставим своим?»

Рельсы железные, шпалы дубовые.
Бьются товарищи, к смерти готовые.
«Слушай, Хамиц, — говорит ему друг, —
Белые близко, сужается круг».

Валятся в чаще деревья могучие,
Рвутся их корни, ломаются сучья их.

«Брат мой Садула, мы здесь за селом
Кровью зальемся и с честью умрем!»

Осенью речка Урсдон многоводная.
Знает Садула — борьба не бесплодная.
Он перед гибелью трех человек —
Трех богачей — успокоил навек.

Ой, в Карагасе есть мельница новая,
Каменный жернов, а крыша тесовая.
«Кто из живущих, — Хамиц говорит, —
Недругам нашим за кровь отомстит?»

Ташатся арбы, колеса вращаются.
Шепчет Садула, он с жизнью прощается:
«Верят еще, что вернусь я назад,
Старая мать и жена Салимат».

Поезд стоит у вокзального здания.
Шепчут герои, теряя сознание:
«Спойте возлюбленным и матерям
Грустную песнь, посвященную нам».

331. КЛЯТВА

Много до Ленина умерло мудрых людей, —
Ленина смерть ужаснула сердца.
Шли мы за гробом, склоняя знамена, —
Люди не помнят мороза лютей.

Вечером солнце под землю уходит,
Осенью в поле чернеет трава.
Всё изменяется, всё проходит,
Но память о Ленине будет жива.

Мы покидали овечьи отары,
Шли по горам мы, сквозь бурю и снег,
Вдоволь поплакать у тихой гробницы,
Где погребен дорогой человек.

Горные тропы обледенели,
Градом нас било, пургой замело...
Небо померкло, но шли мы к цели.
Нам Ленин оставил свое тепло.

Осенью в поле чернеет зелень,
В небе за облаком гаснет звезда,
Но имя прекрасное, доброе — Ленин —
Разве забудется когда?

332. ПЕСНЯ ОБ ИССЕ ПЛИЕВЕ

Гряда Кавказских гор,
Цветущих нив простор
Тревогою полны —
Им слышен гром войны.
Там, где горят леса,
Дерется наш Исса, —
Он смел, горяч в бою
За родину свою.
Там, у сожженных сел,
Бесстрашный наш орел
Полки свои ведет,
Громит фашистский сброд.
В огне, в дыму атак
Не дрогнет наш земляк,
Солдаты им горды —
Недаром две звезды
Он носит на груди...
Иди ж вперед, иди,
Отчизны сын родной,
Наш брат, Исса-герой!

333. ПЕСНЯ О ТАМАРЕ БУДТУЕВОЙ

«Прощайте, снежные вершины,
Прощай, родной Кавказ! —
Сказала, отчий дом покинув,
Тамара в грозный час. —

Пусть день и ночь грохочут пушки —
С пути я не сверну.
Пишите чаще мне, подружки!
Иду я на войну.

Пусть молоко моей родимой
Отравой станет мне,
Коль не отдам стране любимой
Всех сил я на войне! . . .»

Ты мужество вливать умела
В солдатские сердца,
На боевом посту ты смело
Стояла до конца.

И ты сказала, умирая:
«Придет победы час! . . .»
Живи, подруга боевая,
Живи в сердцах у нас!

334. ПЕСНЯ ОБ ЭНВЕРЕ АХСАРОВЕ

Шли на Харьков воины с востока;
Защищаясь, бился враг жестоко;
Дым боев окутал Украину. . .
Генерал сказал тогда, как сыну,
Своему любимцу-офицеру —
Доблестному коннику Энверу:
«Час настал, герой! Назад — ни шагу.
Я надеюсь на твою отвагу». —
И огнем зажегся взор орлиный,
И в атаку ринулись лавиной,
Шашками врагов разя с размаха,
Конники, не знающие страха. . .
Был Энвер лихим кавалеристом,
Головы срубил он двум фашистам,
Крикнул гневно: «Будь вы с головою —
Не пошли б на наш народ войною!»
Взор его пылал священной местью,
Долг солдата выполнил он с честью. . .

Ой, не тучи небо затянули —
Завизжали вражеские пули;
Ясный полдень стал темнее ночи —
Наш орел сомкнул навеки очи.
Но героя чтит страна родная,
В песнях он живет, не умирая.

335. ПЕСНЯ О ДЗАНДЗИРАК

Ой, Камата, Камата горная,
Водой белая, землей черная.
Ой, каматцы — люди упорные,
Сердцем смелые, нравом гордые,
Лицом белые, душой черные.

И водою Камата славится,
И красою одной красавицы.
Где жена, кем Камата славится,
Где ж она — Дзандзирак-красавица?
Не догнать, не напасть на след ее,
Не сыскать, потому что нет ее:
Упокоил ее навек
Самый близкий ей человек.

По навету Артуда Малсаева
Муж ревнивый порой полночною
Бросил в реку жену, а жена его
Невиновной была, непорочною.

Вдалеке, у холма Хоргонского,
Ребятишки идут из рощицы,
А в реке у моста Айгомского
Косы длинные чьи-то полощутся.

В Голгазан текут реки горные.
Над водою кружатся вороны.

Расплетает вода косы черные,
Разметает их на две стороны.

По коварному наущению
Не стремитесь, мужья, к отмщению,
Не губите подруг своих преданных,
Оклеветанных или преданных.

336. ПЛАЧ СОФЬИ

Друг другу дали слово мы на счастье,
И души мы соединили, ой,
Но слово власти крепче слова страсти:
Слова отца нас разлучили, ой!

Два сердца наши — врозь, а были вместе.
Иду невестой к старику я, ой.
Хоть так не полагается невесте,
Я милого зову, тоскую, ой!

Я слезы лью, грущу, ищу Кассая.
Кричу, кричу, но нет ответа, ой.
Со мною ворон, а ждала орла я.
Кассай, орел мой, где ты, где ты, ой?

Гляжу я вниз на землю, в высоту ли —
Крыло орла висит в бессилье, ой.
Орел летел ко мне, да чьи-то пули
Его настигли и свалили, ой!

337. ПЕСНЯ ПРО ГАДЗИ

Обернулся Гадзи к жене.
«Ой, жена моя, ой, красавица,
Ты скажи, ненаглядная, мне,
Может, муж тебе твой не нравится?
Был плохим ли я мужем тебе?
Отвечай, как я нужен тебе?»

Ближе он подошел к жене.
А жена ему, побелевшему,
Шепчет ласково: «Нужен мне
Ты, как ветер косцу вспотевшему».

Тень коснулась его лица.
«Ой, не выйду с косою в поле я,
Ветер — много ли для косца?
И любовь твоя — ветер, не более.

Мне такая ты не нужна.
Я люблю тебя больше, чем ты меня.
Я продам тебя курду, жена,
Твоего и не вспомню имени!»

... Месяц, год ли прошел с тех пор,
Но однажды дорогой голою,
В зной Гадзи от подножья гор
Поднимался с ношей тяжелою.

И когда уж совсем изнемог
Бедный путник в жару постылую,
С гор подул на него ветерок,
И он вспомнил жену свою милую.

Вытер пот он, присел на склон.
Сбросил ношу свою проклятую
И сквозь слезы увидел сон —
Луг широкий, траву немятую.

Луг и луг, никого вокруг,
Косит он, а ему не косится.
А из Курпа далекий стук
Сердца милой к нему доносится.

Понял горец свою вину
И опять зашагал дорогою,
И похожую на жену
Лань увидел он тонконогую.

И косуля над крутизной
Возле толстой чинары срубленной

Показалась Гадзи женой,
Им загубленной, курдом купленной.

Пролегал через Терек путь.
Жалась к берегу утка белая.
А ему показалось: грудь
Обнажила жена белотелая,

Курду проданная жена его —
И беда его, и вина его.

338. ПЕСНЯ ПОХИЩЕННОЙ ДЕВУШКИ

Ой, куда, ой, зачем я шла?
Не пошла бы — не знала б зла.
Как мне, мамочка, быть теперь,
Как на свете мне жить теперь?

В поле всадники на конях.
Блещут сабли у них в руках.
Украдут они мамину дочь,
И никто мне не сможет помочь.
Плохо, мамочка, дело мое,
Скрутят белое тело мое.

Стану биться в руках чужих.
Свяжут руки мне, свяжут ноги.
Будут клочья волос моих
На колючках торчать у дороги.

Рукоделье осталось мое,
И белье мое, и посуда,
Ожерелье осталось мое,
Ненадеванное покуда.

Как схватили меня, увидал
Младший брат и в село помчался.
Старший брат за мной побежал,
Да убитым в кустах остался.

Ой, расскажет тебе родня,
Что меня увезли на чужбину.
Ты оплакивать станешь меня,
Будешь плакать по старшему сыну.

Как оплачешь ты, бедная мать,
Нас, потерянных в одночасье?
Что ты сватам сможешь сказать,
Тем, кому мы дали согласие?

Ой вы, всадники на конях,
Не меня вы украли — мой прах.
Ой, куда, ой, зачем я шла?
Не пошла бы — не знала б зла.

339. ПЛАЧ КУЦЫКОВОЙ ЖЕНЫ

Ой, мое жилище покосилось,
День померкнул, солнце закатилось.
Там, где раненым с коня упал,
Ждал ты, что я горною водою
Раны черные твои омою,
В смертный час меня ты призывал.

Черных ран твоих я не омыла,
Губ сухих водой не омочила.
Без меня ты в поле умирал.
О беде твоей я и не знала.
Я ждала, дверей не запирала,
Думала, придешь ты в час ночной.
Я не знала, что беда случилась.
Я и одеялом не накрылась,
Думала, что ляжешь ты со мной.

Как теперь, красивой, несчастливой,
Жить мне в этом мире, в жизни лживой?
Был ты для меня светлее дня,
Но колючки черные покрыли
Тропы, где с друзьями вы ходили.

На кого оставил ты меня?
Путь твой прежний станет целиною.
Там, где пасся конь порой ночью,
Вырастет бурьян да лопухи.
В нашей людной комнате гостиной
Потолок и стены паутиной
Черные затянут пауки.
Как я буду жить одна на свете,
На земле, где без тебя не светит
Ни луна, ни солнце надо мной?
Как едою буду насыщаться,
Как водою буду напиваться?
Лучше умереть бы мне самой.

340. ПЕСНЯ О ГУАССЕ

Ой, Гуасса, Гуасса-ниса,
Взгляд твой жаркий горит, как золото.
Ой, Гуасса, Гуасса-ниса,
Бело тело твое, как вата.

Ой, Гуасса, Гуасса-ниса,
Твои губы как солнце утра.
Ой, Гуасса, Гуасса-ниса,
Твои зубы — из перламутра.

Ой, Гуасса, Гуасса-ниса,
Твои косы как крылья птицы.
Ой, Гуасса, Гуасса-ниса,
Кожа гладкая золотится.

Ой, Гуасса, Гуасса-ниса,
Звонок смех твой и сладко слово.
Ой, Гуасса, Гуасса-ниса,
Обе груди твои медовы.

341. ПАРЕНЬ И ДЕВУШКА

- Покажи, красавица, мне косы.
- Молодец, не донимай меня.
Разве ты не знаешь, эти косы
Схожи с гривой черного коня.
- Покажи глаза — я их не вижу.
— Ты ли никогда не видел вишен?
Схожи с вишнями глаза мои.
- Я еще твоих бровей не видел.
Ты мне брови покажи свои.
- Разве, молодец, ты змей не видел?
Брови у меня как две змеи.
- Ты услышь мои мольбы напрасные,
Покажи свои мне щеки красные.
- Молодец, ты в сад пойдй скорей,
Яблоко найди, что всех красней.
Щеки у меня такие ж красные.
- Шейку покажи свою атласную.
- Разве ты не видел лебедей?
- Покажи мне губки, цвет их ал.
- Речь твою, джигит, мне слышать странно.
Или ты ни разу не видал
На базаре красного сафьяна?

342. ПЕСНЯ ПАРНЯ И ДЕВУШКИ

О н а

Стану, пожалуй, я
Рыбкою малою.
Терек сокроет мой след.

Он

Неводом стану я,
Рыбку достану я.
Что ты мне скажешь в ответ?

Она

Буду я смелою,
Горлинкой белою
В небе парить голубом.

Он

Я отыщу тебя,
Не упущу тебя,
Став быстрокрылым орлом.

Она

В чаще я старою
Сгану чинарою,
Ветви взовью до небес.

Он

Я, твой возлюбленный,
Сталью зазубренной
Стану и вырублю лес.

Она

Если я колкою
Стану иголкою,
Матери в платье воткнусь?

Он

Ниткою шелковой
Вденусь в иголку я,
Вслед за тобою пущусь.

Она

Если со временем
Стану я семенем,
В поле я буду лежать?

О н

Стану я птицею,
В поле пшеницу я
Буду искать и клевать.

О н а

Если весною я
Стану больною я,
Таять начну, как свеча?

О н

Стану аптекарем
Или же лекарем.
Ты не прогонишь врача.

О н а

Если, несчастная,
Всё же угасну я,
Что будешь делать тогда?

О н

Вырою, милая,
В поле могилу я,
Вместе сойдем мы туда.

343. ПЕСНЯ О САМОЙ ЛУЧШЕЙ ДЕВУШКЕ

Ты темнокудра, моя дорогая,
Доброго утра тебе я желаю.
Взгляд твой горит, как у серны в тумане
Черной горы.
Брови дугой у тебя, как у лани
Белой горы.

Ты темнокудра, моя дорогая,
Доброго утра тебе я желаю.
Взгляд твой лукавостью лисьей светится
Ранней весной.

Косы твои словно шерсть у медведицы
В чаще лесной.

Ты темнокудра, моя дорогая,
Доброго утра тебе я желаю.
Плавню идешь ты. Так пава вдоль берега
Плавню идет.
Гордо идешь ты. Так лебедь по Тереку
Гордо плывет.

Ты темнокудра, моя дорогая,
Доброго утра тебе я желаю.
Тонок твой стан, как у тоненькой ясочки,
Бегущей по белой горе.
Губы твои словно крылышки ласточки,
Летящей на ранней заре.

Ты темнокудра, моя дорогая,
Доброго утра тебе я желаю.

344. ТАУЧЕ

Красавица Тауче,
Ой, урайда Тауче.
Всем нравится Тауче,
Ой, урайда Тауче.

Белошея Тауче,
Ой, урайда Тауче.
Всех скромнее Тауче,
Ой, урайда Тауче.

Черноброва Тауче,
Ой, урайда Тауче.
Звонко слово Тауче,
Ой, урайда Тауче.

Тонок стан у Тауче,
Ой, урайда Тауче.

Есть изъян у Тауче,
Ой, урайда Тауче.

Что ж плохого в Тауче?
Ой, урайда Тауче.
Ждет другого Тауче,
Не меня ждет Тауче.
Ой, урайда Тауче.

345

Как я начал на свадьбах гулять,
Ой, дуб мой зеленый,
Стал красавиц красу замечать,
Ой, дуб мой зеленый.

Стал красавиц красу замечать,
Ой, дуб мой зеленый,
Стал невесту себе выбирать,
Ой, дуб мой зеленый.

На красавиц смотрел как жених,
Ой, дуб мой зеленый,
И одну приглядел среди них,
Ой, дуб мой зеленый.

Всё узнала избранницы мать,
Ой, дуб мой зеленый,
Стала к свадьбе добро припасать,
Ой, дуб мой зеленый.

Всё узнал и невестин отец,
Ой, дуб мой зеленый,
Запросил и коров и овец,
Ой, дуб мой зеленый.

А узнала невеста — слегла,
Ой, дуб мой зеленый,
Жизнь кляла, горько слезы лила,
Ой, дуб мой зеленый.

К сырой земле орешник клонится,
 Мороз побил его весною.
 Напала на меня бессонница:
 Любовь моя тому виною.

В потоке черном — камни белые.
 Я воду пил — не мог напиться.
 Черна ты бровью, белотелая,
 В тебя я мог ли не влюбиться?

Тифлисец пьет вино задешево,
 С бочонком он не расстаётся.
 Знать, вместе нам, моя хорошая,
 И жить и умирать придется.

Купил уздечку у цыгана я, —
 Надул меня, узнал я поздно.
 Я полюбил тебя, желанная, —
 Ты нам родня, узнал я поздно.

Узнал я не без удивления,
 Что топоров не держат в Потии.
 Твой муж глупее всех в селении.
 Не знаю, как вы с ним живете.

В Дзوماге жители хваленые
 На склонах камни пашут плугом.
 Всезнайки — женщины ученые
 Дерутся за мужчин друг с другом.

Я шел вдоль речки по течению,
 Воды спокойной не нашел я.
 Искал, объездил все селения,
 Жены достойной не нашел я.

В чужом краю источник славится
 Водой своей, в которой сера.
 Ей-богу, ты, моя красавица,
 Святее ангела из Джера.

Кто-то за лисицей гонится,
 Чтоб мех не унесла.
 Парень за девицей гонится:
 — Сердце ты мое взяла!

Если в лавке что понравится,
 Так плати и забирай.
 Если душно здесь, красавица,
 Хочешь, в горы поезжай.

За тобою, чтоб схватить тебя,
 Погонюсь я налегке.
 Постараюсь убедить тебя,
 Стоя с шапкою в руке.

Свечка ль ты, скажи, молю тебя?
 Ива ли на берегу?
 Если ива, я спилю тебя,
 Если свечка — то зажгу.

Если в небе тучи с вечера,
 Пусть средь ночи дождь пойдет.
 Любишь — так бояться нечего,
 Время, девушка, не ждет.

348. ПЕСНЯ О МОЕЙ МИЛОЙ

Стаей утки в Тереке сбиваются, —
 С чайкой быстроекрылой им сравниться ль?
 На лужку красавицы собираются, —
 Ой, с моею милой им сравниться ль?

На опушке лес вали, коль сила есть.
 В чаще лес рубить одно мученье.
 Замуж за меня не хочет милая:
 Мол, живу не на краю селенья.

Ой, в реке Гизели камни белые,
Бережок вода под ними точит.
Осаждают мать джигиты смелые,
Дочка никого и знать не хочет.

Выросла фасоль, срослась с подпоркою,
Им уж никогда не разлучиться.
Как мне быть с моей любовью горькою,
С ней мне, — ой, беда, — не разлучиться.

349. ЧТО МНЕ ДЕЛАТЬ?

Что же, зорька моя, ты со мной не мила?
Со злосчастной судьбой что мне делать?
Из чужого селенья пролетка пришла,
Ой, пришла за тобой, что мне делать?

Свет мой, солнце мое, пролетел целый год,
Ночь и день, день и ночь, что мне делать?
Я люблю, а другой тебя в жены берет.
Бигулатовых дочь, что мне делать?

Ты уходишь, мой свет, — как мне жить
в темноте?

Ты клялась и божилась, ей-богу...
Что людские слова, если скалы и те
Люди рушат, чтоб строить дорогу!

С кем идешь, на кого ты меняешь меня?
Покидаешь меня, что мне делать?
Я пошел бы в Сагол, да не пустит родня.
Одному, без коня, что мне делать?

Все теперь подшутить норовят надо мной.
Что могу предпринять я, что сделать?
Может, я согрешил, и висит надо мной
Чье-то злое проклятье, что делать?

Если б мне золототкач соткал
Пояс с пряжкой золотою,
Если б та, какую пожелал,
Стала бы моей женою!

Пей вино, зачем ты воду пьешь?
Пей, оно воды не хуже.
Что ж ты к мужу, не ко мне идешь?
Хуже ль твоего я мужа?

Ой, на стоге черное руно,
А внизу ручей струится.
Верь мне, быть тому, что суждено,
Покорись, моя царица.

Там вода горька, там солона.
Ты куда свой путь направишь?
Коль случилось что иль в чем грешна,
Так уж дела не поправишь.

В лавке у купца стоят весы, —
Пусть прикинет, сколько вешу.
Горе на душе моей красы, —
Чем смогу, ее утешу.

ЗАСТОЛЬНЫЕ, ПЛЯСОВЫЕ И ШУТОЧНЫЕ ПЕСНИ

351. ПЕСНЯ, ОБРАЩЕННАЯ К САТАНЕ

Будь к нам, Сатана,
Добра, Сатана, гей!
Дай нам барана,
Пора, Сатана, гей!
Пусть же будет помазан жиром
Олибах, начиненный сыром, гей!

Будь к нам, Сатана,
Добра, Сатана, гей!
Дай нам барана,
Пора, Сатана, гей!
Дай, Сатана, шашлык румяный
И бутылки наливки пьяной, гей!

Будь к нам, Сатана,
Добра, Сатана, гей!
Дай нам барана,
Пора, Сатана, гей!
Гей, хвалу мы к тебе возносим,
Сладких яств и хмельного просим, гей!

352. ВЫЙДИ, ХОЗЯИН

Гости

Гости — посланники господа бога!
Выйди, хозяин, стоят у порога
Гости хорошие, гости хорошие!

Хозяин

Видеть я рад вас под собственным кровом,
Быть вам подольше живым и здоровым,
Гости хорошие, гости хорошие!

Гости

Пусть твое счастье, хозяин, продлится.
Что ты нам дашь — возместится сторицей,
Ибо не просто гостям угодить,
Досыта их накормить, напоить.
Если хозяин гостям угодит,
Всё, что он отдал, господь возместит.

353. СЧАСТЛИВАЯ СЕМЬЯ

Сто человек с топорами пришли,
Сто человек с молотками пришли.

Дом бедняку в Зурникоме сложили,
Лес для него в Растикоме валили.
Сосны спилили — водою спустили,
Рейки и тес на плечах притащили.

Бедные люди построили дом
Для человека, что был бедняком.

Золото с цинком пустили над дверью,
Стены одели в павлиньи перья,
Стекла везли из далекой земли,
Шелковым веником пол подмели.

Есть там фонтан из камней драгоценных,
Есть и казан на цепях тыщезвенных.
Варится жирный баран в казане,
Жарится жирный шашлык на огне.
В доме всегда оживленье и чад.
Старший молчит, домочадцы шумят.

Пусть обитателям этого дома
Будет удача и радость знакома.

334. ПЕСНЯ ЧАШИ

На пути в Тифлис лежит Дарьял...
Чашу осуши во славу нашу.
Если б наш кувшин не иссякал!
Чашу осуши во славу нашу.

Пересохнет без дождей река,
Чашу осуши во славу нашу.
Что ж не пьешь, иль чаша велика?
Чашу осуши во славу нашу.

На столе фасолевый пирог.
Чашу осуши во славу нашу.
Даст тебе хозяйюшка кусок.
Чашу осуши во славу нашу.

Ой, в Ганаз-ауле дом Кута.
Чашу осуши во славу нашу.
Пьешь ты, пьешь, а чаша не пуста.
Чашу осуши во славу нашу.

На лугу барашек молодой...
Чашу осуши во славу нашу.
Пей еще, а после с ног долой.
Чашу осуши во славу нашу.

Ой, в пастушьей сумке бок козла.
Чашу осуши во славу нашу.
Разве мы тебе желаем зла?
Чашу осуши во славу нашу.

За водою ходят в Зарамаг.
Чашу осуши во славу нашу.
Не вода у нас, мы пьем арак.
Чашу осуши во славу нашу.

До старинной башни не дойдешь.
Чашу осуши во славу нашу.
Если весел гость, так и хорош.
Чашу осуши во славу нашу.

355. ЦОЛА

Ой, Цола, Цола гулять не ходит.
Там, в селе, веселье, там похмелье.
Где-то свадьба, где-то новоселье.
Никуда Цола, Цола не ходит.

Ой, Цола, Цола гулять не ходит.
На его бешмете белый пух.
На макушке шапка, что лопух.
Никуда Цола, Цола не ходит.

Ой, Цола, Цола гулять не ходит.
На его плечах висит черкеска,
Вся в жиру, заношена до блеска.
Никуда Цола, Цола не ходит.

Ой, Цола, Цола гулять не ходит.
Только к теще ходит, там, в гостях,
Ест яичницу и олибах.
Ну а больше никуда не ходит.

Ой, Цола, Цола гулять не ходит.
Он на сундуке своем сидит,
Целый день богатство сторожит,
Потому он никуда не ходит.

Ой, Цола, Цола гулять не ходит.
Что ж там за сокровища лежат?
Нож тупой да бритва, говорят.
Потому он никуда не ходит.

356. ПЕСНЯ ПРО БУТА́

Наш Бута пять лет подряд,
Уайра, уайтау,
Был в Моздоке, говорят,
Уайра, уайтау.
Был в Моздоке не с сумой,
Уайра, уайтау.

Что же он привез домой?
Уайра, уайтау.
Вот один карман: в пыли,
Уайра, уайтау,
Там головка конопли,
Уайра, уайтау.
А в другом — сказать неловко,
Уайра, уайтау. . .
Тоже конопли головка,
Уайра, уайтау.

Вот бежит к нему жена,
Уайра, уайтау,
Улыбается она,
Уайра, уайтау.
Думает, что он ей воз,
Уайра, уайтау,
Драгоценностей привез,
Уайра, уайтау.
Ой, в Моздоке был Бута,
Уайра, уайтау.
Не привез он ни черта,
Уайра, уайтау.
Вывернул карман: в пыли,
Уайра, уайтау,
Там головка конопли,
Уайра, уайтау.
Стал другой он вытрясать,
Уайра, уайтау.
Что там? Совестью сказать,
Уайра, уайтау.

357. ЕСЛИ У ТЕБЯ ЖЕНА ХОРОШАЯ

Если у тебя жена хорошая,
Незачем ходить, искать веселья.
Если у тебя жена хорошая,
Каждый день и дома новоселье,
То и дома новоселье, гей.

Если у тебя жена неважная,
На поминки не ходи, дружище.
Если у тебя жена неважная,
То и дома у тебя кладбище,
Дома у тебя кладбище, гей!

Если у тебя жена коварная,
То змеи напрасно ты боишься.
Если у тебя жена коварная,
Дома со змеей ты спать ложишься,
Со змеей ты спать ложишься, гей!

Если у тебя жена дородная,
Ты не думай о тепле далеком.
Если у тебя жена дородная,
Печка у тебя всегда под боком,
Печка у тебя под боком, гей!

Если у тебя хозяйка тощая,
Что бояться снега и метели?
Если у тебя хозяйка тощая,
И весной зима в твоей постели,
Холодно в твоей постели, гей!

Тот, кто взял жену и снова женится,
Пусть чужой беды не замечает.
Тот, кто взял жену и снова женится,
У того своей беды хватает,
У того беды хватает, гей!

358. ПЕСНЯ О СТАРОМ МУЖЕ

В небе свет луны мгновенный,
Просыпайся, муж почтенный, гей.
Тот, кто рано просыпается,
После никогда не кается, гей.

У жены твоей у юной
Очи словно отблеск лунный, гей.

Щеки у нее, у спящей,
Словно свет зари горящей, гей.
Встань, почтенный, поскорей.
Тот, кто рано просыпается,
После никогда не кается, гей.

Гей, охотники найдутся
До красавицы чужой.
Удальцы уже крадутся
Тихо в сад весенний твой.
Слышишь, в дверь уже скребутся
К красавице молодой,
С нею миловаться будут,
Над тобой смеяться будут, гей.
Встань, почтенный, поскорей.
Тот, кто рано просыпается,
После никогда не кается, гей.

Спишь ты, видишь сны, почтенный,
Не проспи жены, почтенный, гей.
Просыпайся поскорей.
Тот, кто рано просыпается,
Никогда потом не кается, гей.

359. СИМД

Ой, туман густой по лугу стелется.
Радость нам послал сегодня бог.
Это не туман по лугу стелется —
Мы танцуем, не жалеем ног.

В светлый день соседа, друга нашего,
Всё село на пир приглашено.
Хлещем пиво черное и пляшем мы,
Стар ли, молод, пляшем всё равно.

Становитесь, люди, в круг и парами.
Всех коснется божья благодать.
Все танцуйте, молодые, старые.
Можно ль нынче нам не танцевать?

За соседа девицу просватали.
Пейте, люди добрые, до дна.
Что-то пиво, вроде, горьковатое,
Средь овечек лишняя одна.

Ой, стога стоят на поле волнами
И не валятся от ветерка.
У хозяйки кладовые полные,
Да, беда, дрожит ее рука.

Ой, рука ее не разжимается.
Но пляшите, становитесь в круг.
Нам за нашу пляску причитается
Пиво черное из белых рук.

360. ЧЕПЕНА

Танец есть у нас такой,
Ой, чепена.
Топнем левою ногой,
Ой, чепена.
Тот, кто в круг наш не вошел,
Ой, чепена,
У того подохнет вол,
Ой, чепена.
Тот, кто в круг наш не войдет,
Ой, чепена,
У того пусть сгинет скот,
Ой, чепена.
Кто не пляшет чепена,
Ой, чепена,
От того сбежит жена,
Ой, чепена.
Ой, наш главный — вот беда, —
Ой, чепена,
Не годится никуда,
Ой, чепена.
В круг присядем, посидим,
Ой, чепена,
По душам поговорим,
Ой, чепена.

Ой, подпрыгнем-ка разок,
Ой, чепена,
Ляжем все на правый бок,
Ой, чепена.
Животами сор и пыль,
Ой, чепена,
С половиц сметем не мы ль,
Ой, чепена.
Что нам стоит, молодым,
Ой, чепена,
Труд хозяйке облегчим,
Ой, чепена.
Сердце у нее не лед,
Ой, чепена,
Может, нам она нальет,
Ой, чепена.
Все глядите — стар и мал,
Ой, чепена,
Чтоб наш главный не сбежал,
Ой, чепена.
Право, надо как-нибудь,
Ой, чепена,
Проучить его, отдуть,
Ой, чепена.

361. КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Ло-ло, ло-ло, а-ло-ла,
Спи, сынок мой, досветла.
Не мяукай ты опять,
Наша кошка,
Мальчику ты дай поспать
Хоть немножко,
Не мешай сыночку, брысь,
Ты во сне ему приснись!

Будет, право, больше толку,
Если ты пойдешь, найдешь
И поймашь перепелку,
Нам в подарок принесешь.
Мой сынок любить ее
Будет,
Мякишем кормить ее
Будет,
Будет целовать ее,
Будет миловать ее.
Ты их, кошка, веселить
Будешь,
Ты им сказки говорить
Будешь.

Промяучишь ты хитро
Им о том,
Как увидела ведро
С молоком,

Как ведро ты пролила
Молока,
Как сыры ты унесла
С чердака,
Как ты мясо унесла,
Сожрала,
Как ты сало со стола
Унесла,
Как тебя нана потом
Изловила,
Как тебя она жгутом
Била.

362. ЖУК

Ло-ло, ло-ло, а-ло-ла,
Спи, сынок мой, досветла.
Спи-усни, к нам жук идет,
Мы одни, к нам друг идет.
Черный с головы до пят,
Крылышки его блестят.
Черная на нем черкеска,
Вычищен кинжал до блеска.
— Ты куда, жучок, идешь?
Что ты ешь и как живешь?
— Я иду в низину с гор,
А питался до сих пор
Горькой черной беленой,
Не искал еды иной.
Я живу, как жук обычный.
Дом мой — в скорлупе яичной.
Лезвие — моя дорожка,
А ушко иглы — окошко.
— Ты ответь нам, жук-жучок,
Есть ли у тебя сынок?
— У меня растет сынок.
Тином я его нарек.
Сын мой Тин беды не знает,
Топором один играет:
Стукнет ножкой — и топор
К небесам взлетает с гор.

Как-то в небо целил он,
Появился вдруг Сырдон.
— Что ты, жук, сказал Сырдону?
— «Дай мне лук», — сказал Сырдону.
— «Для чего?» — меня спросил он.
— «Чтобы тура застрелить».
— «Для чего?» — меня спросил он.
— «Чтоб голодных накормить».

Жук-жучок, твой путь далек,
Погости у нас денек
Или даже два денька
Возле моего сына.

Жук-жучок у нас гостит,
Спит мой сын, а жук не спит:
Он всю ночь напролет
Песню мальчику поет.

363. НОЖКИ

Что за ножки, что за ножки
У тебя, у нашей крошки!
Ни собачке и ни кошке
Не дадим твои мы ножки.
Эти ножки, эти ножки
Будут бегать по дорожке.

В яме с просом понарошку
Мы твою зарыли ножку.
Ложный проложили след
Для напастей и для бед.
К ножке сына только силе
Мы дорожки не закрыли.

Что за ножки! Ножкой, ножкой
В поле ты пойдешь за сошкой,
Будешь ты давить вино,
Будешь молотить зерно.

364. ШАПОЧКА

Ой, шапочка на тебе,
Что за шапочка на тебе!
Алмазами покрыта,
Немного набок сбита.
Ой, будешь ты джигитом,
Для матери защитой,
В черкеске, златом шитой,
С броней, под нею скрытой.
Днем будет дом твой — пашня,
А темной ночью — башня.
Взгляд будет твой орлиным,
А сердце будет львиным.
А плечи будут гладки,
А речи будут сладки.
И будешь ты здоровым,
Как волк в краю суровом.
Всё будет скоро-скоро,
Мой сын — моя опора.

365. ЗУЙЛА

Ой, зуйла,
Зуйла,
Ой, игла,
Игла.
Три девицы,
Ой, зуйла,
Как в темнице,
Ой, зуйла,
Сидят,
Зуйла,
Молчат,
Зуйла,
Кроят,
Зуйла,
Наряд,
Зуйла,
Нитку шелка,
Ой, зуйла,

Суют в иголку,
Ой, зуйла,
А в игольное ушко,
Ой, зуйла,
Нитку вдеть не так легко,
Ой, зуйла.

366. ИЗБАЛОВАН МОЙ СЫНОК

Мой один-единственный сыночек
Всем хорош, да избалован очень.
Чем же избалован мой сынок?
У него скакун, что всех дороже,
У него седло из черной кожи —
Вот чем избалован мой сынок.
Высока папаха у сыночка,
У него пуховый башлычок
И позолоченный поясок,
Шелковая у него сорочка —
Вот чем избалован мой сынок.
Вслед ему красавицы глядят,
Скромные на выданьи девицы,
И по тени, что за ним ложится,
Для черкесок выкройки кроят,
По следам его проворных ножек
Вырезают стельки для сапожек —
Вот чем избалован мой сынок.

367. ТАРНА́

Цице-булла, цицета,
Цице-булла, неспроста
Приготовлю для Тарна,
Для сына,
Теплого два казана
Молока.
Сын не злится,
Не кричит,
Где ложится,
Там и спит.

Он уходит спозаранок,
Дров приносит пять вязанок.
Я дрова бросаю в печь,
Чтобы хлеб сыночку спечь.
Тлеет в печке огонек,
Перед печкой мой сынок.

В печке может прогореть
Много дров.
Будет пусть сынок и впредь
Жив-здоров.

368. ЧУГУНОК МОЛОКА

Баю-баю, спи, сынок,
В печке полный чугунок
Молока.
Не всегда — ой, видит бог —
В печке полон чугунок
Для сынка.
Пуст бывает чугунок.
Что же делать: ты сынок
Бедняка.

На дырявой шубе спит,
Не укрыт и не умыт
Мой сынок.
Где нужда, там и беда,
Но не ропщет никогда
Мой сынок.

Встань до третьих петухов,
Принеси охапку дров,
Мой сынок.
Положу дрова я в печь,
Чтобы хлеб тебе испечь,
Мой сынок.

369. БЕЛЛУЙ, БИЛЛУЙ

Бёллуй, бйллуй,
Бог помилуй.
Биллуй, беллуй,
Ослик белый
По дороге вдаль идет,
Кладь тяжелую несет.
Он идет издалека,
Его поклажа велика.
Сам он — мал.
Влево,
Вправо
Он шатается,
Голова его болтается.
Он устал.

Ослика гоня вперед,
Следом человек идет.
Вправо,
Влево
Он шатается.
Он устал, он спотыкается.

Ой, в Джимаре пироги
С сыром,
В Какадуре пироги
С салом,
В Ахсаргине для ослов
Много сена — сто пудов.

Ослик по тропе идет,
Кладь тяжелую несет.
Вправо,
Влево
Он шатается.
Ослика гоня вперед,
Следом человек идет,
Спотыкается.

Ой, в Джимаре пироги
С сыром,

В Какадуре пироги
С салом,
В Ахсаргине для ослов
Много сена — сто пудов.
Здесь же нету пирогов,
Нету сена для ослов,
Здесь кругом пути кривые,
Люди прячутся лихие.

Ой, хитры они, ловки
И проворны.
Хоть белы их башлыки —
Мысли черны.
Ослика гоня вперед,
Бедный человек идет.
Ослик, ослик,
Не шатайся,
Бедный горец,
Не пугайся.
Хоть бешмет и обветшал
У тебя,
Но на поясе кинжал
У тебя.

370. СОЛНЦЕ СИРОТ

Кто на свете нас, сирот,
Пожалеет?
Даже солнце нас, сирот,
Хуже греет.
Мы всегда к нему стремимся.
Дождь для нас большое зло.
Больше тех дождя боимся,
В чьих домах всегда тепло.

Глупый ворон, воронок,
Ты на небе не промок.
Воронок, с тобою можем
Поменяться мы одежей.

Мы дадим штаны сырые,
Вымокшие под дождем,
А взамен себе сухие
Перышки твои возьмем.

371. СОЛНЦЕ, ПОКАЖИСЬ!

Солнце, солнце, покажись,
Черной бури не страшись,
Буря наказана,
К горе привязана.
Птички всех лесов окрест
Позовут своих невест.
Но куда солнца нет,
Не глядит никто на свет.
Из гнездышка птица
Вылететь боится.
Даже заяц до поры
Не выходит из норы.
Жаль зайчат,
Они пищат,
Потому что
Есть хотят.

Выходи же, солнце, ждем
Мы тебя,
Мы не пляшем, не поем
Без тебя.
Приходи ты, ради бога,
В наши горные края,
Расскажи нам, где дорога
В небе пролегла твоя,
Где ты отдыхаешь,
Где ты в дождь бываешь.
Разгони все тучи прочь,
Приходи не поздно,
А не то придет к нам ночь —
Твоя названная дочь —
В одеянье звездном.

372. ПЕСНЯ КУПАНИЯ

Купа-купа,
Не боюсь,
Семь раз до пасхи
Окунусь.
Ой, вода
Чиста до дна,
Не беда,
Что холодна.
Зубы мои —
Стук-стук,
Ноги мои —
Прыг-прыг.
Ворон, ворон, пролетай
Надо мной,
Поменяемся, давай,
Мы с тобой:
Тебе одежки сырые
Мои,
А мне перья сухие
Твои.

373. ЧИРИК-ЧИК-ЧИК

Летит над полем птичка.
Чирик-чик-чик.
А что несет синичка?
Чирик-чик-чик.

Несет она травинку.
Чирик-чик-чик.
Зачем нужна травинка?
Чирик-чик-чик.

Несет травинку птичка.
Чирик-чик-чик.
Гнездо совет синичка.
Чирик-чик-чик.

Зачем гнездо синичке?
Чирик-чик-чик.
Чтоб там нести яички.
Чирик-чик-чик.

Зачем яички птичке?
Чирик-чик-чик.
Птенцы нужны синичке.
Чирик-чик-чик.

Зачем птенцы синичке?
Чирик-чик-чик.
Чтоб хмель носили птичке.
Чирик-чик-чик.

Для пива нужен хмель ей.
Чирик-чик-чик.
А пиво для веселья.
Чирик-чик-чик.

Летят друзья к синичке.
Чирик-чик-чик.
Напьются пива птички.
Чирик-чик-чик.

374. ГДЕ ГУЛЯЛИ?

— Где гуляли?
— На той улице.
— Что вам там давали?
— Курицу.
— Где она?
— Муха съела.
— Муха где?
— На ветку села.
— Ветка где?
— Ее потом
Мы срубили топором.
— Где топор?

- У дровосека.
- Где он сам?
- Ушел за реку.
- Где река теперь, однако?
- Реку выпила собака.
- А собака где, дворняжка?
- Встретила волков, бедняжка.
- Ну, а волчья где семья?
- Застрелили из ружья.
- А ружье куда девалось?
- Затерялось.

375. КУРИЦА

Куд-куда, куд-куда,
 С нашей курицей беда,
 Курица кудахчет, квохчет
 И снести яичко хочет.
 Курочке яичко снести
 Нелегко,
 А ее яичко съесть
 Мне легко.

376. КАК ТВОИХ КОТЯТ ЗОВУТ?

— Кошка, кошка, где была?
 — В Чернолесье я жила,
 Ела черные бобы,
 Ела белые грибы.
 Тамашаевых навестила,
 У Хамшаевых погостила.
 Там бурьян у них растет,
 Мышка зернышки грызет.
 «Мышка, дай твоё зерно», —
 Мышке я сказала.
 «А зачем тебе оно?» —
 Мне мышка отвечала.

«С зерном меня котята ждут», —
Я ей объяснила.
«А как твоих котят зовут?» —
Она меня спросила.
«Их Хвостатиками звать,
Их Ушастиками звать.
Ты должна их повидать», —
Я сказала
И зубами мышку — хватъ
И побежала.

377

Луг у берега крутого.
— Кто ты?
— Вол.
— А ты?
— Корова.
— Что вам надо?
— Травы зеленой.
— Что вам надо?
— Воды студеной.

378. ПТИЧКА И КОЗЕЛ

Как-то птичка, сев на кол,
Испачкалась немножко.
Говорит она: «Козел,
Оботри мне ножки».
Тот заблеял: «Бе-бе-бе,
Разве я слуга тебе?»

Птичка, хоть мала, да зла,
Погубить грозит козла.
Прилетела к волку.
Волк сказал:
«Да что козел,
Жесток он, а я тяжел.

Право, что в нем толку?»
Птичка злится: «Погублю
Я тебя,
Весь аул я натравлю
На тебя».

Но на волка не хотят
Тратить порох.
«Нынче порох, — говорят, —
Слишком дорог».

Птица, хоть она мала,
Очень злится,
Весь аул она дотла
Сжечь грозит.
И к огню она со зла
Обратилась:
«Ты аул сожги дотла,
Сделай милость».
Поглядел огонь вокруг:
«Что ты, птица,
Жечь мне ныне недосуг,
Лень дымиться».
Птица злится: «Погублю
Я тебя,
Вот я воду натравлю
На тебя».

А вода твердит одно:
«Что за дело?
Мне шипеть уже давно
Надоело».

Птица говорит: «Я зла,
Не спущу,
На тебя, вода, вола
Напущу».

Только вол воды не пьет,
Говорит:
«Полон у меня живот:
Он болит».

Птица злится: «Не прощу
Я тебя,
Хворостину напущу
На тебя».

Хворостина: «Я мала, —
Говорит, —
Не хочу я бить вола», —
Говорит.

Птица злится: «Погублю
Я тебя,
Мышку серую нашлю
На тебя».

«Мышка, мышка, мой дружок,
Отомсти,
Хворостину в порошок
Преврати».

Мышка слышит за версту
Птичий зов.

«Я бы сгрызла, да во рту
Нет зубов».

Птица злится: «Погублю
Я тебя,
Вот кота я натравлю
На тебя».

И к коту она идет,
Говорит:

«Ты спаси меня, мой кот,
От обид.

Мышку, кот, мой Котофей,
Накажи».

— «Мышка! Где она, скорей
Покажи!»

ЧЕЧЕНСКИЕ ПЕСНИ

379. ПЕСНЯ СБИВАЮЩИХ МАСЛО

Маслобойка, маслобойка
Пусть сбивает масло бойко,
Чтоб оно горою всплыло,
Нам попало в рот,
Чтоб пахты обильней было,
Чем в Аргуне вод.

380. ПЕСНЯ ВЫТАСКИВАЮЩИХ ЗАСТРЯВШУЮ АРБУ

Толкай, тащи клячу
С арбою в придачу,
Налегай, арбу тащи,
На своем горбу тащи!

381

Если ты в поле не пел, если дело
Летом в руках у тебя не кипело,
То и зимой тебе песен не петь,
С жирной едою котлу не кипеть.

382. АВТУРИНЦАМ

Как у вас дела идут
С новыми хлебами?
Очень недовольны мы,
Автуринцы, вами!
Мало ярости у вас
В полевой работе!
Вы неважную, друзья,
Жатву соберете!

Ва-лай-ла, я-ла-лай-и-и...

Пользы в пахоте такой,
Автуринцы, мало!
Вы работали, друзья
Автуринцы, вяло!
Вы примите наш совет —
Помните о сроках!
И пройдите по полям
Вспашкою глубокой!

Ва-лай-ла, я-ла-лай-и-и...

Чтобы труд ваш полевой
Не пропал без толку,
Автуринцы, вовремя
Делайте прополку!
Вам поссориться пора
Со старинной ленью,
Скоро снежная зима
Явится в селенье!

Ва-лай-ла, я-ла-лай-и-и...

Автуринцы, как мелка
Ваша кукуруза!
И не стыдно вам, друзья,
Перед всем Союзом?
Автуринцы, что же вы?
Даже нам неловко!

Где же гордость пахаря,
Где его сноровка?

Ва-лай-ла, я-ла-лай-и-и...

Автуринцы, честный труд
У страны в почете!
Ну, когда же вы большой
Урожай сберете?
Нам стыдиться нечего
Перед всем Союзом!
Тяжела, увесиста
Наша кукуруза.

Ва-лай-ла, я-ла-лай-и-и...

Вы безделие свое,
Автуринцы, бросьте,
Ведь на вашем поле мы —
Временные гости!
Надо вам свои поля
Привести в порядок.
После трудового дня
Отдых вдвое сладок!

Ва-лай-ла, я-ла-лай-и-и...

Вы страдаете, друзья,
Вечною зевотой!
Дайте нам ответ прямой,
Но ответ работой!
Распрощайтесь поскорей
С ленью и покоем!
И тогда своих похвал
Мы от вас не скроем!

Ва-лай-ла, я-ла-лай-и-и...

Девушка, танцуй, танцуй
Танец легкий, дробный!

Легче ветра пробеги
По поляне ровной!
Мы работаем не так,
Как соседи наши!
Хороши у нас хлеба,
Хорошо и пляшем!

ГЕРОИЧЕСКИЕ И ВЕЛИЧАЛЬНЫЕ ПЕСНИ

383. АХМАД АВТУРИНСКИЙ

1

В утреннюю пору,
Когда еще солнце
Зайти не успело,
В утреннюю пору,
Когда еще зорька
В горах полыхала,
Нет, не полыхала
Утренняя зорька,
А, как зверь, металась,
Раненный смертельно,
В утреннюю пору,
Оттолкнувшись сзади
Сильными руками,
На ноги поднялся
Ахмад Автуринский.
На стене висело
Грозное оружие,
Он его с улыбкой
На бедро повесил.
Повернувшись, вышел
Он из низкой сакли,
И вошел в конюшню
Ахмад Автуринский.

Из конюшни вывел
Он коня гнедого.
Золотом играла
Тонкая уздечка.

Он к столбу повыше
Во дворе просторном
Привязал спокойно
Гордого любимца.
Как невесту к свадьбе,
Он коня украсил,
Быстро снарядился,
И, как будто солнце,
Что спешит к закату,
Чтоб оставить землю
В темноте и мраке,
Свой аул покинул
Ахмад Автуринский.
Отпуская повод,
Он коня гнедого
Тонкой плетью тронул.
Конь, как ветер в бурю,
Что приносит беды,
Вдоль реки помчался.
В доли гор горбатых
Вечером ворвался
Ахмад Автуринский.

2

По земле бегущих
Он верхом догонит,
От коня ушедших
Он затравит псами,
А взлетевших в небо
Коршуном настигнет.
На хребтах отвесных
И в ущельях диких,
Целясь пулей в сердце,
Промышлял охотой
Ахмад Автуринский.

Вдруг джигит услышал,
Вдруг джигит увидел
Коня молодого.
Он звенел уздечкой
И спокойно пасса

На поляне горной.
А под диким вязом
Спал казак станичный.
Поразмыслив малость,
К нему обратился
Ахмад Автуринский:
«Почему лежишь ты
На камнях под вязом?
Разве не имеешь
Кунака средь горцев?
Разве нет чеченца,
Чтоб тебе был рад он?»
И с коня он спрыгнул
И, ремнем стреножив,
Отпустил гнедого,
Чтоб спокойно пастись.
Взял седло и бросил
Себе в изголовье,
Буркою укрылся
И уснул беспечно,
Грозное оружие
Крепко обнимая.
К казаку прижавшись,
Спал и сон увидел
Ахмад Автуринский, —
И в поту проснулся
Ахмад Автуринский.

И казак станичный
Тоже пробудился.
Наяву увидел
Ахмад Автуринский —
Конь казачий гонит
Горного красавца.
Словно зверь красивый,
Раненный смертельно,
Оттолкнувшись сзади
Сильными руками,
На ноги вскочил вдруг
Ахмад Автуринский.
И казак станичный
Тоже встал на ноги.

«Слушай, — крикнул грозно
Ахмад Автуринский, —
Не будь сиротою
Ты, казак станичный!
Испугал скакун твой
Моего двугодка.
Может, испугаешь
Ты его владельца?
Мы должны бороться
Среди скал отвесных,
Среди этих плотных
Каменных отрогов!»
Так сказал, поднявшись,
Ахмад Автуринский.
Но ему ответил
Вдруг казак станичный:
«Не будь сиротою,
Ахмад Автуринский.
Чем мы биться будем
Среди скал отвесных,
Среди этих плотных
Каменных отрогов?
Ружьями ль стреляться,
Шашками ль рубиться?
Чем тебе угодно,
Чем считаешь лучше?»
— «Не будь сиротою,
Эй, казак станичный!
Ружьями стреляться
Нам нельзя с тобою,
Может быть осечка —
Ненадежны ружья.
Шашками вернее
Нам рубиться будет.
Шашка не обманет,
Коль рука не дрогнет».
Так сказал великий
Ахмад Автуринский.
Дал казак согласие,
Но сказал спокойно,
Обнажая шашку:
«Не будь сиротою,

Ахмад Автуринский,
Не сочти за трусость,
Выслушай, подумай.
Если ты успеешь
И меня зарубишь,
Люди просто скажут:
«Казака при встрече
Зарубил недавно
Ахмад Автуринский».
Скажут и забудут...
Если я успею,
От казачьей шашки
Ты в бою погибнешь,
И тогда все скажут:
«Ахмад Автуринский
Был убит каким-то
Казакom станичным».
Ты слывешь в народе
Храбрым и бессмертным.
Так давай друзьями
Будем мы с тобою.
Девушек здесь нету,
Чтобы свою удаль
Показать пред ними.
Наберись терпенья,
Будет еще случай, —
Мы себя покажем,
Ахмад Автуринский!»
Так казак станичный
Предложил джигиту.
И, подумав малость,
Дал свое согласие
Ахмад Автуринский.
И, обнявшись крепко,
Кунаками стали
Два героя наших.

И за эту дружбу
Мы поднимем чаши —
Пусть живет счастливо
Среди гор чеченских
Ахмад Автуринский!

384. ПЕСНЯ ШАМИЛЯ

В час, когда от Казбека опять
Поднимаются ветры обильные,
Выползают в ущелье играть
Звери хищные, самые сильные.
Но потом появляется лев,
Чтоб свои оглядеть просторы,
И зверье, перед ним присмирив,
Торопливо пятится в норы.

Говоря: «Там мой дом между скал,
За вершинами синими», —
Черный сокол всех птиц распугал
И парит над вершинами.
«Я, мол, царь-государь за семью
Океанами и морями», —
Белый царь говорит и свою
Длань с мечом заносит над нами.

Говорят, будто рыба одна
Без воды народилась.
«Мне бы воду, — мечтает она, —
Я бы всласть порезвилась».

Горе есть и у птицы орла,
У орла однокрылого.
Птица думает: «Мне бы крыла,
Выше всех бы парила я».

В небе синем звезда не горит,
Не блестит и не светится.
«Мне б сиянье, — она говорит, —
Я была б ярче месяца».

Что поделать, всем прочим сродни
Мои друзья всегдашние.
Даже будь и сильнее они,
Вряд ли были б бесстрашнее.

Жизнь дается нам всем не навек.
Пусть лишь храбрым она улыбается,

А у тех, кто замыслит побег,
Пусть от тела душа отделяется.

Да не будет, друзья, суждена
Нам могила бесславная,
После смерти навечно она,
Как при жизни жена своенравная.

385. ПЕСНЯ ХАДЖИ-МУРАТА

Я обложен, до смертного часа я дожил,
Не оставлю я слов, что повторят потом.
С тем смирившись, что не совершиться не может,
Смерти жду я, тройным окруженный кольцом.

Словно волк в западне, ничего я не значу.
Я припомнил присловье, что слышал не раз:
«Как ни храбр удалец, но минует удача,
Если пробил иль близок гибели час».

Ни спасенья, ни чуда не жду, ни подмоги:
В мире, кроме аллаха, бессмертного нет.
Ты, отважное сердце, не бейся в тревоге,
Чтобы раз умереть, и рожден я на свет.

Что вы, руки мои, безнадежно упали?
Неужель оттого, что подходит конец?
Но и в пору удачи вы знали и ждали,
Что и вас раздробит раскаленный свинец.

На высоких горах, на широких равнинах
Вы врагам причинили немало обид,
Но приходит конец вашей жизни недлинной,
Вас сегодня горячий свинец охладит.

Не печалься, моя голова удалая,
Хоть конец нам приходит и близится суд,
Но и в светлые дни разве жил я, не зная,
Что однажды мне голову шашкой снесут.

О земля, я скакал по дорогам и пашням,
Не тебя ль попирал я ногами коня?
Но, лишённого ныне удачи всегдашней,
Ты простишь милосердно и примешь меня.

А за то, что топтал я тебя, бесталанный,
Всё ты взыщешь с меня, всё получишь сполна.
Под могильною насыпью четырехгранной
Ты меня упокоишь на все времена.

Будет тело мое на траве распростерто.
Мою голову шашкой от плеч отдели,
Станут недруги злые рассматривать гордо
И глумиться над нею, себя веселя.

Но куда, друзья, мы и сильны и ловки,
И хоть наша погибель и недалека,
Заряжайте пистолы свои и кремневки
И стреляйте без промаха, наверняка.

И хоть ждем мы гибели, а не победы,
Но ведь, кроме аллаха, бессмертного нет.
Горе нам, если дрогнет рука напоследок,
Чтобы раз умереть, рождены мы на свет.

386. ПЕСНЯ О ГАМЗАТЕ

Подыместе песню большой старины,
Как были гехинцы Гамзату верны.

За Терек ушли от погони,
И лодками стали их кони.

Нагайки их веслами стали,
Шли кони, пока не устали.

Тогда, окруженны врагами,
Гехинцы легли за стогами.

«Сдавайтесь!» — враги им кричали,
Их пули в кольчуги стучали. —

Довольно сверкать вам очами,
Нет крыльев у вас за плечами,

Чтоб в небо взлететь бы ретивым,
Когтей нет, чтоб в землю уйти вам!»

Вскричал им Гамзат: «Вы забыли,
Что крымские ружья — нам крылья,

Что когти нам — шашки кривые,
И мы не сдадимся живые!»

Вскричал тут Гамзат муталимам:
«Сражайтесь неутомимо!

А вы, перелетные птицы,
В Гехи полетите проститься.

За нас долетите проститься,
Скажите, как стали мы биться,

Скажите красавицам ясным,
Что умерли мы не напрасно,

Что плечи свои не согнули,
Поставив, как стены, под пули.

Лежим на Черкесском холме мы,
Недвижны, в крови мы и немь.

Мы голые шашки сжимаем,
К нам волки приходят, хромая.

И вороны к нам налетели,
Не сестры поют нам — метели.

Скажите народу вы, птицы,
Что нами он может гордиться. . .»

И бросились в бой муталимы,
Сражаясь неутомимо.

Так пали гехинцы, Гамзату верны,
У Терека пенистой, вольной волны.

Если бы вдруг я
Горе излил,
Если б на луг я
Слезу обронил,
Знаю, печаль моя землю сожгла бы
И на равнине трава не росла бы.

Если бы в песне
Я горе излил,
В реку бы если
Слезу обронил,
То от соленой слезы и от горя
Сразу река превратилась бы в море.

Там, где скитаюсь я,
Нету еды,
Там, где скрываюсь я,
Нету воды.
Я пробавляюсь дубовой листвою,
Пью-напиваюсь росой скупой.

Сплю я в далеких
Звериных углах,
Глина под боком,
Пенек в головах.
Я по ночам засыпаю в тревоге,
Сплю и завидую зверю в берлоге.

Я, о проклятье,
Совсем одинок.
Милые братья,
От вас я далек.
Голод и холод в далеком краю
Отняли силу былую мою.

388. ПЕСНЯ ЗАЩИТНИКОВ РОДНОГО АУЛА

Всюду от дыма и пламени тьма
И залиты камни кровью,
И нищие наши пылают дома,
Что строили мы с любовью.

Сегодня на улицах наших прямых
Людские снуют вереницы,
И негде стоять, оттого что на них
Так много людей суетится.

Недавно в дома пришедшие к нам
Наши любимые жены
Называют по именам
Нашу родню смущенно.

Вы слышите: плач над селеньем стоит,
Люди плачут на свежих могилах,
И плачут малые дети навзрыд,
Ища матерей своих милых.

И женщины в этот нерадостный час
В наши угрюмые лица
Глядят и тех выбирают из нас,
Кем смогут потом гордиться.

Ужели заклятых наших врагов
Мы нынче осилить не сможем?
Ужели проклятых наших врагов
Сегодня не уничтожим?

Ужели мы сабли не обагрим
Вражеской кровью алой?
В сердца их бесчестные не вонзим
Хенапинских наших кинжалов?

Взберитесь скорей на Черкесский хребет,
Взгляните скорей на дороги.
Там пыль не дымится ль, не виден ли след,
Не видно ли там подмоги?

Сейчас долгожданной подмоги мы ждем,
Ее мы дождемся и вместе
Пойдем напролом, испугаем огнем
Врагов, у которых нет чести.

А тот, кто боится за шкуру свою,
Пусть в этом признается честно.
Тому ж, кто готов отличиться, в бою
Найдется достойное место.

Спасем, защитим мы народ свой и род,
Селенья родимого края.
Нас сколько б ни пало, победа нас ждет.
По седлам, герои! Поскачем вперед,
Коней через стены бросая.

389. Я СРАЖАЛСЯ С ВРАГАМИ

«Как ни люблю я тебя, мой родной,
Быть не могу я твоею женой:
Старая бабка моя бесновата,
Мне говорит, ты худой, как лопата».

«Не солгала твоя бабка проклятая:
Что же мне делать, худой, как лопата, я.
Часто случалось бросаться мне в Терек,
С нашего плыл я на вражеский берег».

«Как ни люблю я тебя, мой родной,
Быть не могу я твоею женой:
Дед о тебе говорит мне сурово —
Кашляешь, грудь, мол, твоя нездорова».

«С дедом твоим понапрасну не спорю я.
Много познал и гонений и горя я.
Счастья не знал я, лишился я сил,
Грудь надорвал я, нутро застудил».

«Как ни люблю я тебя, мой родной,
Быть не могу я твоею женой:

Братья не любят тебя и бранятся:
«Плечи его никуда не годятся!»

«Нет, не оспорю их верные речи я.
В тяжкой борьбе повредил свои плечи я.
Часто за них, если были бои,
Прятались робкие братья твои».

«Как ни люблю я тебя, мой родной,
Быть не могу я твоею женой:
Сестры ругают тебя при народе:
«Ноем в боку у него по погоде».

«Правы и сестры твои нехорошие, —
Бок надорвал я тяжелою ношею.
В битве со страху лишившихся ног
Братьев твоих на себе я волок».

—

**390. ПЕСНЯ ВРЕМЕН БОРЬБЫ ВОЛЬНЫХ ГОРЦЕВ
С ФЕОДАЛАМИ**

Мы родились той ночью,
Когда щенилась волчица,
А имя нам дали утром,
Под барса рев заревой,
А выросли мы на камне,
Где ветер в сердце стучится,
Где снег нависает смертью
Над бедною головой.

Но поля ты там не встретишь,
Не будешь овец пасти ты.
Мы дрались с врагами жестоко,
Нас не одолели князя.
Как ястреба перья, уступы
Рыжеют, кровью покрыты,
Мы камни на них уронили,
Но честь уронить нам нельзя.

И мы никогда не сдадимся,
Накинем ветер, как бурку,

Постелью возьмем мы камни,
Подушками — корни сосны.
Проклятье князьям и рабам их,
Собакам лохматым и бурым,
Их кровью заставим мочиться,
Когда доживем до весны.

Костры мы поставим в пещерах
И наших шашек концами
Усилим огонь их, и пулями
Пробитые башлыки
Накинем на сыновей мы,
Пускай они за отцами
С князьями схватятся в битве,
Когда умрут старики.

А наши любимые скажут:
«Мы ждали с набега так долго,
Я ждала — и вот я целую, —
Я ждала, не смела устать,
Я даже тогда целовала б,
Когда бы уста, как у волка,
В крови его были б враждебной,
Но я б целовала в уста.

Я дам ему рог с аракою,
Айрану и турьего мяса,
Я косы отрежу, чтоб косы
Пошли на его тетиву,
Сама наточу ему шашку,
Когда он уснет, утомясь.
А если он ранен, и стонет,
И кровью он моет траву, —

Спою ему песню, и песней
Заставлю рану закрыться,
Напомнив о том, что весь род его
Вольный и боевой,
О том, что родился он ночью,
Когда щенилась волчица,
Что имя сыскали утром,
Под барса рев заревой».

391. ПЛАЧ О ПОГИБШЕМ В БОЮ С ДЕНИКИНЦАМИ

Если море синее в чернила превратится,
Если станет облако большим листом бумажным, —
Всё равно словам не уместиться на страницах,
Да и слез не выплакать о юноше отважном!
И пускай вершины гор надвинутся высокие,
Ветви гибкие колышутся от гнева!
Пусть опять всплывают в памяти те дни далекие,
Грудь сжимается от грустного напева!
Лишь начну рассказ о гибели любимого,
Слышу сердца частые удары.
И горит, горит щека, слезой палимая!
Горе матери героя, горе старой!
К вам в аул пускай течет, блестя, слеза моя,
Престарелые родители героя!
Не забыл народ чеченский партизана,
Не забудется и время боевое!
Не утешит вас письмо мое печальное.
Горе матери и боль жены едины!
Вижу я отсюда и селенье ваше дальнее,
Ваши благородные седины!
На столе передо мною облик милого,
Снимок сделан был по вашему заказу!
На портрет его смотреть уже не в силах я!
Вот он — улыбающийся, остроглазый!
Хорошо сидит на нем шинель походная,
И надвинута папаха низко.
Вот рука его, по-зимнему холодная,
Возится с винтовкою австрийской.
Вспоминаю дни сражения великого.
Вот она, тоски моей причина:
Светлый лоб его — по милости Деникина —
Красная пересекла морщина...
Пусть лежит на вас проклятье, банды белые!
Вы со смертью и насилием дружили.
Подожгли со всех сторон селенье целое
И родителей наследника лишили!
Вороны вам выклюют глаза несытые,
Кожееды искромсают спину.
Старики вам не простят вовек убитого —
Милого единственного сына!

Весь аул запомнил облик юноши,
И его прославят поколения.
Вся Чечня сложила песнь о юноше:
«Смелость льва и быстрота оленя...»
Я себе скроила, сшила платье темное,
Я ношу его, как знак моей печали.
Не одна я со своей тоской огромною —
Ведь со мной портрет, что вы прислали.
И на этом прерываю я послание.
Больше я перо держать не в силах.
Навещу родной аул весною раннею,
Навещу любимого могилу!

392. ПЕСНЯ ОБ АСЛАНБЕКЕ

Ленин — друг наш — призвал великанов земли
Ополчиться на тьму вековую.
Великаны земли весь народ повели,
Чтоб разрушил он тьму вековую.

Этот клич услышал Асланбек издали,
Ненавидел он тьму вековую!
И за ним ингуши и чеченцы пошли,
Ополчившись на тьму вековую.

Богатеи с царем были тьмой вековой,
Но столкнул их народ — и упали!
Генералы тогда страшный подняли вой:
«О, как низко теперь мы упали!»
И пошли к англичанам покорной толпой,
На колени пред ними упали:
«Помогите! Вступите вы с Лениным в бой,
Чтобы вы, как и мы, не упали!»

Англичане пришли с генералами к нам,
Победить они думали горцев.
Но хвала нашим мудрым и храбрым вождям:
Эржкинез оказался у горцев!
И джигитов повел Эржкинез на врагов, —
Англичане бежали от горцев!

Научившийся мужеству большевиков,
Асланбек был героем у горцев!

Снова белая в горы ворвалась беда, —
Кликнул клич Асланбек Шерипов,
И возглавил отряд партизанов тогда
Молодой Асланбек Шерипов.
«Путь у горцев один — это ленинский путь! —
Так учил Асланбек Шерипов. —
И, как реки, нельзя нас назад повернуть», —
Говорил джигитам Шерипов.

Уничтожить врага ты всегда поспевал,
Молодой Асланбек, я помню!
Сколько раз я тебе свои песни певал,
Им внимал Асланбек, я помню.
И любовь к трудовому народу твою,
Молодой Асланбек, я помню...
И печальную весть, что погиб ты в бою,
Молодой Асланбек, я помню...

Против рабства бывшего пошел Асланбек,
И сразили враги Асланбека.
Но свободен и счастлив теперь человек, —
Стала жизнью мечта Асланбека.
Золотой наступил в нашей родине век,
Стала садом страна Асланбека.
В сердце каждого горца живет Асланбек,
Не забудут в горах Асланбека!

393. ПЕСНЯ О ЛЕНИНЕ

1

Просо от засухи не колосится,
Градом побитая гибнет пшеница,
Ярмо заставляет быка наклониться.
Засухой,
Градом, ярмом
Был царь.

Богатым и сытым давал он свободу,
Работать на них приказал он народу,
В тюрьму превратил он любимую родину.
Неравенство,
Гнет
И тюрьму
Дал царь.

Жажду свою нашей кровью питая,
Тьмой раньше срока глаза ослепляя,
Жить и надеяться нам не давая,
Смерть, слепоту,
Нищету
Нес царь.

2

Боль наших душ в свою душу вместивший,
Солнцем высоким людей осветивший,
Право на жизнь беднякам подаривший,
Встал могучий Ленин.

Как храбрый охотник, идущий по следу,
Правде великой добыл он победу
И, сбросив царя, нам о счастье поведал,
Наш великий Ленин.

После зимы он как ветер весенний,
Миру дающий тепло и цветенье,
Людям несущий освобождение, —
Наш сияющий Ленин.

394. ВЕЛИЧАЛЬНАЯ ЛЕНИНУ

Как трава росли мы,
Нас взрастили горы...
Жаль, что родились мы
В тягостную пору.
Будто за решеткой
Наша жизнь была,

Жили под крылами
Царского орла!

Как туман, что вьется,
Что ползет по взгорьям,
Так нас издалека
Царь опутал горем.
Не дарил он горцев
Милостью своей,
Даже не считал он
Горцев за людей.

У богатой знати
Царь искал опоры,
Он дарил ей земли,
И леса, и горы.
Стражник и чиновник
Не сидели зря:
Чтоб урвать побольше —
Славили царя.

Пиром жизнь была их,
Сладко пили, ели,
Пьяные от счастья
Богачи жирели.
И на них трудилось
Множество людей...
Не было от века
Времени лютей.

Как над миром сумрак
Черной ночи вьется,
Так и царь свет солнца
Застил инородцам.

Как заря приходит
В хаты мирных сел,
Так великий Ленин
В этот мир пришел.
Как вздымает утро
Солнце над горами,
Так и поднял Ленин

Алый стяг над нами.
И как разгоняет
Вихрь в полях туман,
Так рассеял Ленин
Ложь, грабеж, обман.

Новое настало
Молодое время,
С бедняков он скинул
Тягостное бремя.
И от нас бежала
Вечная нужда,
Ленин не оставил
От нее следа.

Начертал законы
Он своей рукою,
Бедных землепашцев
Наделил землею,
Встал к станку рабочий,
Как хозяин встал...
Право, волю, долю
Ленин горцам дал.

395. ПЕСНЯ ОБ ОРДЖОНИКИДЗЕ

На горных вершинах ты был между нами
Льву разъяренному подобен,
Оберегающему детенышей,
Орджоникидзе!

На горных вершинах ты был между нами
Соколу смелому подобен,
Крыльями ветер задерживающему,
Орджоникидзе!

На горных вершинах ты был между нами
Вихрю могучему подобен,
Как песок, врагов рассеивающему,
Орджоникидзе!

Облика львиного твоего
Враги страшились,
Робкими зайцами убегали.
Духа крылатого твоего
Враги страшились,
Сбитыми воронами убегали.
Вихря могучего твоего
Враги страшились,
Рваными тучами убегали.

На вершинах гор Кавказских
Красное знамя водрузив,
Отважных к себе призвав джигитов,
Ты их повел на врагов.

На вершинах гор Кавказских
Ленинский закон утвердив,
Врывался ты во главе джигитов
В самую гущу врагов.

Когда поднимался туман серый
И кони ржали от запаха серы, —
Плетью плетеной коня обжигая,
Смелых джигитов сердца зажигая,
Ты их водил на врагов.

Партия кликнула: «Освободи
Чеченцев и ингушей!»
В бой вел ты самых отважных среди
Чеченцев и ингушей,
Ты в горах скакал впереди
Чеченцев и ингушей!

Эй, джигиты, всмотритесь получше
В горные ущелья!
Покинули туман и тучи
Горные ущелья!
Не забудут Орджоникидзе
Горные ущелья:
Освободил Орджоникидзе
Горные ущелья!

396

Если бы мир, где живем мы с тобою,
Старою мельницей был водяною,
Если бы он совершал аккуратно
В год по два круга — туда и обратно,
Если б вращеньем огромных камней
Он бы давил вероломных людей,
Если б утративших честь безвозвратно
Жернов давил бы, вращаясь обратно.

397. ОЛЕНИ

Сколько оленей блуждает, отбившись от ланей,
Не опуская своих горделивых голов,
Сколько их ищет на склонах скупых пропитанья,
Сколько с тревогой глядит из-за скал и стволов.

Сколько скитается их по глухому ущелью,
Ищут прозрачных ключей, чтоб напиться воды,
Иль по горам, чтоб не стать для охотника целью,
Скорою рысью бегут, заматавая следы.

Сколько их бродит в горах, молодых и поджарых,
Раны зализывают, поджидают врага,
Сколько их чешет бока об кору на чинарах
Или о скалы гранитные точит рога.

Сколько блуждает оленей, отбившись от ланей,
Сколько призывно трубит и ревет искони.
Здесь, на земле, где не сбудутся наши желанья,
Разве, джигиты, мы с вами томимся одни?

398

Волк завывает на склоне далеком тоскливо.
Может, он с голоду воет, его успокоит пожива,
Может, на склоне лесистом дождется он ночи,
Выследит лань и затихнет, до крови охочий.

Волк не от голоду воет, он голод бы
вытерпел молча.
Воет он, воет, от стаи отбившийся волчьей.
Воет он, зверь одинокий, в печали бесплодной,
Воет он сытый, бедняга, и воет голодный.

Странники мы, мы на этого волка похожи.
Голодны ль, сыты ли, воем по-волчьи мы тоже.
Мы от родимых могил, от земли оторвались,
Мы на чужбине остались и здесь затерялись.

Так караван, что стремился добраться до Мекки,
Сбился с пути и остался в пустыне навеки.

399

«Ты лети скорее, птица малая,
К господу, что всех нас сотворил,
Ты скажи, что быть одна устала я,
Чтобы он мне брата подарил».

«Я была, — сказала птица малая, —
В крае божьем и лечу назад,
Повелели, чтоб тебе сказала я:
Будет у тебя родимый брат».

«Если впрямь мне счастье уготовано,
Чем тебе могу я отплатить,

Чистым златом, серебром ли кованым
Мне тебя по-царски одарить?»

«Птице, мне не надо злата чистого,
Белого не надо серебра.
Ты меня от ястреба когтистого
Защити, коль можешь, будь добра.

В горы полечу иль в поле чистое,
Где б гнезда ни свить мне — он найдет.
Он мое жилище с неба высмотрит,
Бросится, птенцов моих убьет».

«Не гнездись ни на горах, ни во поле
Ты на радость своему врагу.
Поселись в саду моем на тополе,
Я тебя от бед оберегу».

400

Мне приносит вести небо синее,
Подтверждает черная земля.
Где, мой брат, тебя увижу ныне я,
Боль разлуки нашей утоля?

Ты лелеял, брат, мечту напрасную,
Сгоряча ты понаделал дел.
Ты не пожалел меня, несчастную,
Ты себя и то не пожалел.

Нынче по какому краю рыская,
Мне тебя искать всего верней?
Далека земля, земля сибирская,
Но близка печаль моя о ней.

401. ШЕЛЕСТИТ ЛИ ТРАВА...

Шелестит ли трава на склонах,
И стоит ли ячмень стеною,
И цветы среди трав зеленых
Распускаются ли весною?
В час урочный восход ли блистает,
Он сменяется ли закатом
В том краю, где сейчас обитает,
Где тоскует любимый брат мой?

Говорят, в том краю, где брат мой,
Зеленеет трава весною,
И кончается день закатом,
И посевы стоят стеною.

Ветер слово мое относит
В край, куда проводила брата,
В край, откуда он, бедный, просит,
Чтобы я не забыла брата.

Поднимусь я на склон зеленый,
Где когда-то с тобой ходила,
Как забыть мне тебя, рожденный
Той же, что и меня породила.

Может, брат мой, тебя я ныне
Позабыла б, да часто очень
Вижу мать, что плачет о сыне.
И сама я проплакала очи
О тебе, что пропал на чужбине.

402

Пусть у отца и у матери сын не родится,
Если он чести и мужества не сохранит.
Пусть у отца и матери сын не родится,
Если достоин не будет он тех, кто его породит.

Если родится такой, пусть недолго живет,
Если родится, так пусть до полудня умрет.

Боже, дай счастья тому, кто намерен сражаться,
А не тому, кто чуть что убегает в кусты.
Господи боже, не дай нам с землею расстаться,
Не увидав, как сбываются наши мечты.

Даже дурнушка, что чести своей не теряет,
Лучше, чем юноша, если он честь не блюдет...
Ветер пусть дует, пусть ветром любовь навевает,
Ветер пусть дует, пусть ветром вражду унесет.

403. МАТЬ

«Гей, привет вам, о странники, весь белый свет
Из конца в конец исходившие!»
— «Путь счастливый тебе, и тебе наш привет,
Мать седая, не нас породившая!»

Ты скажи нам, не нас породившая мать,
По нужде ли, по доброй ли воле
Вышла в путь и кого-то не можешь сыскать
Ни в горах, ни в ущелье, ни в поле?»

«Ой, по воле я вышла, пришла по нужде
В эту землю чужую, далекую.
Сулеймана-сынка не найду я нигде,
Пожалейте меня, одинокую.
Средь нехоженных тропок и дальних дорог
Не встречался ли вам Сулейман — мой сынок?»

«Ой ты, мать, мы немало объездили стран,
И в одной, на дороге нехоженой,
Возле моря лежит твой сынок Сулейман,
Рядом конь под седлом нестреноженный.

Храбреца, что на гальке лежит недвижим,
Омывает вода поседелая,

Причитает, как плакальщик, ветер над ним,
И рыдает над ним птица белая».

«Что ж мне, странники, делать, я так голодна,
Я бы съела всю гальку соленую.
Так мне хочется пить, что могла б я одна
Выпить моря пучину бездонную.

Пусть возьмет меня сын мой туда, где вода,
Где песочек, под ним расстелившийся.
Пусть возьмет меня в край чужедальний, куда
Ускакал он, со мной не простившийся».

404

Под горою укроет могила меня,
И забудет жена, что любила меня.

Насыпь черную травы покроют весной,
И меня позабудет отец мой родной.

И сестра моя станет, наплакавшись влать,
Жить, как будто без брата на свет родилась.

Только старший мой брат — настоящий джигит —
Будет помнить о брате, пока не отмстит.

И покуда не ляжет со мной под горой,
Обо мне не забудет и брат мой второй.

405

Ты, горячая пуля, коварна и зла,
Но моею рабою не ты ли была?

Ты безжалостна, смерть, твой ужасен предел,
Но не ты ль мне служила, когда я хотел?

Ты, сырая земля, упокоишь меня,
Но топтал не тебя ль я ногами коня?

Ты укроешь меня, упокоишь, а всё ж
Только тело мое, а не душу возьмешь!

406

Ни на рассвете рано,
Ни в сумерки, в час тумана,
Ни в ночной тишине
Слез не лей беспрестанно,
Сестра, чей брат на войне.
Может, зла не случится,
Брат с войны возвратится.
Плакать надо бы мне.
Нету на свете брата,
Не ждать мне его возврата
Ни наяву, ни во сне.

Мать, ты не плачь о сыне,
Если он бьется ныне
С врагами в честном бою.
Счастье да улыбнется,
Сын твой живым вернется
В саклю родную свою.
Мне, сиротине бездетной,
Не о ком плакать, бедной.
Я горькие слезы лью.
Не придет опаленный
Мой сынок нерожденный
В саклю пустую мою.

407. ПТИЦА И ДЕВУШКА

Я бежала к ручью напиться,
Услыхала, как пела птица.
Ой, не пела она — стонала.
До воды я не добежала.

454

Я пред птицей остановилась.
«Что с тобою, скажи на милость?
Я одна, я печальна тоже.
Может, наши печали схожи?»

Застонала печальной птица:
«Не поймешь ты меня, девица.
Люди крылья мне подломили,
От гнезда меня отлучили».

Я сказала: «Бедняжка птица,
Ты мне можешь во всем открыться.
В языках наших есть отличие,
А печаль — что моя, что птичья.

Белый царь за гордое слово
Брата взял у меня родного,
Крылья сокола подломили
И в сибирском краю сгубили».

408

Голосит тоскливо птица желтая.
Я спросила: «Птица, что случилось?»
Зачирикала она, промолвила:
«На чинаре ветка обломилась,
Полетела наземь, и гнездо мое
Вместе с нею с высоты упало.
Мне не жаль пропавшее добро мое,
Плачу, что птенцов я потеряла.
Раньше счастьем своему не верила,
Как теперь мне с горем примириться?
На лету об ствол, об ветку дерева
Было б лучше мне самой разбиться».

409. СКАЖИТЕ, ПОДРУГИ!

Скажите, подруги, родимой моей,
Скажите, подруги, родимой скорей,
Коль замуж меня согласится отдать,
Мой суженый будет ей сын, а не зять.

Скажите, подруги, свекрови моей,
Свекрови моей передайте скорей,
Что я ей невесткой не буду дрянной,
Скажите, я дочерью буду родной.

Скажите свекрови, что мне еще нет
Пятнадцати дней до пятнадцати лет.
Скажите свекрови, коль будет любить,
Я верой и правдой ей буду служить.

Скажите свекрови, коль будет любить,
Я верой и правдой ей буду служить.
А станет бранить, попрекая куском,
Закахну я, бедная, плача тайком.

410

Пусть будет утро счастливым,
Пусть будет твой вечер счастливым,
Свекровь, что жалеет сноху.
Пусть будет твой сон счастливым,
Пусть будет твой сын счастливым,
Свекровь, что лелеет сноху.

Пусть будет утро несчастным,
Пусть будет вечер несчастным
У той, что сноху клянет.
Пусть сон ее будет несчастным,
Пусть сын ее будет злосчастливым,
Пусть долго она не живет,
Пусть счастья не будет свекрови,
На деле злой и на слове,

Если который год
Она сноху свою мучит,
То укоряет, то учит,
Ей житья не дает.

411

Толстый пояс расстегни, свекровь моя,
Башмаки свои сними, свекровь моя,
Отдохни и подремли пока.
Я же в отчий дом пойду средь ночи.
Ты ж, свекровь, оставь себе сына,
Если нужен твой тебе сыночек.

Век твоя еда пусть будет пресною,
Пусть твоя могила будет тесною,
Пусть потом, в день Страшного суда,
Ты ответишь за мои мучения,
За свои бывшие прегрешения.
Может быть, раскаешься тогда.

412. ЗЛАЯ СВЕКРОВЬ

Не жалею, беда, друг друга мы.
Часто вздорим, миримся туго мы.
Не даю друг другу житья:
Ты бранишься, и плачу я.

Ссоры-споры у нас тяжелые,
Разговоры все невеселые.
Недобра твоя старая мать,
Я устала ей угождать.

Сыр соленый, каша горячая.
Зла свекровь моя, вот и плачу я.
Зла свекровь моя, очень зла,
Помирала — земля не взяла.

413. ПЕСНЯ ЖЕНЩИНЫ,
ОСТАВЛЕННОЙ МУЖЕМ

В пору восхода солнце встречая,
Тоскую я о тебе,
В пору заката, закат провожая,
Горюю я о тебе.

Мне бы воды холодной напиться —
Вода моя утекла.
Огонь, который в сердце таится,
Сжигает меня дотла.

Люди, как птицы, птенцов своих нежат,
А к нашему кто подойдет?
Кто его, глупого, в горе утешит?
Кто слезы со щек утрет?

Не над своей я горюю судьбою,
Я плачу о нашем птенце,
О нем, об оставшемся сиротою
При матери и при отце.

414. ПЕСНЯ ГОРЯПКИ

Там, где скрываюсь я, горы в дыму.
Добрые люди, скажите ему,
Пусть мой любимый не медлит ни дня,
В горы пойдет и отыщет меня.

Там, где скрываюсь я, камни и лед.
Лед я рублю, а вода не идет.
Нечего пить мне здесь, как на беду,
Нечего есть, где достать мне еду?

Камни и горы, в горах я одна.
Камни и горы, я слову верна.
Люди, скажите орлу моему,
Сердце отдам я ему одному.

В горы дорога крута и трудна.
Пусть, ради бога, придет — я одна.
Страшно в горах мне, здесь камни и лед,
Пусть он придет и меня заберет.

Камни и лед на дороге сюда,
Камни тверды, — я, что камень, тверда.
Может быть, милого в этом аду
Мне не дожидаться, но жду я и жду.

Если белое платье мелькает вблизи родника
 И с кувшинами девушка медлит домой воротиться,
 О несчастная мать, ты должна примириться
 С тем, что с дочерью скоро придется проститься,
 Что веселая свадьба, а с ней и разлука, близка.

Милый с милою, бывает,
 Вдруг у родника сойдутся.
 Всё вокруг тогда стихает —
 Так они в любви клянутся,
 Так их речи жарко льются,
 Что вода в ручье вскипает
 И ручей пересыхает,
 Камни только остаются.

Милый, что мы будем делать,
 Замели в горах метели?
 Милый, что мы будем делать,
 В поле ветры загудели?

Милый, что мы будем делать,
 Я погибну, не спасусь,
 Если и фатою белой
 От метели заслонюсь.

Что мы будем делать, милый?
 Верь, не смерти я страшусь.
 Не замерзнуть я боюсь,
 Страшно мне: сойдя в могилу,
 Я с тобою разлучусь.

Не кори меня сурово,
 Не жури меня ты снова,
 Не ругай, родная мать,
 Не за что меня ругать.
 Встретив парня молодого,
 Встретив парня дорогого,
 «Не люби» — такого слова
 Не могла же я сказать.

Как-то ветер, подувший с моря,
 Реки высушил все и тучи,
 Но не высушил слез горючих,
 Ибо с детства познала я горе.

В небе солнце горело, блистая,
 Лед растаял, река очнулась,
 Но в груди моей лед не растаял,
 Ибо смолоду я обманулась.

Было мне лет пятнадцать, не боле,
 В первый раз я любовь узнала.
 С той поры я и плачу от боли,
 Я обиды стерпела немало.

Не слезитесь, глаза мои — зорьки,
 Чтобы вовсе слепой не стать мне.
 Я рассталась с неверным и только,
 Не отец он родной, не мать мне.

Будь же, сердце мое, милосердным,
 Успокойся, меня помилуй.
 Я рассталась лишь с парнем неверным,
 Не с сестрою, не с братом милым.

Мне он выше вершины казался,
Оказался он ниже подножья.
Мне он ярче солнца казался,
Но и свет оказался ложью.

Пусть он ночью не знает ночи,
Дня не видит дневной порою,
Пусть не знает он счастья за то, что
Я осталась одна молодою.

420

Мне говорят, чтоб сгорела дотла,
Чтоб стала углем, испепелилась.
Мне говорят, чтоб я прочь утнула,
Чтоб в быструю реку я превратилась.
Говорят, чтоб в могилу я опустилась,
Говорят, чтоб с милым я разлучилась.

Чтоб были вы рады, испепелюсь я.
Если вам надо, рекой обернусь я.
В могилу готова я опуститься,
Но с милым не в силах я разлучиться.

421. ДЕВИЧЬЯ ПЕСНЯ

Лучше в новом платке за ворота не шла бы
На вечерней заре,
Лучше веником таловым пыль не мела бы
На отцовском дворе.
Для меня ты хорош, но отец мой проклятый
На меня не глядит:
Мол, для нашей семьи ты жених небогатый,
Мой отец говорит.
Ты мне дорог, да старая мать моя тоже
На меня не глядит:
Мол, одежда твоя на лохмотья похожа,
Мать моя говорит.

Для меня ты хорош, нехорош ты для брата.
Брат мой тоже сердит:
Мол, оружие дружка моего бедновато,
Мне мой брат говорит.
Мол, и ростом ты мал, и лицо конопато —
Так мне все говорят.
Я люблю, я слепа, и красив для меня ты,
И высок, и богат.

422. ТЫ У НАШИХ ВОРОТ НЕ ХОДИ

Ты у наших ворот не ходи,
Мне и так целый день нездоровится,
А увижу тебя, и в груди
Сердце вовсе мое остановится.

Нет тебя — и не холоден лед,
Летом солнце не жжет беспощадное.
Летним утром заря не встает,
В полнолуние — тьма непроглядная.

Что мне делать: любовь горяча.
Дни идут, а любовь не кончается.
Я сгораю сама, как свеча.
Оплывает свеча, растекается.

Дождь пройдет — не исчезнет вода.
Реки высохнут — дно останется.
Ты уйдешь от меня навсегда,
А любовь всё равно останется.

423. ТЕБЯ ЛЮБЯ, ПЛАЧУ

Однажды пришел кабардинец,
Принес нам хмельное питье,
Принес нам проклятый гостинец,
Развевший счастье мое.

Мой милый, питьем опоенный,
Теперь молчалив, нелюдим.
Он ласковым был и влюбленным,
А стал молчаливым и злым.

Я жду тебя, голубь далекий,
Проплакав глаза от тоски.
Ой, синие тучи высоки,
Ой, черные горы близки.

424. НЕ РАЗЛУЧАЙТЕ НАС

Не проклинай нас, недобрый отец,
Не разбивай наших бедных сердец!
Не разлучай нас! Убьет меня боль,
Телу с душой расставаться легко ль?
С милым, как тело с душой, мы срослись,
Словно с рекою река, мы слились!

Матушка, бедную дочь не кляни,
Прочь от себя ты ее не гони.
Не проклинай нас, убьет меня боль,
С другом моим мне расстаться легко ль?
Не разлучай нас, недобрая мать,
Милым расстаться — сердца надорвать.

Не проклинай меня, милый мой брат,
Сердце мне жжет твой неласковый взгляд.
В бурку одетый, ты в битвах бывал,
Раненный, боль ты и сам испытал.
Раны разлуки сильнее болят,
Раны разлуки смертельны, мой брат!

425. ГОРЕ МНЕ, МАМА

В солнечном мире солнце восходит,
В солнечном мире солнце заходит.
Светит ли солнце, блестит ли луна —
Тьма предо мною, я плачу одна.

Солнце заходит, но спать не могу я,
Солнце восходит, но встать не могу я.
Мне без любимого жить суждено,
Мне потому и при солнце темно.

Жизни не рада, я петь перестала,
Я за ограду глядеть перестала.
Мамочка, милая, кто виноват
В том, что возлюбленный мой не богат?

Ты родила меня, мама, красивой
Не для того, чтоб мне быть несчастливой.
Хоть для себя, для спасенья души,
Выйти за милого мне разреши!

Будет мой милый моею защитой,
Чтобы не быть мне забитой, прибитой.
Горе как море в жизни земной, —
Милый мой горе разделит со мной.

426. КАК ЖЕ НАМ РАССТАТЬСЯ?

Говорят, до восхода солнца,
Говорят, до захода солнца
Мы с тобою на веки вечные
Разойдемся, как путники встречные.

Для чего нам, скажи по чести,
Жить на свете, коль жить не вместе?
Ты красивый, и я красивая,
Ты несчастный, я несчастливая.

Упрекать тебя я не смею.
Утешать себя не умею.
По соседству с тобою жили мы,
С малолетства друг друга любили мы.

Видно, мы повстречались рано,
Видно, мы повенчались рано.
Мы с бедою познались рано,
Мы с тобою расстались рано.

427. ТЫ МЕНЯ ОБМАНУЛ

Как подумаю я о тебе,
Как подумаю я о себе —
Еле ноги мои волочатся,
Как подумаю — плакать хочется.

Я не знаю, как жить без тебя.
А ты знаешь, как жить без меня?
Я любовь твою мерой не мерила,
Ты твердил о любви, а я верила.

Раньше время ты находил,
Хоть украдкою приходил.
Ожидала тебя у тропки я,
Заклучала в объятия робкие.

Ты бы сел на своем дворе,
Темной ночью иль на заре,
Да подумал бы над причиною,
Вправе зваться ли ты мужчиною?

Я надену папаху твою,
Ты надень косынку мою.
Уж какая ни есть я слабая,
Всё же рядом с тобой не баба я.

Появилась я не из земли,
Не на грядке меня нашли.
На меня найдутся охотники,
Не такие, как ты, негодники.

Я остаться одна не боюсь,
Мне не жаль, что с тобой расстанюсь.
Жаль, родня у меня злоязычная.
К пересудам, беда, не привычна я.

Мне б в голубку-птицу превратиться,
 Мне язык бы голубиный знать, —
 Я влетела б к старой голубице,
 Попросила бы птенца отдать.

Мне бы стать проворной соколицей —
 Я свои б расправила крыла
 И у этой старой голубицы
 Силою птенца бы отняла.

Белый голубок, моя отрада,
 Люди не велят любить тебя,
 Говорят, что мне скорее надо
 Разлюбить и позабыть тебя.

Позабыть тебя велят мне люди,
 Люди разлучить нас норовят.
 Говорят мне люди, словно судьи,
 Самой лютой карою грозят.

Отвечаю я честному люду:
 «Как его могу я разлюбить?»
 Говорю я: «Как его забуду?
 Сердце мне не даст его забыть».

Милый, лучше б нам сейчас с тобою
 Улететь неведомо куда.
 Пусть не судят люди нас с тобою.
 Наше горе выше их суда.

Мне и зноем опаленный
 Этот шумный мир не в радость.
 И луною озаренный
 Мне подлунный мир не в радость.

Ночью спать бы — да нейдет.
Утром встать бы — не встает.
Что закат мне, что восход.
Мой птенец, в меня влюбленный,
Но со мною разлученный,
Мне покоя не дает.
Не любовь у нас, а мука.
Я тревожусь, что разлука
Наши души разорвет.

Мама, разве ты не видишь,
Разве за него не выдашь,
Разве дочь тебе не жаль?
Разве я найду другого,
Разве я найду такого,
Чтобы понял с полуслова
Грусть мою, мою печаль?
Лучше уж одна останусь
Или с жизнью я расстанусь.

430. ЗАВЕТНОЕ СЛОВО

Еще солнце взойти не успеет,
Еще солнце зайти не успеет,
Как нас разлучат сурово, —
Мой милый птенец, скорее
Скажи мне заветное слово.

Нам не успеть научиться
Читать, что в душах таится.
Нас разлучат сурово, —
Пред тем, как нам разлучиться,
Скажи мне заветное слово.

Уж лучше б нам не родиться,
Уж лучше б нам удавиться.
Я ко всему готова.
Но перед тем как проститься,
Скажи мне заветное слово.

Тем, кто по нашему следу
Пустил несчастья и беды,
Что сделали мы плохого?
Прощай, но теперь, напоследок,
Скажи мне заветное слово.

Мы претерпели гоненья
В самую пору цветенья.
Прощай, увидимся ль снова?
Прощай, но хоть в это мгновенье
Скажи мне заветное слово.

431

Ой, голубь, ой, голубь мой белый,
Прошу тебя, это дело
Ты доведи до конца.
Лети ты к дому вдовицы,
Скажи этой старой птице,
Пусть даст своего птенца.

Я, позабыв обычаи,
Сама слетать к ней могу,
Только, беда, по-птичьи
Что я сказать ей могу?

Там, над двором вдовицы,
Зорька огнем горит,
Солнце там не садится
И ночью и днем горит.

Не огненное светило
Светит там из-за гор,
Это птенец ее милый
Собой озаряет двор.

Может быть, день наступит,
Может, настанет пора,
Когда нога моя ступит
На камень того двора.

Красят склон весною
Горные тюльпаны,
Красит май травой
Черные поляны.

Солнце землю холит
Днем, а месяц ночью.
Что же мою долю
Скрасить ты не хочешь?

433. СОЛНЦЕ ВЗОЙДЕТ — Я ГЛЯЖУ В ВЫШИНУ

Солнце взойдет — я гляжу в вышину.
Выйдет луна — я гляжу на луну.
Может, при солнце придешь ты ко мне,
Может, ко мне ты придешь при луне.

Солнце над всеми одно, и одна
Ночью над миром восходит луна.
В пору луны, среди белого дня,
Милый, ты помнишь, ты ждешь ли меня?

Почему ты не стыдишься
Дня и вечера седого,
Как ты ночи не боишься,
Парень, не сдержавший слова?

Я платка не пожалею
Вышитого, дорогого,
А папаху скинь скорее,
Парень, не сдержавший слова!

Пояс с кованым кинжалом
Тяжек для тебя такого,
Ты сними его, пожалуй,
Парень, не сдержавший слова!

Со скалы не упаду я,
Я найду себе другого.
Без тебя не пропаду я,
Парень, не сдержавший слова.

И тебя не стану клясть я,
Не хочу тебе сурово
Своего желать несчастья,
Парень, не сдержавший слова.

435. СЫН ВДОВИЦЫ

Мир солнцем прекрасен и зноем,
Прекрасен травой зеленой.
Мир украшает собою
Птенец мой, в меня влюбленный.

Ужель земля перестанет
По-прежнему быть красивой,
Ужели трава увянет
Иль солнце светить устанет,
Если я буду счастливой?

Зачем же весь мир разлучает
Меня и сына вдовицы,
Меня к нему не пускают,
Ему не велят жениться?

Но сердце, так же как ныне,
Любить его не перестанет.
Пусть лучше солнце остынет,
Пусть лучше трава увянет.

436

Никого другого не видя,
Лишь моей красотой ослепленный,
Никого другого не слыша,
Тихой речью моей оглушенный,
Ты готов ли со мною быть,
Слово только мое ловить?

Никого другого не видя,
Лишь твоей красотой ослепленная,
Никого другого не слыша,
Тихой речью твоей оглушенная,
Я готова с тобою быть,
Слово только твое ловить!

Солнце днем от меня заслоняют,
Что тебя я увижу — боятся,
И луну от меня закрывают,
Что тебя я увижу — боятся.

На равнину меня не пускают
Ни в полдневный час, ни под вечер.
На вершину меня не пускают,
Всё боятся — тебя я встречу.

Милый, встретимся на вершине
В полдень, в пору жаркого зноя,
А потом при луне на равнине
Повстречаемся мы с тобою.

Обману я отца и братьев,
Что всегда за меня боятся,
И к тебе я брошусь в объятья,
Чтоб нам больше не разлучаться.

437

Утром жду я темной ночи,
День прошу, чтоб был короче.
Что ни утро, что ни день,
По тебе тоскую очень.

С той поры, как ты открылся
В том, что мной и ты пленился,
Показалось, будто вдруг
Мир вокруг переменялся.

472

Черное вдруг стало бело.
Я всем миром завладела,
И владения свои
Озираю я несмело.

Милый, мы пойдем весною,
Мы поселимся с тобою
Где-то на краю земли,
Где-то от людей вдали,
Чтоб они молвою злою
Разлучить нас не могли.

438

Я не вижу, что вечер светел.
Мне его красоты не надо.
Я не вижу, что солнце светит,
Если милого нету рядом.

Говорила я черному полю,
Облакам голубого цвета
Про свою несчастную долю,
Что томлюсь, люблю без ответа.

Говорила листве зеленой
И просила росу на зорьке,
Я просила траву на склонах
Рассказать о любви моей горькой.

Для чего ты себя сгубило,
Сердце глупое, молодое?
Ты зачем того полюбило,
Кому быть не дано с тобою?

Ах, зачем вы мечтою сладкой
Обманулись, ясные очи,
Вслед тому глядите украдкой,
Кто на вас и взглянуть не хочет?

473

Если б сиротской была моя доля
 И у меня бы не было крова,
 Будь я одна, словно деревце в поле,
 Ты бросил меня, не сказал бы ни слова.

Но у меня есть дом мой родимый,
 Куда вернуться могу опять я,
 Есть мать у меня и отец любимый,
 Есть любимые сестры и братья.

В полдень на солнце могу не глядеть я,
 В полночь могу пренебречь я луною,
 Сына вдовицы могу не заметить
 Или, заметив, пройти стороною.

А если гордиться вздумаешь ныне,
 Решишь унижить меня, молодую,
 Взгляни на дом свой в самой низине,
 Взгляни на рожу свою кривую.

Тем, что луна восходит высоко,
 Тебе, молодец, не стоит кичиться.
 И правда, она восходит высоко,
 Высоко восходит, да низко садится.

Не из края нашего
 Заезжий молодец,
 Нечего выпрашивать,
 Кто мать, кто мой отец.

Хоть они отдали бы,
 Сама бы не пошла я
 За парня из дальнего,
 Неведомого края.

В вашей дальней области
Не так, как мы, живешь ты.
Бед моих и горестей
Вовеки не поймешь ты.

Мать, не продавай меня
Молодцу чужому,
Лучше ты отдай меня
Птенцу дороговому,

Молодцу из нашего
Горного селенья.
Будет он выпрашивать
Про мои мученья.

В башне белокаменной
Жить я не мечтаю,
Из тарелки крашеной
Есть не помышляю.

Под постылым кровом
Разве жизнь сладка мне?
С милым жить готова
Хоть на голом камне.

441

Сами свивают гнездо свое птицы,
И голубицы и соколицы.
Разве с любимым вдвоем никогда
Сами, как все, не соведем мы гнезда?
Слышу: на улице кони храпят,
Милый подъехал, а в доме не спят.
Эй, засыпай, правоверный народ,
Кони чужие у наших ворот.
Мать и отец, засыпайте скорей —
Милый мой мерзнет у наших дверей.
Спите, а я, непослушная дочь,

Выйду туда, где мой милый и ночь.
Спит мой отец, он очнется чуть свет,
Мама проснется, а дочери нет.

442

Ты — моя любовь, птенец мой милый,
Соловей мой, удалец мой милый,
Наших никогда и никому
Не разъединить сердец, мой милый.

Я грустила — ты страдал немало,
Убивался ты — и я рыдала.
Почему ж расстаться — говорят —
Надо нам во что бы то ни стало?

Мать, ты не вини меня, не сетуй,
Не гони меня по белу свету.
Для чего идти мне в край чужой,
Если милого в том крае нету?

Как могу уйти я без возврата
В край, где нету ни отца, ни брата,
В край, где нет любимого птенца,
Что дороже серебра и злата?

443

Горе у меня, у молодой,
Сердце у меня горит, мне больно.
Чтоб весь божий мир залить бедой,
Лишь одной моей беды довольно.

Говорят, нет дыма без огня,
Нет, говорят, огня без дыма.
Полыхает пламя, жжет меня —
Дым над тем, кем я была любима.

На реке под толстым слоем льда
Быстрое холодное течение.
Горе бросило меня туда,
Я плыву, и нету мне спасенья.

В небе солнце над рекой взошло.
Мне не отличить зимы от лета.
Всем на свете от зари светло,
Мне одной заря не дарит света.

Я мечтала и ждала — всё зря.
Нет мне и не будет в мире счастья.
Не зажжется над землей заря,
Коль заря моей любви погаснет.

444

Говоришь ты, что пришел бы,
Да луна светло светила.
Говоришь ты, что пришел бы,
Да уже заря всходила.
Милый мой, хитрить не надо:
Не бывало так от века,
Чтоб луна была преградой,
Солнце было чтоб преградой,
Если любишь человека.

445

Мать меня к роднику не пускает,
На замок меня запирает.
Держит дома отец меня силой.
Брат к соседям меня не пускает,
Потому что к соседям, бывает,
Залетает птенец мой милый.

Глаз с меня ни на миг не спускайте,
В поздний час к роднику не пускайте,

Наблюдайте за шагом каждым, —
Всё равно не убережете
И постель мою утром однажды
Опустевшею вы найдете.

В доме у очага родного
Я сижу, поленья бросаю.
Никому не сказав ни слова,
Я недоброе замышляю.

Я сижу у камина молча,
Утешаюсь мечтою сладкой,
Как из дома однажды ночью
С милым я убегу украдкой.

446

Солнце, говорят, восходит,
Чтобы в мире свет струился.
Говорят, луна восходит,
Чтобы мир преобразился.
Чтоб мой день всегда был ясен,
Чтобы мир мой был прекрасен,
Милый, ты на свет родился.

447

Ночью будешь ты идти ко мне —
Бурку на плечи накинь тяжелую.
Ночью будешь ты идти ко мне —
Башлыком покрой лихую голову.

Пусть белеет твой башлык впотьмах,
Пусть его концы трепещут длинные,
Пусть полощутся на всех ветрах
Полы бурки, как крыла орлиные.

Не отговоришь дождем и тьмой,
Тем, что сильный ветер дует с вечера, —

Защищу я черною фатой
От дождя тебя, от ветра встречного.

Ты не говори, что всюду тьма,
Что не можешь выйти в полночь склизкую, —
Я свечой готова стать сама,
Освещать твою дорогу близкую.

За руку тебя я поведу
Через наши закоулки сонные.
Я надену черную фату,
Туфли, из Тифлиса привезенные.

Я тебя люблю, но мой отец
Не отдаст меня своею волею.
Говорит он: ты не молодец,
Молодцам ты — коновязь, не более.

Я тебя люблю, — не любит мать,
Всё она твердит мне, непреклонная,
Дескать, ей не нужен нежный зять,
Словно пена, морем порожденная.

448. СКАЖИТЕ

Скажите птенцу дорожному о том,
Что я одинока, лишь горы кругом.
Скажите ему, если ждет он меня,
Пусть в горы пойдет, пусть найдет он меня.
Скажите, что в речке замерзла вода,
Но плещет течение на дне, как всегда.
Скажите ему, что я жду, что люблю,
Что в дни ледостава я льда не долблю.
Скажите птенцу дорожному о том,
Что дремлет не вечно вода подо льдом.
Скажите ему, пусть меня он найдет,
Пока по реке не пошел ледоход.

Пусть гонит коня, что вынослив и скор,
Туда, где томлюсь я одна среди гор.

У тебя жена седая,
 У тебя семья большая,
 Дети ссорятся, куски
 Друг у друга отнимая.

Видишь ты: я — молодая,
 Значит, думаешь, дурная.
 Вот и ходишь вслед за мной,
 Мне жениться предлагая.

Мне сулишь добра немало,
 Говоришь, чтобы сбежала
 От родителей тайком
 Я во что бы то ни стало.

Молодой мне и красивой
 Разве быть с тобой счастливой?
 Ты бы лучше на себя
 Поглядел, старик плешивый.

Матушка милая, сжался, родная!
 Плачу я, жизнью тебя заклиная.
 Лучше, чем с милым навек разлучиться,
 Вовсе мне жизни постылой лишиться.
 Милый прекрасней всего под луною,
 Осенью с ним хорошо, как весною.
 В жизни иного мне счастья не надо.
 Даже ненастью и то буду рада.
 Пусть до полудня льет дождь морозящий,
 После пусть злобствует ветер свистящий, —
 Рядом с возлюбленным всё я стерплю,
 Всё я приму, потому что люблю.

Там, на дворе у соседей, залаяли
Собаки, что смирно обычно сидели.
Дверь открывайте, встречайте, хозяева,
Гостей, что сюда не ходили доселе.

К нам заявляются гости нежданные,
Располагаются гости желанные,
Гости любезные с милым птенцом,
Не приходившим покуда в наш дом.

Ну-ка, хозяйка, чтоб пили и ели,
Выставь гостям ты и пива и плова,
А если гости тебе надоели,
Отдай им меня для птенца дорогого.

Милые гости, прошу вас по чести,
Ни с чем не уйдите, уж если явились.
Если уж, сваты, пришли вы к невесте,
Сидите, пока своего не добились.

В час, когда взойдет звезда рассветная
И с мечети прокричит мулла,
Пробудись быстрее, мама бедная,
К дочери твоей беда пришла.

Мать моя, прошу тебя я, милая,
В день, когда настанет мне конец,
Пусть придет и выроет могилу мне,
Пусть меня оплачет мой птенец.

Помнит пусть меня, его любившую,
Пусть на камне высечет моем,
Что меня, под камнем сим почившую,
Жаркая любовь сожгла живьем.

И когда, неся кувшины медные,
Девушки пойдут на склоне дня,
Им вослед не плачь ты, мама бедная,
Оттого, что с ними нет меня.

Но когда увидишь, как любимый мой,
Позабыв меня, с другой стоит,
Слез своих не сдерживай, родимая,
Волю дай себе и плачь навзрыд.

453. ТЫ ИДЕШЬ К РУЧЬЮ

Ты идешь к ручью с кувшином красным
В одеянии своем атласном.

Стан твой обвивает столько шелка,
Что хоть нынче лавку открывай,
Злата на тебе блистает столько,
Что хоть щит и латы отливай.

Словно утка, бедрами качая,
Словно лебедь, шею выгибая,
Ты идешь к прозрачным родникам,
Встречных юношей не замечая,
Пожилым дорогу уступая,
Кланаясь с почтеньем старикам.

Прикусив цепочку золотую,
Красящую шею молодую,
Ты идешь, и, воле вопреки,
Вслед вздыхают люди пожилые,
Замирают всадники лихие,
Юность вспоминают старики.

Пусть навечно остается белой
Шаль, что ты ни разу не надела,
В путь-дорогу проводив меня.
Пусть лежит в сундуке дубовом
Башмакам твоим почти что новым,
Не надеванным с того же дня.

В Тереке растает лед весною,
В Тереке растает лед от зноя.
Наши раны вылечат врачи.
Ты моя весна, мой врач целящий,
Лед расплавь в душе моей скорбящей,
Раны, если можешь, излечи!

454. АЛЬБИКА

Мир прекрасен луною, цветком базилика,
Мир прекрасен твоей красотой, Альбика.
Бел цветок, нет весны без его белизны.
Без тебя для меня нету в мире весны.

Но не вечно цветенье цветка базилика,
И луна с полнолуния убудет опять.
Неужели, моя дорогая Альбика,
Ты, достигнув расцвета, начнешь увядать?

Треплет ветер траву примартанских лугов,
И под солнцем вершина от таянья плачет,
И трепещут сердца молодых удалцов —
Ты сжигаешь, Альбика, их взглядом горячим.

Словно солнечный свет после хмурого дня,
Словно радуги свет за горою великой,
Так же чудно явление твое для меня,
Хоть я знаю: оно мимолетно, Альбика.

Ты идешь, закрываешься пестрой фатой,
Ты кувшины с водою несешь осторожно.
Я, как тень твоя, следом иду за тобой,
И от тени, Альбика, уйти невозможно.

Как весны появления, я жду твой приход,
Но скупится весна, не покажет мне лица.
На мгновенье мелькнет и надолго уйдет,
Только вместе со мною уйдешь ты, Альбика.

Сколько слез пролила я
 Из-за любви, о боже!
 Кто сам не любил, страдая,
 Понять меня вряд ли сможет.

Нас все разлучить стремились,
 Уж очень люди старались.
 Они своего добились,
 А мы с тобой разлучились,
 Так порознь и остались.

Уж очень людей ты слушал,
 Меня их аршином мерил.
 Ты верил сплетням досужим,
 Любви своей ты не верил.

Ноги к нему идти не хотят,
 Сердце не любит, — моя ли вина?
 А меня корят, а мне говорят —
 С ним, с нелюбимым, быть я должна,
 С ним, с нелюбимым, ходить я должна.

Но как мне быть, как мне ходить
 С этим старым, постылым вдовцом,
 Если другого хочу я любить,
 Быть я мечтаю с милым птенцом?

Горькая доля — с немилым быть,
 Горькая доля — с постылым ходить.
 Я никогда не смогу позабыть
 Другого, кого не дают мне любить.

В доме где-нибудь забьюсь я,
 Во дворе не покажусь я,
 Не увижу я тебя —
 Целый день не улыбнусь я.

Ты светлей дневного солнца,
 Мне милей дневного солнца,
 На земле и в небе нет
 Для меня иного солнца.

И украдкой не взгляну я
 В небо — на луну ночную.
 Милый, ты моя луна.
 Что ж луну искать иную?

Все страшат меня, и пусть
 Солнца я, луны лишусь,
 Мне тебя не потерять бы —
 Я лишь этого страшусь.

Мне сказали: горы высоки, —
 Пробовала в горы я подняться.
 Мне сказали: степи широки, —
 Я в степях хотела затеряться.
 Боже, я покоя не нашла,
 Хоть я и была в горах высоких,
 Счастья своего я не нашла,
 Хоть была я и в степях широких.
 Много в мире зла и много бед,
 Мне давно уж ничего не мило.
 Породившая меня на свет,
 Мать, зачем меня ты породила?
 В ночь, когда меня ты родила,
 Была разъяренная волчица

И в лесу, где всё покрыла мгла,
Плакала сова — ночная птица.
И медведица стонала громко,
Горько вспоминала медвежонка.
В муках породившая меня,
Для чего меня ты породила?
Сила, сотворившая меня,
Для чего меня ты сотворила?
Тяжко покарал меня аллах —
Мучиться обрек на белом свете.
Разве я с соломою в руках
Поджигала по ночам мечети?
Разве я грешила суетой,
Разве я кого-нибудь убила,
Я, поцеловав Коран святой,
Разве ложной клятвой погрешила?
Может быть, грешна я только в том,
Что была слепой и неумелой,
В том, что алым луговым цветком
Камень показался мне замшелый.

459. ЗА ТО, ЧТО ТЫ БУДЕШЬ В ПИНЕЛИ

За то, что труду твое сердце радо,
За то, что тобой гордится бригада, —

Милый, люблю тебя,
Но зазнаваться не надо!

За то, что ты первый в стрельбе и на поле,
За то, что ты первый в совете и в школе, —

Милый, люблю тебя,
Но зазнаваться не надо!

За то, что скоро ты будешь в могучей
В Армии Красной, в армии лучшей, —

Милый, люблю тебя,
Но зазнаваться не надо!

За то, что ты будешь, красивый и статный,
В шинели военной, в семье необъятной, —

Милый, люблю тебя,
Но зазнаваться не надо!

За то, что в страну не пропустишь гада,
За то, что твой штык — отчизне ограда, —

Милый, люблю тебя,
Но зазнаваться не надо!

460. ЮНЫЙ АЛИ

Как заря прекрасен
Мой любимый,
И как месяц ясен
Мой любимый!

Или мне просто кажется это
Из-за дневного яркого света,
Скажи мне, Али?

Человек серьезный
Мой любимый:
Бригадир колхозный
Мой любимый!

И потому-то мне месяцем ясным,
И потому-то мне солнцем прекрасным
Кажется юный Али!

Всех способней в школе
Мой любимый!
Всех проворней в поле
Мой любимый!

Или мне просто кажется это,
Сердце, быть может, мое задето,
Скажи мне, Али?

Честен и бесстрашен
Мой любимый.
Орденом украшен
Мой любимый!

И потому-то мне месяцем ясным,
И потому-то мне солнцем прекрасным
Кажется юный Али!

461. ПЕСЕНКА О ПЧЕЛЕ

Что ты кружишься над нами
В этот ранний час, пчела?
В лес пришли мы за цветами,
Ты не трогай нас, пчела!

Мы, пчела, тебя не гоним
И не жмурим в страхе глаз.
Мы, пчела, тебя не тронем,
Но и ты не трогай нас!

Все цветы полны нектаром,
Будет в ульях сладкий мед.
Не теряй же время даром:
Скоро солнышко зайдет!

462. ЧЕРНЫЙ ЖУК

Просыпайся, черный жук,
Черный жук, проворный жук!
Чернобокий лежебока,
Не ленись!
Солнышко уже высоко,
Торопись!

Спой нам песенку свою:
«Бо-у, бо-у, бо-ю-ю».

От своей норы, от дома
Отлети,
К дому шарик из соломы
Покати!

Просыпайся, черный жук,
Черный жук, проворный жук!
Чернобокий лежебока,
Не ленись!
Солнышко уже высоко,
Торопись!

463. ВОЛКИ

Там в лесочке у оврага
Черная лежит коряга, —
Волки там живут.
Тихомолком, тихомолком,
Притаясь, волчица с волком
Там добычи ждут.

Тихомолком, тихомолком,
Притаясь, волчица с волком
День и ночь не спят.
Волки малого ребенка
Иль усталого ягненка
Изловить хотят.

В том овраге, в том лесочке
Боязно поодиночке
Нам ходить-гулять.
В тот лесок гурьбою, дружно,
Побредем мы, если нужно
Хворост собирать.

Мы в лесок пойдем гурьбою,
Палки мы возьмем с собою,
Чтоб волков пугать.
Крикнем: «Ну-ка, прочь с дороги,

Уносите, волки, ноги,
Мы хотим гулять!»

Пусть же будет неповадно
Тем волкам, свирепым, жадным,
Слабых обижать.
Им ни малого ребенка,
Ни усталого ягненка
Не поймать!

ПРИМЕЧАНИЯ

Настоящее издание является первым собранием разнообразных по жанру, темам, историческому и географическому бытованию образцов песенного фольклора народов Северного Кавказа. В него вошли песни абазинцев, адыгов (адыгейцев, кабардинцев, черкесов), балкарцев и карачаевцев, вайнахов (ингушей и чеченцев), калмыков, осетин. В сборник включены также песни ногайцев, живущих в Карачаево-Черкесской автономной области. Песни дагестанских ногайцев представлены в книге «Песни народов Дагестана», вышедшей в 1970 г. в Большой серии «Библиотеки поэта».

Для настоящего издания отобраны песни, наиболее ценные в идейно-художественном отношении, характерные для того или иного исторического периода, того или иного жанра. Песни расположены в порядке этнической принадлежности по алфавиту. Внутри каждого национального раздела они распределены по жанрам (трудовые, обрядовые и т. п.). Внутри жанров — в хронологической последовательности (в тех случаях, когда можно установить временную приуроченность данной песни к известному историческому событию).

С целью сохранить национальную лексическую окраску включенных в сборник песен, названия предметов народного быта, географические наименования, а также имена и фамилии приводятся в переводах в том виде, в каком они существуют в данном языке, или в форме, близкой к исходному наименованию.

В начале примечаний к каждому языковому разделу дается краткая историко-географическая справка о данном народе, его принадлежности к той или иной языковой группе, истории собирания и изучения его песенного фольклора.

Далее сообщаются сведения об источнике перевода, то есть о записи песни на языке оригинала, опубликованной или хранящейся в архиве собирателя, затем — сведения о первой публикации перевода, вошедшего в данное издание; наличие другого перевода отмечается только в тех случаях, когда он имеет самостоятельное художественное значение. Приводятся и так называемые «паспортные данные»: сведения о дате и месте записи песни, собирателе песни и его информаторе. Отсутствие этих сведений в примечаниях означает их отсутствие в источнике и специально не оговаривается. Характеристика собирателя и информатора дается при первом упоминании.

Далее сообщаются необходимые сведения историко-фольклорного характера и поясняются некоторые понятия, относящиеся к быту народов Северного Кавказа, а также специфические слова и термины, оставшиеся в тексте без перевода.

Условные сокращения

- Антология — «Антология осетинской поэзии», М., 1960. Составители Т. Балаев, А. Гулуев, Д. Дарчиев.
- АБП — «Антология балкарской поэзии», Нальчик, 1959. Составители А. Бозиев, С. Отаров, А. Соттаев. На балкарском языке.
- АКБП — «Антология кабардинской поэзии», Нальчик, 1957. Составители З. Налоев и А. Дадов. На кабардинском языке.
- АКБПМ — «Антология кабардинской поэзии», М., 1957.
- АКП — «Антология калмыцкой поэзии», Элиста, 1962. Составители С. Каляев, И. Мацаков, Л. Сангаев. На калмыцком языке.
- БНЛ — «Балкарская народная лирика», Нальчик, 1959. Предисловие и примечания Кайсына Кулиева. Переводы Наума Гребнева.
- БНП — «Балкарские народные песни», Нальчик, 1969. Составители С. Отаров и А. Халаев. На балкарском языке.
- ИКНЛ — «Из кабардинской народной лирики», Нальчик, 1956. Примечания и предисловие З. Налоева. Переводы Наума Гребнева.
- ИФ — «Ингушский фольклор», т. 2, Грозный, 1967. Составитель Абу Мальсагов. На ингушском языке.
- КарНП — «Карачаевские народные песни», М., 1969. На карачаевском языке.
- КНП — «Калмыцкая народная песня», Элиста, 1963. Исследование Н. Волковича и Н. Эрендженова с приложением народных песен с нотной записью. На калмыцком языке.
- КПП — «Кабардинские песни и пословицы», Нальчик, 1948. Составители А. Шортанов, Х. Эльбердов, А. Шогенцуков. На кабардинском языке.
- КФ — «Калмыцкий фольклор», Элиста, 1941. Составители Ц. Леджинов, Г. Шалбутов. Издание подготовлено Институтом усовершенствования учителей Калмыцкой АССР. На калмыцком языке.
- КЧНИИ — Архив Карачаево-Черкесского научно-исследовательского института экономики, истории, языка и литературы.
- ННП — «Ногайские народные песни», М., 1969. Составитель С. А. Калмыкова. На ногайском языке.
- НТК — «Народное творчество Калмыкии», Элиста — Сталинград, 1940. Фольклорный сборник на русском языке. Составитель И. Кравченко.
- ОНТ — «Осетинское народное творчество. Сборник произведений осетинского фольклора в двух томах», Орджоникидзе, 1961. Составитель З. Салагаева. На осетинском языке.
- ПБП — «Песни безымянных певцов. Народная лирика Северного Кавказа», Махачкала, 1960. Переводы Наума Гребнева.
- ПВ — «Песни вайнахов», Грозный, 1972. Составитель Магомед Дикаев. Переводы Наума Гребнева.
- ПД — «Песня дерева. Народные песенки, прибаутки, небылицы, счи-

- талки Кабардино-Балкарии», Нальчик, 1962. Перевод Наума Гребнева.
- ПДЛ — «Песни далеких лет. Из осетинского фольклора», Орджоникидзе, 1960. Перевод Наума Гребнева.
- ПДЛ 74 — «Песни далеких лет. Осетинская народная поэзия», издание 2, доп., Орджоникидзе, 1974. Составители: З. Салагаева и Т. Хаицаева. Перевод Наума Гребнева.
- ПЖД — «Песни живших до нас. Из народной лирики кабардинцев и балкарцев», Нальчик, 1966. Перевод Наума Гребнева.
- ПНТО — «Памятники народного творчества Осетии», вып. 1, 2, 3, 4, 5, Владикавказ, 1925, 1927, 1930 и т. д. На осетинском языке.
- ПСМЗ — «Пой, степь моя, запевай!» Сборник калмыцких песен, Элиста, 1958. Составитель Б. О. Джимбинов. На калмыцком языке.
- ПЧИ — «Поэзия Чечено-Ингушетии», М., 1959.
- Сел. — селение.
- СНПКБ — «Старинные народные песни карачаевцев и балкарцев», Черкесск, 1958. Составитель Х. О. Лайпанов. На карачаевском и балкарском языках.
- СОНИИ — Отдел рукописного фонда Северо-Осетинского научно-исследовательского института экономики, истории, языка и литературы.
- ФСК — «Фольклор Советской Кабарды», Нальчик, 1957. Составители А. А. Дадов, З. М. Налоев, А. Т. Шортанов. На кабардинском языке.
- Хрестоматия — «Осетинское народное творчество». Хрестоматия осетинского фольклора, составленная Казбеком Казбековым и Георгием Калоевым, Дзауджикау, 1949. На осетинском языке.
- ЧИФ — «Чечено-ингушский фольклор», М., 1940.
- ЧЭЛП — «Чеченские эпические и лирические песни», Грозный, 1959. Составители З. Джамалханов и С. Эльмурзаев. На чеченском языке.

АБАЗИНСКИЕ ПЕСНИ

Абазинцы живут в Карачаево-Черкесской и Адыгейской автономных областях. Язык абазинцев относится к северо-западной (абхазо-адыгской) ветви иберийско-кавказских языков.

Народные песни абазинцев никогда не издавались ни на абазинском, ни на русском языках. Песни, публикуемые в данной книге, печатаются впервые. Оригиналы хранятся у собирателя Мирры Тлябичевой, молодой абазинской поэтессы, передавшей их переводчику в подстрочном переводе. Малочисленность абазинских песен объясняется не только тем, что их до сих пор не собирали. На абазинский песенный репертуар значительное влияние оказала кабардино-черкесская песня. Абазинцы в подавляющем большинстве знают адыгский язык и пользуются им в бытовом общении, поэтому в песенном обиходе очень популярны адыгские песни. Многие абазинские певцы не только исполняли адыгские песни, но и слагали новые на этом языке, и потому собственно абазинских песен оказалось весьма немного. Здесь представлены лучшие образцы.

1. Самая популярная песня абазинцев. *Рари-уарайда* — традиционный припев абазинских песен. *Лоовы* — знатный и влиятельный род, имевший много привилегий и нещадно эксплуатировавший бедноту.

2. Песня-плач, по содержанию примыкающая к самому распространенному жанру песен о горестной доле горянки.

3. Героическая песня о герое гражданской войны в Карачаево-Черкесии *Рамазане Кужеве* была сложена в первые годы советской власти. До Великой Отечественной войны в Карачаево-Черкесии существовал колхоз имени Рамазана Кужева. *Батыр* — богатырь, герой.

АДЫГЕЙСКИЕ, КАБАРДИНСКИЕ, ЧЕРКЕССКИЕ ПЕСНИ

Адыгейцы, кабардинцы и черкесы живут соответственно в Адыгейской автономной области Краснодарского края, в Кабардино-Балкарской АССР и в Карачаево-Черкесской автономной области Ставропольского края. Общее название этих трех народов — адыги. Языки этих народов родственны, относятся к северо-западной (абхазо-адыгской) ветви кавказских языков. Фольклор этих народов един, за исключением небольших местных различий.

Рукописные оригиналы публикуемых произведений в подавляющем большинстве находятся в фольклорном фонде архива Кабардино-Балкарского научно-исследовательского института. Однако ссылки даются на первые публикации оригиналов, так как переводы осуществлены с опубликованных текстов оригиналов.

ГЕРОИЧЕСКИЕ И ВЕЛИЧАЛЬНЫЕ ПЕСНИ

4. АК6П, с. 93. ИКНЛ, с. 26. Записана в 1949 г. в сел. Псыгансу З. Кардангушевым — лучшим знатоком и исполнителем кабардинских народных песен — от Х. Ворокова. Восходит к традиции исполнения сказаний нартского эпоса, но стала хоровой песней. Исполняется хором в сопровождении наигрыша на скрипке, свирели, трещотках. *Ой, дуней* — буквально: ой, мир (вселенная) — распространенный зачин в кабардинских народных песнях. *Тотреш* — один из героев нартского эпоса, погибает от руки Сосруко в поединке. *Сын Химиша Батараз* — один из основных героев нартского эпоса, как и его отец Химиш.

5. АК6П, с. 94. АК6ПМ, с. 64. Записана от знаменитого народного певца А. Хавпачева. Одна из самых популярных в народе песен. *Андемыркан* — буквально: воспитанник Андемыра, легендарный герой, могущество, справедливость и рыцарство которого противопостоят низости социальной верхушки кабардинского общества — пши, князьям, феодалам. По своему происхождению он тума, т. е. сын пши (благородного) и простой, незнатной женщины, в другом варианте — сын пши и унаutki (холопки). Эта двойственность со-

циального положения является источником его обостренной реакции на несправедливость всех пши и притеснителей простых людей. Он становится смертельным врагом пши, и они его убивают, прибегнув к предательству. По преданию, об Андемыркane было сложено семь песен семью певцами — джегуако, но никто не должен помнить весь цикл, иначе он ослепнет. Цикл об Андемыркane завершается гибзой — плачем. В 1936 г. в книге «Кабардинский фольклор» опубликовано шесть сказаний-повестей об Андемыркane в прозаическом изложении. Цикл завершается величественной гибзой, стихотворный перевод которой принадлежит А. И. Глобе. В книге верно отмечается, что цикл сказаний и песен об Андемыркane «по остроумию, проникновенности, яркости, драматическому напряжению — замечательное создание гения кабардинского народа», а замыкающая эти сказания «Гибза об Андемыркane» — «классическая гибза кабардинского фольклора» (см.: «Кабардинский фольклор», М. — Л., 1936, с. 139). Приводим этот текст как эталон классической гибзы:

Гибза об Андемыркane

1

Слышавший голос Андемыркана — слышал гром.
Грозной речи его не любят пши.
Тлепш рукоять меча его держал,
Аушгер рукою стали касался.
Страх-боязни не знает Андемыркан.
Меч его, говорят, остро отточен.
Точно птица он, когда на коне.
Как густой туман, когда на земле.
Сила его больше силы быка.
Пши Асланбека он заставляет дрожать.
Кана Эльмурзы объявляет врагом.
Богатствами он овладевает без труда;
Дарит их, щедростью затмевая нартов.
Стрелы летят: рукав кольчуги — его щит, —
Шадят лицо его их острия.
У Жеман-Шарыка часто в поту бока.
Альбиче-гуаша часто плачет,
Печалится, что в отлучке часто Андемыркан.
Орлом он смотрит в степную даль.
Что увидел в степи глаз Андемыркана,
От Жеман-Шарыка не скроется, не уйдет.
От крика Андемыркана дрожат враги,
Врозь бегут, мечутся, как овцы.
Меч успокоил тебя, Андемыркан!

2

Дочерью Эристова расшита подушка седла, —
Сердце обливается кровью: конь без всадника!
Просторный дом Андемыркана в запустении ныне,
Вместить мог войско — разрушается ныне!..

Из-за тебя кресты на могилах гяуров.
 С гор тебе оленей привозили в дань.
 С золоченых седел сбрасывал ты храбрецов.
 «Не в моем обычае, — говорил, — беречь стрелы».
 Брагуны в крытых арбах прятались от тебя.
 Карахалк приходил к тебе искать защиты.
 Щедро седлами одарил ты юношей-уорков,
 Когда скакали на Астрахань обѣ Кабарды.
 При дележе тебе была большая часть:
 Сверх доли других — лишнее тавро.
 Тверже был золота, отмеченный сталью.
 Меч успокоил тебя, Андемыркан!

8

Да поразит тха пши Камболета-друга!
 Клялся в вечной дружбе, стрелу преломив.
 Охотиться на лисиц — сказав — поедем, —
 В самое пустое место на земле меня завел.
 Взамен Жеман-Шарыка клячу мне дал,
 Меч подменил мой старой, зазубренной шашкой;
 Безоружным меня поставил перед целым войском.
 Руки вязать не спеши мне, Камболет златобородый!
 Золотую бороду твою уже я отрезал.
 Отрубил три пальца — теперь меня не забудешь!
 Зазубренной шашкой ставлю на лице тавро!
 Поиграл бы еще с тобой — коротка шашка.
 Вперегонки побежал бы с тобой — нет Жеман-Шарыка.
 «Безоружен хорошо владеющий шашкой!
 Смело бейте, рубите его, как дрова!»
 Андемыркана, хорошо владеющего шашкой,
 Тенью шашек от солнца укрыли —
 В темном ущелье Шерага, в теснине Ху-у.
 Львиная голова его в руках Камболета, —
 Да поразит тха Камболета-друга!
 Меч успокоил тебя, Андемыркан!

Бесленей — князь, пши, враг Андемыркана, обычная его характеристика: «с брюхом как студень». *Канибулат* (Камболет) — пши, друг героя, преданного им. *Пши Асланбек* — по преданию, брат Камболета, был убит Андермыканом, якобы поэтому Камболет предал героя. *Тлеши* — бог-кузнец в нартском эпосе. *Аушгер* — святой Георгий; ср. в осетинском: Уас-Герги. *Жеман-Шарык* — имя коня Андемыркана, буквально: не имеющий сапог, босоногий. *Альбиче-гуаша* — жена героя. *Карахалк* — буквально: черный народ, простые крестьяне. *Лишнее тавро* — т. е. лишний конь. *Шераг* — кабардинское название ущелья Черек.

6. АК6П, с. 96. АК6ПМ, с. 68. Записана З. Кардангушевым по памяти. В песне говорится о прославленном герое борьбы против насилий кабардинских князей.

7. КПП, с. 33. АКБПМ, с. 72. Записана в 1945 г. З. Кардангушевым от А. Хавпачева. Популярная в народе песня. *Дамалей Пишикан* — легендарный герой антифеодальных восстаний в Кабарде в XVIII в. Имена остальных персонажей песни известны также лишь в легенде. *Гей, маржа* — боевой клич, вроде «ура».

8. КПП, с. 48. ИКНЛ, с. 36. Записана в 1953 г. от певца Ж. Хавеяжхова. В песне восхваляется герой борьбы против набегов ногайцев на Кабарду.

9. АКБП, с. 101. ИКНЛ, с. 34. Записана в 1945 г. в сел. Кахун от А. Хавпачева. В песне славится имя героя борьбы кабардинцев против Крымского ханства. *Уэй* — своеобразный зачин в народных песнях и плачах.

10. КПП, с. 90. ИКНЛ, с. 38. Записана в 1945 г. от А. Хавпачева. В песне отражена борьба героев-одиночек против царской администрации на Кавказе. *Кунак* — друг. *Абрек* — разбойник, человек, покинувший родное село и ушедший в лес из-за вражды с местной администрацией, беспощадно мстивший своим врагам. Подчас абречество принимало характер протеста социальных низов против угнетателей.

11. ФСК, с. 26. АКБПМ, с. 95. Песню сложили кабардинцы, участники разгрома белых банд генерала Серебрякова. *Индыл* — Волга.

12. ФСК, с. 15. АКБПМ, с. 94. Песня выдержана в духе старинных величальных здравий — хохов (см. примеч. 15).

13. ФСК, с. 99. АКБПМ, с. 99.

14. ФСК, с. 98. АКБПМ, с. 101. Песня сложена в 1950 г. известной в Кабарде гармонисткой (ныне покойной) К. Каширговой и записана от нее. *Али Шогенцук* (1900—1941) — замечательный кабардинский поэт, основоположник кабардинской советской литературы, погиб в фашистском застенке в Бобруйском концлагере.

ПЕСНИ-БЛАГОПОЖЕЛАНИЯ

15. АКБП, с. 101. ИКНЛ, с. 12. Записана в 1955 г. в сел. Сармаково от Ч. Жуковой. *Хох* (величальная здравница) сказывается речитативом на фоне хорового подголосья. Это высокий образец народного красноречия. Допускает свободную импровизацию. В старину в этой поэтической форме люди высказывали свои просьбы, обращаясь к богам. Позднее хох потерял свое обрядовое назначение и стал своеобразным жанром адыгской фольклорной поэзии. Ныне в хохе выражаются добрые пожелания отдельным лицам, семьям, родам, государству, организациям и т. д. *Анадола* — ласковое прозвище бога злаков Тхаголеджы. *Мамалыга* — крутая кукурузная каша, которую едят в остывшем виде.

16. АКП, с. 128. ИКНЛ, с. 73. Записана в 1954 г. в сел. Психод А. Дадовым от П. Кимовой. Представляет собой своего рода хох

(см. примеч. 15) в честь невестки, только что вступившей в дом мужа.

17. ФСК, с. 65. АКБПМ, с. 103. Своеобразный хох (см. примеч. 15) усложненной поэтической формы.

18. АКБП, с. 131. АКБПМ, с. 106. Записана в 1954 г. от П. Кимовой. Добропожелания высказаны в форме хоха (см. примеч. 15). *Шагди* — знаменитая порода скаковых лошадей.

ПЕСНИ-ЖАЛОБЫ

19. ИКНЛ, с. 38. Записана З. Кардангушевым по памяти. Оригинал не опубликован. Одна из самых старых песен, до сих пор бытует в народе. По форме принадлежит к трудовым песням, но по существу превратилась в песню-жалобу крепостных женщин.

20. АКБП, с. 98. ИКНЛ, с. 64. Записана в 1953 г. З. Кардангушевым от Г. Хасанова. Песня бытует и под другим названием — «Сармахо». Смысл этого названия: несчастный день, горькая жизнь.

21. АКБП, с. 107. ИКНЛ, с. 46. Записана в 1955 г. в г. Нальчике от известного исполнителя кабардинских народных песен, заслуженного деятеля искусств Кабардино-Балкарской АССР Л. Алоева. Есть еще несколько вариантов этой песни. Данный текст близок к варианту, который использован и обработан драматургом Аксировым Зелымханом в пьесе «Даханаго». *Купса* — в собственном смысле слова означает верхний конусный край головного убора. В данном случае это презрительное прозвище.

22. АКБП, с. 98. ИКНЛ, с. 63. Записана в 1945 г. З. Кардангушевым от А. Хавпачева. В других вариантах известна под названием «Песни крепостных».

23. АКБП, с. 109. ИКНЛ, с. 69. Записана в 1945 г. в сел. Кахун от А. Хавпачева. По свидетельству певца, песню сочинил его отец Ахсад, который в свое время был известен как талантливый сказитель.

24. АКБП, с. 109. ИКНЛ, с. 67. Записана в 1953 г. З. Кардангушевым от Г. Хасанова. В кабардинском фольклоре много подобных этой песен-жалоб. Например, существует песня «Жалоба быка», но она не вошла в данный сборник. В книгу «Кабардинский фольклор» (М. — Л., 1936, с. 464) она включена под названием «Жалобы быка белорогого» в прозаическом изложении.

25. ПЖД, с. 40. Записана в 1957 г. в сел. Псыгансу З. Налоевым от Г. Хасанова. Оригинал не опубликован, хранится у собирателя. *Глеши* — см. примеч. 5. *Аксакал* — седобородый.

26. АКБП, с. 110. ИКНЛ, с. 49. Записана в 1955 г. в сел. Старый Урух З. Налоевым от матери, М. И. Налоевой. О возникновении песни существует предание: на Зольских пастбищах заболел молодой чабан, и товарищи, чтобы избавиться от забот о нем, выкопали яму

и бросили его туда. Умиравший чабан сложил о себе песню-плач, и случайные путники услышали его и спасли. *Ей-охри-ей* — жалобный вскрик в плачах, примерный смысл: горе мне. *Чарыки* — сапоги из сыромятной кожи.

27. ИКНЛ, с. 66. Записана в 1955 г. в сел. Старый Урух З. Налоевым от Г. Тлокодугова. Оригинал не опубликован, хранится у собирателя. В оригинале песня называется «Кошель».

28. КПП, с. 90. ИКНЛ, с. 58. Записана в 1955 г. от М. Назарова. Песен о расправе крепостного крестьянина с князем немало в кабардинском фольклоре. Эта песня приурочена ко времени присоединения Кабарды к России: крестьянину грозит ссылка в Сибирь. *Пхашина* — см. примеч. 48.

29. АКП, с. 108. ИКНЛ, с. 65. Записана в 1945 г. от Б. Т. Токсаровой, которая сама была в числе переселенцев в Турцию. Ей удалось вернуться на родину, но десятки тысяч других горемык остались там и разбрелись по странам Ближнего Востока. Переселение в Турцию было спровоцировано царскими властями во второй половине XIX в. Местные муллы, турецкие миссионеры, поощряемые царскими чиновниками, подняли тысячи адыгов с родной земли и увлекли их в единоверную Турцию во «спасение своей веры от русских гяуров». Многие из них погибли во время переправы через Черное море, остальные расселились по разным мусульманским странам (Турция, Сирия, Ливан и т. д.). В Адыгее, Кабарде и Черкесии сохранилось много песен, посвященных этой национальной трагедии. В кн. «Кабардинский фольклор» (М. — Л., 1936, с. 428) опубликована одна такая песня под названием «Хаджретская песня о переселившихся в Турцию», — в ней сатирически рисуется жизнь в Турции, противопоставленной родному краю.

30. ФСК, с. 95. АКБПМ, с. 100. Сложена в годы Великой Отечественной войны.

ЖЕНСКИЕ ПЕСНИ-ПЛАЧИ

31. АКБП, с. 106. ИКНЛ, с. 27. Записана в 1953 г. в сел. Псыгансу З. Кардангушевым от Г. Хасанова. Эта песня имеет несколько вариантов. Иногда ее называют «Песней Жансоховых». В варианте, опубликованном в кн. «Кабардинский фольклор» (М. — Л., 1936, с. 248—249), речь идет не об одном, а о двух младенцах-братьях, Жанборимесе и Жанборисхане, которые находятся на воспитании у Жансохова. Род князей Хатахшук (Атажукины) решил истребить целиком род менее знатных Шогеноковых (Мысостовых), жертвой этой распри стали даже младенцы-каны, т. е. воспитанники Жансохова, простого крестьянина. В этой трагической ситуации Жансохов сложил песню-плач. События восходят к XVII в., и по другим песням видно, что маленькие братья были зарезаны врагами рода. В данной песне та же ситуация, только в ней повествование ведется от имени кормилицы и воспитанник один.

32. АКБП, с. 115. ИКНЛ, с. 22. Записана в 1953 г. в пос. Терек З. Кардангушевым от Т. Паштыкова. Имеется несколько иных ва-

риантов песни. О данном варианте существует легенда, по которой муж Гошагаг, Каншоби, отравленный врагами, заболевает и покидает родину. Оказавшись в Дагестане, он помогает приютившим его людям отразить нападение врагов. В знак благодарности одна знатная женщина берется вылечить его, но с условием, что он станет ее мужем и никогда не вернется на родину. Каншоби, страстно желая излечиться от мучившей его болезни, согласился, забрал своих двух сыновей и оставил Гошагаг. Она в отчаянии сложила эту песню-плач. В кн. «Кабардинский фольклор» (М. — Л., 1936, с. 444) изложены две другие версии этой легенды. По первой — Каншоби (Каншаубий) был соблазнен сестрой жены Гошанагой (Карашаги), которая плеснула ему в лицо каким-то зельем, «наговорным настоем», отчего «стали падать волосы из бороды Каншаубия и стала слезать у него кожа лица». Он был вынужден бросить жену и уйти к Гошанаге, чтобы вылечиться. Гошагаг, оставшись с двумя сиротами и тоскуя по мужу, сложила песню-плач. По другой версии, Каншаубия хотела соблазнить жена пши-князя, но он не поддался соблазну, тогда княгиня отравила его и он сошел с ума, покинул свой дом и исчез. Гошагаг сложила песню-плач по мужу.

33. АКБП, с. 114. ИКНЛ, с. 40. Записана в 1945 г. З. Кардангушевым от А. Хавпачева. В основе песни реальный бытовой факт, сохраненный преданием. Сын знаменитого предводителя шапсугских племен Хатхи Магомет развелся по наговору родственников с любящей и невинной женой. Она сложила песню-плач. Услышав песню, Магомет понял свою ошибку и вернул жену. Эту историю рассказывает и «Хабар о Магомете Хатхове», опубликованный в кн. «Кабардинский фольклор» (М. — Л., 1936, с. 337). Жена Хатхова и его сестра пошли к берегу реки набрать воды. В это время Магомет возвращался из набега и смело переправился через бурную реку на коне. Жена узнала его, а сестра — нет. Сестра сказала, что хотела бы иметь такого смельчака братом, а жена пошутила, что хотела бы иметь его мужем. На это обиделась сестра, донесла матери, и та заставила сына отослать жену в дом родителей. Жена Хатхова сложила песню-плач. Магомет случайно подслушал эту песню, узнал о невинности жены и вернул ее в свой дом. *Махсыма* — хмельной напиток.

34. ПЖД, с. 33. Записана в 1953 г. в сел. Старый Урух З. Налоевым от М. И. Налоевой. Оригинал не опубликован, хранится у собирателя. В старой Кабарде князь имел право, если приглянется ему жена кого-либо из зависимых крестьян, отослать в дом этой женщины свой посох в знак своего благоволения, и женщина не имела права отклонить благосклонность князя. В такой ситуации произошел и конфликт, изображенный в данной песне. Князь застрелил мужа приглянувшейся ему женщины, так как тот не согласился с бесчестьем своей жены. Овдовевшая женщина сложила эту песню-плач.

35. АКБП, с. 120. ИКНЛ, с. 44. Записана в сел. Кишбел от Ю. Сабанчиева. Есть и другие варианты песни. Один из них записан в 1955 г. в сел. Кахун от И. Назарова.

36. КПП, с. 41. ИКНЛ, с. 87. Записана в 1955 г. в г. Нальчике от Л. Алоева. В кн. «Кабардинский фольклор» (М. — Л., 1936, с. 348) опубликован другой вариант в переводе В. А. Дынник под названием «Песня выданной за немилого»:

Русым косам тесно за спиною, —
Не найти мне места в тоске.
Ночам одна луна — украшение, —
Я прекрасней всех в Кабарде!
Я нежной шеей — в белую лебедь!
Воду в горле видно на свет.
Как Батырбек на то любовался!
Да сыграли шутку с Таужан:
Не Батырбеку в жены досталась,
А постылый взял за себя.
Ему подушкой — русые косы
И кольцо моих белых рук.
Аллах, аллах, пошли мне спасение!

ШУТОЧНЫЕ ПЕСНИ

37. АКБПМ, с. 87. Оригинал не опубликован. В кн. «Кабардинский фольклор» (М. — Л., 1936, с. 458) опубликован другой вариант этой песни в переводе М. А. Зенкевича. Там песня дана в разделе колыбельных, хотя представлена как диалог между матерью и дочерью об идеале жениха. Хасас мечтает о женихе из знатных, но о таком смельчаке, который является образцовым наездником, бесстрашным воителем с инверсиями. В нашем варианте идеал девушки переосмыслен, песня имеет патриотический характер. *Махсыма* — см. примеч. 33.

38. ИКНЛ, с. 61. Записана в 1955 г. в сел. Старый Урух З. Налоевым от М. И. Налоевой. Оригинал не опубликован, хранится у собирателя. Песня создана в Старом Урухе как местная, с конкретным объектом сатирического осмеяния, но получила широкое распространение. *Циреута* — звукоподражательное слово, воспроизводящее звук, сопровождающий кружение жерновов.

39. ФСК, с. 79. ИКНЛ, с. 83. Записана в 1956 г. в г. Нальчике от Л. Алоева. *Сохста* — ученик мусульманской школы (медресе) некий Зулькарней однажды в пьяном виде подошел к мечети, увидел у входа обувь молящихся старцев (мусульмане во время молитвы снимают обувь) и унес ее в мешке. Вскоре на свадьбе у Сабановых сын одного из пострадавших старцев признал на сохсте сапоги своего отца. Народ избил сохсту и сочинил о нем песню позора.

40. ИКНЛ, с. 98. Записана в 1955 г. в сел. Старый Урух З. Налоевым от Ж. Гегирова. Оригинал не опубликован, хранится у собирателя. Песня популярна в Кабарде, но поют ее, подставляя вместо слова «хатуевцы» название того села, над жителями которого хочет посмеяться запевала. *Хатуевцы* — жители сел. Старый Урух, до революции оно называлось Хатуя, по имени генерала Хату Анзорова.

41. КПП, с. 79—81. ИКНЛ, с. 94—97. Записана в 1955 г. от Л. Алоева. Песня сочинена известным в свое время джегуако (певцом) Ляше Агноковым (умер в 1918 г.).

42. АКБП, с. 124. ИКНЛ, с. 85. Записана в 1955 г. от Л. Алоева. Очень популярна и ныне.

43. КПП, с. 82. ИКНЛ, с. 92. Записаны З. Кардангушевым по памяти. Куплетов сатирического и юмористического содержания существует множество, поются они на устойчивый мотив, но каждый исполнитель волен петь те куплеты, которые ему нравятся и помнятся, порой поет и куплеты собственного сочинения.

44. ПЖД, с. 81. Записана в 1954 г. в сел. Старый Урух З. Налоевым от М. И. Налоевой. Оригинал не опубликован, хранится у собирателя.

ПЕСНИ-ИСТИНЫ

45. «Кабардинские песни и пословицы», кн. 2, Нальчик, 1967, с. 139 (на кабардинском языке). ИКНЛ, с. 7. Песня представляет собой свод двух вариантов: один записан в 1955 г. в г. Майкопе от А. Хатанова; другой — в 1953 г. в сел. Псыгансу в Кабарде от Х. Уначасова. В Адыгее называется «Сто истин», в Кабарде часто бытует под названием «Бжедугская песня». «Истины» поются запевалой под хоровое подголосье. Существует легенда, согласно которой истины возникли в древнее время таким образом: охотник Джамболат попал в руки Лесного человека, чудища, и тот не отпустил его, пока он не скажет сто истин. Охотнику пришлось сочинить и пропеть сто истин. С тех пор они и бытуют в народе как песня.

ПЕСНИ ЛЮБВИ

46. АКБП, с. 118. ИКНЛ, с. 51. Записана в 1945 г. в г. Нальчике от Л. Алоева. О происхождении песни существуют две легенды: согласно первой (она приводится в кн. «Кабардинский фольклор», М. — Л., 1936, с. 450, где песня опубликована в переводе А. В. Дынин), Адюх была из простого народа (карахалк), а ее возлюбленный из уорков (знатных), поэтому они не могли быть супругами. Тогда юноша, презрев сословные предрассудки, похитил девушку, но случилось несчастье: Адюх упала с коня, испуганного ночью внезапно вспорхнувшей птицей, и разбилась насмерть. Юноша сложил эту песню-плач. Согласно другой легенде, причиной похищения девушки послужила родовая вражда между родителями юноши и девушки — ситуация, аналогичная конфликту Монтеки и Капулетти. Так или иначе, песня воспринималась всегда как протест против родовых и сословных предрассудков.

47. КПП, с. 75. ИКНЛ, с. 56. Записана в 1945 г. от А. Хавпачева. Песня относится ко времени борьбы кабардинского народа против Крымского ханства, против засилья иноземных поработителей. Часто поется на свадьбах и пиршествах как величальная девичьему достоинству.

48. КПП, с. 65. ИКНЛ, с. 54. Записана от З. Кардангушева. В кн. «Кабардинский фольклор» (М. — Л., 1936, с. 449) опубликован другой вариант в переводе А. В. Дынник. В преамбуле к песне сказано: «Вопреки запретам и насмешкам, Накура влюбилась в погайца-пастуха, ушедшего на пастбище. Она вспоминает о счастливых минутах любви, тоскует и наконец решается идти на пастбище, чтобы увидеть любимого. Подходя к кошу, она от радости играет на пшине, затем беззаветно отдается любви» (кош — жилище пастуха на пастбище. Пшина (пхапшина) — старинный струнный музыкальный инструмент).

49. АКБП, с. 121. ИКНЛ, с. 42. Записана в 1955 г. от А. Хавпачева. Является кабардинской версией аналогичной карачаево-балкарской песни, но прочно вошла в кабардинский песенный репертуар. Герой песни — балкарец. Это видно по варианту, опубликованному в кн. «Кабардинский фольклор» (М. — Л., 1936, с. 453) в переводе А. В. Дынник под названием «Плач любви». В нем есть стихи:

Когда туман над горами,
Бурка балкарцу вместо дома.
А далеко уйдет Токан,
Так и в доме большом мне тесно.

И еще стихи:

От дороги на Гунделен
Не могу оторвать глаз.

(Токан — гунделенец. Гунделен — балкарское село.) Этот пример ясно говорит о тесном общении народов даже в песенном репертуаре, носящем сугубо национальный характер.

50. ФСК, с. 102. ИКНЛ, с. 78. Записана в 1956 г. З. Налоевым на Нагорных пастбищах от Н. Бижоевой, доярки из сел. Старый Урух.

51. АКБП, с. 106. ИКНЛ, с. 80. Записан в 1945 г. З. Кардангушевым от Л. Алоева. Песня ныне распространена в обработке поэта Адама Шогенцукова. Имеет множество вариантов, импровизируется свободно.

52. АКБП, с. 126. ИКНЛ, с. 88. Записана в 1955 г. от Л. Алоева.

53. АКБП, с. 128. ИКНЛ, с. 90. Записана в 1955 г. от Л. Алоева. *Пхапшина* — см. примеч. 48. *Адат* — свод установлений по обычному праву.

ДЕТСКИЕ ПЕСНИ

54—71. Все эти песни записаны З. Налоевым за исключением № 62. Записаны в разное время, с 1952-го по 1960-й годы, от М. И. Налоевой, от жительницы сел. Старый Урух З. Жиловой (№ 55), от Х. Тубаева, жителя сел. Курп (№ 68), от К. Соноива, жителя сел. Кошхабль Адыгейской автономной области (№ 54). Оригиналы опубликованы в книге З. Налоева «Ина-Муко» (Нальчик, 1960). Рукописи хранятся у собирателя. В переводе на русский язык впервые опубликованы в ПД, с. 5—75. *Нана* — мать. *Зурна* — вид свирели. *Мима* — ласковое обращение к маленькому ребенку. 62. АКБП, с. 104. Записана в 1953 г. в сел. Псыгансу З. Кардангушевым от Г. Хасанова. Предание приписывает авторство песни знаменитому джегуако из аула Боташево (ныне Плановское) Камботу Абазову. В кн. «Кабардинский фольклор» (М. — Л., 1936, с. 461) песня опубликована в переводе М. Зенкевича под явно неудачным названием «Песнь о дровах», но с весьма интересными деталями, не нашедшими места в переводе Н. Гребнева. Текст в оригинале отличается богатством рифмовки — конец каждого стиха рифмуется с началом последующего. Поют ее матери детям дошкольного возраста.

БАЛКАРО-КАРАЧАЕВСКИЕ ПЕСНИ

Балкарцы живут в Кабардино-Балкарской АССР, карачаевцы — в Карачаево-Черкесской автономной области Ставропольского края. Язык этих двух народов относится к кипчакской группе тюркских языков. В настоящем сборнике песни балкарцев и карачаевцев объединены в одном разделе.

Рукописные оригиналы песен в подавляющем большинстве находятся в фольклорном фонде архива Кабардино-Балкарского научно-исследовательского института. Однако ссылки даются на первые публикации оригиналов, ибо переводы осуществлялись именно по этим текстам.

ТРУДОВЫЕ И ОХОТНИЧЬИ ПЕСНИ

72. АБП, с. 90. БНЛ, с. 10. Записана в сел. Кичмалка А. Соттаевым от К. Теммоева. Балкарцы, сбивая масло, обычно сидели на разостланной кошме, по которой катали бурдюк из козлиной кожи, наполненный сметаной. За работой пели песню «Долай». *Долай* — божество масла, его доброе отношение предвещало много масла. *Айран* — сметана.

73. АБП, с. 90. БНЛ, с. 12. Записана в сел. Кичмалка А. Соттаевым от К. Теммоева. Песню пели во время молотбы зерна. Балкарцы молотили снопы на току, погоняя по кругу лошадей, мулов, быков, которые топтали ячменные и пшеничные снопы копытами, и зерна отделялись от соломы и мякны. *Эрирей* — божество урожая.

74. АБП, с. 44. БНЛ, с. 78. Записана в сел. Кичмалка А. Соттаевым от К. Теммоева. Балкарцы до принятия мусульманства были язычниками и поклонялись горам, рощам, скалам и т. д. *Абсаты* — одно из языческих божеств, покровитель леса и диких животных. Отправляясь на охоту в горы, балкарцы молились Абсаты, пели в его честь песни, в надежде, что он даст часть «своего» скота охотникам.

75. БНЛ, с. 81. Записана в 1940 г. в сел. Верхний Чегем К. Кулиевым от певца И. Эттеева. Оригинал не опубликован, хранится у собирателя. Вариант этой песни опубликован в КарНП, с. 45. Песня является народным вариантом стихотворения балкарского поэта Кязыма Мечиева (1859—1945). *Абсаты* — см. примеч. 74.

76. БНЛ, с. 80. Записана в 1940 г. в сел. Верхний Чегем К. Кулиевым от И. Эттеева. Оригинал хранится у собирателя. Вариант песни опубликован в КарНП, с. 49. Песня является народным вариантом стихотворения Кязыма Мечиева. *Абсаты* — см. примеч. 74.

77. БНЛ, с. 82. Записана поэтом К. Отаровым от певца О. Отарова. Оригинал хранится у собирателя. Вариант этой песни опубликован в КарНП, с. 50. *Жугутур* — горный козел.

78. БНП, с. 231. Перевод публикуется впервые. *Кош* — см. примеч. 48.

ПЕСНИ О КРЕСТЬЯНСКОЙ ДОЛЕ

79. АБП, с. 98. БНЛ, с. 9. Записана в 1940 г. в сел. Верхний Чегем К. Кулиевым от И. Эттеева. Оригинал хранится у собирателя.

80, 81. БНЛ, с. 26, 55. Записаны в 1940 г. в сел. Верхний Чегем К. Кулиевым от И. Эттеева. Оригиналы хранятся у собирателя. Песни являются народными вариантами стихотворений Кязыма Мечиева. *Чарыки* — см. примеч. 26.

82. БНЛ, с. 93. Записана в 1958 г. композитором Т. К. Шейблером от певца Жанмурзы. Оригинал не опубликован. *Ураза* — мусульманский пост, запрещавший есть до захода солнца. Трувор Карлович Шейблер (1900—1960) работал в Нальчике, записывал и обрабатывал музыкальный фольклор кабардинцев и балкарцев, писал песни на кабардино-балкарские темы, был заслуженным деятелем искусств Кабардино-Балкарской АССР. *Эфенди* — господин.

83. ПЖД, с. 171. Записана в 1958 г. в сел. Нижний Чегем С. Шахмурзаевым от Жанмурзы. Оригинал не опубликован, хранится у собирателя.

84. АБП, с. 79. БНЛ, с. 38. Записана в сел. Кичмалка А. Соттаевым от К. Теммоева. *Айдоболовы* жили в Черекском ущелье Балкарии; кичась богатством, отличались коварством и жестокостью.

85. АБП, с. 91. БНЛ, с. 14. Записана в 1958 г. А. Бозиевым от С. Отарова. В старину ни одна свадьба, ни одно пиршество не обходились без этой песни. Ее обыкновенно произносит речитативом тамада застолья, подняв полную чашу. Песня могла быть и краткой и весьма пространной, в зависимости от ситуации, таланта, памяти и настроения тамады, произносящего здравицу. *Тейри* — древнеязыческий верховный бог. Соответствует общетюркскому Тенгри. *Буза* — напиток вроде кваса.

ГЕРОИЧЕСКИЕ И ИСТОРИЧЕСКИЕ ПЕСНИ

86. АБП, с. 89. БНЛ, с. 18. Записана К. Отаровым от О. Отарова.

87. АБП, с. 78. БНЛ, с. 20. Записана К. Отаровым от О. Отарова. События, о которых говорится в песне, произошли в конце XIX в. *Канамат*, столкнувшись с княжеским произволом, сделался абреком (см. примеч. 10). Был схвачен царскими властями и брошен в тюрьму, но бежал и стал мстить князьям. Думал подать жалобу самому царю, но писарь, составлявший прошение, обманул его: приютил и предал. Дом писаря был окружен полицейским нарядом, и Канамат погиб со своим братом Касботом в рукопашной схватке. Песня поется как диалог между братьями. Младший, Касбот, подозревает писаря в предательстве и предупреждает Канамата. Тот винит брата в робости и обращается к нему с шуточной укоризной: «Ай, яман Хъасбот (дурной Касбот), какой же ты боязливый!» Однако случилось то, чего опасался Касбот, и тогда Канамат бросился на полицейских с кинжалом и погиб в неравной схватке.

88. АБП, с. 45. БНЛ, с. 22. Записана К. Отаровым от О. Отарова. Среди балкарцев бытуют и другие, более полные варианты этой песни, рассказывающей о великой братской любви: *Бий-Негер* погибает, преследуя белого марала, которого хотел поймать живым, чтобы подоить, ибо лекарь предписал его больному брату молоко белого марала, якобы способное спасти больного от неминуемой смерти.

89. АБП, с. 77. БНЛ, с. 34. Записана А. Бозиевым от колхозника Т. Татуева. В основе песни — подлинный бытовой факт. Слепой старик *Атабий* жил в верховье Черекского ущелья (Верхняя Балкария). Его дочерей князь Абаетов продали в Закавказье. Атабий ночью на ошупь пробрался в спальню княжеских сынков и зарезал их, мстя за свою поруганную честь и за дочерей. Старца схватили, привязали к хвостам жеребцов и разорвали на части. Народ сложил о нем песню.

90. АБП, с. 85. БНЛ, с. 36. Записана А. Бозиевым от О. Отарова. В песне говорится о Бек-Болате Махиеве и князьях Шакмановых. Эти князья пользовались правом первой ночи. Зная об этом, Бек-Болат, житель села Верхний Хулам, долго отказывался жениться.

На настойчивые уговоры родных он отвечал: «Нет, позора на свою голову не приму — с Шакмановым делить свою жену не буду. Я не женюсь, пока не исполню свой обет: или князя заставлю уйти из Хулама, или сам покину родное село». Князь Умар *Шакманов*, конечно, не ушел из Хулама, и Бек-Болат заманил его к Белым скалам и там в единоборстве столкнул в пропасть над Хуламо-Безенгийскими пастбищами. Об этом событии и сложена песня в начале XIX в. *Хойра* — запев песни или же припев, самостоятельного смысла не имеет. *Бий* — князь. *Кунак* — см. примеч. 10.

91. АБП, с. 84. БНЛ, с. 94. Записана в 1958 г. в сел. Нижний Чегем К. Кулиевым от Жанмурзы. *Гапалау* боролся за справедливый раздел земли между князьями и простыми крестьянами, за это князья напали на него и убили в неравной схватке девятью кинжальными ударами.

92. СНПКБ, с. 56. БНЛ, с. 90. Песня принадлежит перу поэта С. Шахмурзаева (1886—1974), но она так давно стала народной, что печаталась всегда только как народная песня.

93. СНПКБ, с. 45. БНЛ, с. 87. По тексту не совсем ясно, о какой войне идет речь, но скорее всего о первой мировой, так как в русско-турецкой войне 1877—1878 гг. балкарцы и карачаевцы не участвовали. На песню явно оказала влияние песня № 92. Возможно, что она имеет индивидуальное происхождение.

94. БНП, с. 25. БНЛ, с. 96. Записана А. Соттаевым. Песню сложили в годы гражданской войны.

95. АБП, с. 121. БНЛ, с. 97. Записана К. Отаровым от О. Отарова. Популярна в народе и ныне. *Бий* — князь.

96. БНП, с. 221. Перевод публикуется впервые. *Аскеры* — здесь: солдаты.

97. БНП, с. 243. Перевод публикуется впервые. Песня сложена в годы Великой Отечественной войны.

ШУТОЧНЫЕ ПЕСНИ

98, 99. АБП, с. 99, 98. БНЛ, с. 100, 103. Записаны в 1958 г. К. Кулиевым от И. Эттеева. «*Чудной человек*» — характернейший образец балкарской народной юмористической песни. Она вся сложена на одну рифму, и этим резко подчеркивается комичность ситуации и юмористическая интонация:

Этте быреу бар эди,
Темыр быреу бар эди.
(Давно один чудака был,
Железный бочонок был. — *подстрочный перевод*).

Каймак — сливки.

100. АБП, с. 124. БНЛ, с. 108. Записана поэтом С. Шахмурзаевым от О. Отарова.

101. АБП, с. 95. БНЛ, с. 107. Записана в сел. Нижний Баксан А. Соттаевым от О. Отарова. *Мамалыга* — см. примеч. 15.

102. БНП, с. 193. БНЛ, с. 112. Записана в 1939 г. Т. К. Шейблером от певца К. Жетишева.

103. БНП, с. 93. БНЛ, с. 113. Записана А. Соттаевым от О. Отарова. *Гылжа* — криворогая корова.

104. БНП, с. 96. БНЛ, с. 95. Записана в 1934 г. в сел. Нижний Баксан Т. К. Шейблером от О. Отарова. Собственно, песня называется не «Колбаса», а «Жорме», т. е. еда, приготовляемая с требухой и брюшным салом. *Доммай* — зубр.

105. БНП, с. 188. БНЛ, с. 110. Записана в 1934 г. в сел. Нижний Баксан Т. К. Шейблером от О. Отарова. В песне высмеивается род Анаевых из ущелья Безенги. Песня отнюдь не местного значения, она была языческой хороводной и исполнялась на весенних празднествах. На этих праздниках собирались люди из разных ущелий и предавались играм, состязаниям в борьбе, скачках и т. д. Поэтому песня часто называется «Голлу», т. е. «Состязание».

ПЕСНИ ЛЮБВИ

106. БНП, с. 176. ПЖД, с. 119. Записана в 1958 г. К. Кулиевым от Жанмурзы. Песня популярна до сих пор.

107. АБП, с. 101. БНЛ, с. 40. Записана А. Соттаевым от О. Отарова. Песня получила широкое распространение, у балкарцев переняли ее кабардинцы, и она бытует у них с небольшими изменениями в тексте как своя национальная песня. *Кумган* — сосуд для воды.

108. СНПКБ, с. 26. БНЛ, с. 32. Записана в сел. Нижний Баксан К. Отаровым от О. Отарова. Песня сложена о действительном событии, случившемся в начале XX в.

109. СНПКБ, с. 29. БНЛ, с. 43. Записана в сел. Нижний Баксан К. Отаровым от О. Отарова. Песня распространена в верховьях Баксана.

110. СНПКБ, с. 41. БНЛ, с. 24. Записана К. Отаровым от О. Отарова.

111. АБП, с. 104. БНЛ, с. 45. Записана в Чегемском ущелье А. Соттаевым. До сих пор очень популярна. *Актамак* — буквально: белошея. *Каймак* — сливки.

112. АБП, с. 102. БНЛ, с. 48. Записана в сел. Нижний Баксан К. Отаровым от О. Отарова. Песня сложена о действительном собы-

тии, относящемся к концу XIX в. Герой песни *Али* был убит в драке с черкесами, а песню о нем сложила его возлюбленная. Это — целая поэма о большой любви и трагедии горянки. Н. Гребнев перевел только часть песни, она сложнее и пространней. Женщина обращается к любимому, на которого у нее нет никаких официальных прав: «Если ты женишься на другой, я приду на твою свадьбу рыдая». Самая большая ее просьба: «Убежим, мой Али, пока не растаяли весною снега». Смысл просьбы: «снег растает, а с ним и наши следы, и никто нас уже не найдет».

113. СНПКБ, с. 82. БНЛ, с. 50. Записана в 1958 г. в сел. Верхний Балкар К. Отаровым от Т. Мисирова.

114. АБП, с. 110. БНЛ, с. 52. Записана А. Соттаевым от О. Отарова.

115. АБП, с. 103. БНЛ, с. 57. Записана К. Отаровым от О. Отарова.

116. БНП, с. 112. БНЛ, с. 59. Записана К. Отаровым от О. Отарова.

117. АБП, с. 110. БНЛ, с. 60. Записана А. Соттаевым от С. Геккиева из сел. Лашкута.

118. АБП, с. 107. БНЛ, с. 62. Записана А. Соттаевым.

119. БНЛ, с. 65. Записана в 1958 г. К. Кулиевым от Жанмурзы. Оригинал не опубликован, хранится у собирателя. Вариант этой песни опубликован в КНП, с. 170, в записи, сделанной в 1963 г. С. Гочияевой от А. Гочияева.

120. БНП, с. 161. БНЛ, с. 66. Записана А. Соттаевым от О. Отарова.

121, 122. АБП, с. 107, 142. БНЛ, с. 67, 68. Записаны в 1957 г. К. Отаровым от О. Отарова. Песни весьма распространены и по сию пору.

123. АБП, с. 117. БНЛ, с. 69. Записана в 1957 г. А. Соттаевым от М. Гуртуева.

124. АБП, с. 113. БНЛ, с. 71. Записана А. Соттаевым от М. Гуртуева.

125. БНП, с. 133. БНЛ, с. 72. Записана К. Отаровым от О. Отарова.

126. АБП, с. 113. БНЛ, с. 74. Записана А. Соттаевым.

127. БНЛ, с. 76. Записана К. Отаровым от О. Отарова. Оригинал не опубликован, хранится в архиве собирателя. Вариант песни

имеется в КНП, с. 179, в записи, сделанной в 1963 г. С. Гочияевой от И. Джанкезова.

128. БНП, с. 213. БНЛ, с. 75. Записана К. Отаровым от О. Огарова. *Бийчесан* — буквально: памятник княжны. Местность на границе Карачая и Балкарии у верхнего течения реки Малка.

129. БНП, с. 211. БНЛ, с. 86. Записана К. Отаровым от О. Огарова. Существует легенда, что молодой охотник *Нанык* (буквально: милый) погиб при переходе вброд реки Баксан. Его верный пес не ушел с того места, пока не нашли мертвое тело охотника и не понесли в родной аул. Песню-плач сложила возлюбленная юноши.

ДЕТСКИЕ ПЕСНИ

130. БНЛ, с. 84. Записана в 1940 г. К. Кулиевым от Жанмурзы. Песня является чуть измененным вариантом стихотворения Кязыма Мечиева, поэтому в сборники народных песен на языке оригинала не включается.

131—148. ПД, с. 76 и т. д. Все эти песни записаны в течение 1939—1958 гг. К. Кулиевым от певцов И. Эттеева, Жанмурзы и др. Оригиналы не опубликованы, хранятся у собирателя, переводчику были представлены в подстрочниках. *Чурек* — ячменная или кукурузная лепешка.

ИНГУШСКИЕ ПЕСНИ

Ингуши — народ, живущий в Чечено-Ингушской АССР. Ингушский язык, близкородственный чеченскому языку, входит в состав иберийско-кавказской языковой семьи. Ингушский песенный фольклор до революции не собирался, лишь отдельные энтузиасты изредка публиковали в русских периодических изданиях прозаические изложения некоторых песен, но оригиналы этих публикаций не сохранились. В советское время собиранию и публикации ингушского песенного фольклора уделялось значительное внимание, но, к сожалению, рукописи всех записей, произведенных до 1957 г., не сохранились, имеются только опубликованные в разное время в ингушской периодической печати и отдельных сборниках тексты.

Наиболее значительными из этих специально песенному фольклору посвященных изданий являются: «Вайнахские произведения», т. 1, Орджоникидзе, 1932; «Ингушский фольклор», Грозный, 1940; «Ингушский фольклор», т. 2, Грозный, 1967. Последнее издание вобрало в себя все песенные тексты, опубликованные в предыдущих книгах, содержит также тексты, вновь записанные, и тексты новых записей. Подавляющее большинство песен, вошедших в данную книгу, переведено по текстам этого издания.

149. ИФ, с. 269. ПВ, с. 97. Записана в 1965 г. в ауле Несер-Керт Я. К. Арчаковым от С. Ч. Арчаковой. Пели ее за работой во время сева семян по вспаханному полю. *Гирда* — мера веса сыпучих тел, зерна прежде всего, — деревянный короб вместимостью примерно полпуда.

150. ИФ, с. 269. ПВ, с. 98. Записана в 1965 г. в ауле Несер-Керт Я. К. Арчаковым от С. Ч. Арчаковой. Старая трудовая песня, ныне не исполняется.

151. Подстрочник песни на русском языке впервые опубликован в кн.: «Е. Шиллинг, Ингуши и чеченцы. Религиозные верования народов СССР», т. 2, М.-Л., 1931, с. 34. Перевод осуществлен по этому подстрочнику. ПВ, с. 99. *Элт* — в ингушской мифологии божество, покровительствующее нехищным зверям и зерновым злакам. По некоторым мифологическим версиям — одноглазый великан, подобный греческому Полифему, грузинскому Одноглазому, осетинскому Афсати. Молились ему только охотники, в древнее время, видимо, и земледельцы.

152. ИФ, с. 319. ПВ, с. 102. Записана 15 августа 1962 г. в ауле Насар А. У. Мальсаговым от П. М. Мальсаговой. *Муста Гударг* — языческое божество дождя, под этим же названием существовал идол, которому поклонялись ингуши в древнее время. Во время засухи одного из юношей, условно изображавшего Мусту Гударга, его товарищи накрывали с головой пучком стеблей бузины, перехваченных в верхушках канатиком или ремешком, и поливали его водой из кадушки или ведра, припевая эту песню и прося божество послать дождь. Так они ходили из дома в дом, и каждая хозяйка одаряла их яйцами, маслом, сыром и т. д. У чеченцев есть аналогичное божество, но оно называется Карш Кули. *Села* — божество грома в ингушской мифологии, поклонялись ему преимущественно ингуши, жившие в аулах близ Столовой горы.

153. Подстрочник песни на русском языке впервые опубликован в кн.: «Терский сборник», вып. 3, Владикавказ, 1894, с. 101, в статье Башира Далгата «Первобытная религия чеченцев». Перевод осуществлен по этому подстрочнику. ПВ, с. 100. *Тушоли* — божество плодородия вообще, деторождения в частности. Молельня божества находится на Столовой горе, поднимались к ней со стороны Джерахского ущелья. Молились божеству исключительно женщины.

154. Подстрочник песни впервые опубликован на русском языке в кн.: «Терский сборник», вып. 3, Владикавказ, 1894, с. 108. Перевод осуществлен по этому подстрочнику. ПВ, с. 101. *Мят-Села*. Мят — название Столовой горы. Села — см. примеч. 152.

155. ИФ, с. 307. ПВ, с. 107. Записана в 1965 г. в ауле Сурхоте М. А. Аушевым от М. М. Аушевой. За столом ее пел тамада или хозяин, принимавший гостя, текст свободно импровизировался. За ка-

ждой строфой следовал припев, данный в переводе как заключительная строфа. Ныне не исполняется.

156. ИФ, с. 278. ПВ, с. 112. Записана в 1965 г. в г. Грозном М.-С. Плиевым от Л. К.-С. Куркиевой.

157. ИФ, с. 309. ПВ, с. 111. Записана в 1908 г. в ауле Экажконгюрт Х. А. Балаевым от М. Э. Муталиева.

158. ИФ, с. 306. ПВ, с. 113. Записана в 1965 г. в ауле Сурхоте М. А. Аушевым от М. М. Аушевой. *Пусть красная медь — тот немалый калым*. В старое время на Северном Кавказе большую цену имели медные вещи и медная утварь. Калым брали скотом, оружием и медными вещами.

ПЕСНИ УДАЛИ

159. ИФ, с. 326. ПВ, с. 119. Записана Абдул-Вахабом. *Мальсаг*. Далгиев был знаменитым джигитом и красавцем, воевал в рядах русских войск, боровшихся с Шамилем, предводителем антицаристского освободительного движения на Северном Кавказе. Грозный имам пытался склонить его на свою сторону, но когда Мальсаг отказался, то Шамиль приказал своему мюриду Беталу убить его. Мальсаг был убит из засады, и народ сложил о нем песню, осуждая в ней произвол имама и его время. Песня относится ко времени заката имамата.

160. ИФ, с. 274. ПВ, с. 116. Записана в 1963 г. в ауле Алти-юрт Б. А.-В. Абадиевым от Б. Б. Мальсагова. *Мочака* (Мочако) был известным удалцом и наездником. Песня возникла вначале как осуждение героя за измену вере отцов. Однажды Мочака пошел в одно осетинское село сватать своему другу девушку-красавицу. Отец девушки объявил, что он неволить дочь не собирается, выдаст ее за того, за кого она сама согласится. Девушке приглянулся сам Мочака, но она сказала, что выйдет за него лишь в том случае, если он перейдет в христианскую веру. Мочака согласился и перешел в христианство. Его осудили в песне, но после его гибели сложили о нем уже песню хвалы, от прежней песни осталось лишь осуждение христианства.

161. ИФ, с. 325. ПВ, с. 126. Записана З. Т. Измайловым. *Зелимхан* Гушмазукаев — знаменитый чеченский абрек, выступавший против царской администрации и ее прихлебателей. Был выходцем из аула Харачой. Его долго преследовал специальный отряд полиции и казаков, но он был неуловим. Погиб в бою с окружившим его отрядом в 1913 г. в ауле Шали. О Зелимхане существует кинофильм, написано два романа — осетинским писателем Дзахо Гатуевым (1892—1937) и чеченским поэтом Магомедом Мамакаевым (1910—1973).

162. ИФ, с. 275. ПВ, с. 106. Записана в 1964 г. в ауле Насар А. Плиевым от А. Чабиева.

163. ИФ, с. 277. ПВ, с. 108. Записана в 1898 г. в ауле Сурхоте М.-Г. Аушевым от Б. Аушева.

ГЕРОИЧЕСКИЕ ПЕСНИ

164—166. ИФ, с. 327, 328. ПВ, с. 122, 123. Записаны в 1938 г. в ауле Ангуште от Б. Гатиева, старика 103 лет.

167. ИФ, с. 286. Перевод публикуется впервые. Записана в ауле Ольгите в августе 1962 г. А. У. Мальсаговым. Является ингушским вариантом чеченской песни о Мадиеве *Жамарзе*, знаменитом чеченском удалце, его сестре *Альбике* и его друге, еще более известном на Кавказе наезднике Таймиеве Бай-Булате, которого знал Пушкин. В своем «Путешествии в Арзрум во время похода 1829 года» он так отзывался о Бай-Булате: «Славный Бей-Булат, гроза Кавказа, приезжал в Арзрум с двумя старшинами черкесских селений, возмущившихся во время последних войн. Они обедали у графа Паскевича. Бей-Булат — мужчина лет 35-ти, малорослый и широкоплечий. Он по-русски не говорит или притворяется, что не говорит. Приезд его в Арзрум меня очень обрадовал: он был уже мне порукой в безопасном переезде через горы и Кабарду». (см.: А. С. Пушкин. Полн. собр. соч. в десяти томах, т. 6, М., 1964, с. 696). Чеченская «Песня о Джаммирзе, сыне Мади» в переводе В. Бугаевского опубликована в ЧИФ, с. 36—44. *Гехин* (Гехи) — аул в Чечне. *Буза* — см. примеч. 85.

168. ИФ, с. 328. ПЧИ, с. 81. Записана в 1938 г. в ауле Старые Атаги от И. Б. Цицкиева. Песню сложили в годы гражданской войны.

169. Рукопись оригинала не сохранилась. ЧИФ, с. 80. Записана в 1937 г. в г. Грозном. Песня сложена после смерти *Серго* Орджоникидзе (1886—1937), видимо, рядовыми соратниками Орджоникидзе в годы гражданской войны на Северном Кавказе. *Эржкinez* — ингушский вариант фамилии Орджоникидзе.

ПЕСНИ-ПЛАЧИ

170. ИФ, с. 269. ПВ, с. 104. Записана в 1942 г. в ауле Фуртоге Д. Д. Мальсаговым от Р. Д. Ахриевой.

171. ПВ, с. 105. Подстрочник песни впервые на русском языке опубликован в кн.: «Фольклор Азербайджана и прилегающих стран», т. 3, Баку, 1930, с. 198. Перевод осуществлен по этому подстрочнику. Очень близкий к этому подстрочнику текст песни опубликован в ИФ, с. 27, записан в 1942 г. в ауле Фуртоге Д. Д. Мальсаговым от Р. Д. Ахриевой.

172. ИФ, с. 270. ПБП, с. 390. Записана в 1942 г. в ауле Фуртоге Д. Д. Мальсаговым от Р. Д. Ахриевой. По преданию, герой песни погиб в Кабарде.

ПЕСНИ-ЖАЛОБЫ

173. ИФ, с. 325. ПБП, с. 393. Записана З. Т. Измайловым. *Хоросанское* — персидское.

174. ИФ, с. 325. ПВ, с. 125. Записана З. Т. Измайловым.

175. ИФ, с. 280. ПВ, с. 136. Записана в 1944 г. в г. Грозном Б. М. Костоевым от Л. А. Чемурзиевой.

176. ИФ, с. 281. ПВ, с. 114. Записана в 1944 г. в г. Грозном Б. М. Костоевым от Л. А. Чемурзиевой.

ШУТОЧНЫЕ ПЕСНИ

177. ИФ, с. 298. ПВ, с. 147. Записана в 1944 г. в ауле Несер-Керт Б. А. Абадиевым от Д. А.-Б. Абадиевой. *Птенец* — в ингушской и чеченской народно-поэтической традиции ласковое обращение к возлюбленному.

178. ИФ, с. 285. ПВ, с. 121. Записана в 1944 г. в г. Грозном Б. М. Костоевым от Л. А. Чемурзиевой. Прислужник царских властей на Северном Кавказе, некий *Мухтар, сын Кагермана*, разбогател и возгордился; в народе сложили о нем сатирическую песню.

179. ИФ, с. 295. ПВ, с. 146. Записана в ауле Алти-юрт Б. А. Абадиевым от Б. Б. Мальсаговой. *Сах* — мера веса сыпучих тел, чаша вместимостью до двух килограммов зерна. На религиозных праздниках в этой деревянной чаше собирали от аулчан зерно для бедняков и сирот.

ПЕСНИ ЛЮБВИ

180. ИФ, с. 309. ПВ, с. 145. Записана в ауле Экажконги-юрт Х. А. Балаевым от Х. С. Балаева.

181. ИФ, с. 312. ПБП, с. 398. Записана в ауле Экажконги-юрт Х. А. Балаевым от Х. С. Балаева.

182. ИФ, с. 299. ПВ, с. 133. Записана А.-В. Аушевым. Одна из самых распространенных песен.

183. ИФ, с. 301. ПВ, с. 134. Записана З. Т. Измайловым.

184. ИФ, с. 274. ПВ, с. 117. Записана в 1963 г. в ауле Несер-Керт А. Плиевым от А. Чабиевой.

185. ИФ, с. 315. ПВ, с. 131. Записана в 1965 г. в г. Грозном И. А. Дахкильговым от П. Галаевой.

186. ИФ, с. 311. ПВ, с. 115. Записана в ауле Экажконги-юрт Х. А. Балаевым от Х. С. Балаева.

187. ИФ, с. 302. ПВ, с. 148. Записана в 1965 г. в ауле Сурхотэ М. А. Аушевым от М. М. Аушевой.

188. ИФ, с. 306. ПВ, с. 132. Записана в 1965 г. в ауле Сурхотэ М. А. Аушевым от М. М. Аушевой.

189. ИФ, с. 298. ПВ, с. 144. Записана в 1944 г. в ауле Несер-Керт Б. А. Абадиевым от Д. А. Абадиевой. *Назрань* — аул, ныне районный центр.

190. ИФ, с. 296. ПВ, с. 130. Записана в ауле Алти-юрт Б. А. Абадиевым от Б. Б. Мальсаговой. *Башлам-гора* — так ингуши называют гору Казбек. Существует народное поверье, что на этой горе один раз в семь лет происходит невиданное таяние снегов и ледников и в мире за этим следуют большие беды или большие добрые перемены. В песне намек на эту легенду.

191. ИФ, с. 295. ПВ, с. 129. Записана в ауле Алти-юрт Х. А. Балаевым от Б. Б. Мальсаговой.

192. ИФ, с. 286. ПВ, с. 140. Записана в 1944 г. в г. Грозном Б. М. Костоевым от Л. А. Чемурзиевой.

193. ИФ, с. 285. ПВ, с. 142. Записана З. Т. Измаиловым.

194. ИФ, с. 286. ПВ, с. 139. Записана в 1944 г. в г. Грозном Б. М. Костоевым от Л. А. Чемурзиевой.

195. ИФ, с. 285. ПВ, с. 141. Записана в 1944 г. в г. Грозном Б. М. Костоевым от Л. А. Чемурзиевой.

196. ИФ, с. 284. ПВ, с. 138. Записана в 1944 г. в г. Грозном Б. М. Костоевым от Л. А. Чемурзиевой.

197. ИФ, с. 283. ПВ, с. 110. Записана в 1944 г. в г. Грозном Б. М. Костоевым от Л. А. Чемурзиевой.

198. ИФ, с. 282. ПВ, с. 109. Записана А. У. Мальсаговым от И. Б. Цицкиева. В оригинале вместо стиха *Грудь налитая, как яблоко дорогое* поется: «Грудь, похожая на журавлиное яйцо».

199. Рукопись оригинала не сохранилась. ЧИФ, с. 85. Песня записана в 1938 г. в г. Грозном. *Адат* — см. примеч. 53.

КАЛМЫЦКИЕ ПЕСНИ

Калмыки — народ, живущий в Калмыцкой АССР. Исторически калмыки тесно связаны со степными народами Северного Кавказа, поэтому по традиции их относят к народам этого региона. Калмыцкий язык относится к монгольской группе языков.

Калмыцкий песенный фольклор до революции почти не собирался, только отдельные историки, этнографы и путешественники изредка публиковали в качестве иллюстрации к своим наблюдениям над бытом народа подстрочные переводы разрозненных песен. В советское время собрание песенного фольклора приобрело систематический научный характер. Было собрано большое количество эпических, лирических и бытовых песен, часть этого материала была опубликована в разных сборниках, но, к сожалению, первоисточники текстов, собранных до Великой Отечественной войны, в годы войны были потеряны. Ныне опубликованные тексты заменяют рукописные источники, но они не имеют паспортных данных, т. е. не указаны имена собирателей и информаторов, места и даты записи. Восстановить их нет возможности. Поэтому в комментарии нет этих данных. Переводы всех песен, за исключением № 210 и 255, публикуются впервые.

ТРУДОВЫЕ, ЗАСТОЛЬНЫЕ, ОБРЯДОВЫЕ ПЕСНИ

200. АКП, с. 104.

201. АКП, с. 105.

202. АКП, с. 103. *Арака* — водка.

203. КФ, с. 42.

204. ПСМЗ, с. 230.

205. АКП, с. 10.

ИСТОРИЧЕСКИЕ, ВОИНСКИЕ И ГЕРОИЧЕСКИЕ ПЕСНИ

206. ПСМЗ, с. 237.

207. ПСМЗ, с. 284.

208. ПСМЗ, с. 219. Вариант в КФ, с. 20. Песня посвящена трагическому в истории калмыцкого народа событию. Известно, что калмыки, этнически родственные монголам, до XVII в. жили в Монголии (Джунгарии), но в самом начале XVII в. перекочевали в Россию и за первое тридцатилетие века обосновались в приволжских степях, войдя в русское государство на определенных условиях. В 1771 г. *Убуши-хан*, воспользовавшись недовольством калмыков притеснениями со стороны царской администрации, увел с собой большую часть калмыков на места прежнего поселения. В исторической литературе указывается, что этот честолюбивый хан увел с собой около 300 000 человек, но они дорогой погибли почти все, до конца пути дошли всего лишь 15 000 человек. Это было страшной катастрофой для немногочисленного народа. Оставшиеся в России калмыки сложили эту песню осуждения строптивого и недальновидного хана. Другую песню осуждения этого хана сложили те калмы-

ки, которые пошли за ним и на новом месте обрели новые цепи рабства. *Торгуты* — калмыцкое племя, уведенное Убуши-ханом в Джунгарию.

209. ПСМЗ, с. 222. Вариант КФ, с. 22. Песня времен Отечественной войны 1812 г., популярна до сих пор. Как известно, во время Отечественной войны 1812 г. в составе русской армии сражались три полка калмыцкой конницы. О героическом поведении калмыков в этой войне было сложено много песен, из которых часть дошла до наших дней («Отступление Убуши-хана», «Город есть Берлин» и др.). К этим песням принадлежат и «Французы». Точное название песни — «О французах с длинными носами» (буквально: с носами в семь вершков). По преданию, автором песни было историческое лицо — командир одного из отрядов калмыцкой конницы Ончхан Джиргал. В интересной статье калмыцкого поэта Э. Кектеева «О фольклорном богатстве калмыцкого народа» приводится другой вариант этой песни, включенный в стихотворное послание калмыцкого народа русскому народу:

На вершины, под откосы,
Мой буланый конь, скачи.
Хоть французы длинноносы,
Но длинней у нас мечи.

Разорили край родимый,
Разорили всю Москву.
Вашим коням не дадим мы
Есть калмыцкую траву.

Не дадим врагу махана,
Даже трубки не дадим,
А быстрее урагана
До Москвы мы долетим.

Городских достигнем башен,
Рассчитаемся с врагом:
Царь французов нам не страшен, —
Сорок тысяч перебьем.

(Опубликовано в кн.: «Калмыцкая художественная литература на подъеме», Элиста, 1962, с. 66. Махан — калмыцкое национальное блюдо, вареное мясо с особым гарниром). *Ноён* — владетель, феодал в Калмыкии.

210. ПСМЗ, с. 14. «Песни народов СССР», М., 1937, с. 295. Песня сложена в годы гражданской войны в частях калмыцкой красной кавалерии, была записана в 1928 г. В оригинале называется «Подстриженный серый конь».

ПЕСНИ-ЖАЛОБЫ

211. ПСМЗ, с. 247.

212. КНП, с. 35. НТК, с. 73, в переводе Д. Бродского. Популярная до сих пор песня.

213. ПСМЗ, с. 119. НТК, с. 75, в переводе Н. Новоспасского. Одна из самых популярных песен. Такие песни разлуки складывались калмыками, уходившими на заработки к богатым купцам, промышленным рыбой. Работа была исключительно трудной, отсюда жалобы рыболова на судьбу, тоска по родным и родному краю. В одном документе («Отчет главного попечения калмыцкого народа за 1842 год») говорится: «В приволжских селениях, на рыболовных промыслах и ватагах, нанимавшиеся на работу калмыки, занимаясь рыбной ловлей, будучи по пояс в воде с утра до вечера, не имея достаточного запаса белья, ни спокойных приютов и питаюсь единственно рыбою в продолжение лета, подвергаются таким болезням, о которых нельзя говорить без сердечного содрогания. Морская горько-соленая вода разъедает кожу, превращая ее в слитые кровоточащие язвы, обезображивает лицо и голову, обессиливает, истощает человека и, сделав из него самое жалкое содрогательное зрелище, преждевременно низводит в могилу...» (см. кн.: «Калмыки. Исследование санитарного состояния и запаса жизненных сил. Под редакцией проф. А. В. Молякова», М.—Л., 1928, с. 345).

214. Песня записана и предоставлена переводчику в подстрочном изложении калмыцким писателем и ученым-фольклористом И. М. Мацаковым.

215. ПСМЗ, с. 259. В НТК, с. 72, в переводе Д. Бродского.

216. ПСМЗ, с. 232.

217. ПСМЗ, с. 265.

218. КФ, с. 40.

219. Песня записана и представлена переводчику в подстрочном изложении И. М. Мацаковым.

220. КНП, с. 43.

221. ПСМЗ, с. 271.

222. КФ, с. 35. Самая распространенная в народе песня о девушке, насильно выданной за старика. Составитель НТК, где песня помещена в переводе Д. Бродского, сообщает, что песня записана Б. Майоровым в 1929 г. в Элисте. Мелодия песни получила широкое распространение в народе в обработке композитора Якова Абрамиса.

223. ПСМЗ, с. 256. НТК, с. 61, в переводе К. Новоспасского. В примечаниях к ней сказано, что записана учителем цоросовской школы Эм. Х. Халаявкиным.

224. Песня записана и предоставлена переводчику в подстрочном изложении калмыцким поэтом Д. Кугультиновым. Оригинал хранится у собирателя. В песне описывается трагический эпизод: на охоте старший брат случайно убил младшего любимого брата, ползшего по

высохшему руслу реки в шкуре оленя, т. е. замаскированного. *Бешмет* — см. примеч. 295.

225. Песня записана и предоставлена переводчику в подстрочном изложении И. Мацаковым.

ШУТОЧНЫЕ ПЕСНИ

226. ПСМЗ, с. 314. Шуточная песня, исполняемая на вечеринках молодежи. *Хадрис* — народная пляска.

227. ПСМЗ, с. 302.

228. ПСМЗ, с. 310. НТК, с. 73, в переводе К. Новоспасского. В примечании сообщается, что песня записана в 1931 г. в г. Астрахани от Д. А. Саганджаевой, студентки Калмыцкого педагогического техникума.

ПЕСНИ ЛЮБВИ

229. ПСМЗ, с. 288.

230. Песня переведена с подстрочника, опубликованного в кн. «Подробные сведения о волжских калмыках, собранные на месте К. Нефедьевым», СПб., 1834, с. 286. НТК, с. 71, в переводе Д. Брсдского:

Год за годом в глухой долине
Голубой расцветал цветок.
Увидав средь долины дальней,
Удивилась цветку пчела, —
Долететь до него не смогла
И навеки стала печальной.

231. КФ, с. 34. Популярная песня, построенная на четких образных параллелях.

232. ПСМЗ, с. 304.

233. ПСМЗ, с. 284.

234. АКП, с. 111.

235. АКП, с. 108.

236. Песня записана и передана переводчику в подстрочном переводе Д. Кугультиновым. Оригинал хранится у собирателя.

237. ПСМЗ, с. 289.

238. ПСМЗ, с. 286. Платок, кiset дарили девушки своим возлюбленным в знак согласия выйти замуж, парни в ответ дарили головные шелковые платки.

239. АКП, с. 133.

240—243. Песни записаны И. М. Мацаковым и переданы переводчику в подстрочном изложении.

244. ПСМЗ, с. 297. *Зурган* — по-калмыцки означает число шесть. Это имя давали детям, родившимся в шестой день недели или шестого числа месяца.

245. ПСМЗ, с. 277.

246. КНП, с. 47. НТК, с. 68, в переводе Д. Бродского. Записана от Калмыцкого национального ансамбля. *Цаган* — по-калмыцки означает «светлый», «белый», «чистый», «благородный», «счастливый». Аналогично имени Светлана.

247. ПСМЗ, с. 301. *Хотон* — калмыцкое сел.

248. КНП, с. 38. НТК, с. 69, в переводе Д. Бродского. Записано экспедицией 1929 г.

249. АКП, с. 106.

250. ПСМЗ, с. 320. НТК, с. 82, в переводе Д. Бродского.

251. ПСМЗ, с. 102. *Хаалга* — женское имя, но означает и дорогу.

252—254. Песни записаны и предоставлены переводчику И. М. Мацаковым.

255. АКП, с. 133. НТК, с. 56. В примечании указано, что песня записана от Калмыцкого народного ансамбля в 1938 г.

НОГАЙСКИЕ ПЕСНИ

Ногайцы живут в Карачаево-Черкесской автономной области Ставропольского края и в Дагестанской АССР. Язык ногайцев относится к тюркским языкам. Оригиналы песен издавались в кн.: «Ногайские народные песни», М., 1969. Все переводы публикуются впервые, за исключением № 260 и 262, напечатанных в ПБП, с. 315, 310.

ОБРЯДОВЫЕ ПЕСНИ И ПЛАЧИ

256. «Если спросите, скажу», Черкесск, 1971, с. 20. Записана А. Сикалиевым. Поется на всех больших застольях, пиршествах, свадьбах. Относится к распространенному у кавказских горцев жанру благопожеланий отдельным лицам, семьям, роду. *Кудай* — языческое божество, покровитель домашнего скота.

257. КЧНИИ. Записана А. Джанибековым. Поется перед выходом невесты из родительского дома. *Яр* — припев в некоторых ногойских народных песнях.

258. КЧНИИ. Записана в 1928 г. в ауле Тукуй-Мектеп Ачикулакского района А. Джанибековым от У. Аметовой.

ГЕРОИЧЕСКИЕ И ВЕЛИЧАЛЬНЫЕ ПЕСНИ

259. Записана А. Ш. Джанибековым.

260. КЧНИИ. ПБП, с. 315. Записана 7 июля 1921 г. в г. Грозном А. Джанибековым от Сагаддина Калимова. Песня имеет простран- ный текст, здесь публикуется лишь небольшая часть ее.

261. ННП, с. 100. Записана в 1923 г. на Кубани А. Джанибеко- вым от Э. Малу-уллы.

262. КЧНИИ. ПБП, с. 310. Записана А. Ш. Джанибековым. *Арга- мак* — знаменитая порода скаковых лошадей.

263. ННП, с. 159. Песню сочинил народный певец Джамбулат Туркменов о герое Великой Отечественной войны *Хамурзе* Кумукове, который в годы войны повторил бессмертный подвиг Александра Матросова, прикрыв своей грудью амбразуру вражеского дота и дав возможность своим товарищам прорвать оборону врага.

ПЕСНИ О ЖЕНСКОЙ ДОЛЕ

264. КЧНИИ. Записана А. Джанибековым.

265. ННП, с. 112. Записана в 1962 г. в Караногое С. А. Калмы- ковой от А.-К. Ганиева.

266. ННП, с. 112. Записана А. Джанибековым.

ПЕСНИ ЛЮБВИ

267. КЧНИИ. Записана в 1915 г. в Красноярском районе Астра- ханской области в ауле Хожатой А. Джанибековым от К. Эманбето- ва. *Эдил* — Волга.

268. ННП, с. 99. Записана в 1923 г. на Кубани А. Джанибековым от Э. Малу-уллы. *Алалай* — непереводимое слово. *Ак-Бас* — название горы, буквально: белая голова, белоголовая.

269. ННП, с. 131. Записана А. Джанибековым.

270. КЧНИИ. Записана в 1928 г. в Караногайском районе А. Джанибековым от А. Нугманова.

271. ННП, с. 130. Записана А. Джанибековым. *Лаба* — приток реки Кубань. *Мурзы* — ногойская знать.

272. КЧНИИ. Записана в 1915 г. в ауле Хожатой Красноярского района Астраханской области А. Джанибековым от К. Эманбетова. *Кума* — приток реки Кубань.

273. ННП, с. 131. Записана А. Джанибековым.

274. ННП, с. 193. Записана в 1966 г. в ауле Икон-халк С. Калмыковой и А. Сикалиевым от А. Бансова.

275. КЧНИИ. Записана в 1915 г. в ауле Хожатой Красноярского района Астраханской области А. Джанибековым от К. Эманбетова.

276. ННП, с. 125. Записана в 1930 г. в Ачикулакском районе Ставропольского края А. Джанибековым от Н. Колдасова.

277. ННП, с. 101. Записана в 1923 г. на Кубани А. Джанибековым от Э. Малу-уллы. *Абрек* — см. примеч. 10. *Буза* — см. примеч. 85.

278. ННП, с. 176. Песня сложена народным поэтом Муссой Курханалиевым (1894—1973), но стала народной и всегда печаталась лишь как народная песня. Популярна до сих пор.

КОЛЫБЕЛЬНЫЕ ПЕСНИ

279. ННП, с. 119. Записана в 1928 г. в ауле Тукуй Ачикулакского района Ставропольского края А. Джанибековым от У. Аблезовой.

ОСЕТИНСКИЕ ПЕСНИ

Осетины — народ, живущий в Северо-Осетинской АССР и Юго-Осетинской АО. Язык осетин относится к иранской группе индоевропейских языков. Запись осетинской народной поэзии началась до революции, но публикация памятников в основном была осуществлена в послереволюционные годы.

ТРУДОВЫЕ И ОХОТНИЧЬИ ПЕСНИ

280. ПНТО, вып. 2, с. 146. ПДЛ, с. 11. Записана летом 1926 г. в сел. Вакац М. Гардаповым от Е. Калухова. *Онай* — см. примеч. 281. *Сатана* — героиня нартского эпоса, мать нартов. *Урузмаг* — старейшина нартов, брат и муж Сатаны. *Алибег* (Алимбег) *Алумбегов*, *Айсана* — эпизодические персонажи нартского эпоса. Ныне в живом исполнении не встречается.

281. СОНИИ. ПДЛ, с. 9. Записана в августе 1926 г. в сел. Барз Г. Гуриевым от Х. Габуева. «*Ой, онай*» — припев песни женщин — валяльщиц шерсти при выделке бурок. *Бурка будет грубой, некрасивой*. Когда нерасторопно валяют шерсть, она ложится неровно — где тонко, где плотно, и бурка получается некачественной. Ныне в живом исполнении не встречается.

282. Хрестоматия, с. 29. ПДЛ, с. 13. *Альчики* — бабки, дети играют ими по специальным правилам. Ныне не поется.

283. СОНИИ. ПДЛ, с. 15. Записана 7 февраля 1922 г. Г. Гуроевым от П. Дзусова. *Сотворенное нашей Сатаною*. По преданию, пивоварение у осетин пошло от Сатаны (см. примеч. 280). Ныне не поется.

284. ПНТО, вып. 2, с. 142. ПДЛ 74, с. 18. Антология, с. 58, под загл. «Уродилось просо», в переводе С. Шервинского. Записана 10 октября 1903 г. в сел. Махческ М. Гардановым от А. Гацаева. Исполнялась на пиру в честь начала весенней пахоты. Ныне в живом исполнении не встречается. *Курп* — см. примеч. 292.

285. СОНИИ. ПДЛ, с. 17. Записана 14 июля 1932 г. в сел. Лысыри Е. Джикаевой от П. Дарчиевой. Ныне в живом исполнении не встречается.

286. «Фольклор южных осетин», Сталинир, 1936, с. 333 (на осетинском языке). Записано в 1924 г. В. Газзаевым от Б. Кабисова из сел. Сыгдта. *Афсати* (Всати) — дух-покровитель нехищных зверей в осетинской мифологии. Сюжет этой песни об Афсати использовал Коста Хетагуров в одноименной поэме. *Алдары* — князя. *Будзумар* — сын Афсати по мифологической версии. *Кудзи* Дзудтов (Дзудты) — легендарный охотник-бедняк. *Ноговицы* — см. примеч. 308. Песня поется и ныне.

287. ПДЛ 74, с. 52. Записана в 1930 г. в г. Дзауджикау Г. А. Дзагуровым от Т. Гадаева. Оригинал хранится у собирателя. На этот сюжет написали поэмы осетинские поэты Созур Баграев (1888—1928) и Нигер (1896—1947). *Елиа* (Уацилла) — в осетинской мифологии бог-громовержец, языческое божество, принявшее имя христианского святого Ильи. *Устур-Дигора* — село в Северной Осетии, буквально: Большая Дигора. *Нихас* — место сбора мужчин поселения. Песня принадлежала исключительно сказительному репертуару и ныне вышла из употребления.

288. СОНИИ. Антология, с. 53. Записана в 1932 г. Г. Гурневым. В период коллективизации в Осетии была одной из самых популярных песен, ныне исполняется реже.

ОБРЯДОВЫЕ ПЕСНИ

289. ПНТО, вып. 2, с. 127. ПДЛ 74, с. 9. Записана М. Гардановым. Исполняется по сию пору подростками под праздник Нового года. Колядующие ходят из дома в дом, поют эту песню, выражая пожелания благополучия, счастья и удачи хозяевам в наступающем году. Хозяева за это должны щедро угостить поющих ребят. *Басилта* — лепешки, имеющие форму серпа луны, ими угощают поющих подростков, также припев песен-колядок. *Белая арака* — водка-самогонка. Белая, т. е. чистая, в оригинале — прозрачная.

290. ПНТО, вып. 2, с. 132. ПДЛ 74, с. 47. Записана М. Гардановым. Одна из самых распространенных в Осетии хоровых песен в честь покровителя мужчин, воинов, путников *Уасгерги*, языческого божества, особо почитавшегося в дореволюционной Осетии. Это одна из самых древних песен, не знает ни строфического строения, ни рифм. Текст импровизируется совершенно свободно каждым запева-лой, а мелодия имеет только два варианта — иронский и кударский. При исполнении необходимо кроме знания мелодии соблюдение соот-ветствия между пространством музыкальной фразы и импровизиро-ванным «стихом».

291. ПНТО, вып. 2, с. 132. ПДЛ 74, с. 48. *Алаурди* (Аларды) — в осетинской мифологии божество, насылающее оспу. Ко дню празд-ника в честь божества устраивались в старой Осетии пиршества. В святилище божества оставляли серебряные монеты, завернутые в вату. При заболевании детей оспой устраивали пир, и за столом хор мужчин пел эту песню, чтобы отвлечь от людей «гневное лицо» божества. Песня поется и ныне, хотя потеряла свой ритуальный ха-рактер.

292. СОНИИ. ПДЛ 74, с. 36. *Уакац* — название горной вершины, *Курпская вершина* — гора, известная в эпосе. *Уаз* — гора, часто упо-минаемая в осетинском нартском эпосе, буквально: святая. *Дзу-лат* — средневековый минарет на территории Осетии, сохранившийся до сих пор, часто упоминается в легендах и преданиях. *Уасгерги* — см. примеч. 290.

293. ПНТО, вып. 4, с. 43. ПДЛ 74, с. 34. *Сын Комиа* — легендар-ный охотник. *Сесана* — сын небожителя. *Георгий, Никола* (Нико-лай) — христианские святые.

294. Хрестоматия, с. 34. ПДЛ, с. 62. Записана Г. Гуриевым. Поется и ныне на свадьбах. *Орайда* — слово, не имеющее конкрет-ного значения, встречается как зачин в песнях. *Маде-Майрам* — бук-вально: Мать Мариам (Мария); в мифологических представлениях осетин дух-покровитель материнства, связь с образом христианской богоматери очевидна.

295. ПНТО, вып. 2, с. 150. ПДЛ, с. 65. Записана М. Гардановым. Поется на свадьбе при прощании невесты с родным домом и при входе ее в дом жениха. Песня сопровождает обряд прощания и при-общения невесты к новому очагу. *Алай* — свадебная песня. *Беш-мет* — сорочка со стоячим воротником и манжетами особой формы и шитья, надевается под черкеску. В старой Осетии невеста приво-зила с собой в дом жениха как приданое разные вещи своего руко-делия и дарила их родственникам своего мужа, показывая свое ма-стерство и вкус.

296. СОНИИ. ПДЛ, с. 58. Записана 21 сентября 1936 г. в сел. Ха-рисджын Х. Плиевым от Б. Марзаганова. Поется и поныне при вы-ходе невесты из родного дома и прощании с матерью. *Нана* — мать.

297. СОННИИ. ПДЛ, с. 60. Записана в 1936 г. в сел. Зака Х. Плиевым от Х. Кесаева. Поется и ныне.

298. ПНТО, вып. 2, с. 149. ПДЛ, с. 63. Записана от Ш. Абаева. Поется и ныне на свадьбе в доме невесты. *Песня «Алай»* — свадебная песня.

299. СОННИИ. ПДЛ, с. 64. Записана 26 сентября 1926 г. во Владикавказе Г. Гуриевым от известного исполнителя народных песен В. Гуриева. Поется на свадьбах.

300. Хрестоматия, с. 45 ПДЛ, с. 68. Антология, с. 56, в переводе С. Шервинского. Записана Д. Мамсуровым.

301. СОННИИ. ПДЛ, с. 72. Записана 3 февраля 1827 г. в сел. Ольгинское Г. Гуриевым от М. Дзахоевой. Причитания постоянного текста не имеют, импровизируются свободно; не было в Осетии и профессиональных плакальщиц, причитают родственники умершего, редко — родственники, каждый выражает свою боль как умеет, но наиболее талантливые плакальщицы поднимаются до высот подлинной трагической поэзии.

302. Хрестоматия, с. 47. ПДЛ, с. 74. Древний обычай посвящения коня умершему восходит к скифско-сарматскому быту и верованиям. В древнее время предки осетин коня не только посвящали умершему, но и убивали его и хоронили вместе с покойным, чтобы он странствовал на нем и в загробном мире. В позднее время этот обычай превратился в обряд, при котором коня не убивали, но «посвящали» покойному. И в недавнее время «посвященный конь» со специальной отметиной на ушах отпускался на волю. Сюжет посвящения постоянен, но каждый волен пересказывать его по-своему, т. е. поэтичность текста зависит от таланта посвящателя, его красноречия и вдохновения. Впервые текст и описание обряда посвящения коня зафиксировал и опубликовал русский академик А. М. Шегрен (журн. «Маяк», т. 7, 1843), позднее текст в разных записях публиковался несколько раз. На основе сюжета посвящения коня Коста Хетагуров создал поэму «На кладбище». *Георг* (Георгий) — христианский святой.

ИСТОРИЧЕСКИЕ И ГЕРОИЧЕСКИЕ ПЕСНИ

303. «Наша эпоха», 1952, № 2, с. 76 (на осетинском языке). ПДЛ, с. 40. Записана в 1894 г. М. Тугановым от Д. Саулаева. Одна из самых древних исторических песен, дошедших до нас. В ней отражена неравная борьба осетинского (аланского) народа против татаро-монгольских завоевателей, продолжавшаяся в течение XIII—XIV вв. и закончившаяся тяжелым поражением осетин. Трагические последствия поражения стали содержанием этой песни. *Задалесские горы* находятся в западной части Осетии.

304. ОНТ, т. 1, с. 464. ПДЛ 74, с. 60. Записана 14 февраля 1926 г. в г. Дзауджикау Г. А. Дзагуровым от Т. Туганова. В песне

отражен момент борьбы осетин с крымскими ханами, нередко нападавшими на горцев Кавказа в XVI—XVII вв., но конкретный эпизод не выяснен. Упоминаемые в песне *Туганов Ельбердук*, сыновья *Дзакалица*, *Тасолтанов*, местный топоним *Даргон* не сохранились в народной памяти, равно как и в исторической литературе.

305. СОНИИ. ПДЛ, с. 30. Записана в июне 1938 г. от А. Плиева из сел. Рук. Весьма распространенная хоровая песня в современной Осетии. *Ларс* — село на берегу Терека по Военно-Грузинской дороге, близ города Орджоникидзе. *Алдары* — князья. *Дарг-Кох* — село и железнодорожная станция в Северной Осетии, буквально: длинная роща.

306. ОНТ, т. 1, с. 514. ПДЛ 74, с. 72. Записана в 1940 г. в сел. Муртазово Х. Плиевым и Д. Дагиевым от У. Марзаганова. В песне рассказывается об одном эпизоде из истории Куртатинского ущелья Северной Осетии. Во второй половине XVIII в. вопрос о присоединении к России жители каждого ущелья Северной Осетии решали самостоятельно, выделяя из своей среды послов для переговоров с представителями царских властей на Северном Кавказе. Одно такое посольство Куртатинского ущелья на обратном пути из Моздока в горы нарвалось на засаду кабардинских князей и погибло в бою. Упоминаемые в песне лица и топонимы не сохранились в исторической памяти народа. Песня ныне вышла из народного репертуара.

307. СОНИИ. ПДЛ 74, с. 74. Записана Т. А. Хамицаевой от М. Томаева. Песня исполняется соло, речитативом. *Нихас* — см. примеч. 287. *Тагаурцы* — жители Кобанского ущелья.

308. СОНИИ. ПДЛ 74, с. 65. Записана Т. Хамицаевой от А. Г. Хамицаева. Песня исполнялась сказителями в сопровождении струнного инструмента. Имеет прозаические версии. Ныне не поется. *Тасолтановы* — княжеский род в Кабарде. *Уздени* — благородные. *Ноговицы* — своеобразный чулок, не прикрывающий ступню ноги. Обычно закрывает голень, иногда — колено. *Царгасати* (Царгасата) — знатный род в Северной Осетии. *Арак* — водка. *Дзигло* — см. примеч. 317. *Кунацкая* — помещение для гостей.

309. СОНИИ. ПДЛ, с. 24. Записана 17 января 1939 г. в г. Сталинире Х. Плиевым от Г. Кабулова. Одна из самых распространенных хоровых песен в Осетии. Мелодия и текст песни имеют несколько вариантов. *Чермен* (Кермен) Тулатов — историческое лицо, имя его упоминается в ряде исторических документов конца XVIII в. Народу памятен как мужественный воитель против осетинских и кабардинских феодалов, как заступник бедных пахарей. Имя его было столь популярно в народе, что осетинские революционеры свою революционно-демократическую партию называли в честь героя партией «Кермен» (керменисты позднее вошли в состав большевистской партии). Начинатель осетинской прозы и выдающийся осетинский поэт Сека Гадиев (1855—1915) сложил о нем песню, которая также популярна в Осетии по сию пору. Рельефный образ народного героя создал в стихотворной трагедии «Чермен» современный осетинский

поэт Гриш Плиев (р. 1913). *Кавдасард* — буквально: рожденный в яслях. Разряд крепостных крестьян, состоявший из детей знатных от так называемых именных жен («номылус»), т. е. от жен, взятых из незнатных сословий. Кавдасарды всю жизнь в доме собственных отцов оставались на правах крепостных своих же братьев от матерей знатного происхождения, не имея никаких имущественных прав. *Нана* — мать.

310. «Творчество народов СССР», М., 1938, с. 227. Оригина́л песни неизвестен. В песне отражена борьба осетинских крестьян против феодалов-баделят. Об изгнании баделят рассказывает офицер русской службы Штедер, в 1781 г. побывавший в горной Осетии и наблюдавший упорную вооруженную борьбу крестьян с баделятами. Он сообщает: «...стали требовать от меня, чтобы я тотчас же повел их на укрепления бадилатов; все мои советы были отклонены; они требовали полного уничтожения бадилатов, так как считали, что без умерщвления их нельзя надеяться в будущем на спокойствие». Штедер далее рассказывает, что ему удалось примирить враждующих, но на условиях, лишивших баделят феодальных преимуществ: «Все дигорцы, сделанные рабами, должны быть отпущены, и все незаконно взятые во владение со времен их отцов земли должны быть отобраны. Весь скот и оружие, которые были насильственным образом удержаны, должны быть возвращены, насколько можно отыскать таковые». «Так были восстановлены мир и согласие в дигорских горах после 10 лет непрерывных волнений», — заканчивает Штедер свое повествование. Видимо, эти события и легли в основу данной песни (см. сб.: «Осетины глазами русских и иностранных путешественников», Орджоникидзе, 1967, с. 60 и 66). *Карагас* — см. примеч. 330.

311. СОНИИ. ПДЛ, с. 32. Записана 5 марта 1938 г. в сел. Рук Х. Плиевым от А. Плиева. Антология, с. 51, в переводе С. Шервинского. Широко распространенная хоровая песня, сюжет постоянен, но текст импровизируется свободно, рифмы не знает. *Валух* — холощеный баран. *Алдары* — князья.

312. СОНИИ. ПДЛ, с. 22. Записана 5 октября 1936 г. в г. Алагире Х. Плиевым от знаменитого исполнителя народных песен С. Наниева. Одна из самых популярных хоровых песен в Осетии. *Таймураз* Кодзырты — герой песни, видимо историческое лицо. О нем сохранилось множество легенд и преданий как о самоотверженном борце против кабардинских князей, совершавших постоянные вооруженные набеги на осетинских крестьян в XVII—XVIII вв. и пытавшихся превратить их в данников. *Дзицца* — обращение к матери. В Осетии к матери и отцу по имени не обращались, самое типичное обращение к матери — «нана», «дзыцца» (гыцци). В народных песнях герои обращаются в предсмертном монологе к матери или к сестрам, но не к отцу и братьям. Видимо, это — отдаленный пережиточный элемент матриархальных отношений. *Дзигло* — см. примеч. 317.

313. СОНИИ. ПДЛ, с. 43. Записана в 1933 г. в сел. Лескен И. Цеевым от М. Караева. Упоминаемые в песне лица неизвестны, но факты нападения на феодалов соседних сел жителей Алагирского

ущелья зафиксированы в истории. *Илиа-пророк* — христианский святой Илья.

314. СОНИИ. ПДЛ 74, с. 87. Записана 10 апреля 1928 г. в сел. Чикола от К. Царикаева. По преданию, в песне отражена борьба крестьян с феодалами за луга и пастбище Харес. Герой песни *Царай Дабалаев* убил в стычке пристава Кубатиева и был сослан в Сибирь, где вскоре погиб. О нем сложили песню как о герое народной борьбы.

315. ПДЛ 74, с. 89—90. Оригинал опубликован в сб. «Осетинские народные песни», Орджоникидзе, 1941, с. 61 (на осетинском языке). *Ботасовы* — кабардинский княжеский род.

316. ОНТ, т. 1, с. 529. ПДЛ 74, с. 91. Записана А. Цараевой от Х. Даурова. *Цереков* — предавший *Ботаза* побратим. *Хилак* — горное село в Куртатинском ущелье Северной Осетии.

317. СОНИИ. ПДЛ, с. 27. Записана 24 сентября 1936 г. в г. Алагире Х. Плиевым от С. Наниева. *Тох ама тох* — припев в героических песнях, буквально — «бой и бой». *Гизель, Заманкул* — сел. в Северной Осетии, образовавшиеся после выселения горцев на равнину. *Алдары* — князья. *Дзигло* — в сказках этим именем великаны называют людей, подчеркивая их малый рост и слабость в сравнении с великанами; здесь — презрительная кличка, данная знатю простым людям.

318. СОНИИ. ПДЛ, с. 42. Записана в 1940 г. в сел. Зака С. Джамаевым от Н. Калоева. *Сала Гаглоев* — лицо историческое, один из так называемых благородных абреков, знаменит своими набегами на грузинских князей во второй половине XIX в. Песня ныне не поется; но герой песни популярен, о его подвигах существует множество легенд.

319. СОНИИ. ПДЛ, с. 36. Записана в 1936 г. Х. Плиевым от Ц. Бидеева. Поется и поныне как хоровая песня. *Князья благородные* — употреблено иронически, в смысле зазнавшиеся гордецы, в действительности род *Габановых*, как и *Бекузаровых*, не имел отношения к знати.

320. «Осетинские народные песни», Орджоникидзе, 1941, с. 24 (на осетинском языке). ПДЛ 74, с. 99. Песня точнее называется «Песня об Афхардове Хасане». Существует и как хоровая песня, и как народная поэма-кадаг, исполняемая сказителями. Лучшим исполнителем кадага в прошлом веке был знаменитый поэт-сказитель Бибо Зугутов из сел. Батако-юрт, известный под именем Слепой Бибо. От него поэму записал поэт Александр Кубалов (1871—1937), и в его обработке она стала классическим произведением осетинской поэзии. Песня популярна и поется в Осетии повсюду.

321. СОНИИ. ПДЛ 74, с. 102. Записана в сентябре 1936 г. в сел. Харисджын Х. Плиевым и Д. Дарчиевым от Б. Марзаганова.

Популярная песня. О герое песни сохранилось множество преданий. Они послужили вместе с песней материалом для поэмы известного осетинского поэта Гино Баракова (1890—1936) «Азджериты Куцык» и драмы Бориса Алборова (1886—1969) «Куцык».

322. СОННИИ. ПДЛ, с. 34. Записана 7 июля 1931 г. в сел. Чикола от Х. Цориева.

323. ПДЛ 74, с. 104. Записана в 1920 г. в сел. Джимара Б. Алборовым от И. Каллагова. Оригинал находится у собирателя. Песня ныне не поется, но трагическое событие, породившее ее, до сих пор памятно народу. *Мусса* Кундухов — сын Алхаста, генерал-майор русской службы, отличившийся в боях русских войск против Шамиля. Один из первых осетинских генералов, пользовался значительным влиянием среди осетинской знати и простого народа, так как сам был незнатного происхождения. После поражения Шамиля в 1859 г. был на гражданской службе начальником Чеченского и Владикавказского округов. Русский царизм, заинтересованный в разрядке обстановки на только что замиренном Кавказе, решил избавиться от наиболее воинственного и непокорного населения, отправив его в Турцию, куда мусульмане-горцы стремились как в страну единоверного народа. Эту провокационную миссию царские власти возложили на Муссу Кундухова, и он увел с собой в Турцию в 1865 г. большую партию горцев, в том числе и осетин более пяти тысяч. Этот раскол народ пережил как большую национальную трагедию. Сами переселенцы, поняв всю гибельность провокации Кундухова, пережив в пути неисчислимые бедствия, сложили о генерале, предавшем их, песню-проклятье. Трагедия переселенцев получила свое отражение и в литературе. Осетинские писатели Тему́рболат Мамсуров (1843—1899) и Инал Кануков (1852—1899) сами были участниками переселения и стали позднее выразителями неизбывного горя людей, оторванных от родины, оказавшихся на чужбине без крова и помощи.

324. «Книга песен», Орджоникидзе, 1942, с. 34 (на осетинском языке). ПДЛ, с. 49. Записана в 1936 г. в сел. Джава. Популярная хоровая песня, поется в Осетии повсюду. Герой — один из протестантов-одиночек типа благородных абреков.

325. СОННИИ. ПДЛ, с. 45. Записана в 1940 г. в г. Орджоникидзе Н. Кадзовой от В. Гуриева, народного музыканта, одного из певцов, сложивших песню о Коста Хетагурове. Песня была сложена летом 1899 г. группой народных певцов, поклонников поэзии Коста Хетагурова, когда царские власти отправили его во вторую ссылку в Херсонскую губернию в мае 1899 г. Песню стали распространять сами певцы, сложившие ее, но местные власти, узнав содержание песни, арестовали певцов и запретили им ходить из села в село. Однако песня быстро распространилась, так как была встречена с большим энтузиазмом; в селах, где успели побывать певцы, их встречали праздничными пиршествами. Ныне поется повсюду в Осетии. *Нар* — осетинское село, родина К. Хетагурова.

326. Хрестоматия, с. 478. ПДЛ, с. 51. Герой песни *Антон Дриаты* — командир одной из шести красных сотен в Южной Осетии в 1906 г. Его сотня вела беспощадную борьбу с царской администрацией и помещиками, с отрядами черносотенцев и с частями регулярных войск. Погиб в бою с казачьим карательным отрядом в октябре 1906 г. в возрасте 50 лет. Он был талантливым командиром, смелым и искусным в бою, поэтому прозвали его Наполеоном. Песня была сложена его сподвижниками после его гибели и с тех пор является одной из самых любимых песен в народе. *Алдары* — князя. *Куд* — осетинское название ущелья близ Военно-Грузинской дороги у начала перевала, в русской литературной традиции — Гудское ущелье, Гудгора. *Арбы джавские шатки*. Джава — село в Южной Осетии на берегу реки Лиахва, ныне районный центр.

327. СОНИИ. ПДЛ, с. 47. Записана в апреле 1928 г. в сел. Чикола от А. Мокаева. Песня сложена в период первой мировой войны, принадлежит к циклу окопных песен осетинских солдат. Ныне не поется.

328. СОНИИ. ПДЛ, с. 56. Антология, с. 48, в переводе С. Шервицкого. Хоровая песня времен гражданской войны. Ныне не поется. *Алдары* — князя.

329. «Фольклор Южной Осетии», Сталинир, 1936 (на осетинском языке). ПДЛ, с. 53. Песня посвящена героической гибели *Исака Харебова*, героя гражданской войны в Южной Осетии, коммуниста, вернувшегося с германского фронта первой мировой войны в чине поручика и возглавившего боевые отряды крестьян. Погиб летом 1918 г., участвуя в боях с меньшевистскими войсками Грузии. Песню сложили боевые соратники героя. Существует два варианта песни: горнисский и кударский. Одна из самых популярных в Осетии народно-хоровых песен. *Сачхерет* (Сачхерети) — населенный пункт в западной Грузии.

330. СОНИИ. ПДЛ, с. 54. Записана 24 сентября 1927 г. в сел. Дигора А. Толасовым от А. Корнаева. *Хамиц Корнаев* и *Садула Кодзасов* — участники гражданской войны, погибшие в 1919 г. в бою с бандами деникинской добровольной армии генерала Шкуро. *Карагас* — название местности близ реки *Урсдон* в Северной Осетии.

331. «Осетинские песни», Орджоникидзе, 1934, с. 5 (на осетинском языке). «Творчество народов СССР», М., 1938, с. 103. Антология, с. 43. Песня о Ленине переводилась и другими поэтами, из них наиболее точен перевод М. Слободского, помещенный в кн. «Песни горцев», М., 1939, с. 178. Песня имеет множество вариантов, но наибольшее признание и распространение получил первый вариант, сложенный певцами из Куртатинского ущелья Северной Осетии в сел. Барзикау в 1926 г. В эту группу певцов входили Вано Гуриев, Алихан Хадарцев, Арцу, Сауа, Аддзе Гуриевы, Асланджери Хадарцев, Созырыко Габуев, Тепсарыко Джимиев, Заурбег Елоев, Майрам Гаджинов, Дахцыко Габуев, Уане Мырзаганов и др. Над песней (мелодией и текстом) работали долго и на суд народа вынесли ее лишь

в 1928 г., обходя соседние села. С тех пор песня получила широкое признание и породила множество других вариантов. Поется в Осетии повсеместно.

332. ОНТ, т. 2, с. 622. Антология, с. 60. Записана 25 июля 1959 г. в сел. Джимара А. Цагаевой от певца Б. Калагова. *Плиев Исса Александрович* (р. 1902) — дважды Герой Советского Союза, генерал армии, прославленный военачальник в годы Великой Отечественной войны. Песня распространена по всей Осетии.

333. ОНТ, т. 2, с. 625. Антология, с. 61. Записана в 1948 г. от певцов, сложивших ее, С. Кертанова, С. Тегаева и Р. Дзадзаева.

334. Антология, с. 62. Оригинал не опубликован, хранится в архиве Дома народного творчества Северо-Осетинской АССР. *Энвер Ахсаров* — Герой Советского Союза, командир кавалерийской дивизии, погибший в боях за освобождение г. Харькова.

ПЕСНИ ЛЮБВИ

335. ПНТО, вып. 2, с. 129. ПДЛ, с. 79. Записана 2 декабря 1898 г. М. Гардановым от К. Кертибиева. *Камата* — сел. в горах Северной Осетии. Остальные топонимы и лица, упомянутые в песне, носят условный характер или неизвестны.

336. ПДЛ, с. 88. Оригинал не опубликован, хранится в архиве Дома народного творчества Северо-Осетинской АССР. Популярная лирическая песня городского происхождения.

337. СОНИИ. ПДЛ, с. 81. Записана в 1937 г. в сел. Дигора от Д. Такоева. Как хоровая песня не бытует.

338. СОНИИ. ПДЛ 74, с. 125. Записана 8 июня 1920 г. в г. Владикавказе М. Гардановым. Ныне не поется.

339. «Хуры тун» («Луч солнца»), 1912, № 3, с. 70 (на осетинском языке). ПДЛ 74, с. 128. Записана Б. Алборовым. Ныне не поется.

340. СОНИИ. ПДЛ 74, с. 130. Записана 15 февраля 1920 г. М. Гардановым от Б. Гарданова. Ныне не поется.

341. СОНИИ. ПДЛ 74, с. 131. Распространенная песня редкой в осетинской народной лирике диалогической формы.

342. СОНИИ. ПДЛ 74, с. 133. Записана 13 июля 1932 г. Е. Ревазовой от А. Ревазовой. Песня популярна в народе и ныне, поется дуэтом.

343. ПДЛ 74, с. 136. Записана в 1922 г. в г. Дзауджикау Г. Дзагуровым от Е. Кубатиева. Оригинал у собирателя.

344. ПДЛ, с. 86. Антология, с. 54, в переводе С. Шервинского. Запись оригинала хранится в архиве Комитета по радиовещанию Се-

веро-Осетинской АССР. Песня популярна в народе, текст ее имеет много вариантов, так как каждый исполнитель волен импровизировать собственный текст. Имеется также в переводе Льва Озерова в кн. «Осетинская тетрадь», Орджоникидзе, 1972, с. 115.

345. Хрестоматия, с. 286. ПДЛ, с. 84. Записана в 1936 г. в г. Моздоке К. Казбековым. Песня популярна и ныне.

346. «Фольклор южных осетин», 1936, с. 340. ПДЛ, с. 89. Распространенная песня. *Поти* — город в Грузии. *Дзомаг* — сел. в Южной Осетии. *Джер* — сел. и название святилища, приобретшего черты христианского храма.

347. Хрестоматия, с. 229. ПДЛ, с. 91. Популярная песня, по форме напоминает русские страдания.

348. ПДЛ, с. 92. Оригинал хранится в архиве Комитета радиовещания Северо-Осетинской АССР. Распространенная песня, поют ее и парни и девушки: в осетинском языке нет категории рода, и принадлежность песни, т. е. девичья или юношеская песня, определяется полом исполнителя.

349. «Книга песен», Орджоникидзе, 1942, с. 113 (на осетинском языке). ПДЛ, с. 94. Распространенная песня, принадлежит к циклу страданий.

350. ПДЛ, с. 93. Оригинал песни хранится в архиве Дома народного творчества Северо-Осетинской АССР. Принадлежит к циклу страданий, частушек. Все песни этого цикла поются полушутливо, юноши и девушки как бы стесняются говорить о любви, и шутка скрадывает минорный тон страданий.

ЗАСТОЛЬНЫЕ, ПЛЯСОВЫЕ И ШУТОЧНЫЕ ПЕСНИ

351. СОННИИ. ПДЛ, с. 67. Записана 10 мая 1938 г. Х. Плиевым от певца Д. Мамиева. Поется и ныне за пиршественным столом. *Олибах* — пирог с начинкой из сыра. *Сатана* — см. примеч. 280.

352. ПДЛ 74, с. 149. Записана в 1920 г. в сел. Джимара Б. Алборовым от И. Каллагова. Оригинал хранится у собирателя. Ныне не поется.

353. «Труды по востоковедению, издаваемые Лазаревским институтом восточных языков», вып. 11, 1902, с. 49. Публикация И. Собиева. Ныне не поется.

354. Хрестоматия, с. 464. ПДЛ, с. 68. Исключительно распространенная песня. В народе обычно называют ее «Возьми, выпей, осуши до дна». Впервые зафиксирована немецким путешественником бароном Августом фон Гакстаузенем, посетившим Кавказ в 1843 г. и позднее опубликовавшим свои пространные путевые заметки. Он так

описал эту песню: «Пока один пьет, другие поют старинную застольную песню и бьют в ладони (далее приводится одна строфа песни на осетинском языке. — *Н. Дж.*). И так далее, без конца, пока пьющий не опорожнит бокала» (Закавказский край. Заметки о семейной и общественной жизни и отношениях народов, обитающих между Черным и Каспийским морями, СПб., 1857, ч. 2, с. 88). Назначение песни, как и характер ее исполнения, до сих пор остаются такими же, а текст импровизируется свободно. *На пути в Тифлис лежит Дарьял*. Путь от г. Орджоникидзе до Тбилиси (Тифлис) действительно пролегает через Дарьял, ущелье, образуемое руслом Терека. *Ой, в Ганаз-ауле дом Кута* — такого аула в действительности нет, но в песне, текст которой формируется по законам музыкально-образного параллелизма, вполне допустим такой вымысел, ибо смысловая нагрузка целиком падает на второй член параллели, первый служит обычно рифмующейся параллелью, для облегченного запоминания всей строфы, и состоит из свободного набора слов. *Зарамаг* — сел. в горах Северной Осетии.

355. «Книга песен», Орджоникидзе, 1942, с. 112 (на осетинском языке). ПДЛ, с. 106. Популярная песня, исполняется во время пиршеств, свадебного застолья и т. д. Это единственная песня, где объектом юмористической шутки выступает бедность: *цола* в буквальном переводе значит «тощий». *Олибах* — см. примеч. 351.

356. ПНТО, вып. 2, с. 151. ПДЛ, с. 108. Записана М. Гардановым. Хороводная песня, ныне исполняется редко, вытеснила ее аналогичная по назначению песня «Чепена».

357. СОНИИ. ПДЛ, с. 104. Популярная шуточная песня, исполняется за свадебным и пиршественным столом.

358. СОНИИ. ПДЛ 74, с. 155. Записана в сентябре 1936 г. в сел. Зарамаг Х. Плиевым и Д. Дарчиевым от С. Бидеевой. Распространенная песня.

359. СОНИИ. Перевод публикуется впервые. Записана 2 ноября 1927 г. в сел. Вакац Г. Толасовым от М. Киргуева. Исполняется как музыкальное сопровождение массового народного танца «Симд».

360. СОНИИ. ПДЛ, с. 113. Записана в 1928 г. в сел. Рук Х. Плиевым от певца Г. Плиева. Исполняется во время хороводного танца «Чепена».

КОЛЫБЕЛЬНЫЕ И ДЕТСКИЕ ПЕСНИ

361. Хрестоматия, с. 289. ПДЛ, с. 99. Записана Д. Туаевым. Самая распространенная песня, которой убаюкивают детей колыбельного возраста. *Нана* — мать.

362. Хрестоматия, с. 289. ПДЛ, с. 97. Записана Д. Туаевым. Популярная песенка из цикла колыбельных. *Сырдон* — один из основных персонажей нартского эпоса.

363. ПНТО, вып. 2, с. 157. ПДЛ, с. 100. Записана М. Гардановым. Принадлежит к циклу колыбельных песенок, весьма популярна.

364. ПНТО, вып. 2, с. 157. ПДЛ, с. 101. Записана 22 октября 1899 г. в сел. Махческ М. Гардановым.

365. ОНТ, т. 2, с. 560. СОНИИ. Перевод публикуется впервые. Записана в 1895 г. в сел. Христиановском И. Собиевым.

366. СОНИИ. ПДЛ 74, с. 160. Записана 26 ноября 1927 г. в сел. Вакац А. Толасовым от Г. Киргуева.

367. ПНТО, вып. 2, с. 156. Перевод публикуется впервые. Записана 21 октября 1899 г. в сел. Махческ М. Гардановым.

368. ПНТО, вып. 2, с. 156. ПДЛ, с. 95. Записана в сел. Махческ 21 октября 1899 г. М. Гардановым.

369. СОНИИ. ПДЛ 74, с. 164. *Бешимет* — см. примеч. 295.

370. СОНИИ. ПДЛ 74, с. 163. Записана М. Гардановым.

371. ОНТ, т. 2, с. 559. СОНИИ. Перевод публикуется впервые. Записана М. Гардановым.

372. ОНТ, т. 2, с. 559. Перевод публикуется впервые. Записана М. Гардановым. Все эти три песни (№ 370, 371, 372) являются песнями купающихся в речке детей. Когда детям становится зябко в воде, они выбегают на берег и, размахивая над головами рубашками, поют эти песенки. Предполагается, что это поможет им согреться и не простудиться.

373. ОНТ, т. 2, с. 553. СОНИИ. ПДЛ, с. 102. Записана 10 июня 1932 г. в сел. Тли Е. Джикаевой от Н. Ц. Кадзоевой. Впервые эту детскую песенку записал в 1870 г. осетинский поэт и публицист Инал Кануков (1852—1899) и опубликовал ее в контексте своего знаменитого очерка «В осетинском ауле» (См. «Сборник сведений о кавказских горцах», вып. 8, Тифлис, 1875). В 1901 г. в собственной записи опубликовал ее Гаппо Баев в книге стихов осетинских поэтов А. Кубалова, Г. Цаголова и А. Кайтмазова под названием «Бабочка». Текст во всех трех записях совпадает почти полностью.

374. ОНТ, т. 2, с. 557. СОНИИ. Перевод публикуется впервые. Записана 20 марта 1928 г. в сел. Христиановском М. Гардановым от К. Т. Ботоева.

375—377. Записаны в феврале 1961 г. в сел. Карман-Синдзикау осетинским детским писателем В. И. Царукаевым от матери, Д. У. Царукаевой. Перевод публикуется впервые. Оригиналы хранятся у собирателя.

378. ОНТ, т. 2, с. 46. СОНИИ. Перевод публикуется впервые. Записана в сел. Христиановском 14 марта 1928 г. К. Такоевым. На-

чало и концовка произведения в оригинале звучат несколько иначе: птичка «обтереть ножки» попросила не козла, а камышинку; когда та не соглашается, птичка просит козла съесть камышинку и т. д., пока она не просит кота съесть мышку. Мышка в испуге просит хвостину побить вола, вол просит воду залить огонь, огонь грозит аулу сжечь его, аул грозит волку, волк — козлу, козел — камышинке, которой пришлось все-таки выполнить просьбу птички, и та стала петь свои песни.

ЧЕЧЕНСКИЕ ПЕСНИ

Чеченцы — народ, живущий в Чечено-Ингушской АССР. Чеченский язык — язык вайнахской группы иберийско-кавказской семьи языков, близкородственный ингушскому. Из богатейшего песенного наследия чеченцев в этой книге представлены преимущественно образцы лирических жанров. У чеченцев сильно развит и жанр эпических песен-поэм, которые исполнялись индивидуальными певцами под аккомпанемент струнного инструмента дечиган-пондыр. Такова песня-поэма об «Альбике и Жамарзе Мадиевых», публикуемая в данной книге в ингушской версии.

Публикация народных песен чеченцев на родном языке началась лишь в советское время, когда и запись песен приобрела систематический характер. Оригиналы фольклорных записей, произведенных до 1944 г., не сохранились, ныне их заменяют опубликованные тексты. Наиболее важными из печатных изданий песенного фольклора чеченцев являются: «Чеченские песни, рассказы, пословицы. Собрал Ахмад Нажаев», Владикавказ, 1926; Саид Бадиев, Наш сад, Солж-Гала (Грозный), 1935. В этом авторском сборнике имеется раздел народных песен; «Чеченские эпические и лирические песни», т. I, Грозный, 1959. Составители Зайнди Джамалханов и Серафдин Эльмурзаев.

ТРУДОВЫЕ ПЕСНИ

379. ПВ, с. 89. Записана в 1965 г. в г. Грозном М. Д. Дикаевым от матери, З. А. Дикаевой. Оригинал хранится у собирателя. Чеченцы в былое время масло сбивали в больших круглых глиняных кувшинах, имевших по две ручки, кувшин покачивали на кошке от себя и на себя. В более позднее время в обиход вошли деревянные маслобойные кадушки, в которых масло сбивали уже опуская и поднимая специальный поршень.

380. Записана М. Мамакаевым. Оригинал хранится у собирателя. Перевод публикуется впервые.

381. ПБП, с. 394. Записана Х. Цугаевым по памяти, оригинал хранится у собирателя.

382. ПЧИ, с. 85. *Автуринцы* — жители сел. Автури Шалинского района Чечено-Ингушской АССР.

383. ЧЭЛП, с. 46. ПЧИ, с. 85. По преданию, герой этой классической повествовательной песни-поэмы является лицом историческим. Время, описываемое в песне, видимо, относится к концу XVIII в.

384. Оригинал опубликован в фольклорном сборнике «Радость сердца», Фрунзе, 1957, с. 224. Имена собирателя и информатора неизвестны.

385. Записана Х. Цугаевым по памяти, оригинал хранится у собирателя. ПВ, с. 26.

386. Записана Х. Цугаевым по памяти, оригинал хранится у собирателя. ПЧИ, с. 65. Герой песни — знаменитый наездник из аула Гехи. *Муталим* — ученик мусульманской духовной школы.

387. Записана М. Гакашевым по памяти, оригинал хранится у собирателя. ПБП, с. 386.

388. ЧЭЛП, с. 35. ПВГ, с. 28. Записана С. Эльмурзаевым. *Наши любимые жены Называют по именам Нашу родню смущенно. У вайнахов, как и у ряда других народов Северного Кавказа, жены к родственникам мужа по именам не обращались. Это запрещалось традицией. Их называли по признаку родства — дочь такого-то, сын такого-то.*

389. ПБП, с. 384. Записана Х. Цугаевым по памяти, оригинал хранится у собирателя.

390. ПЧИ, с. 64. Записана Х. Цугаевым по памяти, оригинал хранится у собирателя. ПЧИ, с. 64. *Арака* — водка. *Айран* — кислое молоко.

391. Песня сложена в 1920 г. Записана в 1930 г. в ауле Старые Атаги. Перевод впервые опубликован в кн.: «Чечено-Ингушский фольклор», М., 1940, с. 71.

392. ЧЭЛП, с. 27. ПЧИ, с. 79. Сложил песню слепой певец А. Нучаев в начале 20-х годов, записал С. Эльмурзаев. *Асланбек Шерипов* — легендарный герой гражданской войны на Северном Кавказе, боевой соратник Сергея Мироновича Кирова, погиб в 1919 г. в боях против деникинских банд. *Эржкинез* — ингушский вариант фамилии Г. А. Орджоникидзе.

393. ЧЭЛП, с. 19. ПЧИ, с. 75. Записана С. Эльмурзаевым от М. Падаева, жителя аула Ножай-юрт.

394. ЧЭЛП, с. 24. ПЧИ, с. 76. Песню сложил известный импровизатор и исполнитель народных песен А. Гехаев, кузнец из аула Старые Атаги, в начале 20-х годов. Записана А. Нажаевым и опубликована им в кн.: «Чеченские песни, рассказы, пословицы», Владикавказ. 1923, с. 25. Первый перевод песни осуществил К. Липскеров, его перевод опубликован в кн. «Чечено-ингушский фольклор», М., 1940, с. 76.

395. ПЧИ, с. 77. Песня сложена в 1938 г. Записана М. Мамакаевым. Оригинал хранится у собирателя.

396. ЧЭЛП, с. 192. ПВ, с. 15.

397. ЧЭЛП, с. 212. ПВ, с. 19. Первый перевод этой песни осуществил поэт К. Томашевский. Он опубликован в ПЧИ, с. 70.

Олень

Там, где льется в скалах ледяной родник,
Он не смочит влагой высохший язык.
Вниз, на дно ущелий, сходит каждый день,
Поводя ушами, пьет из луж олень,
Пьет, не напиваясь, никогда не спит:
Чуть отяжелеешь — враг подсторожит.
Чуток, осторожен, смотрит он кругом,
После лижет тело тонким языком,
Точит долго-долго о скалу рога,
Бьет нетерпеливо по корням нога.
И, рога закинув, бросившись вперед,
Он призывно ланям издали ревет.
Нет ему ответа. Он один. . . Джигит!
Так и ты любовью никогда не сыт!

398. ПВ, с. 20. Записана М. К. Дикаевым от М. Билалова, жителя аула Курчалой. Оригинал хранится у собирателя. Вариант песни в подстрочном переводе опубликован в 1878 г. в кн: «Сборник сведений о Терской области», вып. I, Владикавказ, 1878, с. 275.

Птицы крылатые, летите вы в Гехинчу!
Гехинскому народу поклон снесите и скажите:
«В ночном сумраке родных лесов
Унылый крик филина слышав,
Пусть вспомнят о нас, без поста и молитвы
Бродящих на чужбине и не видящих исхода!
Бывало, волк холодной ночью воет,
Мы думали, он с голоду воет.
Нет, он от стаи оторвался — вот причина!
Не походим ли и мы на этого волка,
Оторванные от родины и родных могил?
За что бог карает нас, как судно,
Шедшее в Мекку и разбитое бурей?!»

Мекка — место паломничества мусульман.

399. ЧЭЛП, с. 288. ПВ, с. 49. Записана Р. Дадуевой.

400. ЧЭЛП, с. 277. ПВ, с. 34. Записана Р. Дадуевой.

401. ЧЭЛП, с. 239. ПВ, с. 33. Записана Р. Дадуевой.

402. ЧЭЛП, с. 184. ПВ, с. 14. Записана Р. Дадуевой.

403. ПБП, с. 382. Записана М. Мамакаевым. Оригинал хранится у собирателя. Впервые на русском языке опубликована в переводе С. Поделкова в ПЧИ, с. 68.

404. ЧЭЛП, с. 211. ПБП, с. 388. Впервые песню на русский язык перевел А. А. Фет:

Станет насыпь могилы моей просыхать —
И забудешь меня ты, родимая мать.
Как заглушит трава всё кладбище вконец,
То заглушит и скорбь твою, старый отец.
А обсохнут глаза у сестры у моей,
Так и вылетит горе из сердца у ней.

405. Источник неизвестен, но в подстрочном переводе, как и № 404, песня была опубликована А. П. Ипполитовым, военнослужащим на Кавказе, в кн.: «Сборник сведений о кавказских горцах», вып. I, Тифлис, 1868, с. 27. Эти подстрочники послужили источником всех последующих художественных переводов. Песни эти использованы Л. Н. Толстым в «Хаджи-Мурате»; Фет перевел их по его просьбе. Переводы Фета имеются в ПЧИ, с. 71.

Ты, горячая пуля, смерть носишь с собой,
Но не ты ли была моей верной рабой?

Земля черная, ты ли покроешь меня?
Не тебя ли топтал я ногами коня?

Холодна ты, о смерть, даже смерть храбреца,
Но я был властелином твоим до конца:

Свое тело в добычу земле отдаю,
Но зато небеса примут душу мою.

406. ЧЭЛП, с. 240. ПВ, с. 32. Записана Р. Дадуевой.

407. ЧЭЛП, с. 288. ПБП, с. 392. Записана Р. Дадуевой.

408. ЧЭЛП, с. 288. ПВ, с. 35. Записана Р. Дадуевой.

409. ПВ, с. 61. Записана Х. Цугаевым по памяти. Оригинал хранится у собирателя. ПВ, с. 61.

410. ЧЭЛП, с. 292. ПВ, с. 84. Записана Р. Дадуевой по памяти.

411. ПВ, с. 87. Записана в ауле Бердыкель М. Дикаевым от Я. А. Виситаевой. Оригинал хранится у собирателя.

412. ПВ, с. 88. Записана в ауле Бердыкель М. Дикаевым от Я. А. Виситаевой. Оригинал хранится у собирателя.

413. ЧЭЛП, с. 280. ПВ, с. 58. Записана Р. Дадуевой.

ПЕСНИ ЛЮБВИ

414. ПБП, с. 402. Записана Р. Дадуевой. Оригинал хранится у собирателя.

415. ЧЭЛП, с. 267. ПВ, с. 39. Записана Р. Дадуевой по памяти.

416. ЧЭЛП, с. 271. ПВ, с. 38. Записана Р. Дадуевой по памяти.

417. ЧЭЛП, с. 269. ПВ, с. 37. Записана Р. Дадуевой по памяти.

418. ЧЭЛП, с. 274. ПВ, с. 36. Записана Р. Дадуевой по памяти.

419. ЧЭЛП, с. 266. ПВ, с. 41. Записана Р. Дадуевой по памяти.

420. ЧЭЛП, с. 255. ПВ, с. 40. Записана Р. Дадуевой по памяти.

421—427. ПБП, с. 396 и т. д. Записаны Х. Цугаевым по памяти, оригиналы хранятся у собирателя.

428. ЧЭЛП, с. 238. ПВ, с. 51. Записана Р. Дадуевой по памяти.

429. ЧЭЛП, с. 250. ПВ, с. 50. Записана Р. Дадуевой по памяти.

430. ЧЭЛП, с. 247. ПВ, с. 65. Записана Р. Дадуевой по памяти.

431. ЧЭЛП, с. 249. ПВ, с. 63. Записана Р. Дадуевой по памяти.

432. ЧЭЛП, с. 246. ПВ, с. 42. Записана Р. Дадуевой по памяти.

433. ЧЭЛП, с. 280. ПВ, с. 31. Записана Р. Дадуевой по памяти.

434. ЧЭЛП, с. 263. ПВ, с. 82. Записана Р. Дадуевой по памяти.

435. ЧЭЛП, с. 246. ПВ, с. 64. Записана Р. Дадуевой по памяти.

436. ЧЭЛП, с. 258. ПВ, с. 43. Записана Р. Дадуевой по памяти.

437. ЧЭЛП, с. 261. ПВ, с. 44. Записана в 1957 г. Л. Альсултановым от К. Альсултанова.

438. ЧЭЛП, с. 257. ПВ, с. 81. Записана Р. Дадуевой по памяти.

439. ЧЭЛП, с. 255. ПВ, с. 45. Записана Р. Дадуевой по памяти.

440. ЧЭЛП, с. 253. ПВ, с. 46. Записана Р. Дадуевой по памяти.

441. ЧЭЛП, с. 259. ПВ, с. 79. Записана Р. Дадуевой по памяти.

442. ЧЭЛП, с. 284. ПВ, с. 75. Записана Р. Дадуевой по памяти.

443. ЧЭЛП, с. 286. ПВ, с. 76. Записана Р. Дадуевой по памяти.

444. ПВ, с. 47. Песня переведена по подстрочнику, опубликованному Л. Г. Лопатинским в сб.: «Фольклор Азербайджана и прилегающих стран», т. 3, Баку, 1930, с. 421.

445. ЧЭЛП, с. 274. ПВ, с. 78. Записана Р. Дадуевой по памяти.

446. ЧЭЛП, с. 246. ПВ, с. 48. Записана Р. Дадуевой по памяти.

447. ПВ, с. 56. Записана в ауле Шатой А. Темуркаевым от матери. Оригинал хранится у собирателя.

448. ЧЭЛП, с. 252. ПВ, с. 83. Записана Р. Дадуевой по памяти.

449. ЧЭЛП, с. 265. ПВ, с. 86. Записана Р. Дадуевой по памяти.

450. ЧЭЛП, с. 260. ПВ, с. 55. Записана Р. Дадуевой по памяти.

451. ЧЭЛП, с. 279. ПВ, с. 59. Записана Р. Дадуевой по памяти.

452. ЧЭЛП, с. 87. ПВ, с. 57. Записана Р. Дадуевой по памяти.

453. ПВ, с. 62. Песня записана Х. Цугаевым по памяти. Оригинал хранится у собирателя.

454. ЧЭЛП, с. 233. ПВ, с. 85. Записана З. Джамалхановым от К. Задасва. Очень популярная в народе песня.

455. ЧЭЛП, с. 245. ПВ, с. 80. Записана Р. Дадуевой по памяти.

456. ЧЭЛП, с. 276. ПВ, с. 73. Записана Р. Дадуевой по памяти.

457. ЧЭЛП, с. 276—277. ПВ, с. 74. Записана Р. Дадуевой по памяти.

458. ПВ, с. 54. Песня переведена по подстрочнику, опубликованному Л. Г. Лопатинским в сб.: «Фольклор Азербайджана и прилегающих стран», т. 3, Баку, 1930, с. 423.

459. ПЧИ, с. 85. Песня сложена в 30-е годы и была популярной.

460. ПЧИ, с. 87. Источник текста неизвестен. Песню сложили в 30-е годы о колхозном бригадире-кукурузоводе Али Гучигове из аула Урус-Мартан. Али был награжден за героический труд многими правительственными наградами, был избран депутатом Верховного Совета СССР первого созыва; участник Великой Отечественной войны, он погиб в бою с гитлеровцами в 1943 г.

ДЕТСКИЕ ПЕСНИ

461—463. «Песни маленьких горцев», М., 1961, с. 48, 38, 14. Все эти песни были записаны писателем М. А. Мамакаевым (1910—1973) в разные годы, оригиналы песен хранятся в его личном архиве.

СОДЕРЖАНИЕ

Песни народов гор и степей Кавказа. <i>Вступительная статья</i> <i>К. Кулиева и Н. Джусойты</i>	5
--	---

АБАЗИНСКИЕ ПЕСНИ

Переводы Н. Гребнева

* 1. Песня Минат, дочери Кянджа Кыны	45
* 2. Песня-плач несчастной Фариз	48
* 3. Песня о Рамазане Кужеве	49

АДЫГЕЙСКИЕ, КАБАРДИНСКИЕ, ЧЕРКЕССКИЕ ПЕСНИ

ГЕРОИЧЕСКИЕ И ВЕЛИЧАЛЬНЫЕ ПЕСНИ

4. Нартская песня. <i>Перевод Н. Гребнева</i>	53
5. Песни об Андемыркане. <i>Перевод С. Липкина</i>	53
6. Песня Нартуга. <i>Перевод С. Липкина</i>	58
7. Дамалей Широкие Плечи. <i>Перевод С. Липкина</i>	59
8. Кербеч. <i>Перевод Н. Гребнева</i>	60
9. Песня о Токе. <i>Перевод Н. Гребнева</i>	60
10. Начальник погоню пустил за мною. <i>Перевод Н. Гребнева</i>	61
11. Возле Царицына. <i>Перевод А. Шпирта</i>	62
12. Здравница партии. <i>Перевод А. Шпирта</i>	63
13. Фицá. <i>Перевод А. Шпирта</i>	63
14. Песня об Али Шогенцукове. <i>Перевод А. Шпирта</i>	64

ПЕСНИ-БЛАГОПОЖЕЛАНИЯ

15. Старинный хох. <i>Перевод Н. Гребнева</i>	65
16. Здравница в честь невестки. <i>Перевод Н. Гребнева</i>	71

Песни, отмеченные звездочкой, в данном переводе публикуются впервые.

17. Поднимем чаши. <i>Перевод А. Шпирта</i>	72
18. Здравница колхозу. <i>Перевод Р. Морана</i>	74

ПЕСНИ-ЖАЛОБЫ

Переводы Н. Гребнева

19. Песня чесальщиц шерсти	76
20. Песня крепостных	77
21. Купса	77
22. Крестьянский плач	79
23. Жалоба крестьянина	79
24. Жалоба лошади	80
25. Жалоба горской скрипки	81
26. Песня умирающего чабана	82
27. Батрацкая песня	83
28. Тюремная песня	84
29. Гонят нас в Стамбул	86
30. Услышьте жалобу мою. <i>Перевод А. Шпирта</i>	87

ЖЕНСКИЕ ПЕСНИ-ПЛАЧ

Переводы Н. Гребнева

31. Куда понесу тебя?	89
32. Песня Гошага	90
33. Плач разведенной жены	91
34. Плач вдовы	92
35. Плач Фатимат, выданной за старика	93
36. Песня Таужан	93

ШУТОЧНЫЕ ПЕСНИ

37. Хацаца-красавица. <i>Перевод С. Липкина</i>	95
---	----

Переводы Н. Гребнева

38. Песня мельницы	97
39. Песня об украденных калошах	98
40. Хатуевцы	99
41. Хапцев Али	99
42. Ленивая девушка	102
43. Шуточные куплеты	102
44. Лицо	103

ПЕСНИ-ИСТИНЫ

45. Сто истин. <i>Перевод Н. Гребнева</i>	104
---	-----

ПЕСНИ ЛЮБВИ

Переводы Н. Гребнева

46. Песня об Адиях	108
47. Малеч	109
48. Песня Накуры	110
49. Таукан	111
50. Пленница	113
51. Что ты, парень, будешь делать?	114
52. Хатау	115
53. Черные глаза	116

ДЕТСКИЕ ПЕСНИ

Переводы Н. Гребнева

54. Колыбельная	118
55. Песенка, с которой учат ходить	118
56. Мамин сынок	119
57. Кто стучится?	119
58. Где Шихим?	120
59. К вам гусыня приходила?	121
60. Ножка Бабины	121
61. Дождик, перестань	123
62. Песня дерева	124
63. Девочка пляшет	126
64. Киска	127
65. Теленок	127
66. Как ездят на коне	128
67. Мыши	129
68. Барсук	129
69. Заяц	130
70. Лиса	131
71. Удод	132

БАЛКАРО-КАРАЧАЕВСКИЕ ПЕСНИ

ТРУДОВЫЕ И ОХОТНИЧЬИ ПЕСНИ

Переводы Н. Гребнева

72. Песня сбивающих масло	135
73. Ой, эрирей	136
74. Песня Абсаты	137
75. Песня охотников	138
76. Песня матери охотника	139
77. Жаныбек	140
78. Пастух и Первое мая. Перевод Г. Регистана	141

ПЕСНИ О КРЕСТЬЯНСКОЙ ДОЛЕ

Переводы Н. Гребнева

79. Снег идет	143
80. «Отыскать бы для чарыков новых...»	143
81. «Таёт вечный снег, бывает...»	144
82. Ураза	144
83. Сирота я, сирота	145
84. Проклятье Азнору	145

ПЕСНИ-БЛАГОПОЖЕЛАНИЯ

85. Старинная здравица. <i>Перевод Н. Гребнева</i>	147
--	-----

ГЕРОИЧЕСКИЕ И ИСТОРИЧЕСКИЕ ПЕСНИ

Переводы Н. Гребнева

86. Песня о Хасане	151
87. Песня о Канамате	152
88. Песня о Бий-Негере	153
89. Песня про Атабия	154
90. Песня Бек-Болате	156
91. Гапалау	157
92. Песня солдат японской войны	158
93. Песня о солдатах, погибших на войне с турками	159
94. Песня освобождения	161
95. Партизанская песня	161

96. Бой в ущелье Сукан. <i>Перевод Г. Регистана</i>	162
97. Песня пяти горских парней. <i>Перевод Г. Регистана</i>	164

ШУТОЧНЫЕ ПЕСНИ

Переводы Н. Гребнева

98. «Ах, замерз я, ах, ах!...»	165
99. Чудной человек	165
100. Песня дважды женатого	166
101. Плохая жена	167
102. Мой мерин	167
103. Гылжа	168
104. Колбаса	169
105. Песня об Анаевых (<i>Хороводная</i>)	170

ПЕСНИ ЛЮБВИ

Переводы Н. Гребнева

106.	«По небу облака плывут, как стадо...»	172
107.	Таукан	173
108.	Песня об Абдул-Кериме	174
109.	Белая Батай, красивая Батай	176
110.	Песня красавицы Мелек	177
111.	Актамак	178
112.	Песня об Али	180
113.	Я душу ему подарила	181
114.	«Склон горы лесист и крут...»	182
115.	Айжаяк	183
116.	Песня о Мажире	184
117.	Пусть горы станут ниже	185
118.	Камни плачут	186
119.	Дай посмотреть	188
120.	Душа твоя	189
121.	Кулина	189
122.	Парень в папахе	190
123.	Аробщик	191
124.	Сколько звезд на небесах	192
125.	Тыходишь, не здороваясь	192
126.	Я жду тебя	193
127.	Девушки любят парней	194
128.	Вблизи Бийчесана гром громыкнул	195
129.	Песня о юноше Наныке	196

ДЕТСКИЕ ПЕСНИ

Переводы Н. Гребнева

130.	Колыбельная песня	198
131.	Песня колыбели	199
132.	Медведица	199
133.	«Ой, у речки луг велик...»	200
134.	Порвался мой бешмет	201
135.	Я поехал по дрова	201
136.	Песенка о журавлях	202
137.	Воробы	202
138.	Куры	203
139.	Адемей	203
140.	«Шел я, шел, шел, шел...»	204
141.	Песня мальчика	205
142.	Небылица	205
143.	Палочка	205
144.	Пропекайся, хлеб, скорее!	206
145.	Топ-топ	207
146.	Песенка про бычка	207
147.	Кто сильнее всего на свете	208
148.	Пусть горит огонь	209

ИНГУШСКИЕ ПЕСНИ

ТРУДОВЫЕ И ОБРЯДОВЫЕ ПЕСНИ

Переводы Н. Гребнева

149. Песня сева	213
150. Песня прядильщиц конопляных нитей	213
151. Песня охотников	213
152. Вызов дождя	214
153. Песня женщин, обращенная к Тушоли	214
154. Песня, обращенная к Мят-Селе	215
155. Величальная гостю	216
156. Свадебная песня	216
157. Песня свата	217
158. Песня о сестре, которую выдают замуж	217

ПЕСНИ УДАЛИ

Переводы Н. Гребнева

159. Песня о Мальсаге	219
160. Песня о Мочаке	219
161. Зелимхан	220
162. Альмирза	221
163. Хасан	222

ГЕРОИЧЕСКИЕ ПЕСНИ

164—166. Песни времен покорения Кавказа. <i>Перевод Н. Гребнева</i>	
1. «Милые сестры, садитесь рядом . . .»	223
2. «Лучше бы в Грузии сабель стальных . . .»	224
3. «Пусть будут джигиты как на подбор . . .»	224
167. Альбика и Жамарза Мадиевы. <i>Перевод Н. Гребнева</i>	225
168. Партизанская песня. <i>Перевод С. Поделкова</i>	234
169. Песня о Серго. <i>Перевод С. Липкина</i>	235

ПЕСНИ-ПЛАЧИ

Переводы Н. Гребнева

170. Плач матери	238
171. Плач сестры	238
172. Старинный плач о погибшем на чужбине	239

ПЕСНИ-ЖАЛОБЫ

Переводы Н. Гребнева

173. Песня каторжника	241
174. Как трудно тебе	241

175. Вы не злорадствуйте	242
176. Песня насильно выданной замуж	243

ШУТОЧНЫЕ ПЕСНИ

Переводы Н. Гребнева

177. Старая вдова	244
178. Сын Кагермана Мухтар	245
179. Кто эта девушка?	245

ПЕСНИ ЛЮБВИ

Переводы Н. Гребнева

180. Приветствие любимой	247
181. Песня девушки	247
182. Я-то люблю тебя	248
183. Я люблю тебя, удалец	248
184. Песня девушки о юном молодце	249
185. Сераж	250
186. Девушка и юноша	250
187. Как хороша весна	251
188. Зима надвигается	252
189. Песня о Солсе	252
190. Чуткое сердце	252
191. Песня о любимом	253
192. Скажите милому	254
193. Ты — моя жизнь	254
194. Передай, что я звала его	255
195. Весела ль игра?	255
196. Разве ты не выйдешь из ворот?	256
197. Песня любви	256
198. Песня о юноше	256
199. Выходи за меня. <i>Перевод С. Липкина</i>	257

КАЛМЫЦКИЕ ПЕСНИ

ТРУДОВЫЕ, ЗАСТОЛЬНЫЕ, ОБЯДОВЫЕ ПЕСНИ

Переводы Н. Гребнева

* 200. Песня косарей	261
* 201. Песня покоса	261
* 202. Застольная	262
* 203. Иноходью жеребцы лихие	262
* 204. Конь красивый	263
* 205. Свадебная песня	263

ИСТОРИЧЕСКИЕ, ВОИНСКИЕ И ГЕРОИЧЕСКИЕ ПЕСНИ

Переводы Н. Гребнева

* 206. Старинная воинская песня	265
* 207. Камыши вдали шуршат	265
* 208. Убуши-хан	266
* 209. Французы	267
210. Походная красноармейская. <i>Перевод А. Глобы</i>	267

ПЕСНИ-ЖАЛОБЫ

Переводы Н. Гребнева

* 211. Песня, пропетая матери	269
* 212. Мать	269
* 213. «По воде бреду я, сеть тяну...»	270
* 214. «Серолобый у ворот...»	270
* 215. Гуси-птицы	271
* 216. «Возле озера поет...»	271
* 217. «Над листвою ветвей густых-густых...»	272
* 218. Если выйти на бугор	272
* 219. «О том, что земля чужая тверда...»	273
* 220. Девичья коса	273
* 221. Как решились мать с отцом?	273
* 222. Тёгряшка	274
* 223. Песня сироты	274
* 224. «Там, в лесу, где высохла река...»	275
* 225. Что внутри ствола таится	275

ШУТОЧНЫЕ ПЕСНИ

Переводы Н. Гребнева

* 226. «Яблоко осенью полно, полно...»	277
* 227. Гнедой конь	277
* 228. Ялуха	278

ПЕСНИ ЛЮБВИ

Переводы Н. Гребнева

* 229. На замерзшем озере	280
* 230. «Цвел цветок прекрасный в дальней дали...»	280
* 231. «Свойство бури — гнуть стволы на склонах...»	280
* 232. Мой скакун гнедой	281
* 233. Маленького острова камыш	281
* 234. На крапчатом коне	282
* 235. Сосны	282
* 236. В мороз	283

* 237. Шелку подобная	283
* 238. Платок	284
* 239. Деляш	284
* 240. «Ой, буланый с белою звездой...»	285
* 241. Над привольем Волги	285
* 242. Ланковый бешмет	286
* 243. «Мне от неба воспаленного...»	286
* 244. Зурган	287
* 245. Кооку	287
* 246. Всё нет и нет...	288
* 247. Цаган	288
* 248. Булгун	289
* 249. «Ночью месяц в тучах затерялся...»	289
* 250. Воробьи	290
* 251. Хаалга	290
* 252. Возле берега	291
* 253. «Шелком всех цветов земных...»	291
* 254. «Каждый божий день я вижу милую...»	292
255. Тебе, милый друг. <i>Перевод Д. Бродского</i>	292

НОГАЙСКИЕ ПЕСНИ

ОБРЯДОВЫЕ ПЕСНИ И ПЛАЧИ

Переводы Н. Гребнева

* 256. Старинная здравица	295
* 257. Свадебная песня	297
* 258. Плач о бедняке	298

ГЕРОИЧЕСКИЕ И ВЕЛИЧАЛЬНЫЕ ПЕСНИ

Переводы Н. Гребнева

* 259. Тем и гордится	299
260. Песня Бий-Мамая	299
* 261. Ущелье, где ветер дует с высот	300
262. Аскар-гора	301
* 263. Песня о Хамурзе Кумукове	302

ПЕСНИ О ЖЕНСКОЙ ДОЛЕ

Переводы Н. Гребнева

* 264. Песня оставленной жены	303
* 265. Увяла я, несчастная	304
* 266. Песня молодой жены	305

ПЕСНИ ЛЮБВИ

Переводы П. Гребнева

* 267. Пара гусей	306
* 268. Алалай	306
* 269. Любовь табунщика	307
* 270. Песня о возлюбленном	307
* 271. Мой милый	308
* 272. Райме	309
* 273. Невеста из Ак-Бугака	309
* 274. Мой любимый	310
* 275. Расставание	311
* 276. Ответ девушки-невесты бедняку-джигиту	311
* 277. Ботагёз и Кельтайдар	312
* 278. Янсарай	313

КОЛЫБЕЛЬНЫЕ ПЕСНИ

* 279. Песня матери. <i>Перевод Н. Гребнева</i>	311
---	-----

ОСЕТИНСКИЕ ПЕСНИ

ТРУДОВЫЕ И ОХОТНИЧЬИ ПЕСНИ

Переводы Н. Гребнева

280. Онай	319
281. Песня женщин, изготавливающих бурки	320
282. Песня большой осени	321
283. Песня о черном пиве	322
284. Ой, зерно	323
285. Песня сбивающих масло	324
286. Песня об Афсати	324
287. Песня о Гуймане — сыне Уахатага	326
288. Колхозная. <i>Перевод С. Шервинского</i>	328

ОБРЯДОВЫЕ ПЕСНИ

Переводы Н. Гребнева

289. Басилта	330
290. Песня путников	330
291. Алаурди	331
292. Песня о том, как женился сын Татартупа Татаркан	332
293. Афсати и сын Комиа (<i>Свадебная</i>)	333
294. Свадебная песня	334
295. Алай (<i>Свадебная песня</i>)	334
296. Песня сватов	335

297. Песня дружек	336
298. Песня, которая поется матери невесты	337
299. Песня родичей (<i>Свадебная</i>)	337
300. Причитание	338
301. Плач по умершему	339
302. Посвящение коня умершему	340

ИСТОРИЧЕСКИЕ И ГЕРОИЧЕСКИЕ ПЕСНИ

Переводы Н. Гребнева

303. Задалесская мать	344
304. Песня о крымском войске	345
305. Иналди и Кудайнат из Ларса	346
306. Песня о куртатинцах	347
307. Хуха и Нарсау	348
308. Песня о Хамице Хамицаеве	351
309. Песня о Чермене	354

310. Песня об изгнании князей-баделят. <i>Перевод Б. Брика</i>	356
--	-----

Переводы Н. Гребнева

311. Песня о пастухе Черной горы	357
312. Песня о Таймуразе	358
313. Песня про Мисирби Карадзаути	360
314. Песня о Царае Дабалаеве	360
315. Песня об Алихане Цораеве	362
316. Песня о Ботазе	363
317. Песня о Тотрадзе Берозове	364
318. Песня про Сала Гаглоева	366
319. Песня о Саукудзе Бекузарове	366
320. Хасанá	367
321. Куцык	368
322. Песня про Гуймана Цалкосова	369
323. Песня переселившихся в Стамбул	371
324. Песня про Николая	372
325. Песня о Коста	372
326. Песня об Антоне	373
327. Песня о Карпатах	374
328. Боевая песня	375
329. Песня об Исаке	376
330. Песня про Хамица Корнаева и Садула Кодзасова	376

331. Клятва. <i>Перевод Б. Брика</i>	377
332. Песня об Иссе Плиеве. <i>Перевод В. Корчагина</i>	378
333. Песня о Тамаре Будтуевой. <i>Перевод В. Корчагина</i>	378
334. Песня об Энвере Ахсарове. <i>Перевод В. Корчагина</i>	379

ПЕСНИ ЛЮБВИ

Переводы Н. Гребнева

335. Песня о Дзандзирак	381
336. Плач Софы	382
337. Песня про Гадзи	382
338. Песня похищенной девушки	384
339. Плач Куцыковой жены	385
340. Песня о Гуассе	386
341. Парень и девушка	387
342. Песня парня и девушки	387
343. Песня о самой лучшей девушке	389
344. Тауче	390
345. «Как я начал на свадьбах гулять...»	391
346. К сырой земле орешник клонится	392
347. «Кто-то за лисицей гонится...»	393
348. Песня о моей милой	393
349. Что мне делать?	394
350. «Если б мне золототкач соткал...»	395

ЗАСТОЛЬНЫЕ, ПЛЯСОВЫЕ И ПУТОЧНЫЕ ПЕСНИ

Переводы Н. Гребнева

351. Песня, обращенная к Сатане	396
352. Выйди, хозяин	396
353. Счастливая семья	397
354. Песня чаши	398
355. Цола	399
356. Песня про Бутá	399
357. Если у тебя жена хорошая	400
358. Песня о старом муже	401
359. Симд	402
360. Чепéна	403

КОЛЫБЕЛЬНЫЕ И ДЕТСКИЕ ПЕСНИ

Переводы Н. Гребнева

361. Колыбельная	405
362. Жук	406
363. Ножки	407
364. Шапочка	408
365. Зуйла	408
366. Избалован мой сынок	409
367. Тарна́	409
368. Чугунок молока	410
369. Беллуй, биллуй	411
370. Солнце сирот	412
371. Солнце, покажись!	413

372. Песня купания	414
373. Чирик-чик-чик	414
374. Где гуляли?	415
375. Курица	416
376. Как твоих котят зовут?	416
377. «Луг у берега крутого...»	417
378. Птичка и козел	417

ЧЕЧЕНСКИЕ ПЕСНИ

ТРУДОВЫЕ ПЕСНИ

Переводы Н. Гребнева

379. Песня сбивающих масло	423
380. Песня вытаскивающих застрявшую арбу	423
381. «Если ты в поле не пел, если дело...»	423
382. Автуринцам. <i>Перевод С. Олендера</i>	424

ГЕРОИЧЕСКИЕ И ВЕЛИЧАЛЬНЫЕ ПЕСНИ

383. Ахмад Автуринский. <i>Перевод В. Гончарова</i>	427
384. Песня Шамиля. <i>Перевод Н. Гребнева</i>	432
385. Песня Хаджи-Мурата. <i>Перевод Н. Гребнева</i>	433
386. Песня о Гамзате. <i>Перевод Н. Тихонова</i>	434
387. Песня абрека. <i>Перевод Н. Гребнева</i>	436
388. Песня защитников родного аула. <i>Перевод Н. Гребнева</i>	437
389. Я сражался с врагами. <i>Перевод Н. Гребнева</i>	438
390. Песня времен борьбы вольных горцев с феодалами. <i>Перевод Н. Тихонова</i>	439
391. Плач о погибшем в бою с деникинцами. <i>Перевод С. Олендера</i>	441
392. Песня об Асланбеке. <i>Перевод С. Липкина</i>	442
393. Песня о Ленине. <i>Перевод Н. Асанова</i>	443
394. Величальная Ленину. <i>Перевод С. Поделкова</i>	444
395. Песня об Орджоникидзе. <i>Перевод С. Липкина</i>	446

ПЕСНИ-ЖАЛОБЫ

Переводы Н. Гребнева

396. «Если бы мир, где живем мы с тобою...»	448
397. Олени	448
398. «Волк завывает на склоне далеком тоскливо...»	449
399. «Ты лети скорее, птица малая...»	449
400. «Мне приносит вести небо синее...»	450
401. Шелестит ли трава...	451
402. «Пусть у отца и у матери сын не родится...»	451

403. Мать	452
404. «Под горою укроет могила меня...»	453
405. «Ты, горячая пуля, коварна и зла...»	453
406. «Ни на рассвете рано...»	454
407. Птица и девушка	454
408. «Голосит тоскливо птица желтая...»	455
409. Скажите, подруги!	456
410. «Пусть будет утро счастливым...»	456
411. «Толстый пояс расстегни, свекровь моя...»	457
412. Злая свекровь	457
413. Песня женщины, оставленной мужем	458

ПЕСНИ ЛЮБВИ

Переводы Н. Гребнева

414. Песня горянки	459
415. «Если белое платье мелькает вблизи родника...»	460
416. «Милый с милою, бывает...»	460
417. «Милый, что мы будем делать?...»	460
418. «Не кори меня сурово...»	461
419. «Как-то ветер, подувший с моря...»	461
420. «Мне говорят, чтоб сгорела дотла...»	462
421. Девичья песня	462
422. Ты у наших ворот не ходи	463
423. Тебя любя, плачу	463
424. Не разлучайте нас	464
425. Горе мне, мама	464
426. Как же нам расстаться?	465
427. Ты меня обманул	466
428. «Мне б в голубку-птицу превратиться...»	467
429. «Мне и зноем опаленный...»	467
430. Заветное слово	468
431. «Ой, голубь, ой, голубь мой белый...»	469
432. «Красят склон весною...»	470
433. Солнце взойдет — я гляжу в вышину.	470
434. «Почему ты не стыдишься...»	470
435. Сын вдовицы	471
436. «Никого другого не видя...»	471
437. «Утром жду я темной ночи...»	472
438. «Я не вижу, что ветер светел...»	473
439. «Если б сиротской была моя доля...»	474
440. «Не из края нашего...»	474
441. «Сами свивают гнездо свое птицы...»	475
442. «Ты — моя любовь, птенец мой милый...»	476
443. «Горе у меня, у молодой...»	476
444. «Говоришь ты, что пришел бы...»	477
445. «Мать меня к роднику не пускает...»	477
446. «Солнце, говорят, восходит...»	478
447. «Ночью будешь ты идти ко мне...»	478
448. Скажите	479
449. «У тебя жена седая...»	480

450. «Матушка милая, сжался, родная...»	480
451. «Там, на дворе у соседей, залаяли...»	481
452. «В час, когда взойдет звезда рассветная...»	481
453. Ты идешь к ручью	482
454. Альбика	483
455. «Сколько слез пролила я...»	484
456. «Ноги к нему идти не хотят...»	484
457. «В доме где-нибудь забьюсь я...»	485
458. «Мне сказали: горы высоки...»	485
459. За то, что ты будешь в шинели. <i>Перевод С. Липкина</i>	486
460. Юный Али. <i>Перевод С. Липкина</i>	487

ДЕТСКИЕ ПЕСНИ

Переводы Н. Гребнева

461. Песенка о пчеле	489
462. Черный жук	489
463. Волки	490
Примечания	493

ПЕСНИ НАРОДОВ
СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

Л. О. изд-ва «Советский писатель» 1976 г. 560 стр. План выпуска 1976 г. № 368
Редактор *Л. С. Гейро*. Художник *И. С. Серов*. Худож. редактор *А. Ф. Третьякова*.
Техн. редактор *М. А. Ульянова*. Корректоры *Е. Д. Довлатова* и *Е. А. Омеляненко*.
Сдано в набор 6/V 1976 г. Подписано к печати 5/VIII 1976 г. М 19187. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага тип. № 1. Печ. л. 17¹/₂ (29,4). Уч.-изд. л. 25,22. Тираж 25 000 экз. Заказ № 599. Цена 1 р. 03 к. Изд-во «Советский писатель» Ленинградское отделение. Ленинград, Невский пр., 28. Ордена Трудового Красного Знамени Ленинградская типография № 5 Союзполиграфпрома при Государственном комитете Совета Министров СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Ленинград, Центр, Красная ул., 1/3.